

Валентинъ Булгаковъ

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА

Систематическіе очерки міровоззрѣнія

Л. Н. ТОЛСТОГО

Съ письмомъ Л. Н. ТОЛСТОГО

МОСКВА

Издание Издательской Комиссии Москов. Совета Солдат. Депутатовъ

1917

Валентинъ Булгаковъ

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА

Систематическіе очерки міровоззрѣнія

Л. Н. ТОЛСТОГО

Съ письмомъ Л. Н. ТОЛСТОГО

МОСКВА

Издание Издательской Комиссии Москов. Совета Солдат. Депутатовъ

1917

ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО

къ издателю книги В. Θ. Булгакова „Христіанская Этика“:

Милостивый Государь!

Исполняя желаніе автора сочиненія „Христіанская Этика“ (Систематическіе очерки міровоззрѣнія Л. Н. Толстого) В. Θ. Булгакова, уведомляю Васъ, что сочиненіе это мною внимательно прочитано и что я нашелъ въ немъ вѣрное и очень хорошо переданное изложеніе моего религіознаго міросозерцанія.

ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

Ясная Поляна, 27 марта 1910 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

VII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I. **Вопросъ жизни.** Что такое жизнь? Необходимость смерти и невозможность блага животной личности. Въ чемъ смыслъ жизни? Отвѣтъ опытнаго и умозрительнаго знанія. Жизненный опытъ челоѣчества. Ошибка разумнаго сознанія и значеніе релігіознаго отвѣта . . .

Страница.

1

Глава II. **Необходимость релігіи.** Возраженія противъ необходимости релігіи и ихъ несостоятельность. Множественность церковныхъ вѣроученій и единая релігія. Три основныхъ жизнепониманія: первобытное—личное, языческое—общественное и христіанское—божеское. Релігія и философія.

15

Глава III. **Основное противорѣчіе жизни и его разрѣшеніе.** Раздвоеніе сознанія въ людяхъ нашего міра. Рожденіе истинной жизни въ челоѣкѣ. Основа познанія. Подчиненіе блага животной личности закону разумнѣнія. Любовь—единая и полная дѣятельность истинной жизни. Богъ. Высшая Воля. . .

25

Глава IV. **Самосовершенствованіе.** Царство Божіе внутри и внѣ насъ. Существенныя свойства и значеніе самосовершенствованія. Грѣхи. Соблазны. Суевѣрія. Усилія воздержанія. Самоотреченіе. смиреніе, правдивость. Молитва

43

Глава V. **Непротивленіе злу насиліемъ.** Заповѣди мира, данныя Христомъ. Главная причина отсталости челоѣчества на пути нравственнаго усовершенствованія. Сущность ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Пассивное сопротивленіе. Къ вопросу о свободѣ воли . . .

74

Глава VI. **Значеніе истинной жизни.** Высшее благо. Непригодно уничтожимая основа жизни: особенное отношеніе къ міру, каждаго существа. Жизнь вѣчная. „Что будетъ послѣ смерти?“ О страдающихъ

88

Ч А С Т Ь   В Т О Р А Я .

Глава I. **Церковь.** Обманы вѣры. Способы ихъ распространенія и внушенія. *Credo quia absurdum.* Отношеніе церкви къ жизненнымъ вопросамъ. Божественно-ли происхожденіе церкви? Понятіе о ереси. Освобожденіе отъ обмановъ вѣры 101

Глава II. **Государство.** Право и значеніе его, какъ основы государства. Что такое правительство? Насиліе власти. Средства порабощенія людей правительствами. Государство и милитаризмъ. О вѣдшихъ государственныхъ переворотахъ. Истинные двигатели человеческого прогресса. Общественное устройство въ будущемъ. 126

Глава III. **Трудъ и собственность.** Противорѣчіе современныхъ экономическихъ отношеній и корень его—собственность. Городъ и деревня. О благотворительности. Деньги, какъ средство порабощенія. Раздѣленіе труда. Физическій трудъ. Единственное возможное рѣшеніе земельного вопроса 153

Глава IV. **Семья.** Объ отношеніяхъ между полами. Бракъ. Семья. Нравственное воспитаніе дѣтей. Вопросъ женской эмансипаціи и его ошибка. . 178

Глава V. **Наука.** Роль науки въ современномъ мірѣ. Успѣхи техники и другихъ прикладныхъ знаній и ложно приписываемое имъ значеніе. О признакахъ и задачахъ истинной науки. Необходимыя условія истинной научной дѣятельности. Религіозная основа образованія. Свободная школа 193

Глава VI. **Искусство.** Несостоятельность понятія объ искусствѣ, какъ проявленіи красоты. Опредѣленіе искусства. Причины, обусловившія установленіе ложнаго взгляда на искусство. Современное искусство. Вредныя послѣдствія ложнаго искусства. Искусство будущаго .

Сочиненія Л. Н. Толстого, имѣвшіяся въ виду авторомъ при составленіи книги. 230

Опечатки 236

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Можно безъ преувеличенія сказать, что едва-ли въ наше время найдется человѣкъ, грамотный и хоть сколько-нибудь интересующійся духовными запросами, который бы ничего не слышалъ о религіозно-общественномъ ученіи Л. Н. Толстого и не имѣлъ бы даже смутнаго представленія объ основахъ этого ученія. Каковы бы ни были причины этого факта — популярность-ли Толстого какъ романиста или общій непосредственный интересъ къ его религіозно-общественнымъ взглядамъ — онъ несомнѣненъ. Однако, на ряду съ нимъ существуетъ и другой фактъ: ученіе Толстого, въ его истинной сущности, понимается сравнительно очень немногими; въ большинствѣ же случаевъ оно невообразимо искажается и извращается въ понятіяхъ людей. Общеприняты сужденія о томъ, что Толстой отрицаетъ науку, искусство, культуру вообще, отрицаетъ бракъ, семью, отрицаетъ Бога, Христа, религію; что Толстой проповѣдуетъ возвращеніе къ первобытному состоянію людей, къ первобытнымъ условіямъ труда; присяжные философы говорятъ еще, что у Толстого нѣтъ теоріи познанія, или что ученіе его исключительно этическое, не имѣющее метафизическихъ основъ и т. д. И особенно грустно то, что всѣ эти и подобныя имъ заблужденія находятъ мѣсто не только въ головахъ простодушныхъ, невѣжественныхъ и живущихъ въ подчиненіи чужому авторитету людей, но и въ критикѣ и даже въ такъ называемой „серьезной“ критикѣ людей ученыхъ и мыслящихъ.

Такое незнаніе Толстого, какъ религіознаго мыслителя, и вытекающее изъ незнанія непониманіе зависятъ отъ разныхъ причинъ.

Прежде всего здѣсь приходится отмѣтить препятствія къ печатанію и распространенію религіозно-общественныхъ сочиненій Толстого со стороны официальной правительственной цензуры, — главнымъ образомъ, конечно, въ Россіи, но иногда и въ другихъ странахъ.

Затѣмъ, читатель, особенно интеллигентный, привыкъ знакомиться съ философскимъ или религіознымъ направленіемъ изъ такого

источника, въ которомъ бы полностью выражалось это направленіе въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и въ главнѣйшихъ основаніяхъ,—короче, привыкъ знакомиться со всякимъ умозрительнымъ теченіемъ изъ его системы, т. е. полного и стройнаго изложенія его. Между тѣмъ, по свойственной ему манерѣ выраженія результатовъ своей духовной дѣятельности, Л. Н. Толстой не далъ однажды систематическаго изложенія выработаннаго имъ міросозерцанія, а представилъ это міросозерцаніе въ длинномъ рядѣ выпедшихъ въ теченіе большого промежутка времени сочиненій по отдѣльнымъ вопросамъ: о религіи вообще („Что такое религія“, „Религія и нравственность“), о христіанствѣ („Изслѣдованіе Евангелія“), отвлеченно-философскаго характера („О жизни“), о церкви („Критика догматическаго богословія“, „Обращеніе къ духовенству“), о государствѣ („Царство Божіе внутри васъ“, „Конецъ вѣка“, „Единое на потребу“, „Патріотизмъ и правительство“, „Христіанство и патріотизмъ“), о непротивленіи злу зломъ („Въ чемъ моя вѣра“, „Не убій“, „Законъ насилія и законъ любви“, „Единая заповѣдь“, „Неизбѣжный переворотъ“), о землѣ („Великій грѣхъ“, „Единственное возможное рѣшеніе земельного вопроса“), о собственности вообще и о деньгахъ („Такъ что же намъ дѣлать“, „Рабство нашего времени“), объ искусствѣ („Что такое искусство“, „О Шекспирѣ и о драмѣ“), о наукѣ („О ложной наукѣ“), объ образованіи (4-й т. „Собранія сочиненій“), о самосовершенствованіи („Христіанское ученіе“), о половомъ вопросѣ („Послѣсловіе къ Крейцеровой Сонатѣ“, „Мысли о половомъ вопросѣ“), о вегетаріанствѣ и воздержаніи („Первая ступень“, „Праздникъ просвѣщенія“, „Богу или мамой“, „Для чего люди одурманиваются“) и пр. *).

Число всѣхъ трактатовъ и статей Толстого, посвященныхъ религіознымъ и общественнымъ вопросамъ, простирается далеко за сотню, при чемъ многіе изъ нихъ весьма значительны по объему. Само собой разумѣется, что добросовѣстное ознакомленіе съ такимъ обширнымъ матеріаломъ требуетъ особенныхъ любви и интереса, не говоря уже о значительномъ количествѣ времени и труда, которое необходимо для этого потратить. Между тѣмъ не всѣ и не всегда могутъ это сдѣлать.

Къ тому же, впервые сталкивающейся со Л. Толстымъ чита-

*) Только въ 1910 г. Л. Н. Толстой составилъ сборникъ мыслей подъ названіемъ „Путь жизни“, касающійся въ популярномъ и систематическомъ изложеніи почти всѣхъ вопросовъ жизни, занимавшихъ великаго писателя. Книга эта составлялась на моихъ глазахъ. Толстой предназначалъ ее для простаго читателя изъ народа и очень цѣнилъ ее. Я горячо рекомендую „Путь жизни“ читателямъ. В. Б.

тель долженъ недоумѣвать, съ чего именно ему нужно начать чтеніе, — въ какой послѣдовательности расположить всѣ многочисленные работы Толстого такъ, чтобы сдѣлать чтеніе систематичнѣе и пониманіе прочитаннаго отчетливѣе.

Кромѣ того, нельзя упускать изъ виду, что въ теченіе всего долгаго періода философской дѣятельности Л. Н. Толстого, мысль его, непрестанно развиваясь и эволюционируя, зачастую приводила его къ отрѣшенію отъ прежнихъ, пережитыхъ взглядовъ и къ установленію новаго, всегда болѣе высокаго міровоззрѣнія, пока, наконецъ, къ концу жизни Льва Николаевича, основы его взглядовъ опредѣлились и отлились въ болѣе или менѣе законченныя формы.

Между тѣмъ, иногда критики брали Толстого въ серединѣ процесса его духовной работы надъ установленіемъ отношенія къ міру и жизни, вслѣдствіе чего ихъ точка зрѣнія на значеніе мыслителя оказывалась ошибочной. Къ числу такихъ критиковъ относится, на примѣръ, Н. К. Михайловскій, который въ своей, получившей популярность, статьѣ „Десница и шуйца Л. Толстого“ судить о Толстомъ лишь по его педагогическимъ статьямъ въ 4-мъ т. „Собранія сочиненій“, и тѣ неясности и противорѣчія, которыя объясняются не вполне опредѣлившимся еще общимъ міровоззрѣніемъ автора, приписываетъ — очень элементарно и наивно — условіямъ его происхожденія, обстановки личной жизни и т. д. Теперь статья Михайловскаго не можетъ не быть признана устарѣвшей. Ту же ошибку повторяютъ критики (какъ Л. Шестовъ, Мережковскій и др.), которые о религіи Толстого судятъ преимущественно по его художественнымъ произведеніямъ, написаннымъ много раньше, чѣмъ сложилось окончательно религіозное міровоззрѣніе ихъ автора. Съ сочиненіями же Толстого философскаго характера эти критики обнаруживаютъ обыкновенно крайне посредственное знакомство.

Настоящая работа имѣетъ цѣлью дать *систематическое изложеніе религіозно-общественнаго міровоззрѣнія Л. Н. Толстого въ томъ видѣ, какъ оно сложилось у него окончательно*. Для автора этой работы казалась очевидной ея необходимость, такъ же какъ ея благодарность; ибо все ученіе Л. Н. Толстого представлялось и представляется ему необычайно стройнымъ и послѣдовательнымъ.

Въ рѣшеніи приступить къ составленію подобнаго изложенія его поддерживала мысль, что такого изложенія пока не существовало. Прекрасная, хотя и не полная, брошюра Кросби „Толстой и его жизненіе“ еще не была издана „Посредникомъ“. Изло-

женіе анархическихъ взглядовъ Толстого въ известной книгѣ Эльцбахера, при своей точности, страдаетъ огромнымъ недостаткомъ, именно: излагаетъ политическіе взгляды Толстого внѣ зависимости отъ его религіозныхъ взглядовъ. Между тѣмъ, Толстой является прежде всего религіознымъ писателемъ, а никакъ не политическимъ.

Долженъ оговориться, что работа моя отнюдь не представляетъ популяризаціи взглядовъ Толстого. Быть можетъ, такое популярное изложеніе его міросозерцанія и очень нужно (хотя сочиненія Толстого, по своей формѣ, какъ, мнѣ кажется, вполнѣ или почти вполнѣ доступны пониманію рѣшительно всякаго человѣка); но въ данной работѣ я отнюдь не стремился дать такого изложенія. Моя работа имѣетъ въ виду скорѣе интеллигентнаго читателя и представляетъ не популяризацію, а именно систематизацію міровоззрѣнія Л. Н. Толстого. Въ этомъ отчасти и ея оправданіе, такъ какъ вообще-то всякія „изложенія“ ученій не могутъ быть терпимы: философъ или религіозный мыслитель должны изучаться въ подлинникѣ.

Я постарался избѣжать также главнаго недостатка, свойственнаго большинству „изложеній“ — перетолкованія излагаемаго. По большей части, для изложенія я просто пользовался текстами изъ сочиненій самого Толстого, лишь подбирая и располагая ихъ въ определенной и связанной послѣдовательности, какъ этого требовалъ выработанный мною планъ работы.

Въ самомъ характерѣ изложенія я стремился достигнуть простоты, ясности и послѣдовательности, а также живости, стремясь избѣгнуть излишней сухости и схематичности, какія отличаютъ, напримѣръ, книгу Эльцбахера. Беллетристическими произведеніями Толстого для своей работы я, однако, не пользовался, хотя для меня вполнѣ очевидна ихъ связь съ его религіозно-философскими сочиненіями.

Не могу не упомянуть здѣсь съ благоговѣйной благодарностью о томъ дорогомъ вниманіи и помощи, которыя оказалъ мнѣ Л. Н. Толстой во время работы надъ этимъ сочиненіемъ и послѣ его написанія. Я уже кончалъ работу, какъ встрѣтился съ затрудненіемъ. Излагая взгляды Льва Николаевича на образованіе, я въ его педагогическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ т. „Собранія сочиненій“, не могъ не усмотрѣть нѣкоторыхъ очень важныхъ несогласованій съ его позднѣйшими взглядами на науку и на задачи и программу образованія. Съ другой стороны, новѣйшія статьи Толстого по вопросамъ воспитанія и образованія были очень невелики по объему и немногочисленны, такъ что не давали даже достаточно ма-

теріала для точнаго выясненія взглядовъ Толстого на эти предметы (статья „О ложной наукѣ“ не была еще написана). Чтобы пріобрѣсть твердый опорный пунктъ для сужденія о взглядахъ Толстого по этому вопросу, я и обратился къ нему съ своимъ недоумѣніемъ. Левъ Николаевичъ прислалъ сначала доброе письмо съ выраженіемъ желанія помочь мнѣ въ моей работѣ, а затѣмъ написанную вновь, въ формѣ письма же, статью объ образованіи (см. „Полное собр. соч. Л. Н. Толстого“, подъ ред. Бирюкова, изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1912, М., т. 4), которая и оказала мнѣ существенную помощь. По окончаніи же мною настоящей работы, Левъ Николаевичъ просмотрѣлъ ее очень тщательно и сдѣлалъ рядъ драгоцѣнныхъ указаній, которыми я воспользовался для исправленія текста.

Въ концѣ книги приведенъ списокъ тѣхъ сочиненій Толстого, которыя я имѣлъ въ виду при составленіи этой книги. Въ спискѣ упомянуты именно тѣ изданія, на страницы которыхъ я дѣлаю свои ссылки.

Конечно, только полное ознакомленіе со всѣми этими сочиненіями дастъ читателю возможность совершеннаго проникновенія въ міръ идей Толстого, во всей его ширинѣ и глубинѣ.

Что касается литературы о Толстомъ, какъ о религіозномъ мыслителѣ, то изъ всего ея количества, довольно значительнаго, я не могъ бы рекомендовать ничего, кромѣ прекрасныхъ, глубокихъ статей Н. Н. Страхова „Толки о Толстомъ“ въ 9 и 11 книгахъ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“. Выдѣляется своимъ серьезнымъ тономъ книга Н. И. Тимковскаго „Душа Л. Н. Толстого“ (М., Кн-во Писателей, 1913). Другія извѣстныя мнѣ критическія сочиненія о религіозномъ міровоззрѣніи Л. Н. Толстого по большей части очень неудовлетворительны (независимо отъ вопроса объ ихъ положительномъ или отрицательномъ отношеніи ко взглядамъ Толстого). Объ этомъ мнѣ, быть можетъ, удастся говорить подробнѣе въ другой разъ.

Вал. Булаковъ.

Телятенки, 30 марта 1910 г.
Москва, 1 апрѣля 1917 г.

Часть первая.

ГЛАВА I.

Вопросъ жизни.

Что такое жизнь? Неизбѣжность смерти и невозможность блага животной личности. Въ чемъ смыслъ жизни? Ответъ опытнаго и умозрительнаго знанія. Жизненный опытъ чело-вѣчества. Ошибка разумнаго сознанія и значеніе религіоз-наго ответа.

1.

Вступая въ жизнь, каждый челоѡкъ руководится сначала тѣми правилами и міровозрѣніемъ, которыя свойственны близкимъ къ нему, окружающимъ его, людямъ. Онъ не можетъ жить, не имѣя извѣстнаго представленія о смыслѣ своей жизни, и всегда, хотя часто и безсознательно, соображаетъ свою дѣятельность съ этимъ придаваемымъ имъ своей жизни смысломъ. Но, переходя въ новый возрастъ, челоѡкъ неизбежно измѣняетъ свое пониманіе жизни, и взрослый видитъ смыслъ ея въ иномъ, чѣмъ ребенокъ ¹⁾. Вѣроученіе, принятое по довѣрію и поддерживаемое внѣшнимъ давленіемъ, понемногу таетъ подъ вліяніемъ знаній и опытовъ жизни, и челоѡкъ очень часто долго живетъ, воображая, что въ немъ цѣло то вѣроученіе, которое сообщено было ему съ дѣтства, тогда какъ его давно уже нѣтъ и слѣда. ²⁾ Въ этотъ моментъ иногда достаточно бываетъ одного случайнаго слова, чтобы оно было по отношенію къ прежней вѣрѣ какъ толчекъ пальцемъ въ стѣну, которая готова была упасть отъ собственной тяжести. ³⁾

Такъ было и бываетъ съ огромнымъ большинствомъ людей. Приходитъ время, когда разумное сознаніе перерастаетъ ложныя

1) „Мысли о новомъ жизнепониманіи“, с. 143.

2) „Исповѣдь“, с. 2.

3) Ib., с. 3.

ученія, и человекъ останавливается посреди жизни и требуетъ объясненія. ¹⁾ Онъ ищетъ истиннаго смысла жизни и въ душѣ его возникаетъ вопросъ: „Что такое вообще жизнь?“

Съ древнѣйшихъ временъ извѣстны разсужденія о томъ, отъ чего происходитъ жизнь: отъ невещественнаго начала или отъ различныхъ комбинацій матеріи? И разсужденія эти продолжаютъ до сихъ поръ, такъ что не предвидится имъ никакаго конца, именно потому, что цѣль всѣхъ разсужденій оставлена, и разсуждается о жизни независимо отъ ея цѣли; подъ словомъ „жизнь“ разумѣютъ ужь не жизнь, а то, отъ чего она происходитъ, или то, что ей сопутствуетъ. Теперь не только въ научныхъ книжкахъ, но и въ разговорахъ, говоря о жизни, говорятъ не о той, которую мы всѣ знаемъ, — о жизни, сознаваемой мною тѣми страданіями, которыхъ я боюсь и которыхъ ненавижу, и тѣми наслажденіями и радостями, которыхъ я желаю, — а о чемъ-то такомъ, что, можетъ быть, возникло изъ игры случайности по нѣкоторымъ физическимъ законамъ, а можетъ быть и отъ того, что имѣетъ въ себѣ таинственную причину. Теперь слово „жизнь“ приписывается чему-то спорному, не имѣющему въ себѣ главныхъ признаковъ жизни: сознанія страданій и наслажденій, *стремленія къ благу*. ²⁾

Говорятъ:

Жизнь есть сумма функций, которыя противодѣйствуютъ смерти. Жизнь есть сумма явленій, которыя смѣняются въ организмѣ въ теченіе ограниченнаго времени. Жизнь есть двойной процессъ разложенія и соединенія, общаго и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывнаго. Жизнь есть извѣстное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, совершающихся послѣдовательно. Жизнь есть организмъ въ дѣйствіи. Жизнь есть особенная дѣятельность органическаго вещества. Жизнь есть приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ.

Не говоря о неточностяхъ, тавтологіяхъ, которыми наполнены всѣ эти опредѣленія, сущность ихъ всѣхъ одинакова, именно — опредѣляется не то, что всѣ люди одинаково безспорно разумѣютъ подъ словомъ „жизнь“, а какіе-то процессы, сопутствующіе жизни и ея явленіемъ. Слово „жизнь“ очень коротко и очень ясно, и вслѣдъ понимаетъ, что оно значитъ. Но именно потому, что всѣ понимаютъ, что оно значитъ, мы и обязаны употреблять его всегда въ этомъ понятномъ всѣмъ значеніи. ³⁾ Мы говоримъ жизнь, потому что подъ этимъ словомъ разумѣемъ не какой-то *x*,

¹⁾ „О жизни“, с. 30.

²⁾ *Ib.*, с.с. 4—5.

³⁾ *Ib.*, с. 5.

а вспомнѣ опредѣленную величину, которую мы знаемъ всѣ одинаково и знаемъ только изъ самихъ себя, какъ сознаніе себя съ своимъ тѣломъ единымъ, нераздѣльнымъ цѣлымъ, и потому такое понятіе неотнормо къ тѣмъ клѣточкамъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло. 1) Въ самомъ дѣлѣ, жизнь, которую я не могу себѣ представить иначе, какъ стремленіемъ отъ зла къ благу, происходятъ въ той области, гдѣ я не могу видѣть ни блага, ни зла. Очевидно, что центръ понятія жизни переставленъ совсѣмъ 2).

Между тѣмъ, сознательное размысленіе говоритъ намъ, что живетъ всякій человекъ только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствуетъ человекъ желанія себѣ блага, — онъ и не чувствуетъ себя живущимъ. Человекъ не можетъ себѣ представить жизни безъ желанія себѣ блага. Жить, для каждаго человека—все равно, что желать и достигать блага; желать и достигать блага—все равно, что жить 3).

Жизнь есть стремленіе къ благу, сопровождающееся чувствомъ удовольствія или страданія.

2.

Жизнь чувствуетъ человекъ только въ своей личности, и потому сначала ему представляется, что благо котораго онъ желаетъ, есть благо только его личности. Ему кажется сначала, что живетъ, истинно живетъ только онъ одинъ. Жизнь другихъ существъ представляется человеку совсѣмъ не такою, какъ его, — она представляется ему только подобіемъ жизни. Онъ лишь изъ наблюдений узнаетъ, что другія существа живутъ; про ихъ жизнь человекъ знаетъ, когда хочетъ думать о нихъ, но про себя онъ знаетъ, ни на секунду не можетъ перестать знать, что онъ живетъ, и потому настоящею жизнью представляется каждому человеку только своя жизнь. Жизнь другихъ существъ, окружающихъ человека, представляется ему только однимъ изъ условий его существованія. Если онъ не желаетъ зла другимъ, то только потому, что видъ чужого страданія нарушаетъ его благо. Если онъ желаетъ добра другимъ, то совсѣмъ не такъ, какъ себѣ, — не для того, чтобы было хорошо тому, кому онъ желаетъ добра, а только для того, чтобы благо другихъ существъ увеличивало благо его жизни. Важно и нужно человеку только благо въ той жизни, которую онъ чувствуетъ своею, т. е. свое благо.

---

1) *ib.*, с. 7.

2) *ib.*, с. 8.

3) *ib.*, с. 14.

И вотъ, стремясь къ достиженію этого своего блага, человѣкъ замѣчаетъ, что оно зависитъ отъ другихъ существъ, такъ какъ всѣ ни—и люди, и даже животныя—имѣютъ точно такое же представленіе о жизни, какъ и онъ. Каждое изъ нихъ чувствуетъ только свою жизнь и свое благо, считаетъ только свою жизнь важною и астоящею, а жизнь всѣхъ другихъ существъ только средствомъ для своего блага. Человѣкъ видитъ, что каждое изъ живыхъ существъ точно такъ же, какъ и онъ, должно быть готово, для своего маленькаго блага, лишиться большаго блага и даже жизни всѣхъ другихъ существа, а въ томъ числѣ и его, такъ разсуждающаго человѣка, того; для котораго одного и существуетъ жизнь. И, понимая это, человѣкъ видитъ, что его личное благо, въ которомъ одиоу онъ понимаетъ жизнь, не только не можетъ быть легко приоб- рѣтено имъ, но навѣрное будетъ отнято отъ него. Чѣмъ дальше онъ живетъ, тѣмъ больше разсужденіе это подтверждается опытомъ.

Но мало того: если даже человѣкъ и поставленъ въ такія выгодныя условія, что онъ можетъ успѣшно бороться съ другими личностями, не боясь за свою,—очень скоро и разумъ, и опытъ показываютъ ему, что даже тѣ подобія блага, которыя онъ урываютъ изъ жизни, въ видѣ наслажденій личности,—не блага, а какъ будто только образчики блага, данныя ему только для того, чтобы онъ еще живѣе чувствовалъ страданія, всегда связанныя съ наслажденіями. Чѣмъ дольше живетъ человѣкъ, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что наслажденій становится все меньше и меньше, а скуки, пресыщенія, трудовъ, страданій все больше и больше. Но мало и этого: начиная испытывать ослабленіе силъ и болѣзни и глядя на болѣзни и старость, смерть другихъ людей, онъ замѣчаетъ еще и то, что и самое его существованіе, въ которомъ одномъ онъ чувствуетъ настоящую полную жизнь, каждымъ часомъ, каждымъ движеніемъ приближается къ ослабленію, старости, смерти; что жизнь его, кромѣ того, что она подвержена тысячамъ случайностей уничтоженія отъ другихъ борющихся съ нимъ существъ и все увеличивающимся страданіемъ, по самому свойству своему есть только неперестающее приближеніе къ смерти,—къ тому состоянію, въ которомъ вмѣстѣ съ жизнью личности навѣрное уничтожится всякая возможность какаго бы то ни было блага личности. Человѣкъ видитъ, что онъ, его личность, то, въ чемъ одномъ онъ чувствуетъ жизнь, только и дѣлаетъ, что борется съ тѣмъ, съ чѣмъ нельзя бороться,—со всѣмъ міромъ; что онъ ищетъ наслажденій, которыя даютъ только подобія блага и всегда кончаются страданіями, и хочетъ удержать жизнь, которую нельзя удержать. То, что для него важнѣе всего и что одно нужно ему, что—ему кажется—

одно живеть по-настоящему, его личность, то гибнетъ, то будетъ кости, черви—не онъ; а то, что для него не нужно, не важно, что онъ не чувствуетъ живущимъ, весь тотъ мѣръ борющихся и смѣняющихся существъ, то и есть настоящая жизнь, то останется и будетъ жить вѣчно. Такъ что та единственно чувствуемая человѣкомъ жизнь, для которой происходитъ вся его дѣятельность, оказывается чѣмъ-то обманчивымъ и невозможнымъ, а жизнь внѣ его, не любимая, не чувствуемая имъ, неизвѣстная ему, и есть единая настоящая жизнь.

И это не то-что такъ представляется человѣку въ дурныя минуты его унылаго настроенія, это не представленіе, котораго можно не имѣть, а, напротивъ, такая очевидная, несомнѣнная истина, что если мысль о ней сама хоть разъ придетъ человѣку въ голову или другіе хоть разъ растолкуютъ ему ее, то онъ никогда уже не отдѣлается отъ нея, ничѣмъ не выжжетъ ее изъ своего сознанія ¹⁾.

3.

Человѣкъ обладаетъ разумомъ и ищетъ разумнаго объясненія явленій жизни ²⁾. Правильное теченіе его внѣшней и внутренней жизни все чаще и чаще начинаетъ нарушаться минутами какъ бы недоумѣнія, выражающагося все въ однихъ и тѣхъ же вопросахъ: „зачѣмъ? ну, а потомъ?“

Вопросы эти сперва кажутся даже неумѣстными, человѣкъ долго отгоняетъ ихъ отъ себя: ему кажется, что все это извѣстно и что если только онъ захочетъ заняться ихъ рѣшеніемъ, это будетъ для него совершенно не трудно, и эти глушыя, простые дѣтскіе вопросы разрѣшатся сами собой. Но все чаще и чаще повторяются вопросы, все настоятельнѣе и настоятельнѣе требуютъ они отвѣтовъ, а какъ только человѣкъ тронетъ и попытается разрѣшить ихъ, онъ тотчасъ же убѣдится, во-первыхъ, въ томъ, что то не дѣтскіе и глупыя вопросы, а самые важные и глубокие вопросы въ жизни, и, во-вторыхъ, въ томъ, что онъ не можетъ и не можетъ, сколько бы онъ ни думалъ, разрѣшить ихъ.

Вопросы не ждутъ, надо сейчасъ отвѣтить; если не отвѣтишь, нельзя жить. А отвѣта нѣтъ. И человѣкъ чувствуетъ, что то, на чемъ онъ стоялъ, подмолилось, что ему стоять не на чемъ, что того, чѣмъ онъ жилъ, уже нѣтъ, что ему нечѣмъ жить. Жизнь его останавливается. Онъ можетъ дышать, ѣсть, пить и не можетъ не

1) *Иб.*, с. с. 14—17.

2) „Христіанское ученіе“, с. 11.

дышать, не ѣсть, не пить, не спать; но жизни нѣтъ, потому что нѣтъ такихъ желаній, удовлетвореніе которыхъ онъ находилъ бы разумнымъ. Если онъ желаетъ чего-нибудь, то впередъ знаетъ, что удовлетворитъ онъ или не удовлетворитъ свое желаніе, изъ этого ничего не выйдетъ. Онъ не можетъ даже желать узнать истину, потому что догадывается, въ чемъ она состоитъ: истина та, что жизнь есть бессмыслица ¹⁾).

Давно уже рассказана восточная басня про путника, застигнутого въ степи разъяреннымъ звѣремъ. Спасаясь отъ звѣря, путникъ вскакиваетъ въ безводный колодезь, но на днѣ колодца видитъ дракона, разинувшаго пасть, чтобы пожрать его. И несчастный, не смѣя вылѣзть, чтобы не погибнуть отъ разъяренного звѣря, не смѣя и спрыгнуть на дно колодца, чтобы не быть пожранымъ дракономъ, ухватывается за вѣтви растущаго въ расщелинѣ колодца дикаго куста и держится на немъ. Руки его ослабѣваютъ, и онъ чувствуетъ, что скоро долженъ будетъ отдаться гибели, съ обѣихъ сторонъ ждущей его; но онъ все держится и видитъ, что двѣ мыши, одна черная, другая бѣлая, равномерно обходя стволину куста, на которомъ онъ виситъ, подгачиваютъ ее. Вотъ—вотъ самъ собой обрушится и оборвется кустъ, и онъ упадетъ въ пасть дракону. Путникъ видитъ это и знаетъ, что онъ неминуемо погибнетъ; но пока онъ виситъ, онъ ищетъ вокругъ себя и находитъ на листьяхъ куста капли меда, достаетъ ихъ языкомъ и лижетъ ихъ.

Такъ и человѣкъ держится за вѣтви жизни, зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать его, и не можетъ понять, зачѣмъ онъ попалъ на это мученіе. И пытается сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ его; но этотъ медъ уже не радуетъ его, а бѣлая и черная мышь день и ночь подгачиваютъ вѣтку, за которую онъ держится. Человѣкъ ясно видитъ дракона, и медъ уже не сладокъ ему. Онъ видитъ одно—неизбѣжнаго дракона и мышей,—и не можетъ отвратить отъ нихъ взоръ. И это не басня, а истинная, неоспоримая и всякому понятная правда. Прежній обманъ радостей жизни, заглашавшій ужасъ дракона, уже не обманываетъ человѣка. Сколько ни говори ему: ты не можешь понять смысла жизни, не думай, живи,—онъ не можетъ дѣлать этого, ибо не можетъ не видѣть дня и ночи, бѣгущихъ и ведущихъ его къ смерти. Онъ видитъ это одно, потому что это одно—истина. Остальное все—ложь. ²⁾

---

¹⁾ „Исповѣдь“, с. с. 9—11.

²⁾ Ib., с. с. 12—13.

4.

Вопросъ о смыслѣ жизни—самый простой вопросъ, лежащій въ душѣ каждаго человѣка, отъ глупаго ребенка до мудрѣйшаго старца, тотъ вопросъ, безъ котораго жизнь невозможна. Вопросъ состоитъ въ томъ: «что выйдетъ изъ того, что я дѣлаю нынче, что буду дѣлать завтра,—что выйдетъ изъ всей моей жизни?» Иначе выраженный, вопросъ будетъ такой: «зачѣмъ мнѣ жить, зачѣмъ чего-нибудь желать, зачѣмъ что-нибудь дѣлать?» Еще иначе выразить вопросъ можно такъ: «есть-ли въ моей жизни такой смыслъ, который не уничтожился бы неизбѣжной, предстоящею мнѣ смертью?» На этотъ-то, одинъ и тотъ же, различно выраженный вопросъ, мы ищемъ отвѣта во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя приобрѣли люди. И мы не только не находимъ его, но убѣждаемся, что всѣ тѣ, которые такъ же искали въ знаніи, точно такъ же ничего не нашли. И вотъ почему.

По отношенію къ этому вопросу всѣ человѣческія знанія раздѣляются какъ бы на двѣ противоположныя полусферы, на двухъ противоположныхъ концахъ которыхъ находятся два полюса: одинъ—отрицательный, другой—положительный; но ни на томъ, ни на другомъ полюсѣ нѣтъ отвѣтовъ на вопросъ жизни. Одинъ рядъ знаній какъ бы и не признаетъ вопроса, но за то ясно и точно отвѣчаетъ на свои независимо поставленные вопросы: это рядъ знаній опытныхъ, и на крайней точкѣ ихъ стоитъ математика; другой рядъ знаній признаетъ вопросъ, но не отвѣчаетъ на него: это—рядъ знаній умозрительныхъ, и на крайней ихъ точкѣ—метафизика.¹⁾

Спрашивая у одной стороны человѣческихъ знаній, мы получимъ безчисленное количество точныхъ отвѣтовъ о томъ, о чемъ мы не спрашивали: о химическомъ составѣ звѣздъ, о движеніи солнца къ созвѣздію Геркулеса, о происхожденіи видовъ и человѣка, о формахъ безконечно малыхъ, невѣсомыхъ частицъ эфира. Но отвѣтъ въ этой области знаній на нашъ вопросъ: въ чемъ смыслъ моей жизни?—одинъ: ты то, что ты называешь твоей жизнью; ты—временное случайное сцѣпленіе частицъ. Взаимное воздѣйствіе, измѣненіе этихъ частицъ производятъ въ тебѣ то, что ты называешь твоею жизнью. Сцѣпленіе это продержится нѣкоторое время; потомъ взаимодействіе этихъ частицъ прекратится—и прекратится то, что ты называешь жизнью, прекратятся и всѣ твои вопросы. Ты—случайно сплотившійся комочекъ. Комочекъ прѣть. Прѣние

¹⁾ Пь., с. 15.

это комочекъ называетъ своею жизнью. Комочекъ разскочется, и кончится прѣніе и всѣ вопросы. Такъ отвѣчаетъ ясная сторона знаній и ничего другого не можетъ сказать, если только она строго слѣдуетъ своимъ основамъ ¹⁾).

Знанія эти очень интересны, очень привлекательны, но точны и ясны эти знанія обратно — пропорціонально ихъ приложимости къ вопросамъ жизни: чѣмъ менѣе они приложимы къ вопросамъ жизни, тѣмъ они точнѣе и яснѣе; чѣмъ болѣе они пытаются давать рѣшенія на вопросъ жизни, тѣмъ болѣе они становятся неясными и непривлекательными. Такъ, самая неприменимая къ вопросамъ жизни наука — математика уже совсѣмъ не отвѣчаетъ на вопросъ. Если же обратишься къ той отрасли этихъ знаній, которая пытается давать рѣшенія на вопросы жизни — къ физиологіи, психологіи, біологіи, соціологіи, то тутъ встрѣчаешь поражающую бѣдность мысли, величайшую неясность, ничѣмъ не оправданную притязательность на разрѣшеніе неподлежащихъ вопросамъ и безпрестанныя противорѣчія одного мыслителя съ другими и даже съ самимъ собою. Если обратишься къ отрасли опытныхъ знаній, не занимающихся разрѣшеніемъ вопросовъ жизни, но отвѣчающихъ на свои научные, спеціальные вопросы, то восхищаешься силой чело-вѣческаго ума, но знаешь напередъ, что отвѣтовъ на вопросы жизни у этихъ знаній нѣтъ. Знанія эти прямо игнорируютъ вопросъ жизни. Они говорятъ: «на то, что ты такое и зачѣмъ ты живешь, мы не имѣемъ отвѣтовъ и этимъ не занимаемся; а вотъ если тебѣ нужно знать законы свѣта, химическихъ соединений, законы развитія организмовъ, если тебѣ нужно знать законы тѣла, ихъ формъ и отношеніе чиселъ и величинъ, если тебѣ нужно знать законы твоего ума, то на все это у насъ есть ясные, точные и несомнѣнные отвѣты».

Вообще отношеніе наукъ опытныхъ къ вопросамъ жизни можетъ быть выражено такъ. Вопросъ: зачѣмъ я живу? — Отвѣтъ: «въ безконечно большомъ пространствѣ, въ безконечно долгое время, безконечно малыя частицы измѣняются въ безконечной сложности, и когда ты поймешь законы этихъ видоизмѣненій, тогда поймешь, зачѣмъ ты живешь на землѣ» ²⁾. Оказывается, что отвѣтъ отвѣчаетъ не на вопросъ. Миѣ нужно знать смыслъ моей жизни, а то, что она есть частица безконечнаго, не только не придаетъ ей смысла, но уничтожаетъ всякій возможный смыслъ ³⁾.

Обращаясь къ области умозрительныхъ знаній, мы получаемъ

¹⁾ Иб., с. с. 19—20.

²⁾ Иб., с. с. 16—17.

³⁾ Иб., с. 20.

слѣдующій отвѣтъ на вопросъ жизни: «все человѣчество живетъ и развивается на основаніи духовныхъ началъ, идеаловъ, руководящихъ имъ. Эти идеалы выражаются въ религіяхъ, въ наукахъ, искусствахъ, формахъ государственности. Ты—часть человѣчества, и потому призваніе твое состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать сознанию и осуществленію идеаловъ человѣчества».

Не говоря о той недобросовѣстной неточности, при которой знанія этого рода выдаютъ выводы, сдѣланные изъ изученія малой части человѣчества, за общіе выводы; не говоря о взаимной противорѣчивости разныхъ сторонниковъ этого воззрѣнія въ мнѣніи о томъ, въ чемъ состоятъ идеалы человѣчества,—странность этого воззрѣнія состоитъ въ томъ, что для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, предстоящій каждому человѣку: «что я такое», или: «зачѣмъ я живу», или: «что мнѣ дѣлать», человѣкъ долженъ прежде разрѣшить вопросъ: «что такое жизнь всего неизвѣстнаго ему человѣчества, изъ которой ему извѣстна одна крошечная часть въ одинъ крошечный періодъ времени». Для того, чтобы понять, что онъ такое, человѣкъ долженъ прежде понять, что такое все это таинственное человѣчество, состоящее изъ такихъ же людей, какъ и онъ самъ, не понимающихъ самихъ себя. Можно вѣрить этому въ томъ случаѣ, когда у насъ есть свои излюбленные идеалы, оправдывающіе наши прихоти, и мы стараемся придумать такую теорію, по которой мы могли бы смотрѣть на свои прихоти, какъ на законъ человѣчества. Но какъ скоро встанетъ въ нашей душѣ вопросъ жизни во всей ясности, отвѣтъ этотъ тотчасъ же разлетится прахомъ. И мы поймемъ, что какъ въ наукахъ опытныхъ есть настоящія науки и полунауки, пытающіяся давать отвѣты на не подлежащіе имъ вопросы, такъ и въ этой области есть цѣлый рядъ самыхъ распространенныхъ знаній, старающихся отвѣчать на не подлежащіе вопросы. Полунауки этой области—юридическія, соціально-историческія—пытаются разрѣшать вопросы человѣка тѣмъ, что онъ мнимо, каждая по своему, разрѣшаютъ вопросъ жизни всего человѣчества. Но какъ въ области опытныхъ знаній человѣкъ, искренно спрашивающій: «какъ мнѣ жить?» не можетъ удовлетвориться отвѣтомъ: «изучи въ безконечномъ пространствѣ безконечныя по времени и сложности измѣненія безконечныхъ частицъ, и тогда ты поймешь свою жизнь»,—точно такъ же не можетъ искренній человѣкъ удовлетвориться отвѣтомъ: «изучи жизнь всего человѣчества, котораго ни начала, ни конца мы не можемъ знать и малой части котораго мы не знаемъ, и тогда ты поймешь свою жизнь».

Опытная наука тогда только даетъ положительное знаніе и

является величіе челоуѣческаго ума, когда она не вводитъ въ свои изслѣдованія конечной причины. И, наоборотъ, умозрительная наука—тогда только наука и является величіе челоуѣческаго ума, когда она устраняетъ совершенно вопросы о послѣдовательности причинныхъ явленій и разсматриваетъ челоуѣка только по отношенію къ конечной причинѣ.

Такова въ этой области наука, составляющая полюсъ ея—мѣтафизика или философія. Наука эта ясно ставитъ вопросъ: что такое я и весь міръ? И зачѣмъ я и зачѣмъ весь міръ? и съ тѣхъ поръ, какъ она есть, она отвѣчаетъ всегда одинаково. Идеи-ли, сущности-ли, духъ-ли, волю-ли называетъ философъ сущностью жизни, находящейся во мнѣ и во всемъ существующемъ, философъ говоритъ одно, что эта сущность есть и что я есть та же сущность, но зачѣмъ она, онъ не знаетъ и не отвѣчаетъ, если онъ точный мыслитель. Я спрашиваю: зачѣмъ быть этой сущности? Что выйдетъ изъ того, что она есть и будетъ?.. И философія не только не отвѣчаетъ, а сама только это и спрашиваетъ. И если она—истинная философія, то вся ея работа только въ томъ и состоитъ, чтобъ ясно поставить этотъ вопросъ. И если она твердо держится своей задачи, то она не можетъ отвѣчать иначе, какъ, на вопросъ: «что такое я и весь міръ?»—«все и ничто»; а на вопросъ: «зачѣмъ?»—«зачѣмъ. .—не знаю»¹⁾.

5.

Наблюдая жизнь всѣхъ окружающихъ насъ людей, чтобы получить понятіе объ ихъ отношеніи къ вопросу жизни и, быть можетъ, въ ихъ жизненномъ опытѣ найти разъясненіе угнетающихъ насъ противорѣчій, мы видимъ, что для людей есть четыре выхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ они всѣ находятся.

Первый выходъ есть выходъ невѣдѣнія. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда еще не поняли того вопроса жизни, который представляется неизбѣжно челоуѣку. Они не видятъ ни дракона, ожидающаго ихъ, ни мышей, подтачивающихъ кусты, за которые они держатся. Но это—только до времени: что—нибудь обратить ихъ вниманіе на дракона и мышей, и конецъ невѣдѣнію и спокойствію. Челоуѣку, сознавшему бессмысленность своей жизни, нечему научиться отъ этихъ людей, ибо нельзя перестать знать того, что знаешь.

Второй выходъ—это выходъ эпикурейства. Онъ состоитъ въ

¹⁾ Ib., с. с. 17—18.

томъ, чтобы, зная безнадежность жизни, пользоваться покажѣтъ тѣми благами, какія есть. Такъ поддерживаетъ въ себѣ возможность жизни большинство людей высшаго круга. Условія, въ которыхъ они находятся, дѣлають то, что благъ у нихъ больше; чѣмъ золь, а нравственная туцость даетъ имъ возможность забывать, что выгода ихъ положенія случайна и что неизбѣжны болѣзни, старость и смерть, которыя не нынче — завтра разрушатъ всѣ ихъ удовольствія ¹⁾.

Всѣ знанія науки и искусства, которыя приобрѣтають люди этого рода, несмотря на всѣ высокія слова о значеніи науки и искусствъ, нужны имъ только для того, чтобы побороть скуку и провести пріятно время. Они вступаютъ въ бракъ, заводятся семьей, и жадность къ приобрѣтенію благъ животной жизни усиливается оправданіемъ семьи: борьба съ другими ожесточается и устанавливается инерція, привычка жизни только для блага личности. Такимъ людямъ только кажется, что они живутъ, какъ можетъ казаться человѣку, несомому по волнамъ безъ всякаго направленія, что онъ плыветъ туда, куда ему надобно и хочется ²⁾.

Третій выходъ есть выходъ силы и энэргіи. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, понявъ, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее. Такъ поступаютъ рѣдкіе, сильные и послѣдовательные люди. И людей, поступающихъ такъ, становится все больше и больше ³⁾.

Но случается, что, несмотря на всю убѣдительность и несомнѣнность доводовъ, руководящихъ ими, люди эти не всегда рѣшаются на послѣдній шагъ: въ нихъ остается неясное сомнѣніе въ истинности ихъ разсужденія. Предъ ними открывается слѣдующее противорѣчіе: «если бы не было жизни, не было бы и моего разума, — стало быть разумъ есть сынъ жизни, и разумъ этотъ отрицаетъ самую жизнь. Жизнь есть бессмысленное зло, это несомнѣнно, — но я живъ, живу еще, и жилъ и живетъ все человѣчество. Люди знали разсужденіе о тцетѣ жизни, которое мнѣ показало ся бессмыслицу, и все-таки жили, придавая ей какой-то смыслъ. Тутъ что-то не то, — говорятъ себѣ разсуждающій такимъ образомъ человекъ: «гдѣ—нибудь я ошибся». Но въ чемъ ошибка, онъ никакъ не можетъ найти ⁴⁾.

И вотъ пришедшіе къ такому заключенію люди избирають четвертый выходъ изъ противорѣчія жизни — выходъ слабости.

¹⁾ Иб. с. с. 24—25.

²⁾ „О жизни“, с. 25.

³⁾ „Исповѣдь“, с. 25.

⁴⁾ Иб., с. 27.

Этот выходъ состоитъ въ томъ, чтобы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжать тянуть ее, зная впередъ, что ничего изъ нея выйти не можетъ. Люди этого порядка знаютъ, что смерть лучше жизни, но, не имѣя силъ поступить разумно, поскорѣе кончить обманъ и убить себя, чего-то какъ будто ждутъ. И это есть выходъ слабости, ибо если я знаю лучшее, и оно въ моей власти, почему не отдаться лучшему? ¹⁾

И, однако, какъ логически ни неизбеженъ этотъ выводъ, убѣдительности разумной оказывается мало. Разумъ работаетъ, но работаетъ и еще что-то другое, что нельзя назвать иначе, какъ сознаниемъ жизни. Работаетъ еще та сила, которая заставляетъ обращать вниманіе на то, а не на это, и эта-то сила выводитъ изъ отчаяннаго положенія и совершенно иначе направляетъ разумъ ²⁾.

6.

Эта сила заставляетъ человѣка понять то ясное, но бывшее до сихъ поръ скрытымъ отъ него положеніе, что если онъ хочетъ жить и разумѣть смыслъ жизни, то искать этого смысла надо, конечно, не у тѣхъ, которые потеряли его и хотятъ убить себя, а у тѣхъ миллиардовъ трудового народа отжившихъ и живыхъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несутъ свою и нашу жизнь. Признать ихъ не понимающими вопроса жизни невозможно, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенной ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже нельзя, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій. Признать же ихъ неразумно доживающими бессмысленную жизнь можно еще меньше, такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняется ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ.

Но въ чемъ видятъ они смыслъ жизни?

Выходитъ то, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни; смыслъ же, придаваемый жизни миллиардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ-то презрѣнномъ, ложномъ знаніи. Разумное знаніе, въ лицѣ ученыхъ и мудрыхъ, отрицаетъ смыслъ жизни, а огромныя массы людей, все человѣчество—признаютъ этотъ смыслъ въ неразумномъ знаніи. И это неразумное знаніе есть вѣра, та самая, которую пробудившееся къ самостоятельному мышленію наше сознаніе не могло не откинуть. Это Богъ 1 и 3, это твореніе въ 6 дней, дьяволы и ангелы и все то, чего я не

¹⁾ Ib., с. 27.

²⁾ Ib., с. 28.

могу принять. Выходить противорѣчіе, изъ котораго представляется два выхода: или то, что я называю разумнымъ, не такъ разумно, какъ я думаю, или то, что мнѣ кажется неразумнымъ, не такъ неразумно, какъ я думаю. Провѣряя ходъ разсужденія разумнаго знанія, мы найдемъ его совершенно правильнымъ. Выводъ о томъ, что жизнь есть ничто, былъ неизбеженъ.

Однако ошибка дѣйствительно налицо. Ошибка въ томъ, что мы мыслили несоответственно поставленному нами вопросу.

Вопросъ былъ такой: зачѣмъ мнѣ жить, т. е. что выйдетъ настоящаго, не уничтожающагося изъ моея призрачной, уничтожающей жизни,—какой смыслъ имѣетъ мое конечное существованіе въ этомъ безконечномъ мірѣ? Рѣшенія всѣхъ возможныхъ вопросовъ жизни, которую мы стали изучать, очевидно, не могли удовлетворить насъ, потому что нашъ вопросъ, какъ онъ ни простъ кажется сначала, включаетъ въ себѣ требованіе объясненія конечнаго безкопечнымъ и наоборотъ. Я спрашивалъ: какое внѣвременное, внѣпричинное, внѣпространственное значеніе мсей жизни?—А отвѣчалъ я на вопросъ: какое временное, причинное, пространственное значеніе моея жизни? Вышло то, что послѣ долгаго труда мысли, получился отвѣтъ: никакого. Въ разсужденіяхъ нашихъ мы постоянно приравнивали конечное къ конечному и безконечное къ безконечному, а потому у насъ и выходило то, что должно было выйти: сила есть сила, вещество есть вещество, воля есть воля, безконечность есть безконечность, ничто есть ничто,—и дальше ничего не могло выйти. Было что-то подобное тому, что бываетъ въ математикѣ, когда, думая рѣшать уравненіе, рѣшаешь тождество. Ходъ размысленія правиленъ, но въ результатѣ получается отвѣтъ: а равняется а, или $x=x$, $0=0$.

И дѣйствительно, строго научное знаніе, то знаніе, которое, какъ это сдѣлалъ Декартъ, начинается съ полнаго сомнѣнія во всемъ, откидываетъ всякое допущенное на вѣру знаніе и строитъ все вновь на законахъ разума и опыта,—и не можетъ дать иного отвѣта на вопросъ жизни, какъ тотъ самый, который мы и получили,—отвѣтъ неопредѣленный. Только сначала кажется, что знаніе даетъ положительный отвѣтъ—отвѣтъ Шопенгауэра: жизнь не имѣетъ смысла; она есть зло. Но, разобравъ дѣло, мы поймемъ, что отвѣтъ не положительный, что наше чувство только выразило его такъ. Отвѣтъ же, строго выраженный, какъ онъ и выраженъ и у браминовъ, и у Соломона, и у Шопенгауэра, есть только отвѣтъ неопредѣленный, или тождество: 0 равняется 0 , жизнь есть ничто.

Отсюда понятно, что нельзя было искать въ разумномъ зна-

ни отвѣта на нашъ вопросъ и что отвѣтъ, даваемый разумнымъ знаніемъ, есть только указаніе на то, что отвѣтъ можетъ быть полученъ только при иной постановкѣ вопроса, только тогда, когда въ разсужденіе будетъ введенъ вопросъ отношенія конечнаго къ безконечному. Мы поймемъ теперь также и то, что какъ ни неразумны и уродливы отвѣты, даваемые вѣрою, они имѣютъ то преимущество, что вводятъ въ каждый отвѣтъ отношеніе конечнаго къ безконечному. Разумное знаніе приводитъ къ признанію того, что жизнь безсмысленна, — жизнь человѣка останавливается, и онъ хочетъ уничтожить себя. Но люди живутъ и утверждаютъ, что знаютъ смыслъ жизни. Каждый изъ нихъ жилъ, пока зналъ смыслъ жизни. Какъ всѣмъ людямъ, такъ и каждому изъ насъ смыслъ жизни и возможность жизни давала вѣра. Вѣра, съ тѣхъ поръ какъ есть человѣчество, даетъ возможность жить, и главные черты ея вездѣ всегда однѣ и тѣ же. Какіе бы кому бы ни давала отвѣты кабая бы то ни было вѣра, всякій отвѣтъ вѣры конечному существованію человѣка придаетъ смыслъ безконечнаго, — смыслъ не уничтожаемый страданіями, лишеніями и смертью. Значитъ—въ одной вѣрѣ можно найти смыслъ и возможность жизни.¹⁾ И потому религія всегда была и не можетъ перестать быть необходимою и неустрашимымъ условіемъ жизни разумнаго человѣка и разумнаго человѣчества²⁾.

---

1) *Ib.*, с. с. 29—32.

2) „Что такое религія и въ чемъ сущность ея?“ с. 9.

ГЛАВА II.

Необходимость религіи.

Возраженія противъ необходимости религіи и ихъ несостоятельность. Множественность церковныхъ вѣроученій и единая религія. Три основныя жизнепониманія: первобытное—личное, языческое—общественное и христіанское—божеское. Религія и философія.

1.

Всегда во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, въ извѣстные періоды ихъ жизни, наступало время, когда религія сначала отклонялась отъ своего основного значенія, потомъ, все болѣе и болѣе отклоняясь, теряла свое основное значеніе и, наконецъ, замирала въ разѣ установленныхъ формахъ, и тогда дѣйствіе ея на жизнь людей становилось все меньше и меньше. Въ такіе періоды образованное меньшинство, не вѣря въ существующее религіозное ученіе, обыкновенно дѣлаетъ только видъ, что вѣритъ, находя это нужнымъ для удержанія народныхъ массъ въ установленномъ строгѣ жизни; народныя же массы, хотя и держатся по инерціи разѣ установленныхъ формъ религіи, въ жизни своей не руководятся уже требованіями ея, а только народными обычаями и государственными законами.

Такъ это было много разѣ въ различныхъ человѣческихъ обществахъ. Но никогда не было того, что происходитъ теперь въ нашемъ христіанскомъ обществѣ. Никогда не было того, чтобы богатое, властвующее и болѣе образованное меньшинство, имѣющее наибольшее вліяніе на массы, не только не вѣрило въ существующую религію, но было бы увѣрено въ томъ, что въ наше время религіи уже никакой не нужно, и внушало бы людямъ, сомнѣвающимся въ истинности исповѣдуемой религіи, не не какое-либо болѣе

разумное и ясное религиозное учение, чѣмъ то, которое существовать, а то, что религія вообще отжила свое время и стала теперь не только бесполезнымъ, но и вреднымъ органомъ жизни обществъ, вродѣ того, какъ слѣпая кишка въ организмѣ чловѣка. Религія изучается этого рода людьми не какъ нѣчто извѣстное намъ по внутреннему опыту, а какъ внѣшнее явленіе, какъ бы болѣзнь, которою бываютъ одержимы нѣкоторые люди и которую мы можемъ изслѣдовать только по внѣшнимъ симптомамъ. Религія, по мнѣнію однихъ изъ этихъ людей, произошла отъ одухотворенія всѣхъ явленій природы,—это учение анимизма; по мнѣнію другихъ—изъ представленія о возможности отношеній съ умершими предками; по мнѣнію третьихъ—изъ страха передъ силами природы¹⁾ и вытекающаго отсюда признанія воображаемыхъ существъ и поклоненія имъ,—какъ это еще въ древности думалъ Демокритъ и какъ это утверждаютъ новѣйшіе философы и историки религіи²⁾. А такъ какъ, разсуждаютъ далѣе ученые люди нашего времени, наука доказала, что деревья и камни не могутъ быть одушевлены, и умершіе предки уже не чувствуютъ того, что дѣлаютъ живые, и явленія природы объясняемы естественными причинами, то и уничтожилась необходимость и въ религіи, и во всѣхъ тѣхъ стѣснѣніяхъ которыя, вслѣдствіе религиозныхъ вѣрованій, налагали на себя люди³⁾.

Но, не говоря уже о томъ, что признаніе невидимыхъ сверхъестественныхъ существъ или существа происходило и происходитъ не всегда отъ страха передъ невѣдомыми силами природы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ сотни самыхъ передовыхъ и высокообразованныхъ людей прошедшаго времени, Сократы, Декарты, Ньютоны, и такіе же люди нашего времени,—никакъ уже не изъ страха передъ невѣдомыми силами природы признающіе высшее сверхъестественное Существо,—утвержденіе о томъ, что религія произошла отъ суевѣрнаго страха людей предъ непонятными силами природы, въ дѣйствительности ничего не отвѣчаетъ на главный вопросъ: откуда взялось въ людяхъ представленіе о невидимыхъ сверхъестественныхъ существахъ? Если люди боялись грома и молніи, то они и боялись бы грома и молніи, но для чего же они придумали какое-то невидимое сверхъестественное Существо, отъ котораго они считаютъ себя въ зависимости, придумали живыя души умершихъ? Не отъ страха только, а по какимъ-то другимъ причинамъ. И въ этихъ-то причинахъ, очевидно, и заключается сущность того, что называется религіей. Кромѣ того, всякій чловѣкъ, когда-либо,

1) *Ib.*, с.с. 3—4.

2) «Религія и нравственность».

3) «Что такое религія», с. 4.

хотя бы въ дѣтствѣ испытавшій религіозное чувство, по своему личному опыту знаетъ, что чувство это всегда вызываемо было въ немъ не ввѣшными страшными вещественными явленіями, а внутреннимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ страхомъ передъ непонятными силами природы, сознаниемъ своего ничтожества, одиночества и своей грѣховности. И потому человѣкъ и по вѣшному наблюденію, и по личному опыту можетъ узнать, что религія не есть поклоненіе божествамъ, вызванное суевѣрнымъ страхомъ передъ невѣдомыми силами природы, которое свойственно людямъ только въ извѣстный періодъ ихъ развитія, а нѣчто совершенно независимое отъ страха и отъ степени образованія человѣка и не могущее уничтожиться никакимъ развитіемъ просвѣщенія, такъ какъ сознание человѣкомъ своей конечности среди безконечнаго міра и своей грѣховности, т. е. неисполненія всего того, что онъ могъ бы и долженъ былъ сдѣлать, но не сдѣлалъ, всегда было и всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человѣкомъ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, среди большинства представителей современной науки, съ легкой руки французскаго мыслителя О. Конта, установилось слѣдующее, очень своеобразное ученіе объ историческомъ процессѣ развитія человѣческаго общества. По мнѣнію ученыхъ, былъ періодъ невѣжественный—религіозный. Этотъ періодъ уже давно пережить человѣчествомъ, остались рѣдкіе, атавистическіе признаки его. Потомъ былъ періодъ метафизическій, и этотъ пережить. Теперь же мы, просвѣщенные люди, живемъ въ періодѣ научномъ, въ періодѣ позитивной науки, которая замѣняетъ религію и ведетъ человѣчество на такую ступень развитія, до которой оно никогда не могло бы достигнуть, подчиняясь суевѣрнымъ религіознымъ ученіямъ. Подъ *наукой* здѣсь, очевидно, разумѣется такая наука, которая обнимаетъ всю область человѣческихъ знаній, гармонически связанныхъ и по степени ихъ важности распределенныхъ между собою, и обладаетъ такими методами, что всѣ добытыя ею данныя составляютъ несомнѣнную истину. Но такъ какъ такой науки въ дѣйствительности не существуетъ, а то, что называется наукой, составляетъ сборъ случайныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою знаній, часто совсѣмъ ненужныхъ и не только не представляющихъ несомнѣнной истины, но сплошь да рядомъ самыя грубыя заблужденія, нынѣ выставляемые какъ истины, а завтра опровергаемыя, то очевидно, что не существуетъ того самаго предмета, который долженъ замѣнить и религію. А потому утвержденіе о томъ, что наука замѣнитъ религію, совер-

1) «Религія и нравственность», с.с. 4—6.

шенно произвольно и основано на ничѣмъ не оправдываемой вѣрѣ въ непогрѣшимую науку, совершенно подобную вѣрѣ въ непогрѣшимую церковь. А между тѣмъ люди, называющіеся и считающіеся учеными, вполне увѣрены въ томъ, что уже существуетъ такая наука, которая должна и можетъ замѣнить религію и даже теперь упразднила ее. Религія отжила, вѣрить во что—нибудѣ, кромѣ науки, есть невѣжество. Наука устроить все, что надо, и руководствоваться въ жизни надо только одной наукой, — думаютъ и говорятъ какъ сами ученые, такъ и тѣ люди толпы, которые, хотя и очень далеки отъ науки, вѣрятъ ученымъ и вмѣстѣ съ ними утверждаютъ, что религія есть пережитое суевѣріе, и въ жизни нужно руководиться только наукой, т. е. ничѣмъ, потому что наука по самой цѣли своей—изслѣдованія всего существующаго—не можетъ дать никакого руководства въ жизни людей.¹⁾ Религія же, какъ была, такъ и останется главнымъ двигателемъ, сердцемъ жизни человѣческихъ обществъ, и безъ нея, какъ безъ сердца, не можетъ быть разумной жизни.

2.

Но развѣ есть истинная религія? Всѣ религіи безконечно различны, и мы не имѣемъ права ни одну назвать истинной только потому, что она болѣе подходитъ къ нашимъ вкусамъ, — скажутъ люди, разсматривающіе религіи по ихъ внѣшнимъ формамъ, какъ нѣкоторую болѣзнь, отъ которой они чувствуютъ себя свободными, но которой страдаютъ еще остальные люди²⁾. Въ календаряхъ значится, въ отдѣлѣ статистическихъ свѣдѣній, что вѣрѣ, исповѣдуемыхъ теперь обитателями земного шара,—1000. Въ числѣ этихъ вѣрѣ предполагаются буддизмъ, браманизмъ, конфуціанство, таоизмъ и христіанство.—Вѣрѣ 1000, и люди нашего времени совершенно искренно вѣрятъ въ это. Вѣрѣ 1000, всѣ онѣ вздоръ,—что же ихъ изучать?³⁾

Подобныя возраженія невѣрны. Религіи различны по своимъ внѣшнимъ формамъ, но всѣ одинаковы въ своихъ основныхъ началахъ. И вотъ эти-то основныя начала всѣхъ религій и составляютъ ту истинную религію, которая одна въ наше время свойственна всѣмъ людямъ и усвоеніе которой одно можетъ спасти людей отъ ихъ бѣдствій⁴⁾.

1) „Что такое религія“, с. с. 4—6.

2) *Ib.*, с. 46.

3) „О жизни“ с., 21.

4) „Что такое религія“, с. с. 46—47.

Подъ словомъ «религія» обыкновенно принято понимать или нѣкоторыя мистическія опредѣленія невидимаго міра, или извѣстные обряды, культъ, поддерживающій, утѣшающій, возбуждающій людей въ ихъ жизни, или объясненіе происхожденія міра, или нравственныя, санкціонированныя божескимъ повелѣніемъ, правила жизни; но истинная религія есть прежде всего открытіе высшаго, общаго всѣмъ людямъ закона, дающаго имъ въ данное время наибольшее благо.¹⁾

Истинная религія есть такое согласное съ разумомъ и знаніями человека, установленное имъ отношеніе къ окружающей его безконечной жизни, которое связываетъ его жизнь съ этой безконечностью и руководитъ его поступками.²⁾

Вся же метафизика религіи, всѣ ученія о божествахъ, о происхожденіи міра суть только различныя по географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ сопутствующіе религіи признаки. Нѣтъ ни одной религіи, отъ самой возвышенной и до самой грубой, которая не имѣла бы въ основѣ своей этого установленія отношенія человѣка къ окружающему его міру или первопричинѣ его. Нѣтъ ни одного самаго грубаго религіознаго обряда, такъ же какъ и самаго утонченнаго культа, которые не имѣли бы въ своей основѣ того же самаго. Всякое религіозное ученіе есть выраженіе основателемъ религіи того отношенія, въ которомъ онъ признаетъ себя, какъ человѣка, а вслѣдствіе этого и всѣхъ другихъ людей, къ міру или началу и первопричинѣ его.³⁾ Человѣчество живетъ давно и какъ преемственно выработало свои практическія приобрѣтенія, такъ не могло не выработать тѣхъ духовныхъ началъ, которыя составляли основы его жизни, и вытекающихъ изъ нихъ правилъ поведенія. То, что ослѣпленные люди не видятъ ихъ, не доказываетъ того, что ихъ не существуетъ. Такая общая всѣмъ людямъ религія нашего времени—не какая-нибудь одна религія со всѣми ея особенностями и извращеніями, а религія, состоящая изъ тѣхъ религіозныхъ положеній, которыя одинаковы во всѣхъ распространенныхъ и извѣстныхъ намъ, исповѣдуемыхъ болѣе чѣмъ $\frac{9}{10}$ рода человѣческаго религіяхъ,—существуетъ, и люди еще окончательно не озвѣрѣли только потому, что лучшие люди всѣхъ народовъ, хотя и бессознательно, но держатся этой религіи и исповѣдуютъ ее, и только внушеніе обмана, которое съ помощью жрецовъ и ученыхъ производится надъ людьми, мѣшаетъ имъ сознательно принять ее. Положенія этой истинной

1) „Конецъ вѣка“, с. 15.

2) „Что такое религія“, с. 11.

3) „Религія и нравственность“, с. 7.

религии до того свойственны людямъ, что какъ только они сообщены имъ, то принимаются ими какъ что-то давно известное и само собою разумѣющееся. Для насъ эта истинная религія есть христіанство, въ тѣхъ положеніяхъ его, въ которыхъ оно сходится не съ внѣшними формами, а съ основными положеніями браманизма, конфуціанства, таоизма, еврейства, буддизма, даже магометанства. Точно такъ же и для исповѣдующихъ браманизмъ, конфуціанство и др. ученія—истинная религія будетъ та, основныя положенія которой сходятся съ основными положеніями всѣхъ другихъ распространенныхъ религій. И положенія эти очень просты, понятны и не многосложны.¹⁾

Такимъ образомъ, множественность вѣроученій можетъ служить лишь доказательствомъ несостоятельности отдѣльныхъ религіозныхъ ученій или церквей, но отнюдь не доводомъ противъ необходимости и истинности религии вообще. Нужно и дорого разрѣшеніе противорѣчія конечнаго съ безконечнымъ и такой отвѣтъ на вопросъ жизни, при которомъ возможна жизнь. И это единственное разрѣшеніе, которое мы вездѣ находимъ, всегда и у всѣхъ народовъ,—разрѣшеніе, вынесенное изъ времени, въ которомъ теряется для насъ жизнь людей, разрѣшеніе столь трудное, что мы ничего подобнаго сдѣлать не можемъ, — это-то разрѣшеніе мы легкомысленно разрушаемъ, съ тѣмъ, чтобы поставить опять тотъ вопросъ, который присущъ всякому и на который у насъ нѣтъ отвѣта.²⁾

3.

Выраженія отношеній человѣка къ міру или началу и перво-причинѣ его — очень многообразны, соотвѣтственно этнографическимъ и историческимъ условіямъ, въ которыхъ находятся основатели религии и народъ, усваивающій ее; кромѣ того, выраженія эти всегда различно перетолковываются и уродуются послѣдователями учителя, обыкновенно на сотни, иногда на тысячи лѣтъ предвѣряющаго пониманія массы, и потому этихъ отношеній человѣка къ міру, т. е. религій, кажется очень много, но въ сущности основныхъ отношеній человѣка къ міру или началу его есть только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное и 3) христіанское или божеское. При томъ второе отношеніе человѣка къ міру—общественное—въ сущности есть только расширеніе перваго³⁾. Отношеній такихъ три и только три,—не потому,

1) „Что такое религія“, с. 47.

2) „Исповѣдь“, с. 33.

3) „Религія и нравственность“, с. 7.

что мы произвольно соединили различныя жизнепониманія въ эти три, а потому, что поступки всѣхъ людей имѣютъ всегда въ основѣ одно изъ этихъ жизнепониманій, и потому, что иначе, какъ только этими тремя способами, мы не можемъ понимать жизнь¹⁾).

Первое изъ этихъ отношеній, самое древнее—то, которое теперь встрѣчается между людьми, стоящими на самой низшей степени развитія—состоитъ въ томъ, что человѣкъ признаетъ себя самодовлѣющимъ существомъ, живущимъ въ мірѣ для пріобрѣтенія въ немъ наибольшаго возможнаго личнаго блага, независимо отъ того, насколько страдаетъ отъ этого блага другихъ существъ. Изъ этого самаго перваго отношенія къ міру,—въ которомъ находится всякій ребенокъ, вступая въ жизнь, и въ которомъ жило человѣчество на первой—языческой—ступени своего развитія и живутъ еще и теперь многіе, отдѣльные, самые нравственно грубые люди и дикіе народы,—вытекаютъ всѣ языческія древнія религіи, такъ же какъ и низшія формы позднѣйшихъ религій въ ихъ извращенномъ видѣ: извращенные буддизмъ, таосизмъ, магометанство и др. Всѣ языческіе культы—обоготворенія такихъ же, какъ и человѣкъ, наслаждающихся существъ, всѣ жертвоприношенія и моленія о дарованіи благъ земныхъ—вытекаютъ изъ этого же отношенія къ жизни. Второе, языческое отношеніе человѣка къ міру, общественное—то, которое устанавливается имъ на слѣдующей ступени, отношеніе, свойственное преимущественно возмужалымъ людямъ—состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается не въ благѣ одной отдѣльной личности, а въ благѣ извѣстной совокупности личностей: семьи, рода, народа, даже человѣчества (попытка религіи позитивистовъ). Смыслъ жизни при этомъ отношеніи человека къ міру переносится изъ личности въ семью, родъ, народъ, въ извѣстную совокупность личностей, благо которой и считается при этомъ цѣлью существованія. Изъ этого отношенія вытекаютъ всѣ одного характера религіи патріархальныя и общественныя: китайская и японская религіи, государственная религія римлянъ, предполагаемая религія человѣчества—позитивистовъ. Всѣ обряды поклоненія предкамъ въ Китаѣ и Японіи, поклоненія императорамъ въ Римѣ зиждутся на этомъ отношеніи человѣка къ міру.

Третье отношеніе человека къ міру—то, въ которомъ невольно чувствуетъ себя всякій старый человѣкъ и въ которое вступаетъ теперь человѣчество—состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается человѣкомъ уже не въ достиженіи своей личной цѣли или цѣли какой-либо совокупности людей, а только въ слу-

1) „Царство Божіе внутри васъ“, с. 63.

жени этой Воли, которая произвела его и весь міръ для достиженія не своихъ цѣлей, а цѣлей этой Воли. Изъ этого отношенія къ міру вытекаетъ высшее извѣстное намъ религіозное ученіе, зачатки котораго были уже у пифагорійцевъ, терапевтовъ, ессеевъ, у египтянъ и у персовъ, браминовъ, буддистовъ и таосистовъ, въ ихъ высшихъ представителяхъ, но которое получило свое полное и послѣднее выраженіе только въ христіанствѣ—въ его истинномъ, неизвращенномъ значеніи.

Всѣ возможныя религіи, какія бы онѣ ни были, неизбѣжно распределяются между этими тремя отношеніями людей къ міру ¹⁾.

4.

Религіозное основаніе есть неизбѣжное условіе какаго бы то ни было разумнаго, яснаго и плодотворнаго ученія о жизни. Всякая философія не можетъ быть наукой, если она не беретъ въ основу данныя, установленныя религіей.

Какъ ни странно это можетъ показаться для людей, привыкшихъ считать религію чѣмъ-то неточнымъ, «ненаучнымъ», фантастическимъ, нетвердымъ, науку же чѣмъ-то твердымъ, точнымъ, неоспоримымъ, въ дѣлѣ философіи выходитъ какъ разъ наоборотъ.

Религіозное пониманіе говоритъ: есть прежде всего и несомнѣннѣе всего извѣстное намъ неопредѣлимое нѣчто; нѣчто это есть наша душа и Богъ. Но именно потому, что мы знаемъ это прежде всего и несомнѣннѣе всего, мы уже никакъ не можемъ ничѣмъ опредѣлить этого, а вѣримъ тому, что это есть и что это—основа всего; и на этой-то вѣрѣ мы и строимъ все наше дальнѣйшее ученіе. Религіозное пониманіе изъ всего того, что познаваемо человѣкомъ, выдѣляетъ то, что не подлежитъ опредѣленію, и говорить объ этомъ: «я не знаю». И такой пріемъ по отношенію къ тому, что не дано знать человѣку, составляетъ первое и необходимѣйшее условіе истиннаго знанія. Таковы ученія Зороастра, браминовъ, Будды, Лаотзе, Конфуція, Христа. Философское же пониманіе жизни, не видя различія или закрывая глаза на различіе между познаніемъ внѣшнихъ явленій и познаніемъ души и Бога, считаетъ одинаково подлежащими разсудочнымъ словеснымъ опредѣленіямъ химическія соединенія и—сознаніе человѣкомъ своего «я», астрономическія наблюденія и вычисленія и—призваніе начала жизни всего, смѣшивая опредѣляемое съ неопредѣляемымъ, познаваемое съ сознаваемымъ, не переставая строить фантастическія, отрицаемыя одна другою, теоріи за теоріями, стараясь опредѣлить нео-

1) „Религія и нравственность“, с. с. 8—9.

предѣлимое: Таковы ученія о жизни Аристотелей, Платоновъ, Лейб-ницева, Локковъ, Гегелей, Спенсеровъ и многихъ и многихъ дру-гихъ, имя же имъ легионъ. Въ сущности же, всѣ эти ученія пред-ставляютъ изъ себя или пустыя разсужденія о томъ, что не подлежитъ разсужденію, — разсужденія, которыя могутъ называться философистикой, но не философіей, не любомудріемъ, а любо-мудрствованіемъ, или плохія повторенія того, что по отношенію нравственныхъ законовъ выражено гораздо лучше въ религіозныхъ ученіяхъ.

Да, какъ ни странно это можетъ показаться людямъ, никогда не думавшимъ объ этомъ, пониманіе жизни какого бы то ни было язычника, признающаго необъяснимое начало всего, олицетворяемое имъ въ какомъ бы то ни было идолѣ, — какъ бы неразумны ни были его понятія объ этомъ необъяснимомъ началѣ, — такое пони-маніе жизни все-таки несравненно выше жизнепониманія фило-софа, не признающаго неопредѣлимыхъ основъ познанія. Религіоз-ный язычникъ признаетъ нѣчто неопредѣлимое, вѣритъ, что оно и есть основа всего, и на этомъ неопредѣлимомъ хорошо или дурно строитъ свое пониманіе жизни, подчиняется этому неопредѣлимому и руководится имъ въ своихъ поступкахъ. Философъ же, пытаясь опредѣлить то, что опредѣляетъ все остальное и потому не можетъ быть опредѣлено, не имѣетъ никакого твердаго основанія ни для построенія своего пониманія жизни, ни для руководства въ своихъ поступкахъ.

Оно и не можетъ быть иначе, такъ какъ всякое знаніе есть установленіе отношеній между причинами и слѣдствіями, цѣпь же причинъ безкопечна, и потому явлю, что изслѣдованіе извѣстнаго ряда причинъ въ безконечной цѣпи не можетъ быть основой міросозерцанія.

Какъ же быть? Гдѣ же взять ее? Разсужденіе, т. е. дѣятель-ность ума, не даетъ такой основы. Нѣтъ-ли у человѣка еще дру-гого, кромѣ разсудочнаго, познанія? И отвѣтъ очевиденъ: такое, совсѣмъ особенное отъ разсудочнаго, независимое отъ безконечной цѣпи причинъ и послѣдствій, познаніе каждый знаетъ въ себѣ. Познаніе это есть сознаніе своего духовнаго «я».

Когда человѣкъ непосредственно, самъ находитъ это незави-симое отъ цѣпи причинъ и слѣдствій познаніе, онъ называетъ это сознаніемъ; когда же онъ находитъ это общее всѣмъ людямъ со-знаніе въ религіозныхъ ученіяхъ, онъ называетъ это познаніе, въ отличіе отъ познанія разсудочнаго, вѣрою. Таковы всѣ вѣры отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ. Сущность всѣхъ ихъ, какъ и выше говорилось, въ томъ, что, несмотря на тѣ, часто нелѣпыя; формы,

которыя онѣ приняли въ своемъ извращеніи, онѣ все-таки даютъ воспринималому ихъ такія независимыя отъ цѣпи причинъ и цѣ послѣдствій основы познанія, которыя однѣ только и даютъ возможность разумнаго міросозерцанія. Такъ что научный философъ, не признающій религиозныхъ основъ, неизбежно поставленъ въ необходимость, вращаясь въ безконечной цѣпи причинъ, отыскивать воображаемую и невозможную причину всѣхъ причинъ. Религиозный же человѣкъ сознаетъ эту причину всѣхъ причинъ, *вприты* въ нее и, вслѣдствіе этого, имѣетъ твердое пониманіе жизни и такое же твердое руководство для своихъ поступковъ¹⁾.

)

---

¹⁾ Письмо къ К. Я. Гроту отъ 18 сент. 1910 г. („Новый сборникъ писемъ Л. Н. Толстого“, с. с. 365—367).

ГЛАВА III.

Основное противорѣчіе жизни и его разрѣшеніе.

Раздвоеніе сознанія въ людяхъ нашего міра. Рожденіе истинной жизни въ человѣкѣ. Основа познанія. Подчиненіе блага животной личности закону разумнаго. Любовь—единая и полная дѣятельность истинной жизни. Богъ. Высшая Воля.

1.

Чаще и чаще просыпаются люди къ разумному сознанію, оживаютъ въ гробахъ своихъ,—и основное противорѣчіе человѣческой жизни, несмотря на все усилія людей скрыть его отъ себя, со страшной силой и ясностью становится передъ большинствомъ людей.

Вся жизнь моя есть желаніе себѣ блага,—говоритъ себѣ человѣкъ пробудившійся,—разумъ же мой говоритъ мнѣ, что блага этого для меня быть не можетъ, и что-бы я ни дѣлалъ, чего бы ни достигалъ, все кончится однимъ и тѣмъ же: страданіями и смертью, уничтоженіемъ. Я хочу блага, жизни, разумнаго смысла, а во мнѣ и во всемъ меня окружающемъ—зло, смерть, безсмыслица. Есть одна суета людей, дѣлающихъ, сами не зная зачѣмъ, дѣла, которые другіе дѣлаютъ, сами не зная зачѣмъ. Все живутъ, какъ будто и не сознавая бѣдственности своего положенія и бессмысленности своей дѣятельности. «Или они безумны или я,—говоритъ себѣ проснувшійся человѣкъ.—Но все не могутъ быть безумны, стало-быть, безуменъ-то я. Но нѣтъ,—то разумное я, которое говоритъ мнѣ это, не можетъ быть безумно. Пускай оно будетъ одно противъ всего міра, но я не могу не вѣрить ему. И человѣкъ сознаетъ себя однимъ во всемъ мірѣ съ тѣми страшными вопросами, которые разрываютъ его душу. А жить надо. Одно я; его личность, велитъ ему жить. А другое я, его разумъ, говоритъ: «жить нельзя». Человѣкъ чувствуетъ, что онъ раздвоился. И это раздвоеніе мучительно раздражаетъ душу его¹⁾.

1) „О жизни“, с. с. 30—31.

«Что же имѣетъ истинную жизнь?»—спрашиваетъ онъ себя и видитъ, что истинной жизни не имѣетъ ни онъ, ни тѣ существа, которыя обрываютъ его, а имѣетъ жизнь только *то, что желаетъ блага*¹⁾. Ему кажется, что пробудившееся въ немъ разумное сознание разрываетъ и останавливаетъ его жизнь только потому, что онъ признаетъ свою жизнью то, что не было, не есть и не могло быть его жизнью. Ложное учение утвердило его въ мысли, что жизнь его есть періодъ времени отъ рожденія до смерти, и, глядя на видимую жизнь животныхъ, онъ смѣшалъ представленіе о видимой жизни съ своимъ сознаниемъ и совершенно увѣрился въ томъ, что эта видимая имъ жизнь и есть его жизнь. Но представленіе его о томъ, что онъ жилъ все время отъ рожденія и до настоящей минуты, есть обманъ сознания, подобный обману сознания при сновидѣніяхъ: до пробужденія не было никакихъ сновидѣній, они всѣ сложились въ моментъ пробужденія. До пробужденія разумнаго сознания не было никакой жизни, представленіе о прошедшей жизни сложилось при пробужденіи разумнаго сознания²⁾. Въ дѣйствительности же истинную жизнь нашу составляетъ только сознание того духовнаго существа, которое отдѣлено отъ всего остальнаго и заключено въ предѣлы тѣла и движенія. Духовное существо это всегда равно само себѣ и не подлежитъ измѣненіямъ; намъ же кажется, что оно растетъ и расширяется во времени, т. е. движется. Двигаются же только предѣлы, въ которыхъ оно находится; намъ это кажется такъ же, какъ кажется, что движется мѣсяцъ, когда тучи бѣгутъ черезъ него. Такъ что люди приписываютъ два различныхъ значенія слову «жизнь». Одно значеніе есть понятіе движущейся, отдѣленной отъ всего остальнаго матеріи, признаваемой человѣкомъ собою, и второе—неподвижное, всегда равное себѣ духовное существо, которое человѣкъ признаетъ собою. Понятія эти кажутся различными, но въ сущности это не два, а только одно понятіе: понятіе сознания себя *духовнымъ существомъ, заключеннымъ въ предѣлы*.

Признаніе жизнью пространственнаго и временнаго существованія отдѣленнаго существа есть только недодуманность. Сознаніе себя отдѣленнымъ отъ всего существомъ возможно только для духовнаго существа. И потому жизнь всегда есть жизнь духовнаго существа³⁾. Только ложное учение о человѣческой жизни, какъ о существованіи животнаго отъ рожденія до смерти, въ которомъ воспеваются и поддерживаются люди, производитъ то мучитель-

1) „Христіанское ученіе“, с. 13.

2) „О жизни“, с. с. 32—33.

3) „О сознаніи духовнаго начала“, с. с. 9—11.

ное состояніе раздвоенія, въ которое вступаютъ люди при обнаруженіи въ нихъ разумнаго сознанія¹⁾).

2.

Истинная жизнь всегда хранится въ человѣкѣ, какъ она хранится въ зернѣ, и наступаетъ время, когда жизнь эта обнаруживается. Обнаруженіе ея состоитъ въ томъ, что животная личность влечетъ человѣка къ своему благу, разумное же сознаніе показываеъ ему невозможность личнаго блага и указываетъ какое-то другое благо. Оно еще не вполне выяснено, но личное благо такъ несомнѣнно уничтожено, что продолжать личное существованіе невозможно; и въ человѣкѣ начинается устанавливаться новое отношеніе его животнаго къ разумному сознанію. Человѣкъ начинаетъ рождаться къ истинной человѣческой жизни. Происходитъ пѣчто подобное тому, что мы наблюдаемъ въ вещественномъ мірѣ при всякомъ рожденіи. Плодъ рождается не потому, что онъ хочетъ родиться, что ему лучше родиться и что онъ знаетъ, что хорошо родиться, а потому, что онъ назрѣлъ и ему нельзя продолжать прежнее существованіе; онъ долженъ отдаться новой жизни не столько потому, что новая жизнь зоветъ его, сколько потому, что уничтожена возможность прежняго существованія. Разумное сознаніе, незамѣтно вырастая въ его личности, дорастаетъ до того, что жизнь въ личности становится невозможною. Не видимъ же мы роста разумнаго сознанія потому, что мы сами совершаемъ его: наша жизнь есть ни что иное, какъ это рожденіе того невидимаго намъ существа, которое рождается въ насъ.

Но что же такое это разумное сознаніе?

Вообще говоря, разумъ не можетъ быть опредѣляемъ, да намъ и незачѣмъ опредѣлять его, потому что мы все не только знаемъ его, но только разумъ одинъ и знаемъ. Разумъ мы знаемъ вѣрнѣе и прежде всего, такъ что все, что мы знаемъ въ мірѣ, мы знаемъ только потому, что это познаваемое нами сходитъ съ законами этого разума, несомнѣнно извѣстными намъ. Мы знаемъ и намъ нельзя не знать разума. Нельзя потому, что разумъ—это тотъ законъ, по которому должны жить необѣзочно разумныя существа—люди. И законъ, который мы знаемъ въ себѣ, какъ законъ нашей жизни, есть тотъ же законъ, по которому совершаются и все внѣшнія явленія міра, только съ тою разницею, что въ себѣ мы знаемъ этотъ законъ, какъ то, что мы сами должны совер-

---

¹⁾ О жизни“, с. 35.

пять; во внешнихъ же явленіяхъ—какъ то, что совершается по этому закону безъ нашего участія: Въ исполненіи этого закона, въ подчиненіи своего животнаго закону разума, для достиженія блага, и состоитъ наша жизнь. Принимая благо и существованіе своей животной личности за всю нашу жизнь и отказываясь отъ предназначенной намъ работы жизни, мы лишаемъ себя истиннаго нашего блага и истинной нашей жизни и на мѣсто ея подставляемъ то видимое намъ существованіе нашей животной дѣятельности, которое совершается независимо отъ насъ и поэтому не можетъ быть нашею жизнью¹⁾.

Жизнь человѣкъ знаетъ въ себѣ какъ стремленіе къ благу, достижимому подчиненіемъ своей животной личности закону разума²⁾. Жизнь эта обнаруживается во времени и пространствѣ, но опредѣляется не временными и пространственными условіями, а только степенью подчиненія животной личности разуму³⁾. Силы пространственные и временныя — силы опредѣленныя, конечныя, несомѣстимыя съ понятіемъ жизни; сила же стремленія къ благу черезъ подчиненіе разуму есть сила, поднимающая въ высоту,—сама сила жизни, для которой нѣтъ ни временныхъ, ни пространственныхъ предѣловъ⁴⁾.

Сущность ученія Христа въ томъ, чтобы человѣкъ узналъ, кто онъ; чтобы онъ, какъ птица, не пользующаяся своими крыльями, бѣгающая по землѣ, понялъ, что онъ—не смертное животное, зависящее отъ условій міра, а какъ птица, понявшая, что у нея есть крылья, и повѣрившая въ нихъ, понялъ бы, что онъ, самъ онъ, никогда не рождался и не умиралъ, а всегда есть, и проходитъ въ этомъ мірѣ только одну изъ безчисленныхъ формъ жизни для исполненія воли Того, Кто послалъ его въ эту жизнь⁵⁾.

3.

Заблужденіе, что видимый нами, на нашей животной личности совершающійся законъ и есть законъ нашей жизни, есть старинное заблужденіе, въ которое всегда впадали и впадаютъ люди. Оно, скрывая всегда отъ людей главный предметъ ихъ познанія, подчиненіе животной личности разуму для достиженія блага жизни, ставитъ на мѣсто его изученіе существованія людей, независимо

---

1) Ib., с.с. 37—40.

2) Ib., с. 52.

3) Ib., с. 53.

4) Ib., с. 54.

5) „Дневникъ“, т. 1, с. 11.

отъ блага жизни¹⁾). Чтобы понять жизнь человѣка, т. е. тотъ законъ, которому для блага человѣка должна быть подчинена его животная личность, люди разсматриваютъ: или историческое существованіе, но не жизнь человѣка, или не сознаваемое человѣкомъ, но только видимое ему подчиненіе и животного, и растенія, и вещества разнымъ законамъ, т. е. дѣлаютъ то же, что бы дѣлали люди, изучающіе положеніе неизвѣстныхъ имъ предметовъ для того, чтобы найти ту неизвѣстную цѣль, которой имъ нужно слѣдовать.

Совершенно справедливо то, что знаніе видимаго намъ проявленія существованія людей въ исторіи можетъ быть поучительно для насъ; что точно такъ же можетъ быть поучительно для насъ и изученіе законовъ животной личности человѣка и другихъ животныхъ, и поучительно изученіе тѣхъ законовъ, которыми подчиняется само вещество. Изученіе всего этого важно для человѣка, показывая ему, какъ въ отраженіи, то, что необходимо совершается въ его жизни; но очевидно, что знаніе того, что уже совершается и видимо нами, какъ бы оно ни было полно, не можетъ дать намъ главнаго знанія, которое нужно намъ,— знанія того закона, которому должна для нашего блага быть подчинена наша животная личность. Знаніе совершающихся законовъ поучительно для насъ, но только тогда, когда мы признаемъ тотъ законъ разума, которому должна быть подчинена наша животная личность. Истинное знаніе состоитъ, въ томъ, чтобы знать, что мы знаемъ то, что знаемъ, и не знаемъ того, чего не знаемъ,— сказалъ Конфуцій. Ложное же—въ томъ чтобы думать, что мы знаемъ то, чего не знаемъ, и не знаемъ того, что знаемъ. И нельзя дать болѣе точнаго опредѣленія того ложнаго познанія, которое царствуетъ среди насъ.

Человѣку съ ложнымъ знаніемъ представляется, что онъ знаетъ все то, что является ему въ пространствѣ и времени, и что онъ не знаетъ того, что ему извѣстно въ его разумномъ сознаніи. Такому человѣку представляется, что благо вообще и его благо есть самый непознаваемый для него предметъ; почти столь же непознаваемымъ предметомъ представляется ему его разумъ, его разумное сознаніе; нѣсколько болѣе познаваемымъ предметомъ представляется ему онъ самъ какъ животное; еще болѣе познаваемыми предметами представляются ему животныя и растенія, и наиболѣе познаваемымъ представляется ему мертвое, безконечно—распространенное вещество. Въ дѣйствительности же мы

---

¹⁾ „О жизни“, с. 41.

знаемъ вполне только то, что не опредѣляется ни пространствомъ, ни временемъ—благо и законъ разума. Внѣшніе же предметы мы знаемъ тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе въ познаніи участвуетъ наше сознание и потому—чѣмъ исключительнѣе предметъ опредѣляется пространствомъ и временемъ.

Истинное знаніе человѣка кончается познаніемъ своей личности, своего животнаго. Это свое животное, стремящееся къ благу и подчиненное закону разума, человѣкъ знаетъ совершенно особенно отъ знанія всего того, что не есть его личность. Онъ знаетъ себя въ этомъ животномъ, какъ нѣчто независимое отъ времени и пространства. Когда онъ спрашиваетъ себя о своемъ мѣстѣ во времени и пространствѣ, то ему прежде всего представляется, что онъ стоитъ посрединѣ безконечнаго въ обѣ стороны времени и что онъ центръ шара, поверхность котораго вездѣ и нигдѣ. И этого то самаго, внѣвременнаго и внѣпространственнаго, себя человѣкъ и знаетъ дѣйствительно, и на этомъ своемъ я кончается его дѣйствительное знаніе. Все, что находится внѣ этого я, человѣкъ можетъ только наблюдать и опредѣлять внѣшнимъ условнымъ образомъ. Отрѣшившись на время отъ знанія самого себя какъ разумнаго центра, стремящагося къ благу, т. е. внѣвременнаго и внѣпространственнаго существа, человѣкъ можетъ на время условно допустить, что онъ есть часть видимаго міра, проявляющаяся и въ пространствѣ, и во времени. Разсматривая себя такъ въ пространствѣ и во времени, въ связи съ другими существами, человѣкъ соединяетъ свое истинное внутреннее знаніе самого себя съ внѣшнимъ наблюдениемъ себя и получаетъ о себѣ представленіе какъ о человѣкѣ вообще, подобномъ всѣмъ другимъ людямъ; по этому условному знанію себя человѣкъ получаетъ и о другихъ людяхъ нѣкоторое внѣшнее представленіе, но не знаетъ ихъ. За людьми, еще дальше отъ себя, человѣкъ видитъ въ пространствѣ и времени животныхъ, отличающихся отъ людей и другъ отъ друга. Существа эти были бы совершенно непонятны для него, если бы онъ не имѣлъ знанія о человѣкѣ вообще; но, имѣя это знаніе и отвлекая отъ понятія человѣка его разумное сознание, онъ получаетъ и о животныхъ нѣкоторое представленіе; но представленіе это еще менѣе для него похоже на знаніе, чѣмъ его представленіе о людяхъ вообще. Животныхъ самыхъ разнообразныхъ онъ видитъ уже огромное количество, и чѣмъ больше ихъ количество, тѣмъ, очевидно, менѣе возможно для него познаніе ихъ. Далѣе отъ себя онъ видитъ растенія, и еще увеличивается распространенность въ мірѣ этихъ явленій, и еще невозможнѣе для него знаніе ихъ. Еще далѣе отъ себя, за животными и растеніями, въ пространствѣ и

времени человекъ видитъ неживыя тѣла и уже мало или совсѣмъ не различающіяся формы вещества. Вещество онъ понимаетъ уже меньше всего. Познаніе формъ вещества для него уже совсѣмъ безразлично, и онъ не только не знаетъ его, но онъ только воображаетъ себѣ его,—тѣмъ болѣе, что вещество уже представляется ему въ пространствѣ и времени безконечнымъ.

Такимъ образомъ, истинность нашего знанія не зависитъ отъ наблюдаемости предметовъ въ пространствѣ и времени, а напротивъ: чѣмъ наблюдаемѣе проявленіе предмета въ пространствѣ и времени, тѣмъ менѣе оно понятно для насъ.

Наше знаніе о мірѣ вытекаетъ изъ сознанія нашего стремленія къ благу и необходимости, для достиженія этого блага, подчиненія нашего животнаго разуму. Если мы знаемъ жизнь животнаго, то только потому, что мы и въ животномъ видимъ тѣ же стремленіе и необходимость. Если мы знаемъ вещество, то мы знаемъ его только потому, что, хотя благо его намъ непонятно, мы все-таки видимъ въ немъ то же явленіе. Познаніе чего бы то ни было для насъ есть перенесеніе къ другіе предметы нашего знанія о томъ, что жизнь есть стремленіе къ благу, достигаемое подчиненіемъ закону разума¹⁾. И, напротивъ, сколько бы ни изучалъ человекъ жизнь видимую, осязаемую, наблюдаемую имъ въ себѣ и другихъ, жизнь, совершающуюся безъ его усилій,—жизнь эта всегда останется для него тайной; онъ никогда изъ этихъ наблюденій не пойметъ эту несознаваемую имъ жизнь и наблюденіями надъ этой таинственной, всегда скрывающейся отъ него въ безконечность пространства и времени жизнью никакъ не освѣтитъ свою истинную жизнь, открытую ему въ его сознаніи и состоящую въ подчиненіи его совершенно особенной отъ всѣхъ и самой извѣстной ему животной личности совершенно особенному и самому извѣстному ему закону разума, для достиженія своего совершенно особеннаго и самаго извѣстнаго ему блага²⁾.

4.

Обыкновенно думаютъ и говорятъ, что отреченіе отъ блага личности есть подвигъ, достоинство человека. Но это—не достоинство, не подвигъ, а неизбѣжное условіе жизни человека. Въ то же время, какъ человекъ создаетъ себя личностью, отдѣленной отъ всего міра, онъ познаетъ и другія личности отдѣленными отъ

¹⁾ Иб., с. с. 43—50.

²⁾ Иб., с. 52.

всего міра, и ихъ связь между собой, и призрачность блага своей личности, и одну дѣйствительность блага только такого, которое могло бы удовлетворить его разумное сознаніе. Для животнаго, не имѣющаго разумнаго сознанія, показывающаго ему бѣдственности и конечность его существованія, благо личности и вытекающее изъ него продолженіе рода личности есть высшая цѣль жизни. Для человѣка же личность есть только та ступень существованія, съ которой открывается ему истинное благо его жизни, не совпадающее съ благомъ личности. Сознаніе личности для человѣка—не жизнь, но тотъ предѣлъ, съ котораго начинается его жизнь, состоящая все въ большемъ и большемъ достиженіи свойственнаго ему блага, независимаго отъ блага животной личности. Отреченіе отъ блага животной личности есть законъ жизни человѣческой. Если онъ не совершается свободно, выражаясь въ подчиненіи разумному сознанію, то онъ совершается въ каждомъ человѣкѣ насильно при плотской смерти его животнаго, когда онъ отъ тяжести страданій желаетъ одного: избавиться отъ мучительнаго сознанія погибающей личности и перейти въ другой видъ существованія.

Слѣдуетъ, однако, помнить, что животная личность, въ которой застаётъ себя человѣкъ и которую онъ призванъ подчинять своему разумному сознанію, есть не преграда, но средство, которымъ онъ достигаетъ цѣли своего блага; животная личность является для человѣка тѣмъ орудіемъ, которымъ онъ работаетъ. Это талантъ, данный ему для прироста, а не для храненія. Въ Евангеліи говорится: «И кто хочетъ жизнь свою сберечь, тотъ теряетъ ее. И кто теряетъ жизнь свою ради Меня, тотъ обрѣтетъ ее». Въ этихъ словахъ сказано, что сберечь нельзя то, что должно погибнуть и, не переставая, погибаетъ, а что только отрекаясь отъ того, что погибнетъ и должно погибнуть, отъ нашей животной личности, мы получаемъ нашу истинную жизнь, которая не погибаетъ и не можетъ погибнуть. Сказано то, что истинная жизнь наша начинается только тогда, когда мы перестаемъ считать жизнью то, что не было и не могло быть для насъ жизнью—наше животное существованіе. Въ этомъ состоитъ опредѣленіе жизни, данное человекомъ Иисусомъ Христомъ.

— Но я чувствую требованія моей личности, и потому эти требованія законны—говорятъ обыкновенно люди. Да, требованія эти законны, но только до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не кладетъ своихъ разумныхъ силъ на удовлетвореніе этихъ требованій и на увеличеніе ихъ. Всѣ его потребности обезпечены человѣку такъ же, какъ и птицѣ и цвѣтку, если онъ живетъ разумной жизнью.

И въ дѣйствительности, кто, думающій человѣкъ, можетъ вѣрить, чтобы онъ могъ уменьшить бѣдственность своего существованія обезпеченіемъ своей личности? Бѣдственность существованія человека происходитъ не отъ того, что онъ—личность, а отъ того, что онъ признаетъ существованіе своей личности жизнью и благомъ. Только тогда является противорѣчіе, раздвоеніе и страданіе человека. Страданія человека начинаются только тогда, когда онъ употребляетъ силу своего разума на усиленіе и увеличеніе до безконечныхъ предѣловъ разрастающихся требованій личности для того, чтобы скрыть отъ себя требованія разума.

Отречься нельзя и не нужно отъ личности и ея требованій, какъ и отъ всѣхъ тѣхъ условій, въ которыхъ существуетъ человекъ; но можно и должно не признавать эти условія са́мою жизнью. Можно и должно пользоваться данными условіями жизни, но нельзя и не должно смотрѣть на эти условія, какъ на цѣль жизни. Не отречься отъ личности, а отречься отъ блага личности и перестать признавать личность жизнью—вотъ что должно сдѣлать человеку для того, чтобы то благо, стремленіе къ которому составляетъ его жизнь, было доступно ему¹⁾).

5.

Благо это не есть нѣчто, только выведенное изъ разсужденія, не есть что-то такое, что надо отыскивать гдѣ-то, не есть благо, обѣщанное гдѣ-то и когда-то, а есть то самое знакомое человеку благо, къ которому непосредственно влечется каждая не развращенная душа человѣческая. Всѣ люди съ самыхъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ знаютъ, что кромѣ блага животной личности есть еще одно, лучшее благо жизни, которое не только не зависимо отъ удовлетворенія похотей животной личности, но, напротивъ, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше отреченіе отъ блага животной личности. Чувство, разрѣшающее всѣ противорѣчія жизни человѣческой и дающее наибольшее благо человеку, знаютъ всѣ люди. Чувство это есть любовь. Разумъ есть тотъ законъ, которому для своего блага должна быть подчинена животная личность человека. Любовь есть единственная дѣятельность человека²⁾).

И вотъ являются вопросы: во имя какой любви и какъ дѣйствовать? Во имя какой любви жертвовать другою любовью, кого любить больше и кому дѣлать больше добра,—женѣ или дѣтямъ, женѣ и дѣтямъ или друзьямъ? Какъ служить любимому отечеству,

¹⁾ Ib., с. с. 72—73.

²⁾ Ib., с. 77.

не нарушая любви къ женѣ, дѣтямъ и друзьямъ? Какъ, наконецъ, рѣшать вопросы о томъ, насколько можно мнѣ жертвовать и моею личностью, нужной для служенія другимъ? Насколько мнѣ можно заботиться о себѣ для того, чтобы я могъ, любя другихъ, служить имъ? Всѣ эти вопросы кажутся очень простыми для людей, не пытающихся дать себѣ отчета въ томъ чувствѣ, которое они называютъ любовью; но они не только не просты, они совершенно неразрѣшимы. И не даромъ законникъ поставилъ Христу этотъ самый вопросъ: «кто ближній?» Отвѣчать на эти вопросы кажется очень легко только людямъ, забывающимъ настоящія условія жизни человѣческой.

Вѣдь все это требованія любви, и всѣ они переплетены между собой, такъ что удовлетвореніе требованіямъ однихъ лишаетъ человѣка возможности удовлетворять другихъ. Если же я допущу, что озябшаго ребенка можно не одѣть, потому что моимъ дѣтямъ когда-нибудь понадобится то платье, котораго у меня просятъ, то я могу не отдаваться и другимъ требованіямъ любви во имя моихъ будущихъ дѣтей. Точно то же и по отношенію любви къ отечеству, избраннымъ занятіямъ и ко всѣмъ людямъ. Если человѣкъ можетъ отказывать требованіямъ самой малой любви настоящаго во имя требованія самой большой любви будущаго, то развѣ не ясно, что такой человѣкъ, если бы онъ всѣми силами и желалъ этого, никогда не будетъ въ состояніи взвѣсить, насколько онъ можетъ отказывать требованіямъ настоящаго во имя будущаго, и потому, не будучи въ силахъ рѣшить этого вопроса, всегда выберетъ то проявленіе любви, которое будетъ пріятно для него, т. е. будетъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности.

Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ исполненія требованій настоящей, самой малой любви во имя другого, будущаго проявленія большей любви, то онъ обманываетъ или себя, или другихъ и никого не любитъ, кромѣ себя одного. Любви въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви. То, что, люди, не понимающіе жизни, называютъ любовью, это только извѣстные предпочтенія однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ говоритъ, что онъ любитъ свою жену или ребенка, или друга, онъ говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни его жены, ребенка, друга увеличиваетъ благо его личной жизни. Предпочтенія эти относятся къ любви такъ же, какъ существованіе относится къ жизни. И какъ людьми, не понимающими жизни, жизнью называется существованіе, такъ этими же людьми любовью называется предпочтеніе

однихъ условій личнаго существованія другимъ. Чувства эти—предпочтенія къ извѣстнымъ существамъ, какъ, на примѣръ, къ своимъ дѣтямъ, или даже къ извѣстнымъ занятіямъ, на примѣръ: къ наукѣ, къ искусствамъ—мы называемъ тоже любовью; но такія чувства предпочтенія, безконечно разнообразныя, составляютъ всю сложность видимой, осязаемой животной жизни людей. и не могутъ быть называемы любовью, потому что они не имѣютъ главнаго признака любви—дѣятельности, имѣющей и цѣлью, и послѣдствіемъ благо.

Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человѣкъ понимаетъ, что нѣтъ для него блага его животной личности. Не вслѣдствіе любви къ отцу, къ сыну, къ женѣ, къ друзьямъ, къ добрымъ и милымъ людямъ, какъ это обыкновенно думаютъ, люди отрекаются отъ личности, а только вслѣдствіе сознанія тщеты существованія личности, сознанія невозможности ея блага, и потому—вслѣдствіе отреченія отъ жизни личности познаетъ человѣкъ истинную любовь и можетъ истинно любить отца, сына, жену, дѣтей и друзей. Истинная любовь всегда имѣетъ въ основѣ своей отреченіе отъ блага личности и возникающее отъ того благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Только на этомъ общемъ благоволеніи можетъ вырасти истинная любовь къ извѣстнымъ людямъ—своимъ или чужимъ. И только такая любовь даетъ истинное благо жизни и разрѣшаетъ кажущееся противорѣчіе животнаго и разумнаго сознанія¹⁾.

Отчего такъ тяжело бываетъ несогласіе съ другимъ человекомъ и еще тяжелѣе немлюбовь къ другому человѣку? Оттого, что мы всё чувствуемъ, что то, что въ насъ дѣлаетъ насъ людьми, одно во всѣхъ. Такъ что, не любя другихъ, мы расходимся съ тѣмъ, что одно во всѣхъ, расходимся сами съ собою²⁾.

Всякій старается сдѣлать себя какъ можно больше добра, а самое большое добро на свѣтѣ въ томъ, чтобы быть въ любви и согласіи со всѣми людьми. Какъ же получить это добро, когда чувствуешь, что однихъ людей любишь, а другихъ не любишь? Надо научиться любить тѣхъ, кого не любишь. Человѣкъ учится самымъ труднымъ искусствамъ, учится читать, писать, всякой наукѣ, ремеслу. Если бы только человѣкъ учился любить такъ же усердно, какъ онъ учится наукамъ и ремесламъ, онъ скоро и легко научился бы тому, чтобы любить всѣхъ людей, даже тѣхъ, которые непріятны намъ³⁾.

По свойству своему любовь, желаніе блага, стремится обнять все существующее. Естественнымъ путемъ оно расширяетъ свои

¹⁾ Иб., с. с. 81—86.

²⁾ „Путь жизни“, с. 88.

предѣлы любовью,—сначала къ семейнымъ—женѣ, дѣтямъ, потомъ къ друзьямъ, соотечественникамъ; но любовь не довольствуется этимъ и стремится обнять все существующее. Въ этомъ непре-
стающемъ расширеніи предѣловъ области любви, составляющемъ сущность рожденія духовнаго существа, и заключается сущность истинной жизни человѣка въ этомъ мірѣ¹⁾).

Кто изъ живыхъ людей не знаетъ того блаженнаго чувства, хоть разъ испытаннаго, и чаще всего только въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда душа не была еще засорена всей той ложью, которая заглушаетъ въ насъ жизнь, того блаженнаго чувства умиленія, при которомъ хочется любить всѣхъ: и близкихъ, и отца, и мать, и братьевъ, и злыхъ людей, и враговъ, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного—чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы всѣ были счастливы, и еще больше хочется того, чтобы самому едѣлать такъ, чтобы всѣмъ было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда и всѣмъ было хорошо и радостно. Это-то и есть, и эта одна есть та любовь, въ которой жизнь человѣка²⁾). Только такая любовь даетъ полное удовлетвореніе разумной природѣ человѣка. И нѣтъ иной любви, какъ той, чтобы положить душу свою за други своя. Любовь—только тогда любовь, когда она есть жертва собой. Только когда человѣкъ отдаетъ другому не только свое время, свои силы, но когда онъ тратитъ свое тѣло для любимаго предмета, отдаетъ ему свою жизнь—только это мы признаемъ всѣ любовью и только въ такой любви мы всѣ находимъ благо, награду любви. И только тѣмъ, что есть такая любовь въ людяхъ, только тѣмъ и стоитъ міръ³⁾).

6.

Существо, открываемое человѣку его разумнымъ сознаниемъ, есть желаніе блага, которое и прежде составляло цѣль его жизни, но съ той разницей, что желаніе блага прежняго существа относилось къ одному тѣлесному существу и не сознавало себя, теперешнее же желаніе блага сознаетъ себя и потому относится не къ чему-либо отдѣльному, а ко всему существующему. Желаніе же блага всему существующему есть то, что даетъ жизнь всему существующему, то, что мы называемъ Богомъ. Оно есть начало всякой жизни, есть любовь, есть Богъ, какъ и сказано въ Посланіи Іоанна, что Богъ есть любовь.

1) „Христіанское ученіе“, с. 17.

2) „О жизни“, с. 90.

3) Ів. с. 88

По прежнимъ ученіямъ, для познанія Бога человекъ долженъ былъ вѣрить тому, что ему другіе люди говорили о Богѣ, о томъ, какъ Богъ сотворилъ будто бы міръ и людей и потомъ проявилъ себя людямъ; по христіанскому же ученію, человекъ непосредственно познаетъ Бога своимъ сознаниемъ въ самомъ себѣ¹⁾. Христіанское ученіе открываетъ человеку то, что сущность его жизни есть не его отдѣльное существо, а Богъ, заключенный въ этомъ существѣ. Богъ же этотъ сознается человекомъ разумомъ и любовью²⁾. Человекъ говоритъ себѣ: «Богъ—это неограниченное все то, что я знаю въ себѣ ограниченнымъ: я—нѣчто ограниченное, Богъ—нѣчто безконечное; я—существо, жившее только то лѣтъ, Богъ—существо, живущее вѣчно; я—существо, мыслящее въ предѣлахъ моего пониманія, Богъ—существо, мыслящее безпредѣльно; я—существо, любящее иногда немного. Богъ—существо, любящее безконечно. Я—часть, Онъ—все. Я себя не могу иначе понимать, какъ частью Его³⁾».

Но, сознавая въ своемъ отдѣльномъ тѣлѣ духовное и нераздѣльное существо Бога и видя присутствіе того же Бога во всемъ живомъ, человекъ не можетъ не спрашивать себя—для чего Богъ, существо духовное, единое и нераздѣльное, заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человека. Для чего существо духовное и единое какъ бы раздѣлилось въ самомъ себѣ? Для чего божественная сущность заключена въ условія отдѣльности и тѣлесности? Для чего бессмертное заключено въ смертное, связано съ нимъ? И отвѣтъ можетъ быть только одинъ: есть Высшая Воля, цѣли которой недоступны человеку. И эта-то Воля постановила человека и все существующее въ то положеніе, въ которомъ оно находится. Эта-то Причина, которая, для какихъ-то недоступныхъ человеку цѣлей заключила себя, желаніе блага всему существующему—любовь—въ отдѣльныя отъ остальнаго міра существа,—есть тотъ же Богъ, котораго человекъ сознаетъ въ себѣ,—познаваемый имъ внѣ себя. Такъ что Богъ, по христіанскому вѣроученію, есть и та сущность жизни, которую человекъ сознаетъ въ себѣ и познаетъ во всемъ мірѣ, какъ желаніе блага; и вмѣстѣ съ тѣмъ и та причина, по которой сущность эта заключена въ условія отдѣльной и тѣлесной жизни⁴⁾.

Иными словами, кромѣ Бога, познаемаго по христіанскому ученію въ самомъ себѣ, какъ желаніе блага всему существующему,

1) „Христіанское ученіе“, с. с. 13—14.

2) „Мысли о Богѣ“, с. 28.

3) *ib.*, с. с. 10—11.

4) „Христіанское ученіе“, с. с. 14—15.

любовь,—человѣкъ, по христіанскому ученію, познаетъ Его еще и внѣ себя,—во всемъ существующемъ¹⁾).

Богъ, для меня, это то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремленіи къ чему и состоитъ моя жизнь, и который поэтому и *есть* для меня,—говоритъ христіанинъ,—но есть непремѣнно такой, что я Его понять, назвать не могу. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я понялъ Бога, я бы дошелъ до Него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Приблизиться мнѣ къ Нему можно и хочется и въ этомъ моя жизнь, но приближеніе нисколько не увеличиваетъ и не можетъ увеличить моего знанія²⁾). Всякая попытка человѣка вообразить, что онъ познаетъ Бога (напримѣръ, какъ творца или милосерднаго и т. д.), удаляетъ его отъ Бога и прекращаетъ его приближеніе къ Богу³⁾).

Одно изъ самыхъ путающихъ всѣ наши метафизическія понятія суевѣрій есть суевѣріе о томъ, что міръ сотворенъ, что онъ произошелъ изъ ничего и что есть Богъ творящій. Въ сущности мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога творца, и никакой нужды (китайцы и индійцы не знаютъ этого понятія), а между тѣмъ Богъ Творецъ и Промыслитель не можетъ совмѣститься съ христіанскимъ Богомъ—Отцомъ, Богомъ—Духомъ,—Богомъ, частица котораго живетъ во мнѣ, составляетъ мою жизнь, и проявить и вызвать которую составляетъ смыслъ моей жизни, Богомъ—любовью. Богъ Творецъ равнодушенъ и допускаетъ страданіе и зло. Богъ Духъ избавляетъ отъ страданія и зла и есть всегда совершенное благо. Бога Творца нѣтъ. Есть я, познающій данными мнѣ орудіями чувствъ міръ и знающій внутренно своего Отца Бога. Онъ—начало меня духовнаго. А міръ внѣшній есть только мой предѣлъ⁴⁾).

Говорятъ: Бога надо понимать какъ личность. Въ этомъ большое недоразумѣніе: личность есть ограниченіе. Человѣкъ чувствуетъ себя личностью только потому, что онъ соприкасается съ другими личностями. Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ не былъ бы личность. Эти два понятія взаимно опредѣляются. Но какъ же про Бога сказать, что Онъ личность, что Богъ личный. Въ этомъ корень антропоморфизма. Про Бога можно сказать только то, что говорили Моисей, Магометъ, что Онъ одинъ; и то одинъ не въ томъ смыслѣ, что нѣтъ другого или другихъ боговъ,—по отношенію къ Богу не можетъ быть понятія числа, и потому нельзя

1) Ib., с. 14.

2) Мысли о Богѣ, с. 5.

3) Ib., с. 6.

4) Ib., с. с. 11—12.

сказать про Бога, что Онъ одинъ, въ значеніи числа,—а въ томъ смыслѣ, что онъ одноцентриченъ, что Онъ—не понятіе, а существо, то, что православные называютъ живымъ Богомъ, въ противоположность Богу пантеистическому, т. е. высшее существо духовное; живущее во всемъ. Главная непостижимость для насъ Бога состоитъ именно въ томъ, что мы знаемъ Его какъ существо единое,—не можемъ иначе знать Его,—и между тѣмъ единое существо, заполняющее собою все, мы не можемъ понять. Если Богъ не одинъ, то Онъ расплывается, Его нѣтъ. Если же Онъ одинъ, то мы невольно представляемъ Его себѣ въ видѣ личности, и тогда Онъ уже не высшее существо, не все. А между тѣмъ для того, чтобы знать Бога и опираться на Него, нужно понимать Его наполняющимъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ¹⁾.

Бога знаешь не столько разумомъ, даже не сердцемъ, но по чувствуемой полной зависимости отъ Него, въ родѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Онъ не знаетъ, кто его держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ, но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того что знаетъ,—любить его²⁾). И мы видимъ, что самый строгій и послѣдовательный агностикъ, хочетъ онъ или не хочетъ этого, признаетъ Бога. Онъ не можетъ не признавать того, что, во-первыхъ, въ существованіи его самого и всего міра есть какой-то недоступный смыслъ; во-вторыхъ что есть законъ его жизни,—законъ, которому онъ можетъ подчиняться, или отъ котораго можетъ уклониться. Вотъ это-то признаніе высшего, недоступнаго человѣку, но неизбежно существующаго смысла жизни и закона своей жизни и есть Богъ и Его Воля³⁾.

Все, что мы знаемъ, мы знаемъ потому, что есть Богъ и мы знаемъ Его. Только на этомъ можно основываться твердо и въ отношеніяхъ къ людямъ и къ себѣ, и къ внѣземной и внѣвременной жизни. И это не только не мистично, но, напротивъ, противоположный взглядъ есть мистицизмъ, а это—одна самая понятная и всѣмъ доступная реальность⁴⁾.

Конечно, нѣтъ ни одного вѣрующаго человѣка, на котораго бы не находили минуты сомнѣнія, сомнѣнія въ существованіи Бога. И эти сомнѣнія не вредны; напротивъ, они ведутъ къ высшему пониманію Бога. Тотъ Богъ, котораго зналъ, сталъ привыченъ, и не вѣришь больше въ Него. Вѣришь вспомнѣ въ Бога только тогда, когда Онъ вновь открывается тебѣ. А открывается Онъ тебѣ съ новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его⁵⁾. Онъ есть то, безъ чего нельзя жить. Знать Бога и жить—одно и

1) Ib., с. с. 20—21.. 2) Ib., с. 7. 3) Ib., с. 23. 4) Ib., с. 24. 5) Ib., с. 16.

то же. Богъ есть жизнь. Живи, отыскивая Бога, и тогда не будетъ жизни безъ Бога¹⁾).

7.

Что происходитъ отъ того, что человѣкъ признаетъ своимъ я не свое отдѣльное существо, а Бога, живущаго въ немъ? Во-первыхъ, то, что, сознательно не желая своему отдѣльному существу блага, такой человѣкъ не будетъ или менѣе напряженно будетъ отнимать его у другихъ; во-вторыхъ, то, что, признавъ своимъ я Бога, желающаго блага всему существующему, этого же будетъ желать и человѣкъ²⁾). И по ученію Христа задача человѣческой жизни состоитъ въ слияніи собственной, сыновней воли съ волей Отца—Бога.

Цѣль, конечная цѣль человѣческой жизни въ безконечномъ по времени и пространству мірѣ, очевидно, не можетъ быть доступна человѣку въ его ограниченности. Но смыслъ ея, т. е. зачѣмъ онъ живетъ и что онъ долженъ дѣлать, непременно долженъ быть понятенъ человѣку, такъ же понятенъ, какъ понятно его назначеніе работнику на большомъ заводѣ³⁾). Человѣкъ есть орудіе для совершенія не извѣстнаго вполнѣ человѣку дѣла, и цѣль этого дѣла не можетъ быть извѣстна, а извѣстенъ человѣку только путь, направленіе, по которому ведутъ его живущіе въ немъ разумъ и любовь. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть цѣль для жизни міра и жизни людей, когда они сливаютъ свою жизнь съ жизнью міра? Понятіе—цѣль есть понятіе ограниченности человѣческаго разума, вродѣ понятій награды и наказанія, и потому—понятіе, не приложимое къ жизни міра. Если есть цѣль, то она должна быть достигнута, и тогда—конецъ. Но для міра вообще есть только жизнь, для участниковъ въ жизни міра есть и можетъ быть только направленіе, путь⁴⁾). И мы знаемъ это направленіе. Движеніе всего человѣчества идетъ отъ стремленія къ личному благу къ требованіямъ совѣсти. Совѣсть есть тотъ высшій законъ всего живущаго, который каждый сознаетъ въ себѣ не только признаніемъ правъ этого всего живущаго, но любовью къ нему. Требования совѣсти суть то, что на христіанскомъ языкѣ называется волей Бога, и потому смыслъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Бога, сознаваемую нами въ нашей совѣсти. Къ чему приведетъ это? Отвѣтить нельзя; но ясное сознаніе необходимости исполненія воли Бога мѣняетъ всю нашу внѣшню.

¹⁾ „Исповѣдь“, с. 41.   ²⁾ „Мысли о Богѣ“, с. 13.

³⁾ „Для чего мы живемъ“, с. 3.   ⁴⁾ „О смыслѣ жизни“, с. с. 7—8.

жизнь и приводит къ тому, что даетъ ей постоянный, все болѣе и болѣе уясняющійся, радостный и разумный смысл¹⁾.

Сойтись по—настоящему могутъ люди только въ Богѣ. Для того, чтобы людямъ сойтись, имъ не нужно идти навстрѣчу другъ другу, а нужно всѣмъ идти къ Богу. Если бы былъ такой огромный храмъ, въ которомъ свѣтъ шелъ бы сверху только въ самой серединѣ, то для того, чтобы сойтись людямъ въ этомъ храмѣ, имъ всѣмъ надо было бы только идти на свѣтъ въ середину. То же и въ мірѣ. Иди всѣ люди къ Богу, и всѣ сойдутся²⁾.

Сила, съ которой мы убѣждены въ чемъ-нибудь, полная, совершенная, непоколебимая, бываетъ не тогда, когда доводы логически неотразимы, и не тогда даже, когда чувство совпадаетъ съ требованіями ума, а только тогда, когда человѣкъ опытомъ убѣждается, испытавъ противоположное, что есть только одинъ путь. Такое убѣжденіе намъ дается о томъ, что жизнь есть только одно: слѣдованіе волѣ Бога³⁾.

Исполненіе воли Бога—дѣло жизни. Но въ чемъ воля Божья? Чтобы узнать волю Отца, надо узнать истинную, основную свою волю. Она, сыновняя воля, всегда совпадаетъ съ отцовскою⁴⁾.

Очень обычная ошибка полагать цѣль жизни въ служеніи людямъ, а не въ служеніи Богу⁵⁾. Все, что мы можемъ поставить себѣ цѣлью, какъ волю Бога,—все недостаточно, неполно, все только признакъ, но не самая воля Бога⁶⁾. Нѣтъ ничего радостнѣе того, какъ то, когда мы знаемъ, что люди любятъ насъ. Но удивительное дѣло: для того, чтобы люди любили насъ, надо не угождать имъ, а надо только приближаться къ Богу. Только приближайся къ Богу и не думай о людяхъ, и люди полюбятъ тебя⁷⁾. Мы знаемъ, вѣрно знаемъ, когда мы живемъ по волѣ Бога. Но не знаемъ мы самую волю Бога, и намъ надо помнить, надо знать, что мы не знаемъ и не можемъ знать ея; а не выставлять себѣ цѣли внѣшнія, отождествляя ихъ съ волей Божьей, какъ бы ни высоки казались намъ эти цѣли, какъ, напримѣръ, поученіе людей въ истинахъ вѣры, установленіе на дѣлѣ Царства Божьяго на землѣ, указаніе примѣра жизни по-Божья и многое другое⁸⁾. Мы все думаемъ, что воля Отца можетъ быть во внѣшнихъ дѣлахъ, а воля Отца—только въ томъ, чтобы мы въ томъ ярмѣ, въ которое запряжены, были кротки и смиренны и, не спрашивая—куда, зачѣмъ, что веземъ, везли бы, пока есть сила, останавливались бы когда велятъ, и опять везли бы, когда велятъ, и не спраши-

1) „Для чего мы живемъ“, с. 13.

2) «Путь жизни», с. с. 81—82.

3) „Для чего мы живемъ“, с. 11.

4) *Ив.*, с. 45.

5) *Ив.*, с. 7.

6) *Ив.*, с. 19.

7) „Путь жизни“, с. 82.

8) „Для чего мы живемъ“, с. 20.

вами бы — зачѣмъ и куда. — «Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ». Будь кротокъ и смиренъ сердцемъ, будь доволенъ всѣмъ, согласенъ на всякое положеніе, и исполнишь волю Отца. Поэтому, чтобы исполнять волю Отца, надо узнать — не что дѣлать, а *какъ* дѣлать то, что приходится дѣлать¹⁾. Признаки же того, что живемъ мы по Его волѣ, даны намъ самые несомнѣнные. Самый первый, главный, несомнѣнный признакъ, которымъ мы такъ склонны пренебрегать, это — отсутствіе ощущенія духовнаго страданія. Если испытываешь полную свободу, ничѣмъ ненарушимую, то живешь по волѣ Божьей. Другой признакъ, повѣряющій первый, это ненарушеніе любви съ людьми. Если не чувствуетъ враждебности ни къ кому и знаешь, что къ тебѣ не чувствуютъ зла, ты въ волѣ Бога. Третій признакъ, опять повѣряющій первый и повѣряемый имъ, есть ростъ духовный. Если чувствуешь, что дѣлаешься духовнѣе, побѣждаешь животное, — ты въ волѣ Бога²⁾.

Христіанское ученіе возвращаетъ человѣка къ первоначальному сознанію себя, но только не себя — животнаго, а себя — Бога, искры Божьей, себя — сына Божія, Бога такого же, какъ и Отецъ, но заключеннаго въ животную оболочку. И сознаніе себя этимъ сыномъ Божьимъ, главное свойство котораго есть любовь, удовлетворяетъ и всѣмъ тѣмъ требованіямъ расширенія области любви, къ которой былъ приведенъ человѣкъ общественнаго жизнепониманія. Тамъ, при все большемъ и большемъ расширеніи области любви для спасенія личности, любовь была необходимостью и приурочивалась къ извѣстнымъ предметамъ: къ себѣ, семьѣ, обществу, человѣчеству; при христіанскомъ міровоззрѣніи любовь есть не необходимость, не приурочивается ни къ чему, а есть существенное свойство души человѣка. Человѣкъ любитъ не потому, что ему выгодно любить того-то и тѣхъ-то, а потому, что любовь есть сущность его души, — потому что онъ не можетъ не любить. Христіанское ученіе есть указаніе человѣку на то, что сущность его души есть любовь, что благо его получается не отъ того, что онъ будетъ любить того-то и то-то, а отъ того, что онъ будетъ любить начало всего — Бога, котораго онъ сознаетъ въ себѣ любовью, и потому, сливая свою волю съ Его Высшей Волей, будетъ любить всѣхъ и все³⁾.

1) «О смыслѣ жизни», с. 19. 2) „Для чего мы живемъ“, с. 20.

3) „Мысли о новомъ жизнепониманіи“, с. 152.

ГЛАВА IV

Самосовершенствованіе.

Царство Божіе внутри и внѣ насъ. Существенныя свойства и значеніе самосовершенствованія. Грѣхи. Соблазны. Суеть-рія. Усилія воздержанія Самоотреченіе, смиреніе, празд-ностъ. Молитва.

1.

Богъ проявляется въ разумномъ чловѣкѣ желаніемъ блага всему существующему, и въ мірѣ—въ отдѣльныхъ существахъ, стремящихся каждое къ своему благу. вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя конечная цѣль жизни міра и скрыта отъ чловѣка, онъ все-таки знаетъ, въ чемъ состоитъ ближайшее дѣло жизни міра, въ которомъ онъ призванъ участвовать; дѣло это есть замѣна раздѣленія и несогласія въ мірѣ—единеніемъ и согласіемъ. Наблюденіе, преданіе, разумъ показываютъ чловѣку, что въ этомъ состоитъ то дѣло Божіе, въ которомъ онъ призванъ участвовать; и внутреннее стремленіе его рождающагося въ немъ духовнаго существа—любви—влечетъ его къ тому же самому. Внутреннее влеченіе рождающагося духовнаго существа чловѣка только одно: увеличеніе въ себѣ любви. И это-то увеличеніе любви есть то самое, что одно содѣйствуетъ тому дѣлу, которое совершается въ мірѣ: замѣны раздѣленія и борьбы — единеніемъ и согласіемъ, то, что въ христіанскомъ ученіи называется установленіемъ Царства Божія ¹⁾).

Царство Божіе—и внутри насъ, и внѣ насъ. Когда мы его устанавливаемъ въ себѣ, оно устанавливается въ мірѣ ²⁾). Я живу затѣмъ, чтобы исполнять волю Пославшаго меня въ жизнь. Воля же Его въ томъ, чтобы я довелъ свою душу до высшей степени

¹⁾ „Христіанское ученіе“, с. с. 15—16.

²⁾ „О самосовершенствованіи“, с. 8.

совершенства въ любви, и этимъ самымъ содѣйствовалъ установленію единенія между людьми и всѣми существами въ мірѣ ¹⁾). Цѣль жизни—только одна: стремиться къ тому совершенству, которое указалъ намъ Христосъ, сказавъ: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Эта единственная доступная человѣку цѣль жизни достигается не стояніемъ на столбѣ, не аскетизмомъ, а выработкою въ себѣ любовнаго общенія со всѣми людьми. Изъ стремленія къ этой правильно понимаемой цѣли вытекаютъ всѣ полезныя человѣческія дѣятельности, и соотвѣтственно этой цѣли рѣшаются всѣ вопросы ²⁾). Любовь вызываетъ любовь въ другихъ; Богъ, проснувшійся въ тебѣ, вызываетъ пробужденіе того же Бога въ другихъ ³⁾). Поэтому установленіе Царства Божія внутри насъ нужно и для Бога, и для насъ, и для другихъ людей ⁴⁾).

Природа, говорятъ, экономна въ расходованіи своихъ силъ: при наименьшемъ усиліи стремится достигнуть наибольшихъ результатовъ. Такъ же и Богъ. Для того, чтобы установить въ мірѣ Царство Божіе, единеніе, служеніе другъ другу и уничтожить вражду, Богу не нужно дѣлать это Самому, если позволить себѣ такъ выразиться. Онъ вложилъ въ человѣка Свой разумъ, освѣбжающій въ немъ любовь, и все, чего Онъ хочетъ, будетъ сдѣлано человѣкомъ. Богъ дѣлаетъ Свое дѣло черезъ насъ. А времени для Бога нѣтъ. Вложивъ въ человѣка разумную любовь, Онъ уже все сдѣлалъ ⁵⁾). Человѣкъ поставленъ въ такія условія, что единственное возможное для него, истинное, разумное благо состоитъ въ стремленіи къ личному самосовершенствованію; личное же самосовершенствованіе таково, что оно достигается только тогда, когда человѣкъ признаетъ себя орудіемъ Божиимъ для установленія Его Царства ⁶⁾). Я—орудіе, которымъ работаетъ Богъ. Мое истинное благо въ томъ, чтобы участвовать въ Его работѣ. Участвовать же въ Его работѣ я могу только тѣми усиліями сознанія, которыя я дѣлаю для того, чтобы держать въ порядкѣ, чистотѣ, остротѣ, правильности то орудіе Божіе, которое поручено мнѣ—себя, свою душу ⁷⁾).

«И не придетъ Царствіе Божіе видимымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ оно здѣсь или вотъ оно тамъ. Ибо вотъ: Царствіе Божіе внутри васъ есть». Въ той мѣрѣ, въ которой достигается

¹⁾ «Для чего мы живемъ», с. 15.

²⁾ «О самосовершенствованіи», с. 6.

³⁾ «Мысли о Богѣ», с. 26.

⁴⁾ «О самосовершенствованіи», с. 8.

⁵⁾ «Мысли о Богѣ», с. 24.

⁶⁾ «Для чего мы живемъ», с. 23.

⁷⁾ «Путь жизни», с. 309.

человѣкъ внутренняго совершенства, въ той мѣрѣ устанавливаетъ онъ Царство Божіе и только въ установленіи Царства Божія онъ подвигается къ внутреннему совершенству. Безъ сознанія того, что усиліе мое содѣйствуетъ установленію Царства Божія приближеніемъ совершенства Отца, не было бы жизни. И потому каждый изъ насъ живетъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ устанавливаетъ Царство Божіе внѣ себя и совершенствуется внутри себя¹⁾. Смыслъ жизни нашей, единственный, разумный, и радостный—въ томъ, чтобы служить и чувствовать себя служащими дѣлу Божію, установленію Царства Его²⁾.

Если ты видишь, что устройство общества дурно, и ты хочешь исправить его, то знай, что для этого есть только одно средство: то, чтобы всѣ люди стали лучше. А для того, чтобы всѣ люди стали лучше, въ твоей власти только одно: самому сдѣлаться лучше. Люди приближаются къ Царствію Божію, т. е. доброй и счастливой жизни, только усиліями каждаго отдѣльнаго человѣка жить доброй жизнью³⁾.

«Да, это было бы такъ, если бы всѣ люди разомъ поняли, что все это дурно и не нужно намъ»,—говорятъ люди, разсуждая о злѣ жизни людской. «Положимъ, одинъ человѣкъ отстанетъ отъ зла, откажется отъ участія въ немъ,—что же это сдѣлаетъ для общаго дѣла, для жизни людей? Измѣненіе жизни людской дѣлается всѣмъ обществомъ, а не одиночными людьми».

Правда, одна ласточка не дѣлаетъ весны. Но неужели отъ того, что одна ласточка не дѣлаетъ весны, не летѣтъ той ласточки, которая уже чувствуетъ весну, а дожидаться? Если такъ дожидаться каждой почкѣ и травкѣ, то весны никогда не будетъ. Такъ же и намъ, для установленія Царства Божія не надо думать о томъ, первая-ли я или тысячная ласточка, а сейчасъ же, хотя бы одному, чувствуя приближеніе Царствія Божія, дѣлать то, что нужно для его осуществленія⁴⁾.

«Огонь пришелъ я низвестъ на землю: и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся». (Луки XII, 49).—Но почему же огонь этотъ такъ медленно разгорается? Если могло пройти столько вѣковъ, и христіанство не измѣнило строя общественной жизни, какое право имѣемъ мы думать, что это какъ-то само собою сдѣлается теперь? Большинство людей, приведенное къ необходимости признанія истины христіанства, все еще не беретъ эту истину за

¹⁾ „Для чего мы живемъ“, с. 23.

²⁾ Ib., с. 8.

³⁾ „Путь жизни“, с. 315.

⁴⁾ Ib., с. 316.

основаніе своей дѣятельности. Отчего это? А только оттого, что люди ждуть измѣненія отъ внѣшнихъ условій, а не хотятъ понять того, что достигается это только усиленіемъ каждаго отдѣльнаго человѣка въ своей душѣ, а не какими-либо внѣшними измѣненіями¹⁾.

«Ищите Царствія Божія и правды его, а остальное приложится». Ищите лишь того, чтобы быть исполнителями воли Бога; тогда все будетъ: и праведность, и радость, и жизнь, не говоря о хлѣбѣ и одеждѣ, которые и не нужны. Нуженъ только хлѣбъ насущный,—пища жизни, та, про которую Христосъ сказалъ: «пища Моя творитъ Волю Пославшаго»²⁾.

2.

Жизнь истинная дапа человѣку подѣ двумя условіями: чтобы онъ дѣлалъ добро людямъ и увеличивалъ данную ему силу любви. Одно обуславливаетъ другое: добрыя дѣла, увеличивающія любовь въ людяхъ, только тогда таковы, когда при совершеніи ихъ человѣкъ чувствуетъ, что въ немъ увеличивается любовь, когда онъ дѣлаетъ ихъ любя, съ умиленіемъ; увеличивается же въ немъ любовь (онъ совершенствуется) только тогда, когда онъ дѣлаетъ добрыя дѣла и вызываетъ любовь въ другихъ людяхъ. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ свойствъ самосовершенствованія.

Отсюда легко заключить, что всякое устройство, всякое опредѣленіе, всякая остановка сознанія на какомъ-нибудь состояніи есть преобладаніе заботы и увеличеніе въ себѣ любви совершенствованія безъ добрыхъ дѣлъ. Самая грубая форма есть стояніе на столбу; но всякая форма есть болѣе или менѣе такое стояніе.

Всякая форма отдѣляетъ отъ людей, слѣдовательно и отъ возможности добрыхъ дѣлъ и вызванія въ нихъ любви. Таковы и общины. И это ихъ недостатокъ, если признать ихъ постоянной формой. Стояніе на столбу, и уходженіе въ пустыню, и житіе въ общинѣ можетъ быть нужно временно людямъ, но какъ постоянная форма это очевидный грѣхъ и неразуміе. Жить чистою, святою жизнью на столбу или въ общинѣ нельзя, потому что человѣкъ лишень одной половины жизни—общенія съ міромъ, безъ котораго его жизнь не имѣетъ смысла. Представьте себѣ, что всѣ люди, понимающіе ученіе истины, собрались бы вмѣстѣ и поселились на островѣ. Неужели это была бы жизнь? Все дѣло ученика Христа—установить наихристіаннѣйшія отношенія съ этимъ міромъ. Дѣло наше, какъ дѣло няньки,—возрастить порученное намъ—нашу жизнь.

¹⁾ Тамъ, с. с. 316—317.

²⁾ „Для чего мы живемъ“, с. 17.

И пусть не говорят столь любимую пошлость, что растить свою жизнь — эгоизмъ. Растить свою жизнь — служить Богу. Люби Господа Бога *твоего* всѣмъ сердцемъ, всею душой и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго, какъ самого себя. Когда видишь пользу ближняго и не видишь никому пользы отъ своего роста, и приходится выбирать, выбирай всегда ростъ своей жизни, потому что польза ближняго *всегда* сомнительна, благо же роста своей жизни *всегда* несомнѣнно. Сказать, что жизни нѣтъ у человѣка, который не растить свою жизнь, не есть метафора. У такого человѣка точно нѣтъ жизни, какъ пѣть ея въ деревѣ, которое спускаетъ старую кору, но не выращиваетъ новую, какъ нѣтъ ея въ животномъ, которое разлагается, но не ассимилируетъ пищу. Вся плотская жизнь организма съ ея пищей, ростомъ, продолженіемъ рода есть по отношенію истинной жизни (растущей) разрушительный процессъ. Вѣдь не только нѣтъ никакой возможности просвѣщать и исправлять другихъ, не просвѣтивъ и не исправивъ себя до послѣднихъ предѣловъ своей возможности, но нельзя и просвѣщать и исправлять себя въ одиночку, а всякое истинное просвѣщеніе и исправленіе себя неизбѣжно просвѣщаетъ и исправляетъ другихъ и только одно это средство дѣйствительно просвѣщаетъ и исправляетъ другихъ вродѣ того, какъ загорѣвшійся огонь не можетъ свѣтить и согрѣвать только тотъ предметъ, который сгораетъ въ немъ, но неизбѣжно свѣтитъ и грѣетъ вокругъ себя, а свѣтитъ и грѣетъ вокругъ себя только тогда, когда самъ горитъ¹⁾. Въ утвержденіи же, что совершенствованіе есть эгоизмъ, что нельзя для совершенствованія уходить изъ жизни, заключается великая неправда, такъ какъ совершенствоваться можно только въ жизни и въ общеніи съ людьми²⁾.

Совершенство, указываемое христіанствомъ, безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто; и Христосъ даетъ свое ученіе, имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному, безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей, и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности. Христосъ признаетъ существованіе обѣихъ сторонъ параллелограмма, обѣихъ вѣчныхъ, неуничтожимыхъ силъ, изъ которыхъ слагается жизнь человѣка: силу животной природы и силу сознанія сыновности Богу. Не говоря о силѣ животной, которая, сама себя утверждая, остается всегда равна сама себѣ и находится внѣ власти человѣка, Христосъ говоритъ только о силѣ Божеской, призывая человѣка

¹⁾ „О самосовершенствованіи“, с. с. 1—4.

²⁾ *ib.*, с. 5.

дѣ наибольшему сознанию ея, къ наибольшему освобожденію ея отъ того, что задерживаетъ ее, и къ доведенію ея до высшей степени напряженія. Ученіе христіанское кажется исключаящимъ возможность жизни только тогда, когда люди указаніе идеала принимаютъ за правило. Только тогда представляются уничтожающими жизнь тѣ требованія, которыя предъявляются ученіемъ Христа. Тrequoванія эти, напротивъ, однѣ даютъ возможность истинной жизни. Безъ этихъ требованій истинная жизнь была бы невозможна. Ученіе Христа тѣмъ отличается отъ прежнихъ ученій, что оно руководитъ людьми не внѣшними правилами, а стремленіемъ къ достиженію божескаго совершенства. И въ душѣ человѣка находятся не умѣренныя правила справедливости и филантропіи, а идеальнаго полнаго безкопечнаго божескаго совершенства. Спустить требованія идеала значитъ не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеаль, тогда какъ онъ не выдуманъ кѣмъ-то, но лежитъ въ душѣ каждаго человѣка. Ученіе же Христа только тогда имѣетъ силу, когда оно требуетъ все большаго и большаго совершенства, все большаго и большаго слиянія божеской сущности, находящейся въ душѣ человѣка, съ волей Бога—соединенія Сына съ Отцомъ.

Ни одно состояніе по этому ученію не можетъ быть выше или ниже другаго. Всякое состояніе, по этому ученію, есть только извѣстная, сама по себѣ безразличная ступень къ недостижимому совершенству и потому—само по себѣ не составляетъ ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличеніе жизни, по этому ученію, есть только ускореніе движенія къ совершенствѣ. И потому движеніе къ совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на крестѣ—составляетъ высшую степень жизни, чѣмъ неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого ученія не можетъ быть правилъ и законовъ, обязательныхъ для исполненія. Человѣкъ, стоящій на низшей ступени, подвигаясь къ совершенству, живетъ нравственнѣе, лучше, болѣе исполняетъ ученіе, чѣмъ человѣкъ, стоящій на гораздо болѣе высокой ступени нравственности, но не подвигающійся къ совершенству. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны передъ этимъ ученіемъ; никакое исполненіе законовъ не составляетъ исполненія ученія. Исполненіе ученія—въ движеніи отъ себя къ Богу¹⁾.

3.

Душа наша, сознавая свою отдѣленность отъ Бога и другихъ живыхъ существъ, стремится къ соединенію съ тѣмъ, отъ чего

¹⁾ „Мысли о новомъ жизнепониманіи“, с. с. 147—150.

она отдѣлена. Соединяется же душа человѣческая съ Богомъ все большимъ и большимъ сознаниемъ въ себѣ божественнаго начала. Съ другими же существами соединяется душа все большимъ и большимъ проявленіемъ любви. Въ этомъ стремленіи къ соединенію сознаниемъ въ себѣ Бога и любовью, хотя часто и не сознаваемомъ нами, заключается сущность нашей жизни и ея единое и истинное благо.

Большее и большее соединеніе души человѣческой съ Богомъ и другими существами, и потому и большее и большее благо человѣка достигается освобожденіемъ души человѣческой отъ того, что препятствуетъ человѣку сознавать свое божественное начало и любить другія существа. Препятствуютъ этому сознанию, а также и любви: грѣхи, т. е. потворство похотямъ тѣла; соблазны, т. е. ложныя представленія о благѣ, и суевѣрія, т. е. ложныя ученія, оправдывающія грѣхи и соблазны¹⁾. Жизнь человѣческая была бы неперестающимъ благомъ, если бы суевѣрія, соблазны и грѣхи людей не лишали ихъ этого возможнаго и доступнаго имъ блага²⁾.

Тѣ люди, которые вѣрятъ въ то, что Богъ сотворилъ міръ, часто спрашиваютъ: зачѣмъ же сотворилъ Богъ людей такъ, что они должны грѣшить, не могутъ не грѣшить? Спрашивать объ этомъ все равно, что спрашивать о томъ, зачѣмъ Богъ сотворилъ матерей такъ, что для того, чтобы имъ имѣть дѣтей, имъ надо мучиться, рожать, выкармливать, воспитывать дѣтей? Не проще ли было бы, если бы Богъ сразу далъ матерямъ готовыхъ дѣтей, безъ родовъ, безъ кормленія, безъ трудовъ, заботъ, страховъ? Никакая мать не спроситъ этого, потому что ребенокъ и дорогъ ей потому, что и въ мукахъ родовъ, и въ кормленіи, и въ выращиваніи, и въ заботахъ о дѣтяхъ была ея лучшая радость жизни. То же и съ человѣческою жизнью: грѣхи, соблазны и суевѣрія, борьба съ ними и побѣда надъ ними,—въ этомъ и смыслъ и радость человѣческой жизни. Тяжело бываетъ человѣку знать про свои грѣхи, но и зато большая радость чувствовать, что освобождаешься отъ нихъ. Не было бы ночи, мы не радовались бы свѣту солнца. Не было бы грѣха, не зналъ бы человѣкъ радости праведности³⁾. Грѣхи, соблазны и суевѣрія—это та земля, которая должна покрывать сѣмена любви для того, чтобы они могли взойти⁴⁾.

¹⁾ «Путь жизни», с. с. 13—14.

²⁾ *Ив.*, с. 100.

³⁾ *Ир.*, с. 113.

⁴⁾ *Ив.*, с. 114.

Единое, истинное благо человека въ любви. Лишается же человекъ этого блага, когда онъ вмѣсто того, чтобы увеличивать въ себѣ любовь, увеличиваетъ въ себѣ потребности тѣла, потакая имъ¹⁾. Въ этомъ состоитъ грѣхъ *излишества*.

Въ наше время большая часть людей думаетъ, что благо жизни въ служеніи тѣлу. Это видно изъ того, что самое распространенное въ наше время ученіе, это — ученіе социалистовъ. По этому ученію, жизнь съ малыми потребностями есть жизнь скотская, и увеличеніе потребностей это первый признакъ образованнаго человека, признакъ сознанія имъ своего человѣческаго достоинства. Люди нашего времени такъ вѣрятъ этому ложному ученію, что только глумятся надъ тѣми мудрецами, которые въ уменьшеніи потребностей видѣли благо человека²⁾. Людямъ слѣдовало бы учиться у животныхъ тому, какъ надо обходиться съ своимъ тѣломъ. Какъ только у животного есть то, что ему нужно для его тѣла, оно успокаивается; человеку же мало того, что онъ утолил свой голодъ, укрылся отъ непогоды, согрѣлся, — онъ придумываетъ разныя сладкія питья и кушанья, строитъ дворцы, готовитъ лишнія одежды и вообще стремится къ ненужной роскоши, отчего ему не лучше, а только хуже живется³⁾. Ни вино, ни опиумъ, ни табакъ не нужны для жизни людей. Все знаютъ, что и вино, и опиумъ, и табакъ вредны и тѣлу и душѣ. А между тѣмъ, чтобы производить эти яды, тратятся труды миллионъ людей. Зачѣмъ же дѣлаютъ это люди? Дѣлаютъ это люди оттого, что, впавъ въ грѣхъ служенія тѣлу и видя, что тѣло никогда не можетъ быть удовлетворено, они придумали такія вещества, какъ вино, опиумъ, табакъ, которыя одуряютъ ихъ настолько, что они забываютъ про то, что у нихъ нѣтъ того, чего они желаютъ⁴⁾. Еще съ самыхъ древнихъ временъ мудрецы учили, что не надо ѣсть мяса животныхъ, а питаться растеніями. У Плутарха, писавшаго жизнь Пифагора, спрашивали, почему и зачѣмъ Пифагоръ не ѣлъ мяса. Плутархъ отвѣчалъ, что его не то удивляетъ, что Пифагоръ не ѣлъ мяса, а удивляетъ то, что еще теперь есть люди, которые могли бы сытно питаться зернами, овощами и плодами, и которые, вмѣсто этого, ловятъ живыя существа, рѣжутъ ихъ и ѣдятъ⁵⁾. «Не убій» относится не къ одному убійству человека, но и къ убійству всего живого. И заповѣдь эта была

1) Ib., с. 115.

2) Ib., с. с. 119—120.

3) Ib., с. с. 119—120.

4) Ib., с. 124.

5) Ib., с. 121.

записана въ сердцѣ человѣка прежде, чѣмъ она была записана на Синаѣ ¹⁾).

Во всѣхъ людяхъ—женщинахъ и мужчинахъ—живетъ Духъ Божій. Какой же грѣхъ смотрѣть на носителя Духа Божія, какъ на средство удовольствія! Всякая женщина для мужчины прежде всего должна быть сестрою, и всякій мужчина для женщины—братомъ ²⁾). Неиспорченному человѣку всегда бываетъ и отвратительно и стыдно думать и говорить о половыхъ сношеніяхъ. Надо беречь это чувство. Оно не даромъ вложено въ душу людей. Чувство это помогаетъ человѣку удержаться отъ грѣха *блуда* и соблудности свое цѣломудріе ³⁾).

Хотя только рѣдкіе люди могутъ быть вполне цѣломудренны, пусть всякій человѣкъ понимаетъ и помнитъ, что онъ всегда можетъ быть болѣе цѣломудренъ, чѣмъ онъ былъ прежде, и можетъ вернуться къ нарушенному цѣломудрію, и что чѣмъ больше приблизится человѣкъ къ полному цѣломудрію, тѣмъ больше онъ получитъ самъ для себя истиннаго блага и тѣмъ болѣе онъ будетъ въ состояніи служить благу ближнихъ ⁴⁾). «Вамъ сказано (сказалъ Христосъ, поминая слова закона Моисея): не прелюбодѣйствуй. А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ» (Мѡ. V, 27—28). Слова эти не могутъ означать ничего другого, какъ только то, что, по ученію Христа, человѣкъ вообще долженъ стремиться къ полному цѣломудрію.—Какъ же это можетъ быть?—скажутъ на это.—Держись люди полнаго цѣломудрія, уничтожится родъ человѣческой. Но, говоря такъ, люди забываютъ то, что указывать совершенство, къ которому мы должны стремиться, не означаетъ того, что человѣкъ долженъ достигнуть полнаго совершенства. Человѣку ни въ чемъ не дано достигнуть полнаго совершенства. Назначеніе человѣка въ приближеніи къ совершенству ⁵⁾). Что дѣлать чистымъ юношѣ и дѣвушкѣ, когда въ нихъ пробудилось половое чувство? Чѣмъ руководиться? Соблюдать себя чистымъ и стремиться ко все большому и большому цѣломудрію мыслей и желаній. Что дѣлать юношѣ и дѣвушкѣ, подпавшимъ соблазнамъ, поглощеннымъ мыслями о безпредметной любви или о любви къ извѣстному лицу? Все то же: не попускать себя на паденіе, зная, что такое поупущеніе не освободитъ отъ соблазна, а только уси-

¹⁾ Ib., с. 122.

²⁾ Ib., с. 130.

³⁾ Ib., с. 133.

⁴⁾ Ib., с. с. 131—132.

⁵⁾ Ib., с. с. 132—133.

мать его, и все такъ же стремиться къ большому и большому цѣломудрію. Что дѣлать людямъ, когда они не осилили борьбы и пади? Смотрѣть на свое паденіе не какъ на законное наслажденіе, какъ смотрятъ теперь, когда оно оправдывается церемоніей брака, и не какъ на случайное удовольствіе, которое можно повторять съ другими, а также и не какъ на несчастье, когда паденіе совершается съ неровней и безъ церемоніала, а смотрѣть на это первое паденіе какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ. Что дѣлать мужчинѣ и женщинѣ, вступившимъ въ бракъ? Все то же: стремиться вмѣстѣ къ освобожденію себя отъ половой похоти. Главное средство борьбы съ похотью — это сознаніе челоуѣкомъ своей духовности ¹⁾.

Законъ тѣлесной жизни—трудъ. Законъ духовной жизни—любовь. Если челоуѣкъ нарушилъ законъ тѣлесной жизни—законъ труда, онъ неизбѣжно нарушитъ и духовный—законъ любви ²⁾. Въ этомъ состоитъ грѣхъ *тунеядства*.

Людямъ, которые живутъ роскошной жизнью, нельзя любить людей. Нельзя имъ любить, потому что все то, чѣмъ они пользуются, слѣдано поневолѣ, отъ нужды, часто съ проклятіями, тѣми людьми, которыхъ они заставляютъ служить себѣ. Для того, чтобы имъ можно было любить людей, имъ надо прежде перестать мучить ихъ ³⁾. Вся христіанская нравственность въ практическомъ ея примѣненіи сводится къ тому, чтобы считать всѣхъ братьями, со всѣми быть равнымъ, а для того, чтобы исполнить это, надо прежде всего перестать заставлять другихъ работать на себя, а при нашемъ устройствѣ міра—пользоваться какъ можно менѣе работой, произведеніями другихъ,—тѣмъ, что приобрѣтается за деньги,—какъ можно менѣе тратить денегъ, жить какъ можно проще ³⁾. «Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь»,—говорилъ ап. Павелъ ⁴⁾. Ручной трудъ, и особенно земледѣльческій, полезенъ не только для тѣла, но и для души. Людямъ, не работающимъ руками, бываетъ трудно здраво понимать вещи. Такіе люди не переставая думаютъ, говорятъ, слушаютъ или читаютъ. Уму нѣтъ отдыха, и умъ раздражается и путается. Земледѣльческій же трудъ полезенъ челоуѣку тѣмъ, что трудъ, кромѣ того отдыха, который онъ даетъ ему, трудъ: этотъ помогаетъ челоуѣку просто, ясно и разумно понимать положеніе челоуѣка въ жизни ⁵⁾. Земледѣліе, при правильномъ

¹⁾ Ib., с. 136.

²⁾ Ib., с. 150.

³⁾ Ib., с. 147.

⁴⁾ Ib., с. 146.

взглядѣ на трудъ, не есть *одно* изъ занятій, свойственныхъ человѣку. Земледѣіе есть занятіе, свойственное *всѣмъ людямъ*; трудъ этотъ даетъ больше всего свободы и больше всего блага людямъ¹⁾.

Грѣхъ *корыстолюбія* состоитъ въ прибрѣтеніи все большаго и большаго количества предметовъ или денегъ, нужныхъ другимъ людямъ, и въ удержаніи въ своей власти этихъ предметовъ или денегъ для того, чтобы пользоваться по своему желанію чужими трудами²⁾.

Только человѣкъ, увѣренный въ томъ, что онъ не такой же человѣкъ, какъ всѣ, а лучше ихъ, только такой человѣкъ можетъ со спокойной совѣстью владѣть богатствомъ среди бѣдныхъ. Только мыслью о томъ, что онъ лучше другихъ людей, можетъ такой человѣкъ оправдывать самъ передъ собою свое богатство среди бѣдныхъ. И что удивительнѣе всего, это—то, что обладаніе богатствами,—то, что должно бы было стыдить человѣка,—служить ему главнымъ доказательствомъ его превосходства надъ другими людьми. «Я пользуюсь богатствомъ потому, что я лучше другихъ. И я лучше другихъ потому, что пользуюсь богатствомъ»,—говоритъ такой человѣкъ³⁾. «Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое,—какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія? Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиной». (1 посл. Іоанна, III, 17—18). А для того, чтобы богатому любить не словомъ или языкомъ, а дѣломъ и истиной, надо давать просящему, какъ сказалъ Христосъ. А если давать просящему, то какъ бы много имѣнія ни было у человѣка, онъ скоро перестанетъ быть богатъ. А какъ только перестанетъ быть богатъ, такъ и случится съ нимъ то самое, что Христосъ сказалъ богатому юношѣ, т. е. не будетъ уже того, что мѣшало богатому юношѣ идти за нимъ⁴⁾. Съ какими усиліями и грѣхами наживается и бережется богатство! А между тѣмъ только одну радость можемъ мы получить отъ нажитаго богатства. Радость эта въ томъ, чтобы, понявъ все зло богатства, отказаться отъ него⁵⁾.

«Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исх. 20, 13). А я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего подлежитъ суду» (Мѡ. V, 21—22). Объяденіе, праздноствіе, сладострастіе дурны сами по себѣ. Но больше всего дурны эти грѣхи тѣмъ, что отъ нихъ за-

1) Ib., с. 152.

2) Ib., с. 163.

3) Ib., с. 170.

4) Ib., с. 175.

5) Ib., с. 174.

родится самый дурной грѣхъ—*мтѣва*, недоброжелательства, нелюбви къ людямъ ¹⁾).

Безъ любви можно обращаться только съ вещами: безъ любви можно рубить деревья, дѣлать кирпичи, ковать желѣзо, но съ людьми нельзя обращаться безъ любви, такъ же какъ нельзя обращаться съ пчелами безъ осторожности. Не чувствуешь любви къ людямъ, сиди смиренно, занимайся собой, вещами, чѣмъ хочешь, но только не людьми. Только позволь себѣ обращаться съ людьми безъ любви, и не успеешь оглянуться, какъ станешь не человѣкомъ, а звѣремъ, и людямъ повредишь, и себя замучаешь ²⁾). Когда сердиться на кого-нибудь, то обыкновенно ищешь оправданій своему сердцу и стараешься видѣть только дурное въ томъ, на кого сердиться. И этимъ усиливаешь свое недоброжелательство. А надо совсѣмъ напротивъ: чѣмъ больше сердиться, тѣмъ внимательнѣе искать всего того хорошаго, что есть въ томъ, на кого сердиться, и если удастся найти хорошее въ человѣкѣ и полюбить его, то не только ослабишь свое сердце, но и почувствуешь особенную радость ³⁾). Людямъ, всегда всѣмъ недовольнымъ, всѣхъ и все осуждающимъ, хочется сказать: «Вѣдь вы не затѣмъ живете, чтобы повяты нелѣпность жизни, осудить ее, посердиться и умереть. Не можетъ этого быть. Подумайте: не сердиться вамъ надо, не осуждать, а трудиться, чтобы исправить то дурное, которое вы видите. Устранить же его вы можете никакъ не раздраженіемъ, а только тѣмъ чувствомъ доброжелательства ко всѣмъ людямъ, которое всегда живетъ въ васъ и которое вы сейчасъ же почувствуете, какъ только перестанете заглашать его ⁴⁾).

4.

Бываетъ трудно освободиться отъ грѣховъ, главное, оттого, что соблазны поддерживаютъ ихъ.

Таковъ соблазнъ *гордости* ⁵⁾).

Если вы сильнѣе, богаче, ученѣе другихъ, то старайтесь служить людямъ тѣмъ, что у васъ есть лишняго противъ другихъ. Если вы сильнѣе, помогайте слабымъ; если умнѣе, помогайте неумнымъ; если учены—неученымъ; если богаты—бѣднымъ. Но не такъ думаютъ гордые люди. Они думаютъ, что если у нихъ есть то, чего нѣтъ

1) *Ib.*, с. 178.

2) *Ib.*, с. с. 185—186.

3) *Ib.*, с. 184.

4) *Ib.*, с. 186.

5) *Ib.*, с. 194.

у другихъ, то имъ надо не дѣлиться этимъ съ людьми, а только величаться передъ ними ¹⁾). Гордые люди такъ заняты тѣмъ, чтобы поучать другихъ, что имъ некогда подумать о себѣ, да и неза-чѣмъ: они и такъ хороши. И потому, чѣмъ больше они поучаютъ другихъ, тѣмъ все ниже и ниже сами падаютъ ²⁾). Главное дѣло жизни въ улучшеніи своей души. Гордый же человѣкъ считаетъ себя всегда вполне хорошимъ. Отъ этого-то гордость особенно вредна. Она мѣшаетъ человѣку въ главномъ дѣлѣ жизни людей, въ томъ, чтобы становиться лучше ³⁾). Люди враждуютъ другъ съ другомъ и знаютъ, что это нехорошо. И вотъ, чтобы обмануть себя и заглушить въ себѣ совѣсть, придумываютъ оправданія своей враждебности. Одно изъ такихъ оправданій это то, что я лучше другихъ людей, а они не понимаютъ этого, и вотъ отъ этого я не могу сходиться съ ними; другое оправданіе это то, что моя семья лучше другихъ семей; третье—что мое сословіе лучше другихъ сословій; четвертое—что мой народъ лучше другихъ народовъ. Ничто такъ не разъединяетъ людей, какъ гордость—и личная, и семейная, и сословная, и народная ⁴⁾).

Стоитъ взглянуть на жизнь христіанскихъ народовъ, раздѣленныхъ на людей, проводящихъ всю жизнь въ одуряющемъ, убивающемъ, ненужномъ имъ трудѣ, и другихъ, пресыщенныхъ праздностью и всякаго рода наслажденіями, чтобы быть пораженнымъ той ужасной степенью неравенства, до которой дошли люди, исповѣдующіе законъ христіанства, и въ особенности той ложью проповѣди равенства при устройствѣ жизни, ужасающей самымъ жестокимъ и очевиднымъ неравенствомъ ⁵⁾). Люди привыкли въ мысляхъ своихъ дѣлить людей на знатныхъ и незнатныхъ, благородныхъ и подлыхъ, образованныхъ и необразованныхъ, и такъ привыкли къ такому дѣленію, что въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что одни люди могутъ быть лучше другихъ людей, что однихъ можно больше уважать, чѣмъ другихъ, только потому, что одни люди причислены людьми же къ одному разряду, а другіе къ другому ⁶⁾). Въ этомъ состоитъ соблазнъ *неравенства*. Не будь этого соблазна, люди никогда не могли бы дѣлать всѣхъ тѣхъ злодѣяній, которыя они дѣлали и теперь не переставая дѣлаютъ только оттого, что не признаютъ всѣхъ людей равными ⁷⁾). И въ непризнаніи всѣхъ

1) Ib., с. 195.

2) Ib., с. 194.

3) Ib., с. 203.

4) Ib., с. 198.

5) Ib., с. с. 205—206.

6) Ib., с. с. 206—207.

7) Ib., с. 207.

людей равными виноваты столько же тѣ, которые величаютъ себя передъ другими, сколько и тѣ, которые признаютъ себя низшими передъ тѣми, кто величаетъ себя¹⁾.

Но въ чемъ состоитъ равенство? Равенство, это — признаніе за всеѣми людьми міра одинаковыхъ правъ на пользованіе естественными благами міра, одинаковыхъ правъ на блага, происходящія отъ общей жизни, и одинаковыхъ правъ на уваженіе личности человѣка²⁾. Считать всеѣхъ людей равными себѣ — не значитъ того, чтобы ты былъ такъ же силенъ, ловокъ, уменъ, ученъ, добръ, какъ другіе, но значить, что въ тебѣ есть то, что важнѣе всего на свѣтѣ и что есть одно и то же во всеѣхъ людяхъ — Духъ Божій³⁾.

Люди видятъ, что въ ихъ жизни что-то нехорошо и что-то надо улучшить. Улучшать же человѣкъ можетъ только то одно, что въ его власти, — самого себя. Но для того, чтобы улучшать самого себя, надо прежде всего признать, что я не хорошъ, а этого не хочется. И вотъ все вниманіе обращается не на то, что всегда въ твоей власти, — не на себя, а на тѣ внѣшнія условія, которыя не въ нашей власти и измѣненіе которыхъ такъ же мало можетъ улучшить положеніе людей, какъ взбалтываніе вина и переливаніе его въ другой сосудъ не можетъ измѣнить его качества. И начинается, во-первыхъ, праздная, а во-вторыхъ, вредная, гордая (мы исправляемъ другихъ людей) и злая (можно убить людей, мѣшающихъ общему благу), развращающая дѣятельность⁴⁾. Такъ возникаетъ соблазнъ *насилія*. Главный вредъ соблазна устроительства жизни другихъ людей насиліемъ въ томъ, что какъ только человѣкъ допустилъ возможность совершить насиліе надъ однимъ человѣкомъ во имя блага многихъ, такъ нѣтъ предѣловъ того зла, которое можетъ быть совершено имъ во имя такого предположенія. На такомъ же предположеніи основывались въ прежнія времена пытки, инквизиціи, рабство, въ наше время — суды, тюрьмы, казни, войны, отъ которыхъ гибнутъ милліоны⁵⁾.

Заставлять силою людей переставать дѣлать худое — все равно что запрудить рѣку и радоваться, что рѣка на время ниже плотины мелѣетъ. Какъ рѣка, когда придетъ время, перельется черезъ плотину и будетъ течь все такъ же, такъ и люди, дѣлающіе худое, не перестанутъ его дѣлать, а только выждутъ время. Всякій по себѣ знаетъ, какъ трудно измѣнить свою жизнь и стать такимъ,

1) *Ив.*, с. 207.

2) *Ив.*, с. 210.

3) *Ив.*, с. 213.

4) *Ив.*, с. с. 217—218.

5) *Ив.*, с. 221.

какимъ хотѣлъ бы быть. Когда же дѣло идетъ о другихъ, то кажется, что стоитъ только приказать и припугнуть, и другіе сдѣлаются такими, какими мы хотимъ, чтобы они были¹⁾. Только тѣ люди, которымъ выгодно властвовать надъ другими людьми, могутъ вѣрить въ то, что насиліе можетъ улучшить жизнь людей. Людямъ же, не подпавшимъ этому суевѣрію, должно бы быть ясно видно, что жизнь людей можетъ измѣниться къ лучшему только отъ ихъ внутренняго душевнаго измѣненія, а никакъ не отъ тѣхъ насилій, которыя надъ ними дѣлаются²⁾. Человѣку дана власть только надъ самимъ собою. Только свою жизнь можетъ устраивать человѣкъ такъ, какъ онъ считаетъ для себя хорошимъ и нужнымъ. А почти все люди заняты тѣмъ, чтобы устраивать жизнь другихъ людей, и изъ-за этой заботы объ устройствѣ жизни людей сами подчиняются тому устройству, которое приготавливаютъ для нихъ другіе люди³⁾.

Изъ представленія о возможности насиліемъ устраивать жизнь другихъ людей вытекаетъ другой соблазнъ—возмездія или *наказанія*. Люди по-злости, по желанію выместить обиду, по ложному представленію объ огражденіи себя, дѣлаютъ зло, а потомъ, чтобы оправдаться, увѣряютъ людей и себя, что они дѣлаютъ это только для того, чтобы исправить того, кто сдѣлалъ имъ зло⁴⁾.

Ученіе о разумности наказанія не только не содѣйствовало и не содѣйствуетъ лучшему воспитанію людей, не содѣйствуетъ лучшему устройству обществъ и нравственности всѣхъ людей, вѣрящихъ въ наказаніе за гробомъ, но произвело и производитъ неисчислимыя бѣдствія: оно ожесточаетъ дѣтей, ослабляетъ связь людей въ обществѣ и развращаетъ людей обѣщаніемъ ада, лишая добродѣтель ея главной основы⁵⁾. Наказывать человѣка за его дурныя дѣла—все равно, что грѣть огонь. Всякій человѣкъ, сдѣлавшій дурное, уже наказанъ тѣмъ, что лишенъ спокойствія и мучится совѣстью. Если же онъ не мучится совѣстью, то все наказанія, какія могутъ наложить на него люди, не исправятъ его, а только озлобятъ⁶⁾. Въ нашемъ обществѣ существуетъ вѣкоторый порядокъ не потому, что есть судьи, прокуроры, слѣдователи, тюремщики, палачи, солдаты, судящіе, наказывающіе другихъ людей, а потому, что, несмотря на развращеніе, производимое всеми этими прави-

1) *Ib.*, с. 222.

2) *Ib.*, с. с. 230—231.

3) *Ib.*, с. с. 231—232.

4) *Ib.*, с. 242.

5) *Ib.*, с. с. 244—245.

6) *Ib.*, с. 243.

тельственными людьми, люди все-таки жалѣють и любятъ другъ друга ¹⁾).

«Тогда Петръ приступилъ къ нему и сказалъ: Господи! сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? До семи-ли разъ? Исусъ говоритъ ему: не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ». (Мѡ. XVIII, 21, 22). Прощать, значитъ — не мстить, не платить зломъ за зло, значитъ любить. Если человѣкъ вѣритъ въ это, то дѣло не въ томъ, что сдѣлалъ братъ, а что долженъ я сдѣлать. Если ты хочешь исправить ближняго въ его ошибокѣ, скажи ему кротко о томъ, что онъ худо сдѣлалъ. Если онъ не послушаетъ тебя, не вини его, а только самого себя за то, что ты не сумѣлъ сказать ему какъ надобно. Спрашивать о томъ, сколько разъ надо прощать брата, все равно, что спрашивать человѣка, который знаетъ, что пить вино дурно, и рѣшилъ никогда не пить вина, спрашивать его, сколько разъ нужно отказываться отъ вина, когда подносятъ. Если я рѣшилъ не пить, то не буду пить, сколько бы разъ ни подносили. То же и съ прощеніемъ. Прощать—значитъ не то, что сказать: прощаю, а то, чтобы вынуть изъ сердца досаду, недоброе чувство противъ обидѣвшаго. А для того, чтобы сдѣлать это, надо помнить свои грѣхи, а будешь помнить, то навѣрное найдешь за собою худшія дѣла, чѣмъ тѣ, за какія ты сердисься²⁾). Ничто такъ не радуетъ людей, какъ то, когда ихъ прощаютъ за ихъ зло и платятъ добромъ за зло, и ничто такъ не радостно тому, кто это дѣлаетъ. Доброта побѣждаетъ все, а сама непобѣдима³⁾).

Ничто такъ не уродуетъ жизни людей и такъ вѣрно не лишаетъ ихъ истиннаго блага, какъ привычка жить не по ученію мудрыхъ людей міра и не по своей совѣсти, а по тому, что признаютъ хорошимъ и одобряютъ тѣ люди, среди которыхъ живетъ человѣкъ. Въ томъ, чтобы дѣлать то, что дѣлаешь, не для своей души, а только для того, чтобы получить одобреніе людей, заключается соблазнъ *тщеславія*.

Ни одинъ соблазнъ не удерживаетъ людей такъ долго въ своей власти, не отдаляетъ такъ людей отъ пониманія смысла человѣческой жизни и ея истиннаго блага, какъ забота о славѣ, объ одобреніи, уваженіи, похвалѣ людской⁴⁾). Часто приходится видѣть, что человѣкъ добрый, умный, правдивый, хотя и знаетъ, что война, масовденіе, отнятіе у людей самаго необходимаго имъ,

¹⁾ Ib., с. 242.—но въ исправленной по рукописи редакціи.

²⁾ Ib., с. 249.

³⁾ Ib., с. 248.

⁴⁾ Ib., с. 255.

осужденіе людей и другія такія же дѣла—дурны, спокойно продолжаетъ дѣлать ихъ. Отчего это? А оттого, что такой человѣкъ дорожитъ мнѣніемъ людей больше, чѣмъ судомъ своей совѣсти. Только заботой о чужомъ мнѣніи можно объяснить себѣ самый обыкновенный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый удивительный поступокъ людской: ложь. Человѣкъ знаетъ одно и говоритъ другое. Зачѣмъ? Нѣтъ другого объясненія, какъ только то, что онъ думаетъ, что если онъ скажетъ правду, люди не похвалятъ, а если солжетъ, люди похвалятъ его¹⁾. Но въ человѣкѣ есть свой судъ—совѣсть. Дорожить надо только ея оцѣнкой²⁾. Самое важное для тебя то, какъ ты самъ себя понимаешь, потому что отъ этого ты будешь или счастливъ или несчастливъ, а никакъ не отъ того, какъ другіе будутъ понимать тебя. И потому не думай о сужденіи людскомъ, а только о томъ, какъ тебѣ не ослабить, а усилить свою духовную жизнь³⁾. Надо приучать себя жить такъ, чтобы не думать о людскомъ мнѣніи, чтобы не желать даже любви людской, а жить только для исполненія закона своей жизни, воли Бога. При такой одинокой, съ однимъ Богомъ жизни, правла, нѣтъ ужъ побужденія къ добрымъ поступкамъ ради славы людской, но за то устанавливается въ душѣ такая свобода, такое спокойствіе, такое постоянство и такое твердое сознаніе вѣрности пути, которыхъ никогда не узнаетъ тотъ, кто живетъ для славы людской. И приучить себя къ этому можетъ каждый человѣкъ⁴⁾. Трудно различить, служишь-ли ты людямъ для души, для Бога, или для похвалы отъ нихъ. Повѣрка одна: если дѣлаешь дѣло, которое считаешь добрымъ, спроси себя, будешь-ли дѣлать то же, если будешь знать впередъ, что никто никогда не узнаетъ о томъ, что ты дѣлаешь. Если отвѣтишь себѣ, что все-таки будешь дѣлать, тогда навѣрное то, что дѣлаешь, ты дѣлаешь для души, для Бога⁵⁾.

5.

Суевѣрія, оправдывающія грѣхи и соблазны, суть: суевѣріе государства, суевѣріе церкви и суевѣріе науки⁶⁾.

Суевѣріе *государства* состоитъ въ признаніи себя соединеннымъ съ одними людьми одного народа, одного государства, и отдѣленнымъ отъ остальныхъ людей другихъ народовъ и другихъ

1) Ib., с. 260.

2) Ib., с. 258.

3) Ib., с. 262.

4) Ib., с. 268.

5) Ib., с. с. 266—267.

6) Ib., с. 15.

государствъ. Люди мучаютъ, убиваютъ, грабятъ другъ друга и самихъ себя изъ-за этого ужаснаго суевѣрія. Освобождается же отъ него человѣкъ только тогда, когда признаетъ въ себѣ духовное начало жизни, которое одно и то же во всѣхъ людяхъ. Признавая это начало, человѣкъ уже не можетъ вѣрить въ тѣ человѣческія учрежденія, которыя разъединяютъ то, что соединено Богомъ.

«Я очень сожалѣю о томъ, что долженъ предписывать отобраніе произведеній труда, заключеніе въ тюрьму, изгнаніе, каторгу, казнь, войну, т. е. массовое убійство, но я обязанъ поступить такъ, потому что этого самага требуютъ отъ меня люди, давшіе мнѣ власть»,—говорятъ правители. «Если я отнимаю у людей собственность, хватаю ихъ отъ семьи, запираю, ссылаю, казню, если я убиваю людей чужого народа, разоряю ихъ, стрѣляю въ городахъ по женщинамъ и дѣтямъ, то я дѣлаю это не потому, что хочу этого, а только потому, что исполняю волю власти, которой я обѣщалъ повиноваться для блага общаго»,—говорятъ подвластные. Въ этомъ обманъ суевѣрія государства. Только это укоренившееся суевѣріе даетъ безумную, ничѣмъ не оправдываемую, власть сотнямъ людей надъ милліонами и лишаетъ истинной свободы эти милліоны. Не можетъ человѣкъ, живущій въ Канадѣ или въ Канзасѣ, въ Богеміи, Малороссіи, Нормандіи быть свободенъ, пока онъ считаетъ себя—и часто гордится этимъ—британскимъ, сѣверо-американскимъ, австрійскимъ, русскимъ, французскимъ гражданиномъ. Не можетъ и правительство, призваніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы соблюдать единство такого невозможнаго и бессмысленнаго соединенія, какъ Россія, Британія, Германія, Франція—дать своимъ гражданамъ настоящую свободу, а не подобіе ея, какъ это дѣлается при всякихъ хитроумныхъ конституціяхъ, монархическихъ, республиканскихъ или демократическихъ.

Стоитъ только, на минуту отрѣшившись отъ принимаемаго на вѣру лжеученія государства, взглянуть на положеніе человѣка, живущаго въ государствѣ,—къ какому бы самому деспотическому или самому демократическому государству онъ ни принадлежалъ,—чтобы ужаснуться на ту степень рабства, въ которомъ живутъ теперь люди, воображая, что они свободны. Надъ всякимъ человекомъ, гдѣ бы онъ ни родился, существуетъ собраніе людей, совершенно неизвѣстныхъ ему, которое устанавливаетъ законы его жизни: что онъ долженъ и чего не долженъ дѣлать. И чѣмъ совершеннѣе государственное устройство, тѣмъ тѣснѣе сѣтъ этихъ законовъ. При этомъ человѣкъ поставленъ въ такое положеніе, что при всякой покупкѣ потребляемыхъ имъ предметовъ онъ долженъ отдавать большую часть своего труда для какихъ-то неизвѣстныхъ

ему дѣль и для уплаты процентовъ за долги, которые совершены кѣмъ-то во времена его дѣдовъ и прадѣдовъ. За ту часть земли, которую онъ занимаетъ или своимъ жилищемъ, или обработкой поля, съ него требуютъ еще болѣе значительную часть его труда. Мало и этого: человѣку этому въ однихъ государствахъ, въ большинствѣ ихъ, велятъ, какъ только онъ войдетъ въ возрастъ, поступать на нѣсколько лѣтъ въ военное, самое жестокое, рабство и идти воевать; въ другихъ же государствахъ онъ долженъ нанимать людей для этого же дѣла.

Всякій истинный христіанинъ при предъявленіи къ нему требованія государства, противнаго его сознанию, можетъ и долженъ сказать: я не могу доказывать ни необходимости, ни вреда государства; знаю только одно то, что, во-первыхъ, мнѣ не нужно государство, а, во-вторыхъ, что я не могу совершать всѣ тѣ дѣла, которыя нужны для существованія государства. Я живу, живу нынче еще; завтра очень можетъ быть, что меня не будетъ, что я навсегда уйду туда, откуда пришелъ. Пока я живу, я знаю, что если я въ любви съ людьми, мнѣ хорошо, спокойно, радостно, и потому, пока я живу, я хочу любить и быть любимымъ. И вдругъ приходятъ люди и говорятъ: пойдемъ съ нами обирать, казнить, убивать, воевать, тебѣ будетъ отъ этого лучше, а если не тебѣ, то государству.—Что такое? Какое такое государство? Что вы говорите?—отвѣтитъ всякій не ошалѣвшій разумный человѣкъ. Оставьте меня въ покоѣ. Не говорите такихъ глупостей и гадостей.—Если не будетъ государственной власти,—говорятъ начальствующие, то болѣе злые будутъ властвовать надъ менѣ злыми. Но дѣло въ томъ, что то, чѣмъ пугаютъ, уже совершилось: теперь уже властвуютъ болѣе злые надъ менѣ злыми и именно потому, что существуетъ государственная власть. О томъ же, что произойдетъ отъ того, что не будетъ государственной власти, мы судить не можемъ. По всѣмъ вѣроятіямъ должны заключить, что если люди, дѣлающіе насиліе, перестанутъ его дѣлать, то жизнь всѣхъ людей станетъ отъ этого никакъ не хуже, но лучше¹⁾.

Другое губительное суевѣріе, съ которымъ сталкивается человѣкъ, есть суевѣріе *церкви*.

Сущность ученія Христа въ томъ, что онъ показалъ людямъ то божеское совершенство, къ которому въ своей жизни должны приближаться люди. Люди же, не желающіе слѣдовать ученію Христа, иногда нарочно, а иногда и не нарочно, понимаютъ ученіе Христа не такъ, какъ онъ его проповѣдывалъ: какъ непрестанное

¹⁾ Изложено по неизданной главѣ «Пути жизни»: «Суевѣріе государства».

приближеніе къ совершенству, а какъ правило, по которому Христосъ будто бы требуетъ отъ людей божескаго совершенства. И, понимая такъ превратно ученіе Христа, люди, не желающіе ему слѣдовать, дѣлаютъ одно изъ двухъ: или признавая совершенство недостижимымъ (что совершенно справедливо), откидываютъ все ученіе, какъ неисполнимую мечту (это дѣлается свѣтскими людьми), или, что самое вредное и распространенное, что и дѣлалось и дѣлается большинствомъ людей, считающихъ себя христіанами, это—то, чтобы, признавая совершенство недостижимымъ, исправлять, т. е. извращать ученіе, и вмѣсто истиннаго христіанскаго ученія, состоящаго въ вѣчномъ стремленіи къ божескому совершенству, исполнять правила, называемыя христіанскими, но большей частью прямо противныя христіанству¹⁾. Это проявлялось и проявляется во всей дѣятельности церкви²⁾. Самое понятіе церкви, какъ собранія избранныхъ, лучшихъ, есть понятіе не христіанское, гордое, ложное. Кто лучший, кто худшій? Петръ былъ лучшимъ до пѣтуха, а разбойникъ худшій до креста. Развѣ мы не знаемъ въ самихъ себѣ то ангела, то дьявола, которые примѣшиваются къ нашей жизни, такъ что нѣтъ человѣка, который бы совсѣмъ изгналъ изъ себя ангела, ни такого, у котораго изъ-за ангела не выступалъ бы иногда дьяволъ? Какъ же намъ, такимъ пестрымъ существамъ, составлять собраніе избранныхъ, праведныхъ? Есть свѣтъ истины, и есть люди, со всѣхъ сторонъ приближающіеся къ нему, со столько разныхъ сторонъ, сколько есть радіусовъ въ кругѣ,—стало быть, до безконечности разнообразными путями. Будемъ всѣми силами стремиться къ свѣту истины, объединяющему всѣхъ, а насколько мы близки къ нему и объединены—судить не намъ³⁾.

Какъ есть лжеученіе рѣры, такъ есть и лжеученіе, суевѣріе *науки*. Лжеученіе и суевѣріе это въ томъ, чтобы признавать единой, истинной наукой все то, что считается единой, истинной наукой людьми, въ извѣстное время взявшими на себя право опредѣлять истинную науку. А какъ только наукой считается не то, что нужно всѣмъ людямъ, а то, что опредѣляютъ люди, взяшіе на себя въ извѣстное время право опредѣлять, что такое наука, такъ наука не можетъ не быть ложной. Такъ это и сдѣлалось въ нашемъ мірѣ.

Наука въ наше время занимаетъ совершенно то мѣсто, которое занимала церковь 200—300 лѣтъ тому назадъ. Тѣ же при-

1) «Путь жизни», с. с. 279—280.

2) Нецензурное дополненіе къ с. 280 «Пути жизни».

3) «Путь жизни», с. 280.

знанные жрецы— профессора, тѣ же соборы, синоды въ наукѣ, академіи, университеты, съѣзды. То же довѣріе и отсутствіе критики въ вѣрующихъ и тѣ же среди вѣрующихъ разногласія, не смущающія ихъ. Тѣ же слова непонятныя, вмѣсто мысли та же самоувѣренная гордость:

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ откровеніе, церковь!

— Что же съ нимъ говорить, онъ отрицаетъ науку!..

Какъ египтянинъ на всѣ положенія, которыя ему предлагались жрецами какъ истина, не смотрѣлъ такъ, какъ мы теперь смотримъ на нихъ—какъ на вѣрованія.— а какъ на откровенія вышшаго, доступнаго человѣку знанія, т. е. науку, точно такъ же и теперь наивные люди, не знающіе науки, смотрятъ на все то, что имъ выдается теперешними жрецами науки за несомнѣнную истину,—вѣрятъ въ нее.

Для истиннаго знанія вреднѣе всего употребленіе понятій и словъ не вполне ясныхъ. А это-то самое и дѣлаютъ мнимые ученые, придумывая для неяснаго понятія неясныя, несуществующія, выдуманная слова. Ложная наука и ложныя религіи выражаютъ свои догматы всегда высокопарнымъ языкомъ, который непосвященнымъ кажется чѣмъ-то таинственнымъ и важнымъ. Разсужденія ученыхъ людей часто бываютъ столь же мало понятны не только для другихъ; но и для нихъ самихъ, какъ рѣчи профессиональныхъ учителей вѣры. Педантъ ученый, пользуясь латинскими терминами и нововыдуманными словами, часто дѣлаетъ изъ самаго простаго нѣчто столь же непонятное, какъ и латинскія молитвы поповъ для ихъ неграмотныхъ прихожанъ. Таинственность не есть признакъ мудрости. Чѣмъ истинно мудрѣе человѣкъ, тѣмъ проще тотъ языкъ, которымъ онъ выражаетъ свои мысли ¹⁾.

Въ наукѣ бываютъ такіе же обманы, какъ и въ вѣрѣ, и начинаются они съ того же самаго—съ желанія оправдать свои слабости, и поэтому научные обманы такъ же вредны, какъ и религіозные. Люди заблуждаются, живутъ дурно. По-настоящему, слѣдуетъ людямъ, понявъ, что они живутъ дурно, постараться перемѣнить жизнь и начать жить лучше. И тутъ-то являються разныя науки: государственная, финансовая, церковная, уголовная, полицейская, является наука политическая экономія, исторія и самая модная—соціологія, о томъ, по какимъ законамъ живутъ и должны жить люди, и оказывается, что дурная жизнь людей не отъ нихъ,

¹⁾ Тамъ же. с. с. 283—285.

а отъ того, что таковы законы, и что дѣло людей не въ томъ, чтобы перестать жить дурно и измѣнять свою жизнь отъ худшаго къ лучшему, а только въ томъ, чтобы, живя по-прежнему, по своимъ слабостямъ думать, что все худое происходитъ не отъ нихъ самихъ, а отъ тѣхъ законовъ, какіе нашли и высказали ученые. Обманъ этотъ такъ неразуменъ и такъ противенъ совѣсти, что люди никогда бы и не приняли его, если бы онъ не потакалъ ихъ дурной жизни ¹⁾).

Жизнь всѣхъ людей нашего времени такова, что девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ всего народа постоянно заняты физическимъ трудомъ и не имѣютъ ни времени, ни возможности заниматься науками и искусствами. Одна же тысячная этого народа, живущая, освободивши себя отъ физическаго труда, составила соотвѣтствующія своимъ требованіямъ науку и искусство. Спрашивается: каковы по своему качеству должны быть наука и искусство, возникшія при такихъ условіяхъ? ²⁾ Наука сдѣлалась раздавательницей дипломовъ на право пользованія чужими трудами ³⁾. Между тѣмъ, нѣтъ двухъ вещей, болѣе несогласныхъ, чѣмъ знаніе и выгода, наука и деньги. Если для того, чтобы стать болѣе ученымъ, пужны деньги, если ученость покупается и продается за деньги, то и покупатель, и продавецъ ошибаются. Христосъ выгналъ продавцовъ изъ храма. Такъ же должны быть выгнаны продавцы изъ храма науки ⁴⁾).

Главное зло ложной науки въ томъ, что, не будучи въ состояніи изучить *все*, и не зная, безъ помощи религіи, *что должно изучать*, она изучаетъ только *пріятное* для самихъ людей науки, живущихъ неправильной жизнью. Пріятнѣе же всего для людей науки существующій, выгодный для нихъ порядокъ и удовлетвореніе празднои любознательности, не требующее большихъ умственныхъ усилій ⁵⁾. Персидскій мудрецъ говоритъ: «Когда я былъ молодъ, я сказалъ себѣ: хочу познать всю науку. И я узналъ почти все, что знали люди, но когда я сталъ старъ и взглянулъ на все то, что я узналъ, то я увидалъ, что жизнь моя прошла, и я ничего не знаю» ⁶⁾. Важно не количество знаній, а качество ихъ. Можно знать очень многое, не зная самаго пужнаго ⁷⁾).

¹⁾ *Ib.*, с. с. 285—286.

²⁾ *Ib.*, с. 297.

³⁾ *Ib.*, с. 286.

⁴⁾ *Ib.*, с. 287.

⁵⁾ *Ib.*, с. 289.

⁶⁾ *Ib.*, с. 290.

⁷⁾ *Ib.*, с. 291.

6.

Всѣ различія нашихъ положеній въ мірѣ ничто въ сравненіи съ властью человѣка надъ самимъ собою. Если человѣкъ упалъ въ море, то совершенно все равно, откуда онъ упалъ въ море и какое это море. Важно только то, умѣеть-ли этотъ человѣкъ плавать или нѣтъ. Сила не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ умѣннн владѣть собой¹⁾.

Грѣхи, соблазны и суевѣрія, препятствуя соединенію души человѣка съ Богомъ и душами другихъ существъ, лишактъ чело- вѣка свойственнаго ему блага, и потому для того, чтобы пользо- ваться этимъ благомъ, человѣкъ долженъ бороться съ грѣхами, соблазнами и суевѣріями. Для борьбы этой человѣкъ долженъ дѣ- лать усилія. И усилія эти всегда во власти человѣка, во-первыхъ, потому, что совершаются они только въ настоящее мгновеніе, т. е. въ той безвременной точкѣ, въ которой прошедшее соединяется съ будущимъ. Въ каждое же мгновеніе настоящаго человѣкъ свобо- денъ; во-вторыхъ, усилія эти во власти человѣка еще и потому, что они заключаются не въ совершеніи какихъ - либо могущихъ быть неисполнимыми поступковъ, а только въ воздержаніи, всегда возможномъ для человѣка: усиліи воздержанія *отъ поступковъ*, противныхъ сознанію человѣкомъ въ себѣ божественнаго начала и любви ко всему живому; усиліи воздержанія *отъ словъ*, против- ныхъ сознанію человѣкомъ въ себѣ божественнаго начала и любви ко всему живому, и усиліи воздержанія *отъ мыслей*, противныхъ сознанію человѣкомъ въ себѣ божественнаго начала и любви ко всему живому²⁾.

Мы часто говоримъ и думаемъ, что я не могу дѣлать всего, что должно, въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь. Какъ это несправедливо! Та внутренняя работа, въ которой и заключается жизнь, всегда возможна. Ты въ тюрьмѣ, ты боленъ, ты лишенъ возможности какой бы то ни было внѣшней дѣятель- ности, тебя оскорбляютъ, мучаютъ,—но внутренняя жизнь твоя въ твоей власти: ты можешь въ мысляхъ упрекать, осуждать, зави- довать, ненавидѣть людей и можешь въ мысляхъ же подавлять эти чувства и замѣнять ихъ добрыми. Такъ что всякая минута твоей жизни твоя, и никто не можетъ отнять ее у тебя³⁾.

Главное усиліе, которое долженъ сдѣлать надъ собою чело- вѣкъ для доброй жизни, это— то, чтобы не дѣлать того, чего не

¹⁾ *Иб.*, с. 342.

²⁾ *Иб.*, с. с. 15—16.

³⁾ *Иб.*, с. 329.

должно¹⁾. Всѣ люди нашего времени знаютъ, что жизнь наша дурная, и не только осуждаютъ устройство нашей жизни, но и дѣлаютъ дѣла, которыя, по ихъ мнѣнiю, должны улучшить жизнь. Но жизнь отъ этого не улучшается, а становится все хуже и хуже. Отчего это? А оттого, что люди дѣлаютъ самыя хитрыя и трудныя дѣла для улучшенiя жизни, а не дѣлаютъ самаго простаго и легкаго: не воздерживаются отъ участiя въ тѣхъ дѣлахъ, которыя дѣлаютъ нашу жизнь дурною²⁾. Только посмотрѣть на жизнь, ведомую людьми въ нашемъ мiрѣ, посмотрѣть на Чикаго, Парижъ, Лондонъ, всѣ города, всѣ заводы, желѣзныя дороги, машины, войска, пушки, крѣпости, храмы, книгопечатни, музеи, 30-этажные дома и т. п., и задать себѣ вопросъ, что надо сдѣлать прежде всего для того, чтобы люди могли жить хорошо? Отвѣтить можно навѣрное одно: прежде всего перестать дѣлать все то лишнее, что теперь дѣлаютъ люди. А лишнее въ нашемъ европейскомъ мiрѣ, это—0,66 всей дѣятельности людей³⁾. Надо не столько стараться дѣлать добро, сколько стараться быть добрымъ; не столько стараться свѣтить, сколько стараться быть чистымъ. Душа человѣка живетъ какъ будто въ стеклянномъ сосудѣ, и сосудъ этотъ человѣкъ можетъ загрязнить и можетъ держать чистымъ. Насколько чисто стекло сосуда, настолько свѣтитъ черезъ него свѣтъ истины,—свѣтитъ и для самого человѣка, и для другихъ. И потому главное дѣло человѣка—внутреннее, въ содержанiи въ чистотѣ своего сосуда. Только не загрязняй себя, и тебѣ будетъ свѣтло, будешь свѣтить и людямъ⁴⁾.

Для того, чтобы не дѣлать злыхъ дѣлъ, мало того, чтобы удерживаться отъ самыхъ дѣлъ, надо научиться удерживаться отъ злыхъ разговоровъ, а главное—удерживаться отъ злыхъ мыслей. Какъ только вспомнилъ, что разговоръ недобрый—осмѣиваешь, осуждаешь, бранишь другого,—остановись, замолчи и не слушай. То же дѣлай и тогда, когда придутъ недобрыя мысли: думаешь худое о ближнемъ,—все равно, стойтъ или не стоить такихъ сужденiй—этотъ ближнiй,—остановись и старайся думать о другомъ. Только если научишься воздерживаться отъ злыхъ мыслей, будешь въ силахъ воздерживаться и отъ злыхъ дѣлъ⁵⁾.

Мы возмущаемся на тѣлесныя преступленiя: обѣлся, подрался, прелюбодѣйствовалъ, убилъ,—а легко смотримъ на преступ-

1) Ib., с. 335.

2) Ib., с. с. 335—336.

3) Ib., с. 344.

4) Ib., с. 343.

5) Ib., с. с. 340—341.

ленія слова: осудилъ, оскорбилъ, передалъ, напечаталъ, написалъ вредныя, развращающія слова, а между тѣмъ послѣдствія преступленій слова гораздо болѣе тяжелы и значительны, чѣмъ преступленія тѣла. Мы знаемъ, что съ заряженными ружьями надо обращаться осторожно, а не хотимъ знать того, что такъ же осторожно надо обращаться и со словомъ. Слово можетъ не только убить, но и сдѣлать зло хуже смерти¹⁾. Слово—выраженіе мысли и можетъ служить соединенію и раздѣленію людей; поэтому нужно съ осторожностью обращаться съ нимъ²⁾. Надо—или молчать, или говорить вещи, которыя лучше молчанія³⁾.

Хотя и не мысль открыла намъ то, что надо любить, — мысль не могла открыть намъ этого,—но мысль важна тѣмъ, что она показываетъ намъ то, что мѣшаетъ любви. Вотъ это-то усиленіе мысли противъ того, что мѣшаетъ любви, это-то усиленіе мысли важнѣе, нужнѣе и дороже всего⁴⁾. Какъ жизнь и судьба отдѣльнаго человѣка опредѣляются тѣмъ, на что мы менѣе обращаемъ вниманія, чѣмъ на поступки, — его мыслями, такъ и жизнь обществъ, людей и народовъ опредѣляется не событіями, совершающимися среди этихъ обществъ и народовъ, а тѣми мыслями, которыя соединяютъ большинство людей этихъ обществъ и народовъ⁵⁾. Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка, а также и всего человѣчества, начинаются и совершаются въ мысли. Для того, чтобы могла произойти перемѣна чувствъ и поступковъ, должна произойти прежде всего перемѣна мысли⁶⁾.

Плоды рождаются изъ сѣмени. Такъ же дѣла рождаются изъ мыслей. Какъ изъ дурныхъ сѣмянъ рождаются дурные плоды, такъ изъ дурныхъ мыслей рождаются дурныя дѣла. Какъ земледѣлецъ отбираетъ хорошія, настоящія сѣмена отъ сѣмянъ сорныхъ травъ и изъ настоящихъ сѣмянъ отбираетъ лучшія и бережетъ и перебираетъ ихъ, такъ и разумный человѣкъ поступаетъ съ своими мыслями: онъ отгоняетъ пустыя, дурныя, удерживаетъ лучшія и бережетъ и перебираетъ ихъ. Если не будешь отгонять дурныя мысли и не будешь беречь добрыя, не миновать дурныхъ поступковъ. Только отъ добрыхъ мыслей добрыя дѣла. Дорожи добрыми мыслями, ищи ихъ въ книгахъ мудрыхъ людей, въ разумныхъ рѣчахъ, и, главное, въ самомъ себѣ⁷⁾.

1) *Ib.*, с. 353.

2) *Ib.*, с. 346.

3) *Ib.*, с. 355.

4) *Ib.*, с. с. 359—360.

5) *Ib.*, с. 364.

6) *Ib.*, с. 362.

7) *Ib.*, с. 366.

Ко всѣмъ грѣхамъ приводитъ человѣка потворство похотямъ тѣла, и потому для борьбы съ грѣхами человѣку нужны усилія воздержанія отъ поступковъ, словъ и мыслей, потворствующихъ похотямъ тѣла, т. е. усилія *отречение отъ тѣла*. Ко всѣмъ соблазнамъ приводитъ человѣка ложное представленіе о превосходствѣ однихъ людей надъ другими, и потому для борьбы съ соблазнами человѣку нужны усилія воздержанія отъ возвышающихъ себя надъ другими людьми поступковъ, словъ и мыслей, т. е. усилія *смиренія*. Ко всѣмъ суетвѣріямъ приводитъ человѣка допущеніе лжи, и потому для борьбы съ суетвѣріями человѣку нужны усилія воздержанія себя отъ противныхъ истинѣ поступковъ, словъ, мыслей, т. е. усилія *правдивости* ¹⁾.

Всѣ тѣлесные грѣхи: блудъ, роскошь, тунеядство, корыстолюбіе, недоброжелательство, всѣ — только отъ признанія своимъ «я» своего тѣла, отъ подчиненія своей души тѣлу. Избавленіе отъ грѣховъ—только въ признанія своимъ «я» своей души, въ подчиненія душѣ своего тѣла ²⁾. «Потому любите Меня Отецъ, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимаетъ ее у Меня, но Я Самъ отдаю ее; имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего» (Ин. X, 17—18). Самоотреченіе не есть отреченіе отъ себя, а только перенесеніе своего «я» изъ животнаго существа въ духовное. Отречься отъ себя не значитъ отречься отъ жизни. Напротивъ, отречься отъ жизни плотской значитъ усиливать свою истинную духовную жизнь ³⁾. Чѣмъ больше отречается человѣкъ отъ своего тѣлеснаго «я», тѣмъ больше раскрывается въ немъ Богъ. Тѣло скрываетъ Бога въ человѣкѣ ⁴⁾. Только умирая для себя въ тѣлѣ, мы воскресаемъ въ Богѣ ⁵⁾. Мнѣ противна моя жизнь; я чувствую, что весь въ грѣхахъ, — только вымѣзу изъ одного, попадаю въ другой. Какъ мнѣ хоть сколько-нибудь исправить свою жизнь? Одно есть самое дѣйствительное средство: признать свою жизнь въ духѣ, а не въ тѣлѣ, не участвовать въ гадкихъ дѣлахъ тѣлесной жизни. Только пожелаи всей душой этого, и ты увидишь, какъ сейчасъ же сама собой станетъ исправляться твоя жизнь. Она была дурная только оттого, что ты своей духов-

¹⁾ Ib., с. 16.

²⁾ Ib., с. 376.

³⁾ Ib., с. 377.

⁴⁾ Ib., с. 382.

⁵⁾ Ib., с. 383.

ной жизнью служилъ тѣлесной жизни. Безъ жертвы нѣтъ жизни. Вся жизнь—это,—хочешь-ли ты или не хочешь этого,—жертва тѣлеснаго духовному ¹⁾).

Высшее благо человѣка въ этомъ мірѣ есть единеніе съ себѣ подобными. Гордые люди, выдѣляя себя отъ другихъ, лишаютъ сами себя этого блага. Смиранный же человѣкъ уничтожаетъ въ самомъ себѣ все препятствія для достиженія этого блага. И потому смиреніе есть необходимое условіе истиннаго блага ²⁾).

Нѣтъ ни одного человѣческаго преимущества—силы, красоты, богатства, званія, учености, просвѣщенія, даже доброты, которыя при отсутствіи смиренія не уничтожались бы и не превращались бы изъ преимуществъ и хорошихъ качествъ въ отталкивающія свойства. Нѣтъ ничего противнѣе человѣка, кичащагося своимъ богатствомъ, званіемъ, умомъ, просвѣщеніемъ, ученостью, добротой. Люди желаютъ быть любимыми людьми, знаютъ, что гордость отталкиваетъ людей, и все-таки не могутъ быть смиренны. Отчего это? Оттого, что смиреніе не можетъ быть усвоено отдѣльно. Смиреніе есть послѣдствіе перенесенія человѣкомъ своихъ желаній изъ области вещественной въ область духовную ³⁾). Мы часто гордимся тѣмъ, что «мы сдѣлали», а забываемъ то, что въ каждомъ изъ насъ живетъ Богъ, что дѣлая хорошее, мы только орудія, посредствомъ которыхъ дѣлается Имъ Его дѣло. Богъ мною дѣлаетъ то, что Ему нужно, а я горжусь. Все равно, какъ если бы камень, загораживающій протокъ ключа, гордился тѣмъ, что изъ него течетъ вода и что воду эту пьютъ люди и звѣри. Но, скажутъ, камень можетъ гордиться тѣмъ, что онъ чистъ, не портитъ воду. И то неправда. Если онъ чистъ, то только потому, что та же вода обмыла и обмываетъ его. Ничего нашего нѣтъ, все Божіе. Только тогда работникъ будетъ хорошо исполнять свое дѣло, когда онъ пойметъ свое положеніе. Только тогда человѣкъ понимаетъ ученіе Христа, когда онъ ясно понимаетъ то, что жизнь его—не его, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не въ человѣкѣ, а въ волѣ Того, Кто даетъ жизнь, и что поэтому человѣкъ можетъ помѣшать проявленію въ себѣ силы Божіей, но самъ собою не можетъ сдѣлать ничего хорошаго ⁴⁾). Прекрасны слова молитвы: «Приди и вселися въ ны». Въ этихъ словахъ все. Человѣкъ имѣетъ все, что ему нужно, если Богъ вселится въ него. Для того же, чтобы Богъ вселился въ человѣка, дѣлать нужно только одно: умалить себя, чтобы дать мѣсто Богу.

1) Ib., с. 393.

2) Ib., с. 397.

3) Ib., с. 408.

4) Ib., с. с. 398—399.

Какъ только человѣкъ умалитъ себя, Богъ тотчасъ же вселился въ него. И потому для того, чтобы имѣть все, что ему нужно, человѣку надо прежде всего смириться ¹⁾. — Ты какая-то бесконечно малая частица чего - то, и ты былъ бы ничто, если бы у тебя не было опредѣленнаго призванія — дѣла. Это только даетъ смыслъ и значеніе твоей жизни. Дѣло же твое въ томъ, чтобы использовать данныя тебѣ, какъ и всему существующему, орудія: израсходовать на исполненіе предписаннаго свое тѣло. И потому всѣ дѣла равны, и ты не можешь сдѣлать ничего больше того, что тебѣ задано. Ты можешь быть только супротивникомъ Бога или исполнителемъ Его дѣла. Такъ что ничего важнаго, великаго человѣкъ не можетъ себѣ приписать. Только стоитъ приписать себѣ какое-нибудь великое, исключительное дѣло, и нѣтъ конца разочарованіямъ борьбы, зависти, всякимъ страданіямъ; только приписать себѣ значеніе больше растенія, приносящаго плоды, и ты погибъ. Спокойствіе, свобода, радость жизни, безстрашіе смерти даются только тому, кто признаетъ себя въ этой жизни ничѣмъ и нѣмъ, какъ только работникомъ Хозяина ²⁾.

Суевѣрія мѣшаютъ доброй жизни. Освобождаетъ отъ суевѣрій только правдивость — не только передъ людьми, но и передъ самимъ собой ³⁾. Вѣра въ то, что то, что намъ выгодно и пріятно, истинно само въ себѣ, есть естественное свойство какъ дѣтей, такъ и человѣчества въ его дѣтскомъ возрастѣ. Чѣмъ дольше живутъ и человѣкъ и человѣчество, чѣмъ больше уясняется и утверждается ихъ разумъ, тѣмъ все больше человѣкъ и человѣчество освобождаются отъ такого ложнаго представленія о томъ, что истинно все то, что выгодно человѣку. И потому какъ всякому человѣку, такъ и всему человѣчеству, необходимо, по мѣрѣ движенія ихъ въ жизни, усиліями своего разума и всей мудростью прежде жившихъ людей провѣрять принятые на вѣру положенія о томъ, что истинно ⁴⁾. Хотя бы весь міръ признавалъ ученіе истиннымъ и какъ бы древне оно ни было, человѣкъ долженъ провѣрять его разумомъ и смѣло откидывать, если оно не сходится съ требованіями разума ⁵⁾. Разумъ есть величайшая святыня въ мірѣ, а потому и величайшій грѣхъ злоупотреблять разумомъ, употреблять его на то, чтобы скрывать или извращать истину ⁶⁾. Если наша жизнь не согласна съ правдой, то все-таки лучше признать

1) *Иб.*, с. 403.

2) *Иб.*, с. с. 401—402.

3) *Иб.*, с. 411.

4) *Иб.*, с. 413.

5) *Иб.*, с. 411.

6) *Иб.*, с. 417.

правду, чѣмъ скрывать ее: жизнь свою мы можемъ измѣнить по правдѣ; правду же мы ничѣмъ измѣнить не можемъ, она останется, какой была, и не перестанетъ обличать насъ ¹⁾. Исправленіе существующаго зла жизни не можетъ начаться ни съ чего другого, какъ только съ обличенія религіозной лжи и установленія религіозной истины въ себѣ каждымъ отдѣльнымъ человекомъ ²⁾. «Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными» (Іоан. VІІІ, 32).

8.

Есть еще одно могущественное средство для борьбы съ грѣхами. Оно заключается въ томъ, чтобы больше и больше, яснѣе и яснѣе узнавать себя, понимать и помнить о своемъ положеніи въ мірѣ и при совершеніи каждаго поступка оцѣнивать его, для того, чтобы не впасть въ грѣхъ. Средство это есть молитва. Для людей прежняго времени молитва была, и теперь остается для большинства людей, обращеніемъ при извѣстныхъ условіяхъ: въ извѣстныхъ мѣстахъ, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ и словахъ—къ Богу или богамъ для умилоствленія ихъ. Христіанское ученіе не знаетъ такихъ молитвъ, но учитъ тому, что молитва необходима не какъ средство избавленія отъ мірскихъ бѣдствій и пріобрѣтеній мірскихъ благъ, а какъ средство укрѣпленія человека въ борьбѣ съ грѣхами ³⁾. Просительная молитва не имѣетъ смысла. О внѣшнихъ событіяхъ: о томъ, чтобы пошелъ дождь, или былъ живъ любимый мною человекъ, или я былъ здоровъ и не умеръ,—нельзя молиться потому, что эти событія происходятъ по законамъ, установленнымъ Богомъ разъ навсегда. О внутреннемъ же своемъ совершенствованіи нельзя молиться потому, что намъ дано все то, что нужно для нашего совершенствованія, и прибавлять къ этому ничего не нужно и нельзя ⁴⁾. Дѣйствительны могутъ быть только мои усилія исполнять ученіе Христа ⁵⁾. Въ Евангеліи указано, какъ должно молиться и въ чемъ должна состоять молитва.

„И если хочешь молиться, то не дѣлай какъ обманщики молятся. Обманщики любятъ молиться въ церквахъ, на виду у людей. Они дѣлаютъ это для людей и отъ людей и получаютъ за это то, чего желаютъ (Мѡ., VI, 5). А если хочешь молиться, зайди туда, гдѣ бы тебя не видалъ никто, и молись Отцу своему

1) Ів., с. 414.

2) Ів., с. 420.

3) „Христіанское ученіе“, с. 77.

4) „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“, с. 12.

5) „Въ чемъ моя вѣра“, с. 13.

духу, и Отецъ увидитъ то, чего ты желаешь въ душѣ, и дастъ тебѣ то, чего ты желаешь въ духѣ (Мѣ., VI, 6). Когда молишься, то не болтай языкомъ, какъ притворщики (Мѣ., VI, 7). Отецъ твой знаетъ, что тебѣ нужно, прежде чѣмъ ты откроешь уста (Мѣ., VI, 8).

Молись только такъ:

Отецъ нашъ, безначальный и безконечный какъ небо! Пусть будетъ свято только Твое существо. Пусть будетъ власть только Твоя, такъ чтобы воля Твоя совершалась безначально и безконечно на землѣ. Дай мнѣ пищу жизни въ настоящемъ. Ошибки мои прежнія загладь и сотри такъ же, какъ и я заглаживаю и стираю всѣ ошибки братьевъ моихъ, чтобы я не попалъ въ соблазнъ и избавился отъ зла. Потому что Твоя власть и сила и Твое рѣшеніе (Мѣ., VI, 9—13)¹⁾.

Въ каждомъ человѣкѣ есть искра Божія, духъ Божій, каждый человѣкъ есть сынъ Божій. Молитва состоитъ въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всего мірскаго, отъ всего, что развлекаетъ мои чувства, вызвать въ себѣ божеское начало. И такая молитва бываетъ не праздное умиленіе и возбужденіе, которыя производятъ молитвы общественныя съ ихъ пѣніемъ, картинами, освѣщеніями и проповѣдями, а всегда помогаетъ жизни, измѣняя и направляя ее²⁾.

Молитва есть повѣрка по высшимъ требованіямъ души своихъ прошедшихъ и настоящихъ поступковъ³⁾. И потому молитва христіанская бываетъ двоякая: та, которая уясняетъ человѣку его положеніе въ мірѣ,—молитва временная, и другая—та, которая сопутствуетъ каждому его поступку, представляя его на судъ Богу, провѣряя его—молитва ежечасная. Молитва временная—это такая молитва, которою человѣкъ въ лучшія свои минуты, отвлекаясь отъ всего житейскаго, вызываетъ въ себѣ наиболѣе ясное сознаніе Бога и своего отношенія къ нему. Такою молитвою можетъ быть выраженіе своими словами своего отношенія къ Богу; но такую же молитвою было и всегда будетъ для всѣхъ людей повтореніе выраженій и мыслей прежде насъ жившихъ людей, высказавшихъ свое отношеніе къ Богу и единеніе душой съ этими людьми и съ Богомъ. Такъ Христосъ молился, повторяя слова псалма, и мы истинно молимся, повторяя слова Христа, и не только Христа, — Сократа, Будды, Лаотзе, Паскаля и др., если мы переживаемъ то духовное состояніе, которое переживали эти люди и выразили въ своихъ дошедшихъ до насъ выраженіяхъ. И потому

1) „Краткое изложеніе Евангелія“, с. 52.

2) „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“, с. с. 12—13.

3) Тамъ же, с. 13.

истинная временная молитва будет не та, которая будет совершаться въ опредѣленные часы и дни, а только та, которая совершается въ минуты высшаго душевнаго настроенія, такія минуты, которыя находятъ на каждаго человѣка, которыя иногда вызываються страданіями или близостью смерти, иногда же приходятъ безъ всякаго внѣшняго повода и которыми человѣкъ долженъ дорожить какъ высшей драгоцѣнностью и пользоваться ими для все большаго и большаго уясненія своего сознанія, потому что только въ эти минуты совершается наше движеніе впередъ и приближеніе къ Богу.

Молитва ежечасная состоитъ въ томъ, что она напоминаетъ человѣку во всѣ минуты его жизни, при всѣхъ поступкахъ его, въ чемъ его жизнь и благо, и потому въ тѣхъ дѣлахъ жизни, въ которыхъ человѣкъ еще властенъ побѣдить животную природу духовнымъ сознаніемъ, содѣйствуетъ ему въ этомъ. При борьбѣ съ грѣхомъ, съ первыхъ же попытокъ преодолѣть его, человѣкъ чувствуетъ свое безсиліе: грѣхъ влечетъ къ себѣ всей сладостью своей привычки; противопоставить же грѣху человѣкъ ничего не можетъ, кромѣ сознанія того, что грѣшить нехорошо, и человѣкъ, зная, что то, что онъ дѣлаетъ, дурно, продолжаетъ дѣлать это дурное. Выходъ изъ этого положенія одинъ. Нѣкоторые религіозные учителя видятъ его въ вѣрѣ въ то, что существуетъ особенная сила, называемая „благодатью“, поддерживающая человѣка въ его борьбѣ съ грѣхомъ, которая пріобрѣтается черезъ извѣстныя дѣйствія, называемыя „тайнствами“. Другіе учителя выходъ изъ этого положенія видятъ въ вѣрѣ въ искупленіе, совершившееся смертью за людей Христа Бога. Третьи видятъ этотъ выходъ въ молитвѣ къ Богу о подкрѣпленіи силъ человѣка въ борьбѣ его съ грѣхомъ. Но ни то, ни другое, ни третье средство не облегчаютъ человѣку борьбу его съ грѣхомъ. Не во власти человѣка избавиться отъ грѣха, набравшаго привычку въ продолженіе многихъ годовъ, но совершенно во власти человѣка не дѣлать поступки, которые вовлекаютъ во грѣхъ, уменьшать привлекательность грѣха, поставить себя въ невозможность сдѣлать грѣхъ, отсѣкать руку и глазъ, которые соблазняютъ его. И дѣлать это каждый день и каждую минуту, и чтобы быть въ состояніи дѣлать это, нужна ежечасная молитва ¹⁾).

---

1) „Христіанское ученіе“, с. с. 77—80.

ГЛАВА V.

Непротивленіе злу насиліемъ.

Заповѣди мира, данныя Христомъ. Главная причина отсталости человечества на пути нравственнаго усовершенствованія. Сущность ученія о непротивленіи злу насиліемъ. Пассивное сопротивленіе. Къ вопросу о свободѣ воли.

1.

Все ученіе Христа состоитъ въ томъ, чтобы дать Царство Бога—миръ—людямъ. Въ нагорной проповѣди, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, въ посланіи учениковъ, во всѣхъ поученіяхъ своихъ Онъ говоритъ только о томъ, что раздѣляетъ людей и мѣшаетъ имъ быть въ мирѣ и войти въ Царство Бога. Всѣ притчи суть только описанія того, что есть Царство Бога и что только любя братьевъ и будучи въ мирѣ съ ними, можно войти въ него.

Заповѣди мира, данныя Христомъ, простыя, ясныя, предвидящія всѣ случаи раздора и предотвращающія его, открываютъ это Царство Бога на землѣ. Этихъ заповѣдей пять, и ими-то должны руководствоваться люди въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Первая заповѣдь говоритъ: будь въ мирѣ со всѣми, не позволяй себѣ считать другого челоѵка ничтожнымъ или безумнымъ (Мѣ. V, 22). Если нарушенъ миръ, то всѣ силы употребляй на то, чтобы возстановить его. Служеніе Богу есть уничтоженіе вражды (Мѣ. V, 23—24). Мирись при малѣйшемъ раздорѣ, чтобы не потерять истинной жизни¹⁾. Идеалъ состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть зла ни на кого, не вызывать недоброжелательства ни въ комъ, любить всѣхъ; заповѣдь же, указывающая степень, ниже которой вполне возможно не спускаться въ достиженіи этого идеала, въ томъ, чтобы не оскорблять людей словомъ²⁾.

Въ этой заповѣди сказано все; но Христось предвидитъ соблазны міра, нарушающіе миръ между людьми, и даетъ вторую

¹⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. 86.

²⁾ „Мысли о новомъ жизнепониманіи“, с. с. 150—151.

заповѣдь противъ соблазна половыхъ отношеній, нарушающаго миръ. Не смотри на красоту плотскую какъ на потѣху, впередъ избѣгай этого соблазна (Мѡ. VI, 28—30); бери мужъ одну жену, и жена одного мужа, и не покидайте другъ друга ни подъ какимъ предлогомъ (Мѡ. V, 32)¹⁾. Идеаль—полное цѣломудріе даже въ мысляхъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться—чистота брачной жизни, воздержаніе отъ блуда²⁾.

Другой соблазнъ—это клятвы, вводящія людей въ грѣхъ. Знай впередъ, что это зло, и не давай никакихъ обѣтовъ (Мѡ. V, 34—37)³⁾. Не присягай никогда никому ни въ чемъ. Всякая присяга вымогается отъ людей для зла⁴⁾. Вѣдь если ученіе Христа въ томъ, чтобы исполнять всегда волю Бога, то какъ же человекъ можетъ клясться, что онъ будетъ исполнять волю человека? Воля Бога можетъ не совпасть съ волею человека⁵⁾. Идеаль—не заботиться о будущемъ, жить настоящимъ часомъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться—не клясться, впередъ не обѣщать ничего людямъ⁶⁾.

Третій соблазнъ—это месть, называющаяся человѣческимъ правосудіемъ; не мсти и не отговаривайся тѣмъ, что тебя обидятъ—неси обиды, а не дѣлай зла за зло (Мѡ: V, 38—42)⁷⁾. Идеаль—никогда ни для какой цѣли не употреблять насилія; заповѣдь, указывающая степень, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться,—не платить зломъ за зло, терпѣть обиды⁸⁾.

Четвертый соблазнъ—это различіе народовъ—вражда племенъ и государствъ. Знай, что всѣ люди—братья и сыны одного Бога, и не нарушай мира ни съ кѣмъ во имя народныхъ цѣлей (Мѡ. V, 43—48)⁹⁾. Идеаль—любить враговъ, ненавидящихъ насъ; заповѣдь, указывающая степень достиженія, ниже которой вполнѣ возможно не спускаться,—не дѣлать зла врагамъ, говорить о нихъ доброе, не дѣлать различія между ними и своими согражданами¹⁰⁾.

При исполненіи этихъ заповѣдей жизнь людей будетъ то, чего ищеть и желаетъ всякое сердце человѣческое. Всѣ люди будутъ братья, и всякій будетъ всегда въ мирѣ съ другими, наслаждаясь

1) „Въ ч. м. в.“, с. 86.

2) „М. о н. ж.“, с. 151.

3) „Въ ч. м. в.“, с. с. 86—87.

4) Ib., с. 74.

5) Ib., с. 73.

6) „М. о н. ж.“, с. 151.

7) „Въ ч. м. в.“, с. 87.

8) „М. о н. ж.“, с. 151.

9) „Въ ч. м. в.“, с. 87.

10) „М. о н. ж.“, с. 151.

всѣми благами міра тотъ срокъ жизни, который удѣленъ ему Богомъ. Перекуютъ люди мечи на орала и копя на серпы. Будетъ то Царство Бога, царство мира, которое обѣщали всѣ пророки, которое близилось при Іоаннѣ Крестителѣ и которое возвѣщаль и возвѣстилъ Христосъ¹⁾. И, однако, заповѣди эти не только не составляютъ ученія и не исчерпываютъ его, но составляютъ только одну изъ безчисленныхъ ступеней его въ приближеніи къ совершенству. За этими заповѣдями должны и будутъ слѣдовать высшія и высшія по пути совершенства, указываемаго ученіемъ²⁾.

2.

Еще до христіанскаго ученія среди разныхъ народовъ былъ выраженъ и провозглашенъ высшій, общій всему человѣчеству религіозный законъ, состоящій въ томъ, что люди для своего блага должны жить не каждый для себя, а каждый для блага всѣхъ, для взаимнаго служенія. Этотъ законъ выраженъ въ буддизмѣ, въ ученіяхъ Исаи, Конфуція, Лаотзе, стоиковъ. Законъ былъ провозглашенъ, и тѣ люди, которые знали его, не могли не видѣть всей его истинности и благотворности. Но установившаяся жизнь, основанная не на взаимномъ служеніи, а на насиліи, до такой степени проникла во всѣ учрежденія и нравы, что, признавая благотворность взаимнаго служенія, люди продолжали жить по законамъ насилія, которое они оправдывали необходимостью угрозы, возмездія. Имъ казалось, что безъ угрозы и возмездія зломъ за зло общественная жизнь невозможна. Одни люди брали на себя обязанности для установленія благоустройства и исправленія людей примѣнять законы, т.-е. насилія, и повелѣвали, другіе повиновались. Но повелѣвающіе неизбежно развращались той властью, которой они пользовались. Будучи же сами развращены, они, вмѣсто исправленія людей, передавали имъ свой развратъ. Повинующіеся же развращались участіемъ въ насиліяхъ власти, подражаніемъ властителямъ и рабской покорностью.

Тысяча девятьсотъ лѣтъ тому назадъ появилось христіанство. Оно съ новой силой подтвердило законъ взаимнаго служенія и сверхъ того разъяснило причины, по которымъ законъ этотъ не исполнялся. Христіанское ученіе съ необыкновенной ясностью показало, что причиной этого было ложное представленіе о законности, необходимости насилія какъ возмездія. И, съ разныхъ сторонъ разъяснивъ незаконность, злобредность возмездія, оно показало, что главное

1) „Въ ч. м. в.“, с. 87.

2) „М. о н. ж.“, с. 151.

бѣдствіе людей происходитъ отъ насилій, которыя, подъ предлогомъ возмездія, производятся одними людьми надъ другими. Христіанское ученіе показало не только несправедливость, но зловредность возмездія, показало, что единственное средство избавиться отъ насилія есть покорное, безъ борьбы перенесеніе его ¹⁾). Положеніе о непротивленіи злу насиліемъ есть положеніе, связующее все ученіе въ одно цѣлое, но только тогда, когда оно не есть изреченіе, а есть правило, обязательное для исполненія, когда оно есть законъ ²⁾).

Ученіе это было ясно выражено и установлено. Но ложное понятіе о справедливости возмездія, какъ необходимаго условія жизни людей, такъ укоренилось и такъ много людей не знало христіанскаго ученія или знало его только въ извращенномъ видѣ, что люди, принявшіе законъ Христа, продолжали жить по закону насилія. Руководители людей христіанскаго міра думали, что можно принять ученіе взаимнаго служенія безъ ученія о непротивленіи, составляющаго замокъ (въ смыслѣ свода) всего ученія о жизни людей между собой. Принять же законъ взаимнаго служенія, не принявъ заповѣди непротивленія, было все равно, что, сложивъ сводъ, не укрѣпить его тамъ, гдѣ онъ смыкается. Люди христіане, воображая, что, не принявъ заповѣди непротивленія, они могутъ устроить жизнь лучше языческой, продолжали дѣлать не только то, что дѣлали нехристіанскіе народы, но и гораздо худшія дѣла, и все больше и больше удалялись отъ христіанской жизни. Сущность христіанства, вслѣдствіе неполнаго принятія его, все больше и больше скрывалась, и христіанскіе народы дошли, наконецъ, до того положенія, въ которомъ находятся теперь; а именно—до превращенія христіанскихъ народовъ во вражескія войска, отдающія всѣ свои силы на вооруженія другъ противъ друга и готовыхъ всякую минуту растерзать другъ друга; — и дошли до того положенія, что не только вооружились другъ противъ друга, но вооружили и вооружаютъ противъ себя и ненавидящіе ихъ и поднявшіеся противъ нихъ нехристіанскіе народы; дошли, главное, до полнаго въ жизни отрицанія не только христіанства, но какого бы то ни было высшаго закона ³⁾).

3.

Вопросъ о противленіи или непротивленіи злу насиліемъ возникъ тогда, когда появилась первая борьба между людьми, такъ

¹⁾ „Конецъ вѣка“, с. с. 15—16.

²⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. 20.

³⁾ „Конецъ вѣка“, с. с. 17—18.

какъ всякая борьба есть ничто иное, какъ противленіе насиліемъ тому, что каждый изъ борющихся считаетъ зломъ. До ученія Христа людямъ представлялось, что есть только одинъ способъ разрѣшенія борьбы — посредствомъ противленія злу насиліемъ, и такъ и поступали, стараясь при этомъ каждый изъ борющихся убѣдить себя и другихъ въ томъ, что то, что каждый считаетъ зломъ, и есть дѣйствительное, абсолютное зло. И для этого съ древнѣйшихъ временъ люди стали придумывать такія опредѣленія зла, которыя были бы обязательны для всѣхъ. И за такія опредѣленія зла, обязательныя для всѣхъ, выдавались то постановленія законовъ, которые, предполагалось, были получены сверхъестественнымъ путемъ, то велѣнія людей или собранія людей, которымъ приписывалось свойство непогрѣшимости. Люди употребляли насиліе противъ другихъ людей и увѣряли себя и другихъ, что насиліе это они употребляли противъ зла, признаннаго всѣми. Но чѣмъ дальше жили люди, чѣмъ сложнѣе становились ихъ отношенія, тѣмъ болѣе становилось очевиднымъ, что противиться насиліемъ тому, что каждымъ считается зломъ, — неразумно, что борьба отъ этого не уменьшается и что никакія людскія опредѣленія не могутъ сдѣлать того, чтобы то, что считается зломъ одними людьми, считалось бы таковымъ и другими. Тогда-то и было проповѣдуемо Христомъ его ученіе, состоящее не въ томъ только, что не надо противиться злу насиліемъ, а ученіе о новомъ пониманіи жизни, частью или — скорѣе — приложеніемъ котораго къ общественной жизни и было ученіе о средствѣ уничтоженія борьбы между всѣми людьми не тѣмъ, чтобы обязать только одну часть людей безъ борьбы покоряться тому, что извѣстными авторитетами будетъ предписано имъ, а тѣмъ, чтобы никому, слѣдовательно и властвующимъ (и преимущественно имъ), не употреблять насилія ни противъ кого, ни въ какомъ случаѣ ¹⁾.

«Вы слышали, что сказано древнимъ: око за око, зубъ за зубъ. А я говорю вамъ: не противься злему, но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую, и кто захочетъ судиться съ тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду, и кто принудитъ тебя итти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся».

Ученіе это указывало на то, что если судьей того, въ какихъ случаяхъ допустимо насиліе, будетъ человекъ, совершающій его, то не будетъ предѣловъ насилію, и потому, чтобы его не было,

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 133—134.

падо, чтобы никто ни подъ какимъ предлогомъ не употреблялъ насилія, въ особенности же подъ самымъ употребительнымъ предлогомъ возмездія. Ученіе это подтверждало ту простую, само собой понятную истину, что зломъ нельзя уничтожить зло, что единственное средство уменьшенія зла насилія — это воздержаніе отъ насилія¹⁾. Какъ огонь не тушитъ огня, такъ зло не можетъ потушить зла. Только добро, встрѣчая зло и не заражаясь имъ, побѣждаетъ зло²⁾. Только одно непротивленіе прекращаетъ зло, помѣщаетъ его въ себѣ, нейтрализуетъ его, не позволяетъ ему итти дальше, какъ оно неизбежно идетъ, подобно передачѣ движенія упругими шарами, если только нѣтъ той силы, которая поглощаетъ его³⁾. То, что это такъ, есть въ мірѣ души человѣка такой же непреложный законъ, какъ законъ Галилея въ астрономіи, но болѣе непреложный, болѣе ясный и полный⁴⁾.

Мало того, что христіанское ученіе показывало, что мщеніе и воздаяніе зломъ за зло невыгодно и неразумно, увеличивая зло, — оно показывало и то, что непротивленіе злу насиліемъ, перенесеніе всякаго насилія безъ борьбы съ нимъ было единственное средство достиженія той истинной свободы, которая свойственна человѣку. Ученіе показывало, что какъ только человѣкъ вступалъ въ борьбу съ насиліемъ, онъ этимъ самымъ лишалъ себя свободы, такъ какъ, допуская насиліе для себя противъ другихъ, онъ этимъ самымъ допускалъ насиліе и противъ себя, и потому могъ быть покоренъ тѣмъ насиліемъ, съ которымъ боролся; и если даже оставался побѣдителемъ, то, вступая въ область внѣшней борьбы, былъ всегда въ опасности въ будущемъ быть покореннымъ болѣе сильнымъ. Ученіе это показывало, что свободенъ можетъ быть только человѣкъ, цѣлью своей ставящій исполненіе высшаго, общаго всему человѣчеству закона, для котораго не можетъ быть препятствій. Оно показывало, что единственное средство какъ для уменьшенія въ мірѣ насилія, такъ и для достиженія полной свободы, есть только: покорное, безъ борьбы перенесеніе какаго бы то ни было насилія. Христіанское ученіе провозглашало законъ полной свободы человѣка, но при необходимомъ условіи подчиненія высшему закону, во всемъ его значеніи.

«И не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ»⁵⁾.

1) „Конецъ вѣка“, с. с. 16—17.

2) „Въ чемъ моя вѣра“, с. 43.

3) „Дневникъ“, т. 1, с. 145.

4) „Въ чемъ моя вѣра“, с. 43.

5) „Конецъ вѣка“, с. с. 18—19.

Законъ непротивленія злу насиліемъ до такой степени вѣченъ, что если и есть въ исторической жизни движеніе впередъ къ устраненію зла, то только благодаря тѣмъ людямъ, которые такъ поняли учене Христа и которые перенесли зло, а не сопротивлялись ему насиліемъ ¹⁾).

Но положимъ, что насиліе и убійство возмутило васъ и вы увлеклись естественнымъ чувствомъ, положимъ—стали противодѣйствовать насилію и убійству насиліемъ и убійствомъ. Такая дѣятельность, хотя и близкая къ животной, и неразумная, не имѣетъ въ себѣ ничего бессмысленнаго и противорѣчиваго; но какъ только правительства или революціонеры хотятъ оправдать такую дѣятельность разумными основаніями, тогда является ужасающая бессмысленность, и необходимо нагроможденіе софизмовъ, чтобы не видна была бессмысленность такой попытки. Оправданія такого рода всегда основываются на предположеніи того воображаемаго разбойника, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, который убиваетъ и мучаетъ невинныхъ, и этотъ-то воображаемый звѣрь, какъ будто находящійся постоянно въ процессѣ убиванія невинныхъ, и служитъ основаніемъ разсужденій всѣхъ насильниковъ о необходимости насилія; но вѣдь такой разбойникъ есть самый исключительный, рѣдкій и даже невозможный случай; многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, никогда не встрѣтивъ этого фиктивного разбойника въ процессѣ совершенія своего преступленія. Зачѣмъ же я буду правило своей жизни основывать на этой фикціи?

Разсуждая о жизни, мы видимъ, напротивъ, что самыя жестокия дѣла, какъ побоища людей, динамиты, висѣлицы, гильотины, одиночныя тюрьмы, собственность, суды, власть и всѣ ея послѣдствія, всѣ происходятъ не отъ воображаемаго разбойника, а отъ тѣхъ людей, которые основываютъ свои правила жизни на нелѣпой фикціи воображаемаго звѣря — разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ его собственныхъ и другихъ людей ²⁾).

4.

Но что же дѣлать? Выхода какъ будто нѣтъ никакого.

И дѣйствительно, для нерелигіозныхъ людей нѣтъ и не можетъ быть изъ этого положенія никакого выхода: люди, принадлежащіе къ высшимъ правящимъ классамъ, если и будутъ притворяться,

¹⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. 43.

²⁾ „Къ вопросу о непротивленіи злу насиліемъ“, с. с. 13—15.

что озабочены благомъ народныхъ массъ, никогда серьезно не станутъ (они и не могутъ этого дѣлать) уничтожить того одуренія и порабощенія, въ которыхъ живутъ массы и которыя даютъ имъ возможность властвовать надъ ними. Точно такъ же и люди, принадлежащіе къ порабощеннымъ, тоже, руководствуясь мірскими цѣлями, не могутъ желать ухудшить свое и такъ тяжелое положеніе борьбою съ высшими классами изъ-за обличенія ложнаго ученія и проповѣданія истиннаго. Ни тѣмъ, ни другимъ незачѣмъ это дѣлать, и если они умные люди — они никогда не станутъ дѣлать этого.

Но не то для людей религіозныхъ, тѣхъ религіозныхъ людей, которые, какъ бы ни было развращено общество, всегда блюдутъ своей жизнью тотъ священный огонь религіи, безъ котораго не могла бы существовать жизнь человѣческая. Бываютъ времена (таково наше время), когда людей этихъ не видно, когда они, всѣми презираемые и унижаемые, безвѣстно проводятъ свои жизни, какъ у насъ — въ изгнаніи, тюрьмахъ, дисциплинарныхъ батальонахъ; но они есть, и ими держится разумная жизнь человѣческая. И эти-то религіозные люди, какъ бы мало ихъ ни было, одни могутъ разорвать и разорвутъ тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ закованы люди. Люди эти могутъ сдѣлать это, потому что всѣ невзгоды и опасности, препятствующія мірскому человѣку идти противъ существующаго строя жизни, не только не существуютъ для религіознаго человѣка, но усиливаютъ его рвеніе въ борьбѣ съ ложью и въ исповѣданіи словомъ и дѣломъ того, что онъ считаетъ божеской истиной. Если онъ принадлежитъ къ правящимъ классамъ, онъ не только не захочетъ скрывать истину ради выгоды своего положенія, но, напротивъ, возненавидя эти выгоды, всѣ силы души своей употребитъ на освобожденіе себя отъ этихъ выгодъ и на проповѣданіе истины, такъ какъ у него въ жизни уже не будетъ иной, кромѣ служенія Богу, цѣли. Если же онъ принадлежитъ къ порабощеннымъ, то, точно такъ же, отказавшись отъ общаго людямъ въ его положеніи желанія улучшить условія своей плотской жизни, такой человѣкъ не будетъ имѣть другой цѣли, кромѣ исполненія воли Бога обличеніемъ лжи и исповѣданіемъ истины, и никакія страданія и угрозы не могутъ уже заставить его перестать жить сообразно съ тѣмъ единымъ смысломъ, который онъ признаетъ въ своей жизни ¹⁾). Ибо для того, чтобы избавиться отъ зла, надо бороться не съ послѣдствіями его: злоупотребленіями правительства и захватами и грабежами сосѣднихъ

¹⁾ „Что такое религія“, с. с. 56—57.

народовъ, а съ корнемъ зла, съ тѣмъ ложнымъ отношеніемъ, въ которомъ находится народъ къ человѣческой власти. Признаетъ народъ человѣческую власть выше Бога, выше Его закона, и народъ всегда будетъ рабомъ и тѣмъ болѣе рабомъ, чѣмъ сложнѣе будетъ то устройство власти (какъ конституціонное), которое онъ учредитъ и которому подчинится. Свободенъ можетъ быть только тотъ народъ, для котораго законъ Бога есть единый высшій законъ, которому должны быть подчинены все другіе ¹⁾.

«Но все это общія разсужденія. Допустимъ, что я вѣрю въ законъ любви», скажутъ на это. «Что дѣлать мнѣ, Ивану, Петру, Марьѣ, каждому человѣку, если онъ признаетъ справедливость того, что человѣчество дошло до необходимости вступленія на новый путь жизни? Что дѣлать мнѣ, Ивану, Петру, Марьѣ для того, чтобы уничтожилась дурная жизнь, основанная на насиліи, и установилась бы добрая жизнь по любви? Что именно надо дѣлать мнѣ, Ивану, Петру, Марьѣ, для того, чтобы содѣйствовать этому перевороту?»

Вопросъ этотъ, несмотря на то, что онъ кажется намъ столь естественнымъ, такъ же страненъ, какъ страненъ былъ бы вопросъ человѣка, губящаго свою жизнь пьянствомъ, игрой, распутствомъ, ссорами, который бы спрашивалъ: что мнѣ дѣлать, чтобы улучшить свою жизнь? Отвѣтъ на вопросъ о томъ, что надо дѣлать человѣку, осуждающему существующее устройство жизни и желающему измѣнить и улучшить его, отвѣтъ простой, естественный и одинъ для каждаго, не одержимаго суевѣріемъ насилія человѣка — таковой:

Первое: *перестать самому дѣлать прямое насиліе, а также и готовиться къ нему.* Второе: *не принимать участія въ какомъ бы то ни было насиліи, дѣлаемомъ другими людьми, и также въ приготовленіяхъ къ насилію.* Третье: *не одобрять никакое насиліе.*

Не дѣлать самому прямого насилія, значитъ: не хватать ничего своими руками, не бить, не убивать, не дѣлать этого для своихъ личныхъ цѣлей, а также и подъ предлогомъ общественной дѣятельности. Не принимать участія въ какомъ бы то ни было насиліи, значитъ: не только не быть полицеймейстеромъ, губернаторомъ, судьей, стражникомъ, сборщикомъ податей, царемъ, министромъ, солдатомъ, но и не участвовать въ судахъ просителемъ, защитникомъ, сторожемъ, присяжнымъ. Не одобрять никакое насиліе, значитъ: кромѣ того, чтобы не пользоваться для своей вы

---

¹⁾ „Письмо къ китайцу“, с. 12.

годы никакимъ насиліемъ, ни въ рѣчахъ, ни въ писаніяхъ, ни въ поступкахъ, не выражать ни похвалы, ни согласія ни съ самымъ насиліемъ, ни съ дѣлами, поддерживающими насиліе или основанными на насиліи.

Очень можетъ быть, что если человѣкъ будетъ поступать такъ: откажется отъ солдатства, отъ судовъ, отъ паспортовъ, отъ уплаты податей, отъ признанія властей и будетъ обличать насильниковъ и ихъ сторонниковъ, то онъ подвергнется гоненіямъ. Весьма вѣроятно, что такого человѣка по нынѣшнимъ временамъ будутъ мучить, отнимутъ у него имущество, сошлютъ, запрутъ въ тюрьму, можетъ быть и убьютъ. Но можетъ быть и то, что человѣкъ не дѣлающій ничего этого и, напротивъ, исполняющій требованія властей, пострадаетъ отъ другихъ причинъ точно такъ же, а, можетъ быть, и еще больше, чѣмъ тотъ, который откажется отъ повиновенія. Такъ же, какъ можетъ быть и то, что отказъ человѣка отъ участія въ насиліи, основанный на требованіяхъ любви, откроетъ глаза другимъ людямъ и привлечетъ многихъ къ такимъ же отказамъ, такъ что власти не будутъ уже въ состояніи примѣнять насиліе ко всѣмъ отказавшимся. Все это можетъ быть, но можетъ и не быть, и потому отвѣтъ на вопросъ о томъ, что дѣлать человѣку, признающему истинность и приложимость къ жизни закона любви, не можетъ быть основанъ на предполагаемыхъ послѣдствіяхъ. Послѣдствія нашихъ поступковъ не въ нашей власти. Въ нашей власти только самые поступки наши. Поступки же, какіе свойственно дѣлать я, главное, какіе свойственно *не дѣлать* человѣку, основываются всегда только на его вѣрѣ. Вѣрить человѣкъ въ необходимость насилія, религіозно вѣрить, и такой человѣкъ будетъ совершать насиліе не во имя благихъ послѣдствій, которыхъ онъ ожидаетъ отъ насилія, а только потому, что вѣрить. Если же вѣрить человѣкъ въ законъ любви, то онъ точно такъ же будетъ исполнять требованія любви и воздерживаться отъ поступковъ, противныхъ закону любви, независимо отъ какихъ бы то ни было соображеній о послѣдствіяхъ, а только потому, что вѣрить и оттого не можетъ поступить иначе¹⁾.

Такъ что рѣшеніе вопроса о томъ, скоро или не скоро осуществится идеалъ человѣчества—благоустроенное общество безъ насилія—зависитъ отъ того, скоро-ли поймутъ искренно желающіе добра народу руководители массъ, что ничто столько не отдѣляетъ людей отъ осуществленія ихъ идеала, какъ то, что они дѣлаютъ теперь: именно, поддержаніе старыхъ суевѣрій или отрицаніе вся-

¹⁾ „Неизбѣжный переворотъ“, рукопись, X глава.

кой религіи и направленіе дѣятельности народа на служеніе правительству, революціи, социализму... Только бы поняли люди, искренно желающіе служить ближнему, всю нищету предлагаемыхъ государственниками и революціонерами средствъ устройства блага людей; поняли бы, что одно единственное средство избавленія людей отъ ихъ страданій—въ томъ, чтобы люди сами перестали жить эгоистичной, языческой жизнью, а начали жить жизнью общечеловѣческой, христіанскою и не признавали, какъ теперь, возможнымъ и законнымъ пользоваться насиліемъ надъ ближними и участвовать въ немъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, а, напротивъ, слѣдовали бы въ жизни основному и высшему закону поступать съ другими, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобой,—и очень быстро разрушились бы тѣ неразумныя и жестокія формы жизни, въ которыхъ мы живемъ теперь, и сложились бы новыя, свойственныя новому сознанію людей¹⁾.

Только «претерпѣвый до конца спасенъ будетъ», говорится въ христіанскомъ законѣ. И это несомнѣнная, хотя и трудно принимаемая людьми, истина. Неотвѣчаніе зломъ за зло и неучастіе въ злѣ есть вѣрнѣйшее средство не только спасенія, но и побѣды надъ тѣми, которые творять зло²⁾. Всякій религіозный человекъ поступаетъ такъ, потому что просвѣщенная религіей душа человека живетъ уже не одной жизнью этого міра, какъ живутъ нерелигіозные люди, а живетъ вѣчною, безконечною жизнью, для которой такъ же ничтожны страданія и смерть въ этой жизни, какъ ничтожны для работника, пахущаго поля, мозоли на рукахъ и усталость членовъ.

Вотъ эти-то люди разорвутъ заколдованный кругъ, въ которомъ закованы теперь люди. Какъ ни мало такихъ людей, какъ ни низко ихъ общественное положеніе, какъ ни слабы они образованіемъ или умомъ, люди эти, такъ же вѣрно, какъ огонь зажигаетъ сухую стель, зажгутъ весь міръ, всѣ высохшія отъ долгой безрелигіозной жизни сердца людей, жаждущія обновленія³⁾.

5.

Отчего же люди не дѣлаютъ того, что Христосъ сказалъ имъ и что даетъ имъ высшее доступное человеку благо, чего они вѣчно желали и желаютъ?

Въ отвѣтъ на это обыкновенно говорятъ: „ученіе Христа о томъ, какъ должны жить люди, божественно хорошо и даетъ бла-

1) „Къ политическимъ дѣятелямъ“, с. 25.

2) „Письмо къ китайцу“, с. 4.

3) „Что такое религія“, с. 57.

го людямъ, но людямъ трудно исполнить его¹⁾. Мы такъ часто повторяемъ и слышимъ это, что намъ не бросается въ глаза то противорѣчіе, которое находится въ этихъ словахъ. Человѣческой природѣ свойственно дѣлать то, что лучше. И всякое ученіе о жизни людей есть только ученіе о томъ, что лучше для людей. Если людямъ показано, что имъ лучше дѣлать, то какъ же они могутъ говорить, что они желаютъ дѣлать то, что лучше, но не могутъ? Люди не могутъ дѣлать только то, что хуже, а не могутъ не дѣлать того, что лучше. Если это слово „трудно“ понимать такъ, что трудно жертвовать мгновеннымъ удовлетвореніемъ своей похоти большому благу, то почему же мы не говоримъ, что трудно пахать для того, чтобы былъ хлѣбъ, сажать яблони, чтобы были яблоки? То, что надо переносить трудность для достиженія большаго блага, это знаетъ всякое существо, одаренное первымъ зачаткомъ разума¹⁾. Между тѣмъ церковь, наука, общественное мнѣніе—всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что дурпа та жизнь, которую мы ведемъ, но что ученіе о томъ, какъ самимъ стараться быть лучше и этимъ сдѣлать и самую жизнь лучше,—ученіе это неисполнимо²⁾. Церковь говоритъ: ученіе Христа неисполнимо потому, что жизнь здѣшняя есть только образчикъ жизни настоящей; она хороша быть не можетъ, она вся есть зло. Наилучшее средство прожить эту жизнь состоитъ въ томъ, чтобы презирать ее и жить вѣрою, т. е. воображеніемъ, въ жизнь будущую, блаженную, вѣчную; а здѣсь—жить какъ живется, и молиться³⁾. И нельзя не признать, что именно это ученіе церкви есть причина всеобщаго убѣжденія въ неисполнимости требованій истинной религіи. Церковное ученіе дало основной смыслъ жизни людей въ томъ, что человекъ имѣетъ право на блаженную жизнь и что блаженство это достигается не усиліями человека, а чѣмъ-то внѣшнимъ, и это міросозерцаніе и стало основой всей нашей науки и философіи⁴⁾.

Свобода воли,—говоритъ наша философія,—есть иллюзія, и очень гордится смѣлостью этого утвержденія. Но свобода воли есть не только иллюзія—это есть слово, не имѣющее никакого значенія. Это—слово, выдуманное богословами и криминалистами, и опровергать это слово—бороться съ мельницами. Но разумъ, тотъ, который освѣщаетъ нашу жизнь и заставляетъ насъ измѣнять наши поступки, есть не иллюзія, и его-то ужъ никакъ нельзя отрицать. Слѣдованіе разуму для достиженія блага—въ этомъ было всегда

1) «Въ чемъ моя вѣра», с. с. 88 - 89.

2) *Ib.*, с. с. 94 - 95.

3) *Ib.*, с. 100.

4) *Ib.*, с. 94.

ученіе всѣхъ истинныхъ учителей человѣчества, и въ этомъ все ученіе Христа и его-то, т. е. разумъ, отрицать разумомъ уже никакъ нельзя¹⁾.

Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, а не иначе во всѣхъ своихъ сознательныхъ поступкахъ только потому, что онъ или теперь признаетъ, что истина въ томъ, что должно поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, или потому, что онъ когда-то прежде призналъ это. Признаніе же или непризнаніе того, что истина состоитъ въ томъ, что должно поступать такъ, а не иначе, зависитъ не отъ внѣшнихъ, подлежащихъ наблюденію человѣка причинъ, а отъ какихъ-то другихъ, находящихся въ самомъ человѣкѣ и не подлежащихъ его наблюденію. Такъ что иногда при всѣхъ внѣшнихъ, казалось бы, выгодныхъ условіяхъ для признанія служащей причиной поступковъ истины одинъ человѣкъ не признаетъ ея и, напротивъ, другой, при всѣхъ самыхъ невыгодныхъ къ тому условіяхъ, признаетъ ее и поступаетъ сообразно съ ней. И потому человѣкъ, чувствуя себя несвободнымъ въ своихъ поступкахъ, всегда чувствуетъ себя независимымъ отъ внѣшнихъ условій, т. е. свободнымъ въ томъ, что служить причиной его поступковъ—въ признаніи или непризнаніи истины.

Нѣ то, чтобы человѣкъ былъ свободенъ всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно уже или признанныя самымъ человѣкомъ или переданныя ему воспитаніемъ, преданіемъ и принятыя имъ на вѣру, слѣдованіе которымъ стало для него привычкой, второй природой; человѣкъ не можетъ не признавать такихъ истинъ и потому не свободенъ по отношенію къ нимъ. Есть еще другія истины, только какъ бы вдаль отъ представляющіяся человѣку и еще не вполне отрывшіяся ему; человѣкъ не можетъ по своей волѣ признать ихъ. Въ признаніи тѣхъ и другихъ онъ одинаково не свободенъ; онъ не можетъ не признавать первыхъ и не можетъ еще признавать вторыхъ. Но есть третій родъ истинъ, — такихъ, которыя не стали еще для человѣка безсознательнымъ мотивомъ дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ такою ясностью отрывались ему, что онъ не можетъ обойти ихъ и неизбѣжно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ, признать или не признать ихъ. Въ отношеніи этихъ-то истинъ, и только этихъ истинъ, и проявляется свобода человѣка. Вся трудность и кажущаяся неразрѣшимость вопроса о свободѣ человѣка происходитъ оттого, что люди, рѣшающіе этотъ вопросъ, представляютъ себѣ человѣка неподвижнымъ по отношенію къ истинѣ. Жизнь человѣческая движется по

1) Ib., с. 97.

одному опредѣленному и неизмѣнному закону. И потому она вообще не свободна: всѣ люди неизбежно пойдутъ по единственному пути этого закона. Помимо этого пути не можетъ быть жизни. Но законъ жизни человѣческой представляется людямъ въ видѣ понемногу открывающейся истины, которая можетъ быть признана и не признана ими; и потому по пути закона жизни люди могутъ идти двояко: или сами собой, сознательно и свободно подчиняясь закону жизни, или невольно и бессознательно покоряясь ему. Свобода чловѣка въ этомъ выборѣ.

Велика-ли, не велика-ли эта свобода въ сравненіи съ той фантастической свободой, которую мы бы хотѣли имѣть, свобода эта одна несомнѣнно существуетъ и свобода эта есть свобода. И мало того, что свобода эта есть истинная свобода,—она же есть и истинная жизнь. По ученію Христа, чловѣкъ, который видитъ смыслъ жизни въ той области, въ которой она не свободна,—въ области послѣдствій, т. е. поступковъ,—не имѣетъ истинной жизни. Истинную жизнь, по христіанскому ученію, имѣетъ только тотъ, кто перенесъ свою жизнь въ ту область, въ которой она свободна,—въ область причинъ, т. е. познанія и признанія открывающейся истины, исповѣданія ея и потому неизбежно слѣдующаго (какъ возъ за лошадыю) исполненія ея ¹⁾. Чловѣкъ, живущій христіанской жизнью, всегда свободенъ, потому что то самое, что составляетъ смыслъ его жизни—устраненіе препятствій, мѣшающихъ любви, и, вслѣдствіе этого, увеличеніе любви и установленіе Царства Божія и есть то самое, чего онъ хочетъ всегда и что неудержимо совершается въ его жизни ²⁾. Стоитъ людямъ только понять это: перестать заботиться о дѣлахъ внѣшнихъ и обихихъ, въ которыхъ они не свободны, а всю ту энергію которую они употребляютъ на внѣшнія дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны,—на признаніе и исповѣданіе той истины, которая стоитъ предъ ними, на освобожденіе себя и людей отъ лжи и лицемерія, скрывающихъ истину,—для того, чтобы не только каждый отдѣльный чловѣкъ достигъ высшаго доступнаго ему блага, но чтобы осуществилась хоть та первая ступень Царства Божія, къ которой уже готовы люди по своему сознанию ³⁾.

¹⁾ «Царство Божіе внутри васъ», с. с. 250—254.

²⁾ «Христіанское ученіе», с. 82.

³⁾ «Царство Божіе внутри васъ», с. с. 254—255.

ГЛАВА VI.

Значеніе истинной жизни.

Высшее благо. Неуничтожимая основа жизни; особенное отношеніе къ міру каждаго существа. Жизнь вѣчная. «Что будетъ послѣ смерти»? О страданіяхъ.

1.

Усилія самоотреченія, смиренія и правдивости, уничтожая въ человѣкѣ прѣпятствія къ соединенію любовью его души съ Богомъ и другими существами, даютъ ему всегда доступное ему благо, и потому то, что представляется человѣку зломъ, есть только указаніе того, что человѣкъ ложно понимаетъ свою жизнь и не дѣлаетъ того, что даетъ ему свойственное ему благо. Зла нѣтъ¹⁾.

Мы часто пренебрегаемъ благомъ этой жизни, рассчитывая гдѣ-то получить большее благо. Но такое большее благо нигдѣ никогда не можетъ быть, потому что намъ въ жизни напей дано такое великое благо — благо жизни, выше котораго ничего нѣтъ и не можетъ быть. Этотъ міръ не шутка, не юдоль испытанія и перехода въ міръ лучшій, вѣчный, а этотъ міръ, тотъ, въ которомъ мы сейчасъ живемъ, это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ, который прекрасенъ, радостенъ и который мы не только можемъ, но должны нашими усиліями сдѣлать прекраснѣе и радостнѣе для живущихъ съ нами и для всѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ²⁾. Не вѣрь, что жизнь эта только переходъ въ другой міръ и что хорошо намъ можетъ быть только тамъ. Это неправда. Намъ должно быть хорошо здѣсь, въ этомъ мірѣ. И для того, чтобы намъ было хорошо здѣсь, въ этомъ мірѣ, намъ нужно только жить такъ, какъ хочетъ Тотъ, Кто послалъ насъ въ него. И не говори, что для того, чтобы тебѣ хорошо было жить, надо, чтобы всѣ хорошо жили, жили по-Божьи. Это неправда. Живи самъ по-Божьи, самъ дѣлай усиліе, и самому тебѣ навѣрное бу-

¹⁾ «Путь жизни», с. 16.

²⁾ Ib., с. 484.

детъ хорошо и другимъ также отъ этого будетъ навѣрное не хуже, но лучше ¹⁾. Мудрецъ говорилъ: я обошелъ всю землю, отыскивая благо. Я днемъ и ночью безъ усталости искалъ его. Одинъ разъ, когда я уже совсѣмъ отчаялся найти это благо, голосъ внутри меня сказалъ мнѣ: благо это въ тебѣ самомъ. Я послушался этого голоса и нашелъ истинное, неизмѣнное благо ²⁾.

Ничто такъ очевидно не подтверждаетъ того, что дѣло жизни есть совершенствованіе, какъ то, что чего бы ты ни желалъ внѣ своего совершенствованія, какъ бы полно ни удовлетворилось твое желаніе, какъ скоро оно удовлетворено, такъ тотчасъ же уничтожается прелесть желанія. Не теряетъ своего радостнаго значенія одно: сознаніе своего движенія къ совершенству. Только это непрерывающее совершенствованіе даетъ истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякій шагъ впередъ на этомъ пути несетъ за собой свою награду, и награда эта получается сейчасъ же. И ничто не можетъ отнять ее ³⁾.

Счастье есть удовлетвореніе требованій существа человѣка, живущаго отъ рожденія и до смерти только въ этомъ мірѣ; благо же есть удовлетвореніе требованій вѣчной сущности, живущей въ человѣкѣ ⁴⁾.

Говорятъ, для того, кто дѣлаетъ добро, не нужно награды. Это правда, если думать, что награда будетъ не въ тебѣ и не сейчасъ, а въ будущемъ. Но безъ награды, безъ того, чтобы добро не давало радости человѣку, не могъ бы человѣкъ дѣлать добро. Дѣло только въ томъ, чтобы понимать, въ чемъ истинная награда. Истинная награда не во внѣшнемъ и будущемъ, а во внутреннемъ и настоящемъ: въ улучшеніи своей души. Въ этомъ и награда и побужденіе къ дѣланію добра ⁵⁾.

Жизнь человѣческая есть непрерывающее воссоединеніе отдѣленнаго тѣломъ духовнаго существа съ тѣмъ, съ чѣмъ оно сознаетъ себя единымъ. Понимаетъ или не понимаетъ это человѣкъ, хочетъ онъ или не хочетъ, воссоединеніе это неудержимо совершается тѣмъ состояніемъ, которое мы называемъ жизнью человѣческой. Разница между людьми, не понимающими своего назначенія и не хотящими его исполнять, и понимающими его и желающими жить сообразно ему, въ томъ, что жизнь не понимающихъ этого есть непрерывающее страданіе, жизнь же понимающихъ и исполняющихъ назначеніе — непрерывающее, увеличивающееся благо.

¹⁾ Ib., с. 485.

²⁾ Ib., с. 487.

³⁾ Ib., с.с. 489—490.

⁴⁾ «Дневникъ», т. 1, с. 11.

⁵⁾ «Путь жизни», с. 491.

Первые подобны упрямымъ животнымъ, которыхъ хозяинъ тащитъ веревкою за шею въ тотъ пріютъ, гдѣ животное найдетъ и защиту и кормъ. Животное напрасно мучитъ, душитъ себя, стараясь противиться хозяину. Оно будетъ приведено туда, куда должны прийти всѣ. Вторые же подобны тому животному, которое, понявъ волю хозяина, идетъ свободно и радостно, куда его ведетъ хозяинъ, зная, что отъ исполненія воли хозяина ничего, кромѣ добра, быть не можетъ ¹⁾.

Точно такъ же и то, что представляется человѣку смертию, есть только указаніе на то, что человѣкъ ложно понимаетъ жизнь. Смерть есть только для тѣхъ людей, которые полагаютъ свою жизнь во времени. Для людей же, понимающихъ жизнь въ томъ, въ чемъ она дѣйствительно заключается, — въ усиліи, совершаемомъ человѣкомъ въ настоящемъ, для освобожденія себя отъ всего того, что препятствуетъ его соединенію съ Богомъ и другими существами, — нѣтъ и не можетъ быть смерти ²⁾.

2.

Страхъ смерти есть только сознаніе не разрѣшеннаго противорѣчія жизни ³⁾. Являющееся привидѣніе будущей плотской смерти не есть пробужденіе мысли о смерти, но напротивъ — пробужденіе мысли о жизни, которую долженъ имѣть и не имѣетъ человѣкъ. Это — чувство, подобное тому, которое долженъ испытывать человѣкъ, пробудившійся къ жизни въ гробу, подъ землею. Есть жизнь, а я въ смерти, и вотъ она, смерть! Представляется, что то, что есть и должно быть, то уничтожается. Лучшее доказательство того, что страхъ смерти есть страхъ не смерти, а ложной жизни, есть то, что часто люди убиваютъ себя отъ страха смерти. Не оттого люди ужасаются мысли о плотской смерти, что они боятся, чтобы съ нею не кончилась ихъ жизнь, но оттого, что плотская смерть явно показываетъ имъ необходимость истинной жизни, которой они не имѣютъ.

Ни мое тѣло, ни время моего существованія нисколько не опредѣляютъ жизни моего я. Если я въ каждую минуту жизни спрошу себя въ своемъ сознаніи, что я такое, я отвѣчу: нѣчто думающее и чувствующее, т. е. относящееся къ міру своимъ совершенно особеннымъ образомъ. Только это я сознаю своимъ я и больше ничего. О томъ, когда и гдѣ я родился, когда и гдѣ я началъ такъ чувствовать и думать, какъ я теперь думаю и чув-

¹⁾ *Ib.*, с. 489

²⁾ *Ib.*, с. с. 16—17.

³⁾ «О жизни», с. 94.

ствую, я рѣшительно ничего не сознаю. Мое сознание говоритъ мнѣ только: я есмь; я есмь съ тѣмъ моимъ отношеніемъ къ міру, въ которомъ я нахожусь теперь. Тѣло мое одно только потому, что есть что-то невещественное, которое признаетъ все это пере-мѣняющееся тѣло* однимъ и своимъ. Невещественное это есть то, что мы называемъ сознаниемъ: оно одно держитъ все тѣло вмѣстѣ и признаетъ его однимъ и своимъ. И потому при первомъ разсужденіи кажется, что основа всего—сознание—должно быть постоянное. Но и это несправедливо: и сознание непостоянное. Въ продолженіе всей жизни и теперь повторяется явленіе сна, которое кажется намъ очень простымъ потому, что мы всѣ спимъ каждый день, но которое рѣшительно непостижимо, если признавать то, чего нельзя не признавать, что во время сна иногда совершенно прекращается сознание. Но мало того, что сознание, держащее все тѣло вмѣстѣ, періодически обрывается и тѣло не распадается,—сознание это, кромѣ того, еще и измѣняется такъ же, какъ и тѣло. Мое сознание трехлѣтняго ребенка и теперешнее сознание такъ же различны, какъ и вещество моего тѣла теперь и 30 лѣтъ тому назадъ.

Что же такое это нѣчто, связывающее въ одно всѣ послѣдовательныя сознанія? Что такое это-то самое коренное и особенное мое я, не слагающееся изъ существованія моего тѣла и ряда происходящихъ въ немъ сознаній, но то основное я, на которое, какъ на стержень, нанизываются одно за другимъ различныя послѣдовательныя во времени сознанія? Только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое и есть то особенное и основное я человѣка, въ которомъ собираются въ одно всѣ разбросанныя, прерывающіяся сознанія. Свойство же это, хотя и развивается также въ нашей жизни, вносится нами уже готовое въ эту жизнь изъ какого-то невидимаго и непознаваемаго нами прошедшаго. Внѣшній міръ дѣйствуетъ на всѣхъ людей одинаково, но впечатлѣнія людей, поставленныхъ даже въ совершенно тождественныя условія, до безконечности разнообразны—и по числу получаемыхъ и могущихъ быть дробимыми до безконечности впечатлѣній, и по силѣ ихъ. Изъ впечатлѣній этихъ слагается рядъ послѣдовательныхъ сознаній каждаго человѣка. Связываются же всѣ эти послѣдовательныя сознанія только потому, почему и въ настоящемъ одни впечатлѣнія дѣйствуютъ, а другія не дѣйствуютъ на его сознание. Дѣйствуютъ же или не дѣйствуютъ на человѣка извѣстныя впечатлѣнія только потому, что онъ больше или меньше любитъ то, а не любитъ этого¹⁾. И потому можетъ уничтожиться

¹⁾ Ib., с. с. 97—101.

мое тѣло, связанное въ одно моимъ временнымъ сознаниемъ, можетъ уничтожиться и самое мое временное сознание, но не можетъ уничтожиться то мое особенное отношеніе къ міру, составляющее мое особенное я, изъ котораго создано для меня все, что есть. Оно не можетъ уничтожиться, потому что оно только и есть. Если бы его не было, я бы не зналъ ряда своихъ послѣдовательныхъ сознаний, не зналъ бы своего тѣла, не зналъ бы своей и никакой другой жизни. И потому уничтоженіе тѣла и сознанія не можетъ служить признакомъ уничтоженія моего особеннаго отношенія къ міру, которое началось и возникло не въ этой жизни ¹⁾.

То неизбежное уничтоженіе плотскаго существованія, которое мы на себѣ видимъ, показываетъ намъ только, что отношеніе, въ которомъ мы находимся къ міру, не есть постоянное, но что мы вынуждены устанавливать другое. Установленіе этого новаго отношенія, т. е. движеніе жизни, и уничтожатъ представленіе смерти. Смерть представляется только тому человѣку, который, не признавъ свою жизнь въ установленіи разумнаго отношенія къ міру и проявленіи его въ большей и большей любви, остался при томъ отношеніи, т. е. съ тою степенью любви къ одному и нелюбви къ другому, съ которыми онъ вступилъ въ существованіе ²⁾. Но не то для человѣка, понимающаго жизнь. Глядя на свое прошедшее въ этой жизни, онъ видитъ, по понятному ему роду своихъ сознаний, что отношеніе его къ міру измѣнялось, подчиненіе закону разума увеличивалось, и увеличивалась, не переставая, сила и область любви, давая ему все большее и большее благо независимо, а иногда прямо обратно пропорціонально умаленію существованія личности ³⁾. Такой человѣкъ, принявъ свою жизнь изъ невидимаго ему прошедшаго, сознавая постоянное непрерываемое возрастаніе ея, не только спокойно, но и радостно переноситъ ее и въ невидимое будущее ⁴⁾.

Я люблю свой садъ, люблю читать книжку, люблю ласкать дѣтей. Умирая, я лишался этого, и потому мнѣ не хочется умирать, и я боюсь смерти.—Можетъ случиться, что вся моя жизнь составлена изъ такихъ мірскихъ желаній и ихъ удовлетворенія. Если такъ, то мнѣ нельзя не бояться того, что прекращаетъ радости отъ удовлетворенія такихъ желаній. Но если эти желанія измѣнились во мнѣ и замѣнились другимъ желаніемъ — исполнять волю Бога, отдаться Ему въ томъ видѣ, въ которомъ я теперь, и во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ которыхъ могу быть, то чѣмъ больше за-

1) *Ib.*, с. 103.

2) *Ib.*, с. 106.

3) *Ib.*, с. 107.

4) *Ib.*, с. 108.

мѣнились мои тѣлесныя желанія духовными, тѣмъ менѣе страшна становится смерть. Если же совѣмъ замѣнятся мои мірскія желанія однимъ желаніемъ—отдаться Богу, то и нѣтъ для меня ничего, кромѣ жизни, нѣтъ смерти ¹⁾).

3.

По самому существу жизни, какъ мы сознаемъ ее, становится яснымъ суевѣріе смерти. Мой другъ, братъ жилъ такъ же, какъ и я, и теперь пересталъ жить такъ, какъ я. Жизнь его была его сознание и происходила въ условіяхъ его тѣлеснаго существованія; значитъ, нѣтъ мѣста и времени для проявленія его сознанія, и его нѣтъ для меня. «Ничего не осталось»,—такъ бы сказала куколка, коконъ, не выпустившій еще бабочку, увидавъ, что лежавшій съ нимъ рядомъ коконъ остался пустой. Но коконъ могъ бы сказать такъ, если бы онъ могъ думать и говорить, потому что, потерявъ своего сосѣда, онъ бы уже дѣйствительно ничѣмъ не чувствовалъ его. Не то съ человѣкомъ. Мой братъ умеръ, коконъ его, правда, остался пустой, я не вижу его въ той формѣ, въ которой я до этого видѣлъ его, но исчезновеніе его изъ моихъ глазъ не уничтожило моего отношенія къ нему. У меня осталось, какъ мы говоримъ, воспоминаніе о немъ. Осталось воспоминаніе,— не воспоминаніе его рукъ, лица, глазъ, а воспоминаніе его духовнаго образа. И воспоминаніе это тѣмъ живѣе, чѣмъ согласнѣе была жизнь моего друга и брата съ закономъ разума, чѣмъ больше она проявлялась въ любви. Воспоминаніе это не есть только представленіе, но что то такое, что дѣйствуетъ на меня и дѣйствуетъ точно такъ же, какъ дѣйствовала на меня жизнь моего брата во время его земнаго существованія. Это воспоминаніе есть та самая его невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и дѣйствовала на меня и на другихъ при его плотскомъ существованіи точно такъ же, какъ она на меня дѣйствуетъ и послѣ его смерти. Это воспоминаніе требуетъ отъ меня послѣ его смерти теперь того же самаго, чего оно требовало отъ меня при его жизни. Та сила жизни, которая была въ моемъ братѣ, не только не исчезла, не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась и сильнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствуетъ на меня.

Такимъ образомъ, я могу сказать, что мой братъ вышелъ изъ того низшаго отношенія къ міру, въ которомъ онъ былъ, какъ животное, и въ которомъ я еще нахожусь,—вотъ и все; могу ска-

¹⁾ «Путь жизни», с. 451.

затѣ, что я не вижу того центра новаго отношенія къ міру, въ которомъ онъ теперь; но не могу отрицать его жизни, потому что чувствую на себѣ ея силу.

Но, мало того, эта невидимая мнѣ жизнь моего умершаго брата не только дѣйствуетъ на меня, но входитъ въ меня. Его особенное живое я, его отношеніе къ міру, становится моимъ отношеніемъ къ міру. Онъ какъ бы въ установленіи отношеній къ міру поднимаетъ меня на ту ступень, на которую онъ поднялся, и мнѣ, моему особенному живому я, становится яснѣе та слѣдующая ступень, на которую онъ уже вступилъ, скрывшись изъ моихъ глазъ, но увлекала меня за собою. Христосъ умеръ очень давно, и плотское существованіе Его было короткое, и мы не имѣемъ яснаго представленія о Его плотской личности, но сила Его разумно-любовной жизни, Его отношеніе къ міру — ничье иное — дѣйствуетъ до сихъ поръ на миллионы людей, принимающихъ въ себя это Его отношеніе къ міру и живущихъ имъ. Что же это дѣйствуетъ? Что это такое, бывшее прежде связаннымъ съ плотскимъ существованіемъ Христа, составляющее продолженіе и разрастаніе той же Его жизни? Мы говоримъ, что это не жизнь Христа, а послѣдствія ея. И, сказавъ такія не имѣющія никакаго значенія слова, мы думаемъ, что сказали нѣчто болѣе ясное и определенное, чѣмъ то, что сила эта есть Самъ живой Христосъ ¹⁾. Христосъ открылъ людямъ то, что *вѣчное* — не то же, что *будущее*, но что *вѣчное*, невидимое живетъ въ насъ сейчасъ, въ этой жизни, что мы станемъ вѣчными, когда соединимся съ тѣмъ Богомъ духомъ, въ которомъ все живетъ и движется. Достигаемъ мы этой вѣчности любовью ²⁾. И какой бы тѣсный ни былъ кругъ дѣятельности человѣка — Христосъ онъ, Сократъ, добрый, безвѣстный, самоотверженный старикъ, юноша, женщина, — если онъ живетъ, отрекаясь отъ личности для блага другихъ, онъ здѣсь, въ этой жизни уже вступаетъ въ то новое отношеніе къ міру, для котораго нѣтъ смерти и установленіе котораго есть для всѣхъ людей дѣло этой жизни ³⁾. Въ жизни такихъ людей мы можемъ найти и основу ихъ вѣры въ свою жизнь, найти и въ себѣ эти основы. Довольно мнѣ знать, что если все то, чѣмъ я живу, сложилось изъ жизни жившихъ прежде меня и давно умершихъ людей и что поэтому всякій человѣкъ, исполнявшій законъ жизни, подчинившій свою животную личность разуму и проявившій силу любви, жилъ и живетъ послѣ исчезновенія своего плотскаго

1) «О жизни», с. с. 109—111.

2) «Путь жизни», с. 24.

3) «О жизни», с. 113.

существованія въ другихъ людяхъ, — чтобы негѣное и ужасное суевѣріе смерти уже никогда больше не мучило меня ¹⁾).

Видимую жизнь нашу можно представить въ видѣ отрѣзка конуса, вершина и основаніе котораго скрываются отъ нашего умственного взора. Самая узкая часть конуса есть то мое отношеніе къ міру, съ которымъ я впервые сознаю себя; самая широкая часть есть то высшее отношеніе къ жизни, до котораго я достигъ теперь. Начало этого конуса — вершина его — скрыта отъ меня во времени моимъ рожденіемъ; продолженіе конуса скрыто отъ меня будущимъ, одинаково невѣдомымъ и въ моемъ плотскомъ существованіи, и въ моей плотской смерти. Я не вижу ни вершины конуса, ни основанія его, но по той части его, въ которой проходитъ моя видимая, памятная мнѣ жизнь, я несомнѣнно узнаю его свойства. Сначала мнѣ кажется, что этотъ отрѣзокъ конуса и есть вся моя жизнь, но по мѣрѣ движенія моей истинной жизни, съ одной стороны, я вижу, что то, что составляетъ основу моей жизни, находится позади ея, за предѣлами ея: по мѣрѣ жизни я живѣе и яснѣе чувствую мою связь съ невидимымъ мнѣ прошедшимъ; съ другой стороны, я вижу, какъ эта же основа опирается на невидимое мнѣ будущее, я яснѣе и живѣе чувствую свою связь съ будущимъ и заключаю о томъ, что видимая моя жизнь, земная, есть только малая часть всей моей жизни съ обоихъ концовъ ея — до рожденія и послѣ смерти — несомнѣнно существующей, но скрывающейся отъ моего теперешняго познанія ²⁾).

Но насъ смущаетъ то, что мы не видимъ причинъ и дѣйствій нашей истинной жизни такъ, какъ видимъ причины и дѣйствія во внѣшнихъ явленіяхъ: не знаемъ, почему одинъ вступаетъ въ жизнь съ такими свойствами своего я, а другой — съ другими, почему жизнь одного обрывается, а другого продолжается? ³⁾. И мы жалѣемъ о томъ, что не получаемъ отвѣтовъ на эти вопросы. Но жалѣть о томъ, что я не могу познать теперь того, что именно было до моей жизни и что будетъ послѣ моей смерти, — это все равно, что жалѣть о томъ, что я не могу видѣть того, что за предѣлами моего зрѣнія. Вѣдь если бы я видѣлъ то, что за предѣлами моего зрѣнія, я бы не видѣлъ того, что въ его предѣлахъ. А мнѣ вѣдь, для блага моего животнаго, нужнѣе всего видѣть то, что вокругъ меня. Для блага же моей истинной жизни, мнѣ нужнѣе всего знать то, чему я долженъ подчинить *здѣсь* и *теперь* свою животную личность для того, чтобы достигнуть блага жизни. И разумъ открываетъ

1) Ib., с. 112.

2) Ib., с. с. 117--118.

3) Ib., с. 120.

мнѣ это, открываетъ мнѣ въ этой жизни тотъ единый путь, на которомъ я не вижу прекращенія своего блага ¹⁾).

Разумная жизнь подобна человѣку, несущему далеко передъ собой фонарь, освѣщающій его путь. Такой человѣкъ никогда не доходить до конца освѣщеннаго мѣста, — освѣщенное мѣсто всегда идетъ впереди его. Такова разумная жизнь, и только при такой жизни нѣтъ смерти, потому что фонарь не переставая освѣщаетъ до послѣдней минуты, и уходишь за нимъ такъ же спокойно, какъ и во все продолженіе жизни ²⁾).

4.

Спрашиваютъ: «что будетъ послѣ смерти?» На этотъ вопросъ отвѣтъ только одинъ: тѣло сгніетъ и станетъ землею, это мы вѣрно знаемъ. О томъ же, что будетъ съ тѣмъ, что мы называемъ душою, мы ничего не можемъ сказать, потому что вопросъ: «что будетъ?» относится къ времени. Душа же внѣ времени. Душа не была и не будетъ. Она одна есть. Не будь ея, ничего бы не было ³⁾).

Вопросъ о томъ, есть-ли загробная жизнь или нѣтъ ея, есть вопросъ о томъ, есть-ли время произведеніе нашего ограниченнаго тѣломъ способа мышленія или необходимое условіе всего существующаго.

То, что время не можетъ быть необходимымъ условіемъ всего существующаго, доказывается тѣмъ, что мы сознаемъ въ себѣ нѣчто не подлежащее времени: свою жизнь въ настоящемъ. И потому вопросъ о томъ, есть-ли или нѣтъ загробная жизнь, есть, собственно, вопросъ о томъ, что изъ двухъ реально: наше представленіе о времени или сознаніе нашей жизни въ настоящемъ? ⁴⁾).

Подъ ногами морозная твердая земля, кругомъ огромныя деревья, надъ головой пасмурное небо, тѣло свое чувствую, занятъ мыслями, а между тѣмъ знаю, чувствую всѣмъ существомъ, что и крѣпкая морозная земля, и деревья, и небо, и мое тѣло, и мои мысли — случайно, что все это только произведеніе моихъ пяти чувствъ, мое представленіе, мѣръ, построенный мною, что все это таково только потому, что я составляю такую, а не иную часть міра, что таково мое отдѣленіе отъ міра. Знаю, что стоитъ мнѣ только умереть, и все это для меня не исчезнетъ, но видоизмѣнится, какъ бывають превращенія въ театрахъ: изъ кустовъ, камней сдѣлаются дворцы, башни и т. п. Смерть произведетъ во мнѣ такое

¹⁾ Ib., с. 121.

²⁾ «Путь жизни», с. 453.

³⁾ Ib., с. 466.

⁴⁾ Ib., с. 449.

превращеніе, если я только не совсѣмъ уничтожусь, а перейду въ другое, иначе отдѣленное отъ міра, существо. И тогда весь міръ, оставаясь такимъ же для тѣхъ, которые живутъ въ немъ, для меня станетъ другимъ. Весь міръ такой, а не иной только потому, что я считаю собой такое, а не иное, такъ, а не иначе отдѣленное отъ міра существо. А способовъ отдѣленія существъ отъ міра можетъ быть безчисленное количество ¹⁾).

Смерть есть разрушеніе тѣхъ органовъ, посредствомъ которыхъ я воспринимаю міръ, какимъ онъ представляется въ этой жизни; это—разрушеніе того стекла, черезъ которое я смотрѣлъ, и замѣна его другимъ ²⁾).

Такъ же, какъ мы переживаемъ тысячи сновъ во время нашей земной жизни, такъ эта жизнь является одной изъ тысячи жизней, въ которыя мы вступаемъ, выходя изъ другой жизни, болѣе дѣйствительной, болѣе настоящей, той, въ которую мы и возвращаемся послѣ смерти. И такъ оно идетъ далѣе, до безконечности, до послѣдней жизни, которая и есть жизнь Бога ³⁾). О томъ же, какая будетъ та жизнь, намъ знать не дано, потому что и не нужно намъ ⁴⁾). Одно достовѣрно и несомнѣнно—это то, что сказалъ Христосъ, умирая: «Въ руки Твои отдаю духъ мой». Именно то, что, умирая, я иду туда, откуда исшелъ. И если я вѣрю въ то, что то, отъ чего я исшелъ, есть разумная любовь (два эти свойства я знаю), то я радостно возвращаюсь къ Нему, зная, что мнѣ будетъ хорошо. И не только не сокрушаюсь, но радуюсь тому переходу, который предстоитъ мнѣ ⁵⁾). Такимъ образомъ, вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ кого-нибудь, нельзя себя убѣдить въ безсмертіи. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна ⁶⁾). Вѣрить въ будущую жизнь можетъ только тотъ, кто сдѣлалъ свою работу жизни, установилъ въ своемъ сознаніи то новое отношеніе къ міру, которое уже не умѣщается въ этой жизни ⁷⁾). Вѣра въ безсмертіе дается не разсужденіемъ, а жизнью ⁸⁾).

5.

Но если бы человекъ и могъ не бояться смерти и не думать о ней, однихъ страданій — ужасныхъ, безцѣльныхъ, ничѣмъ не

¹⁾ Ib., с. 481.

²⁾ Дневникъ, т. 1, с. 171.

³⁾ «О безсмертіи души», сбор., с. 40.

⁴⁾ «О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ», с. 11.

⁵⁾ «Христіанское ученіе», с. 84.

⁶⁾ «О жизни», с. 113.

⁷⁾ «Кругъ чтенія», т. 1, с. 358.

⁸⁾ Ib., т. 2, с. 499.

оправдываемыхъ и никогда не отвратимыхъ страданій, которымъ онъ подвергается, было бы достаточно для того, чтобы разрушить всякій разумный смыслъ, приписываемый жизни ¹⁾). Зачѣмъ, за что эти тысячи бессмысленныхъ случайностей страданій, поражающихъ людей?

Объясненія разсудочныя ничего не объясняютъ. Разсужденіе, напротивъ, съ очевидностью показываетъ, что закона, по которому одинъ человѣкъ подвергается, а другой не подвергается этимъ случайностямъ, нѣтъ и не можетъ быть никакого, что подобныхъ случайностей безчисленное количество и что потому, что бы я ни дѣлалъ, моя жизнь всякую секунду подвержена всѣмъ безчисленнымъ случайностямъ самаго ужаснаго страданія ²⁾).

И люди ужасаются передъ страданіями, удивляются имъ, какъ чему-то совершенно неожиданному и непонятному. А между тѣмъ всякій человѣкъ возвращенъ страданіями. Всякій человѣкъ, если только подумаетъ, увидитъ, что всѣ его страданія необходимы для его же наслажденія, что безъ страданій нѣтъ наслажденія, что страданія и наслажденія суть два противоположныя состоянія, вызываемыя одно другимъ и необходимыя одно для другого ³⁾). Вопросы: «зачѣмъ» и «за что», возникающіе въ душѣ человѣка при испытываніи или воображеніи страданія, показываютъ только то, что онъ не позналъ той дѣятельности, которая должна быть вызвана въ немъ страданіемъ и которая освобождаетъ страданіе отъ его мучительности. Когда человѣкъ, признающій жизнью личное существованіе, находитъ причины своего личного страданія въ своемъ личномъ заблужденіи, — понимаетъ, что онъ заболѣлъ оттого, что съѣлъ вредное, или что его прибили оттого, что онъ самъ пошелъ драться, или что онъ голоденъ и голъ оттого, что не хотѣлъ работать, — онъ узнаетъ, что страдаетъ *за то*, что сдѣлалъ то, что не должно, и *затѣмъ*, чтобы впередъ не дѣлать этого и, направляя свою дѣятельность на уничтоженіе заблужденія, не возмущается противъ страданія и легко и часто радостно несетъ его ⁴⁾).

Но если-бы даже и можно было понять кое-какъ то, что, своими заблужденіями заставляя страдать другихъ людей, я своими страданіями несу заблужденія другихъ; если можно понять тоже очень отдаленно то, что всякое страданіе есть указаніе на заблужденіе, которое должно быть исправлено людьми въ этой жизни, — остается огромный рядъ страданій, уже ничѣмъ не объяснимыхъ ⁵⁾).

¹⁾ „О жизни“, с. 121.

²⁾ *Ib.*, с. 122.

³⁾ *Ib.*, с. 123.

⁴⁾ *Ib.*, с. 126.

⁵⁾ *Ib.*, с. 127.

Въ этомъ случаѣ возможны только два отношенія къ страданію, выборъ между которыми и представляется человѣку: одно—то, что страданіе есть то, чего не должно быть, потому что я не вижу его внѣшняго значенія; и другое—то, что оно то самое, что должно быть, потому что я знаю его внутреннее значеніе для моеѣ истинной жизни. При первомъ взглядѣ, страданія не имѣютъ никакого объясненія и не вызываютъ никакой другой дѣятельности, кромѣ постоянно растущаго и ничѣмъ не разрѣшимаго отчаянія и озлобленія; при второмъ—страданія вызываютъ ту самую дѣятельность, которая и составляетъ движеніе истинной жизни,—сознаніе грѣха, освобожденіе отъ заблужденій и подчиненіе закону разума¹⁾. Человѣкъ живетъ для тѣла и говоритъ: все скверно; человѣкъ живетъ для души и говоритъ: неправда, все прекрасно. То, что ты называешь сквернымъ, это то самое точило, безъ котораго затупилось, заржавѣло бы самое дорогое, что есть во мнѣ: моя душа²⁾.

Цѣль жизни одна: быть совершеннымъ, какъ Отецъ, дѣлать то же, что Онъ, то, чего Онъ хочетъ отъ насъ, т.-е. любить, чтобы любовь руководила нами въ минуты самой энергичной дѣятельности и чтобы одною ею мы дышали въ минуту величайшей слабости. Какъ только дѣлается тяжело, больно, такъ стоить вспомнить это, и все тяжелое, больное исчезнетъ и останется одно радостное. Для достиженія совершенствованія въ любви преградъ нѣтъ. И если человѣкъ въ одномъ этомъ положилъ жизнь, все, что кажется горемъ, преградой въ жизни, — широкая ступень, сама подставляющаяся ему подъ ноги, чтобы онъ поднялся³⁾. Такъ что чѣмъ меньше любви, тѣмъ больше человѣкъ подверженъ мучительности страданій, чѣмъ больше любви, тѣмъ меньше мучительности страданія; жизнь же вполне разумная, вся дѣятельность которой проявляется только въ любви; исключаетъ возможность всякаго страданія.

«Но все-таки больно, тѣлесно больно. Зачѣмъ эта боль?» — спрашиваютъ люди.

Но кто не знаетъ, что самое первое опущеніе нами боли есть первое и главное средство и сохраненія нашего тѣла, и продолженія нашей животной жизни; что если-бы этого не было, то мы всѣ дѣтьми сожгли-бы для забавы и изрѣзали бы все свое тѣло? Боль тѣлесная оберегаетъ животную личность. Въ тѣ же времена, когда въ человѣкѣ есть возможность разумнаго сознанія, она есть средство подчиненія животной личности разуму, и по мѣрѣ

¹⁾ Гб., с. 128.

²⁾ „Путь жизни“, с. 431.

³⁾ „О смыслѣ жизни“, с. с. 40—41.

пробужденія этого сознания становится все менѣе и менѣе мучительной. Въ этомъ же состояніи ощущение боли можетъ растягиваться до самыхъ большихъ и суживаться до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто не знаетъ, безъ изученія физиологіи, того, что чувствительность имѣетъ предѣлы, что при усиленіи боли до извѣстнаго предѣла или прекращается чувствительность—обморокъ, оупѣніе, жаръ—или наступаетъ смерть. Увеличеніе боли, стало быть, очень точно опредѣленная величина, не могущая выйти изъ своихъ предѣловъ. Ощущеніе же боли можетъ увеличиваться отъ нашего отношенія къ ней до безконечности и точно такъ же можетъ уменьшаться до безконечно малаго. Страданіе для человѣка есть только одно, и оно-то заставляетъ его волей-неволей отдаваться той жизни, въ которой для него есть только одно благо. Страданіе это есть сознание противорѣчія между грѣховностью своей и всего міра и не только возможностью, но обязанностью осуществленія не къ-нибудь, а мной самимъ всей истины въ жизни своей и всего міра. Утолить это страданіе нельзя ни тѣмъ, чтобы, участвуя въ грѣхѣхъ міра, не видать своего грѣха, ни еще менѣе тѣмъ, чтобы перестать вѣрить не только въ возможность, но въ обязанность не кого-нибудь другого, но мою—осуществить всю истину въ моей жизни и жизни міра. Первое только увеличиваетъ мои страданія, второе лишаетъ меня силы жизни. Утоляетъ это страданіе только сознание и дѣятельность истинной жизни, уничтожающія несоразмѣрность личной жизни съ цѣлью, сознаваемой человѣкомъ. Волей-неволей человѣкъ долженъ признать, что жизнь его не ограничивается его личностью отъ рожденія и до смерти, что цѣль, сознаваемая имъ, есть цѣль достижимая и что въ стремленіи къ ней—въ сознаніи большей и большей своей грѣховности и въ большемъ и большемъ осуществленіи всей истины въ своей жизни и въ жизни міра,—и состоитъ, и состояло, и всегда будетъ состоять дѣло его жизни, не отдѣлимой отъ жизни всего міра.

Если не разумное сознание, то страданіе, вытекающее изъ заблужденія о смыслѣ своей жизни, загоняетъ человѣка на единственный истинный путь жизни, на которомъ нѣтъ препятствій, нѣтъ зла, а есть одно, ничѣмъ не нарушимое, никогда не начинавшаяся и не могущее кончиться все возрастающее благо¹⁾.

---

¹⁾ «О жизни», с. с. 129—133.

Часть вторая.

ГЛАВА I.

Церковь.

Обманы вѣры. Способы ихъ распространенія и внушенія. Credo quia absurdum. Отношеніе церкви къ жизненнымъ вопросамъ. Божественно-ли происхожденіе церкви? Понятіе о ереси. Освобожденіе отъ обмановъ вѣры.

1.

Какимъ образомъ могъ человѣкъ съ пробудившимся разумомъ признать ложь истинной?

Несомнѣнно, разумъ его долженъ былъ быть извращенъ, потому что не извращенный разумъ безошибочно отличаетъ ложь отъ истины, въ чемъ и состоитъ его назначеніе. Извращеніе разума состоитъ въ обманахъ вѣры.

Обманы вѣры происходятъ оттого, что люди прежнихъ поколѣній внушаютъ послѣдующимъ поколѣніямъ различными искусственными способами пониманіе смысла жизни, основанное не на разумѣ, а на слѣпомъ довѣріи. Умышленно смѣшиваются и представляются одно подъ другое понятія вѣры и довѣрія: утверждается, что безъ вѣры человѣкъ не можетъ жить и мыслить, что совершенно справедливо, и на мѣсто понятія вѣры, т. е. признанія того, что существуетъ то, что сознается, но не можетъ быть определено разумомъ, какъ Богъ, душа, добро, — подставляется понятіе довѣрія въ то, что существуетъ Богъ именно такой-то, въ трехъ лицахъ, тогда-то сотворившій міръ и то-то, тогда-то и черезъ такихъ-то пророковъ. Основанные на такомъ смѣшеніи понятій обманы вѣры, извращая разумъ, извращаютъ и истинную религію¹⁾.

¹⁾ „Христіанское ученіе“, с. 42.

Ученіе Христа, какъ и всякое религіозное ученіе, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: 1) ученіе о жизни людей—о томъ, какъ надо жить каждому отдѣльно и всѣмъ вмѣстѣ—этическое и 2) объясненіе, почему людямъ надо жить именно такъ, а не иначе—метафизическое ученіе. Одно есть слѣдствіе и вмѣстѣ причина другого. Эти стороны находятся во всѣхъ религіяхъ міра. Но какъ было со всѣми ученіями—браманизмомъ, іудаизмомъ, буддизмомъ, такъ было и съ ученіемъ Христа. Люди отступаютъ отъ ученія о жизни, и изъ числа ихъ являются такіе, которые берутся оправдать это отступленіе. Люди эти, садящіеся, по выраженію Христа, на сѣдалище Моисея, разъясняютъ метафизическую сторону ученія такъ, что его этическія требованія становятся необязательными и замѣняются внѣшнимъ богопочитаніемъ—обрядами. Въ христіанствѣ это явленіе выразилось особенно рѣзко, по той причинѣ, что ученіе это есть самое высшее, и именно потому, что его метафизика и этика до такой степени неразрывно связаны и опредѣляются одна другою, что отдѣлить одну отъ другой нельзя, не лишивъ все ученіе его смысла, и еще потому, что ученіе Христа есть уже само по себѣ протестантизмъ, т. е. отрицаніе не только обрядовыхъ постановленій іудаизма, но и всякаго внѣшняго богопочитанія. И потому въ христіанствѣ разрывъ этотъ долженъ былъ уже совершенно извратить ученіе и лишить его всякаго смысла. Такъ оно и было. Разрывъ между ученіемъ о жизни и объясненіемъ жизни начался съ проповѣди Павла, не знавшаго этического ученія, выраженнаго въ Евангеліи Матѳея, и проповѣдывавшаго чуждую Христу метафизическо-кабалистическую теорію; окончательно же завершился этотъ разрывъ во время Константина, когда найдено было возможнымъ весь языческій строй жизни, не измѣняя его, облечь въ христіанскія одежды и потому признать христіанскимъ. Со времени Константина, язычника изъ язычниковъ, котораго церковь за всѣ его преступленія и пороки причисляетъ къ лику христіанскихъ святыхъ, начинаются соборы, и центръ тяжести христіанства переносится на одну метафизическую сторону ученія. И это метафизическое ученіе съ сопутствующими ему обрядами, все болѣе и болѣе отклоняясь отъ основного смысла своего, доходитъ до того, до чего оно дошло теперь: до ученія, которое объясняетъ самыя недоступныя разуму человѣческому тайны жизни небесной, даетъ сложнѣйшіе обряды богослужебные, но не даетъ никакого религіознаго ученія о жизни земной¹⁾. Произошло то, о чемъ Христосъ предупреждалъ людей, говоря: «смот-

¹⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. с. 167—168.

рите, не сдѣлался бы свѣтъ, находящійся въ васъ, тьмою. Если свѣтъ, который есть въ тебѣ, сталъ тьмою, то какова же тьма?»

Свѣтъ, находящійся въ насъ, сталъ тьмою. И тьма, въ которой мы живемъ, стала ужасна¹⁾. И церковное ученіе, несмотря на то, что оно назвало себя христіанскимъ, есть та самая тьма, противъ которой боролся Христосъ и велѣлъ бороться своимъ ученикамъ²⁾.

2.

Истина не нуждается во внѣшнемъ подтвержденіи и принимается свободно всѣми тѣми, которымъ она передается, но обманъ требуетъ особенныхъ приемовъ, посредствомъ которыхъ онъ могъ бы передаваться людямъ и усваиваться ими; и потому для совершенія обмановъ вѣры употребляются тѣми, которые ихъ совершаютъ, во всѣхъ народахъ всегда одни и тѣ же приемы. Приемы эти слѣдующіе: перетолкованіе истины, внушеніе вѣры въ чудесное, установленіе посредничества между человѣкомъ и Богомъ, воздѣйствіе на внѣшнія чувства человѣка и преподаваніе ложной вѣры дѣтямъ.

Сущность перваго приема обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы на словахъ признать не только справедливость открытой людямъ послѣдними проповѣдниками истины, но признать самого проповѣдника святымъ сверхъестественнымъ лицомъ, обоготворить проповѣдника, приписавъ ему совершеніе разныхъ чудесъ, и скрыть самую сущность открытой истины такъ, чтобы она не только не нарушала прежняго пониманія жизни и установившагося въ немъ строя жизни, но, напротивъ, подтверждала бы его.³⁾ И христіанство было извращено такъ же, какъ и всѣ другія религіи, съ той только разницей, что именно потому, что христіанство съ особенной ясностью провозгласило свое основное положеніе равенства всѣхъ людей, какъ сыновъ Бога, нужно было особенно сильно извратить все ученіе, чтобы скрыть его основное положеніе⁴⁾.

Второй приемъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы внушать людямъ, что слѣдованіе въ познаніи истины данному намъ отъ Бога разуму есть грѣхъ гордости, что существуетъ другое, болѣе надежное орудіе познанія: откровеніе истины, передаваемое Богомъ непосредственно избраннымъ людямъ при извѣстныхъ знаменіяхъ, чудесахъ, т. е. сверхъестественныхъ событіяхъ, подтвер-

1) Ib., с. 166.

2) Ib., с. 167.

3) «Христіанское ученіе», с. 43.

4) «Что такое религія», с. 18.

жающихъ вѣрность передачи. Внушается то, что надо вѣрить не разуму, а чудесамъ, т. е. тому, что противно разуму.

Третій приёмъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить людей, что они не могутъ имѣть того непосредственнаго отношенія съ Богомъ, которое чувствуетъ всякій человѣкъ и которое особенно уяснилъ Христосъ, признавъ человѣка сыномъ Бога, а что для общенія съ Богомъ необходимъ посредникъ или посредники. Такими посредниками ставятъ пророковъ, святыхъ, церковь, писаніе, старцевъ, дервишей, Ламъ, Буддъ, пустынниковъ, всякое духовенство. Какъ ни различны всѣ эти посредники, сущность посредничества та, что между человѣкомъ и Богомъ не признается прямой связи, а, напротивъ, предполагается, что истина прямо не доступна человеку, а можетъ быть принята только черезъ вѣру въ посредниковъ между нимъ и Богомъ.

Четвертый приёмъ обмана вѣры состоитъ въ томъ, что, подъ предлогомъ совершенія требуемыхъ будто бы Богомъ дѣлъ: молитвъ, таинствъ, жертвъ, собираютъ вмѣстѣ много людей и, подвергнувъ ихъ различнымъ одуряющимъ воздѣйствіямъ, внушаютъ имъ ложь, выдавая ее за истину. Поражаютъ людей красотой и величіемъ храмовъ, великолѣпиемъ украшеній, утварью, одеждами, блескомъ освѣщенія, звуками пѣнія, органовъ, куреніями, возгласами, представленіями, — и въ то время, какъ люди находятся подъ этимъ обаяніемъ, стараются запечатлѣть въ душахъ ихъ обманъ, выдаваемый за истину.

Пятый приёмъ — самый жестокий; онъ состоитъ въ томъ, что ребенку, спрашивающему у старшихъ, жившихъ прежде его и имѣвшихъ возможность познать мудрость прежде жившихъ людей, о томъ, что такое этотъ міръ и его жизнь и какое отношеніе между тѣмъ и другимъ, отвѣчаютъ не то, что думаютъ и знаютъ эти старшіе, а то, что думали люди, жившіе тысячи лѣтъ тому назадъ и во что никто изъ большихъ уже не вѣритъ и не можетъ вѣрить. Вмѣсто духовной, необходимой ему пищи, о которой просить ребенокъ, ему дается губящій его духовное здоровье ядъ, отъ котораго онъ можетъ исцѣлиться только величайшими усиліями и страданіями ¹⁾).

3.

Человѣкъ спрашиваетъ: что такое весь этотъ міръ, въ которомъ онъ находитъ себя? Спрашиваетъ, какой смыслъ его существованія? И чѣмъ ему надо руководиться въ той свободѣ, которую

¹⁾ «Христіанское ученіе», с.с. 44—45.

онъ чувствуетъ въ себѣ? Онъ спрашиваетъ, и Богъ устами установленной Имъ Церкви отвѣчаетъ ему:

Ты хочешь знать, что такое этотъ міръ? Вотъ что: есть Богъ единый, всевѣдущій, всеблагій, всемогущій. Богъ этотъ есть духъ простой, но Онъ имѣетъ волю и разумъ. Богъ этотъ одинъ и вмѣстѣ три. Отецъ родилъ Сына; Сынъ во плоти и сидятъ одесную Отца. Духъ изшелъ отъ Отца. Всѣ они три — Боги. И всѣ разны, и всѣ — одно. Этотъ-то троичный Богъ существовалъ вѣчно одинъ втроемъ и вдругъ вздумалъ сотворить міръ, и сотворилъ его изъ ничего своею мыслию, хотѣніемъ и словомъ. Сотворилъ сначала духовный міръ — ангеловъ. Ангелы сотворены добрыми, и Богъ только для ихъ блаженства сотворилъ ихъ; но, сотворенныя добрыми, эти существа стали вдругъ злыми, сами собой. Ангелы — одни остались добрыми, другіе стали злыми, и стали діаволами. Ангеловъ сотворилъ Богъ очень много и раздѣлилъ ихъ на 9 чиновъ и 3 разряда: ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, силы, господства, начала, власти, престолы. И діаволы тоже раздѣлены по чинамъ, но имена ихъ чиновъ точно неизвѣстны. Потомъ прошло много времени, и Богъ опять сталъ творить и сотворилъ міръ вещественный. Онъ сотворилъ его въ 6 дней. Дель надо считать днемъ обращенія земли около оси. И были утро и вечеръ съ первымъ же днемъ. Если солнца не было въ первые дни, то въ эти дни Богъ самъ сотрясалъ свѣтящуюся матерію, чтобы были утро и вечеръ. Богъ творилъ 6 дней, въ 6-й день Богъ сотворилъ Адама, перваго человѣка, изъ земли, и вдунулъ въ него душу, потомъ сотворилъ жену. Человѣкъ сотворенъ изъ души и тѣла. Назначеніе человѣка — оставаться вѣрнымъ власти Божіей. И человѣкъ сотворенъ добрымъ и вполне совершеннымъ. Вся обязанность его заключалась въ томъ, чтобъ не ѣсть запрещеннаго яблока, и Богъ ему, кромѣ того, что сотворилъ его совершеннымъ, всячески помогалъ еще въ этомъ, училъ его, развлекалъ и посѣщалъ въ саду. Но Адамъ все-таки съѣлъ запрещенное яблоко, и за это Богъ благой отомстилъ Адаму, выгналъ его изъ рая, проклявъ его, всю землю и всѣхъ потомковъ Адама.

Все это надо понимать не въ-какомъ-нибудь переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ; надо понимать, что все это такъ точно было.

Послѣ этого Богъ, въ 3 лицахъ, всевѣдущій, всеблагій, всемогущій, сотворивши Адама и проклявши его и все потомство, все-таки не переставалъ промышлять, т. е. заботиться, для ихъ блага, объ Адамѣ, его потомкахъ и о всѣхъ сотворенныхъ существахъ. Онъ сохраняетъ тварей, содѣйствуетъ имъ и управляетъ ими, всеми и каждымъ особенно. Богъ этотъ управлялъ и управ-

ляетъ ангелами, злыми и добрыми, и людьми, злыми и добрыми. Ангелы же помогаютъ Богу управлять міромъ. Есть ангелы, поставленные къ царствамъ, къ народамъ и къ людямъ; и Богъ, всевѣдущій, всемогущій и всеблагой, сотворившій ихъ всѣхъ, погубилъ тьмы ангеловъ злыхъ навсегда и людей всѣхъ за Адама, но не переставалъ заботиться о всѣхъ людяхъ и заботиться естественнымъ и даже сверхъестественнымъ образомъ. Сверхъестественный этотъ способъ заботы о людяхъ состоитъ въ томъ, что, когда прошло 5000 лѣтъ, Богъ нашелъ средство заплатить самому себѣ за грѣхъ Адама, котораго онъ самъ сдѣлалъ такимъ, какимъ онъ былъ. Средство состоитъ въ томъ, что въ числѣ лицъ Троицы одно — Сынъ. Оно, это лицо, такъ всегда и было Сыномъ. Такъ этотъ Сынъ вышелъ изъ дѣвы, не нарушая ея дѣвства; но вошелъ въ дѣву Марію, какъ мужъ ея, Духъ Святой, а вышелъ Сынъ — Христосъ. И этотъ Сынъ назывался Иисусомъ, и онъ былъ Богъ, и человѣкъ, и лицо Троицы. Этотъ-то Богъ — человѣкъ и спасъ людей. Онъ спасъ ихъ вотъ какъ: онъ былъ пророкъ, первосвященникъ и царь. Онъ, какъ пророкъ, далъ новый законъ; какъ первосвященникъ, самъ принесъ себя въ жертву тѣмъ, что умеръ на крестѣ; и, какъ царь, дѣлалъ чудеса и сошелъ въ адъ, выпустилъ оттуда всѣхъ праведниковъ и уничтожилъ грѣхъ, проклятіе и смерть въ людяхъ. Но средство это, хотя и очень сильное, не всѣхъ спасло однако. Тьмы темъ діаволовъ такъ и остались діаволами, и люди воспользоваться этимъ спасеніемъ должны умѣючи. Чтобы воспользоваться этимъ средствомъ, надо освятиться, а освятить можетъ только церковь, а церковь — это тѣ люди, которые говорятъ про себя, что на нихъ накладывали руки такіе люди, на которыхъ накладывали руки такіе люди и т. д., на которыхъ накладывали руки ученики самого Бога Иисуса, на которыхъ накладывалъ руку самъ Богъ-Сынъ, Спаситель. И, накладывая руки, самъ Богъ дунулъ на нихъ и далъ имъ этимъ дуновеніемъ и всѣмъ, кому они это передадутъ, власть освящать людей; и это-то самое освященіе нужно, чтобы спастись. Это, что спасетъ, называется благодать; освящаетъ человѣка и спасаетъ благодать — это значитъ сила Божія, передаваемая въ извѣстныхъ формахъ церковью. Чтобы благодать эта дѣйствовала, надо, чтобы человѣкъ, желающій освятиться ею, вѣрилъ, что онъ освящается. Онъ можетъ даже не совсѣмъ вѣрить, но долженъ слушаться церкви и, главное, не противорѣчить, — тогда благодать перейдетъ. Человѣкъ, освященный благодатью, не долженъ думать, какъ онъ думалъ прежде, что, если онъ дѣлаетъ хорошо, то это потому, что онъ хочетъ дѣлать хорошо; но онъ долженъ думать, что, если онъ что-нибудь

дѣласть хорошо, то это только потому, что въ немъ дѣйствуетъ благодать; и потому онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы въ немъ была благодать. Благодать же эта передается церковью разными манипуляціями и произнесеніемъ разныхъ словъ, которыя называютъ таинствами ¹⁾. Въ жизни же внушается, что надо соблюдать слѣдующія правила: не ѣсть мяса и молока въ извѣстные дни, еще въ другіе извѣстные дни служить молебны и панихиды по умершимъ, въ праздники принимать священника и давать ему деньги и нѣсколько разъ въ году брать изъ церкви доски съ изображеніями и носить ихъ на полотенцахъ по полямъ и домамъ. Передъ смертью же внушается, что человекъ долженъ непремѣнно съѣсть съ ложечки хлѣба съ виномъ, а еще лучше, если успѣетъ помазаться масломъ. Это обезпечиваетъ ему благо въ будущей жизни. Послѣ же смерти внушается роднымъ его, что для спасенія души умершаго полезно положить ему въ руки печатную бумажку съ молитвой; полезно еще, чтобы надъ мертвымъ тѣломъ прочли извѣстную книгу и чтобы въ церкви въ извѣстное время произносили бы имя умершаго. Но если кто особенно хочетъ позаботиться о своей душѣ, то по этой вѣрѣ внушается, что наибольшее обезпеченіе блаженства души на томъ свѣтѣ достигается еще тѣмъ, чтобы жертвовать деньги на церкви и монастыри, обязывая этимъ святыхъ людей молиться за себя. Спасительны еще, по этой вѣрѣ, для души хожденія по монастырямъ и цѣлованіе явленныхъ иконъ и мощей. По этой вѣрѣ явленные иконы и мощи сосредоточиваютъ въ себѣ особенную святость, силу и благодать, и близость къ этимъ предметамъ: прикосновеніе, цѣлованіе, становленіе свѣчъ къ нимъ, подлѣзаніе подъ нихъ много содѣйствуетъ спасенію, равно и молебны, заказываемые передъ этими святынями ²⁾.

Всѣ тѣ, которые вѣрятъ въ это, получаютъ мздовоздаяніе, сначала частное—тотчасъ послѣ смерти, и потомъ общее—послѣ кончины міра. Частное мздовоздаяніе вѣрующихъ будетъ то, что они прославятся на землѣ и на небѣ. На землѣ ихъ мощамъ и иконамъ будутъ кадить и ставить свѣчи, а на небѣ они будутъ со Христомъ во славу. Но будетъ еще конецъ свѣта и судъ всеобщій. Конецъ свѣта будетъ происходить такъ: одно лицо Троицы, Богъ Исусъ, который въ тѣлѣ сидитъ на небѣ одесную отца, на облакахъ сойдетъ на землю въ человѣческомъ образѣ, въ томъ, въ какомъ онъ былъ на землѣ. Ангелы будутъ трубить, и всѣ мертвые воскреснутъ въ самыхъ своихъ тѣлахъ, только тѣла немножко измѣнятся. Тогда соберутся всѣ ангелы, діаволы и всѣ люди, и

¹⁾ «Критика догматическаго богословія», с. с. 217—219.

²⁾ «Царство Божіе внутри васъ», с. с. 53—54

Христосъ будетъ судить,—и праведниковъ отдѣлятъ направо: они съ ангелами пойдутъ въ рай, а грѣшниковъ налево: они съ діаволами пойдутъ въ адъ и тамъ будутъ вѣчно мучиться мученіями большими, чѣмъ горѣніе. Мученія эти будутъ вѣчны. А благого Бога будутъ вѣчно прославлять всѣ праведники ¹⁾).

Вотъ во что предлагается неизмѣнно вѣрить христіанину и всякому человѣку.

Вотъ она, та хула на Святого Духа, которая не простится ни въ этомъ вѣкѣ, ни въ будущемъ! ²⁾). Это — содержаніе догматовъ, т. е. неизмѣнныхъ и непререкаемыхъ положеній христіанскихъ церквей—православной и, съ тѣми или иными отдѣльными разногласіями, и другихъ церквей.

На вопросъ мой о томъ, какой смыслъ имѣетъ моя жизнь въ этомъ мірѣ,—отвѣтъ будетъ такой:

Богъ, по прихоти, сотворилъ міръ какой-то странный. Дикій Богъ—получеловѣкъ, получудовище сотворилъ міръ такой, какой ему хотѣлось; и все приговаривалъ, что хорошо, и все—хорошо, и человѣкъ—хорошо. Но вышло все очень нехорошо. Человѣкъ подпалъ подъ проклятіе и все потомство его; и Богъ благой все продолжалъ творить людей въ утробахъ матерей, зная, что они всѣ или многіе погибнутъ. И послѣ того, какъ онъ придумалъ средство спасти ихъ, осталось то же самое, еще хуже, потому что тогда, какъ говоритъ церковь, люди, какъ Авраамъ, Іаковъ, могли спастись своей доброй жизнью, теперь же, если я родился іудеемъ, буддистомъ и случайно не подпалъ подъ освящающее дѣйствіе церкви,—я навѣрно пропалъ и вѣчно буду мучиться съ діаволами; мало того, если я даже въ числѣ счастливчиковъ, но имѣю несчастье считать требованія своего разума законными, а не отрекаюсь отъ нихъ, чтобъ повѣрить ученію церкви, я тоже погибъ. Мало того, если я даже и повѣрилъ всему, но не успѣлъ участвовать, и за меня не будутъ, по разсѣянности моихъ близкихъ, молиться, я могу тоже попасть въ адъ и остаться тамъ. Смыслъ моей жизни, по этому ученію, есть совершеннѣйшая бессмыслица, безъ сравненія худшая той, которая мнѣ представлялась при свѣтѣ одного моего разума. Тогда я видѣлъ, что я живу и; пока живу, пользуюсь жизнью, а умру, не буду чувствовать. Тогда меня пугала бессмысленность моей личной жизни, неразрѣшимость вопроса: зачѣмъ мои стремленія, моя жизнь, когда все кончится, а вся эта бессмыслица, прихоть чья-то, будетъ вѣчно продолжаться.

¹⁾ «Критика догматическаго богословія», с. с. 219—220,

²⁾ *Ib.*, с. 222.

На вопросъ, какъ мнѣ жить — отвѣтъ этого ученія тоже прямо отрицаетъ все то, чего требуетъ мое нравственное чувство, и требуетъ того, что мнѣ всегда представлялось самымъ безнравственнымъ, — лицемеріемъ. Изъ всѣхъ нравственныхъ приложений догматовъ вытекаетъ одно: спасайся въ вѣрѣ. — не можешь понять этого, во что вѣрить велеть. говори, что вѣришь, подавляй всѣми силами души потребность свѣта и истины, говори, что вѣришь, и дѣлай то, что вытекаетъ изъ вѣры. Дѣло ясно. Несмотря на всѣ оговорки о томъ, что нужны зачѣмъ-то добрыя дѣла и нужно слѣдовать ученію Христа о любви, смиреніи и самоотверженіи, очевидно, что эти дѣла не нужны, и практика жизни всѣхъ вѣрующихъ такъ и подтверждаетъ это. Логика неумолима. Зачѣмъ дѣла, когда я искупленъ смертью Бога, когда искуплены даже всѣ мои будущіе грѣхи, надо только вѣрить. Да и какъ я могу бороться, стремиться къ добру, въ чемъ одномъ я принималъ прежде добрыя дѣла, когда главный догматъ вѣры тотъ, что человѣкъ самъ ничего не можетъ а все дается туне благодатью. Надо только искать благодати; благодать же приобретается не мной однимъ, а сообщается мнѣ другими. Если я даже не успѣю освятиться при моей жизни благодатью, то есть средства воспользоваться ею и послѣ смерти: можно оставить деньги на церковь, и за меня будутъ молиться ¹⁾. И отвѣтъ на вопросъ, что мнѣ дѣлать, — ясно вытекаетъ изъ ученія, и отвѣтъ этотъ слишкомъ знакомъ каждому и слишкомъ грубо противорѣчитъ совѣсти; но онъ неизбеженъ ²⁾.

Такъ что оказывается, что то, чего понять и выразить даже нельзя, о чемъ нельзя иначе думать, какъ только заучивши и повторяя эти слова, это-то самое и есть то, на чемъ зиждется все зданіе христіанской вѣры ³⁾.

Утвержденіе же этихъ бессмыслицъ происходитъ не произвольно, но вытекаетъ изъ ложнаго, большей частью грубаго пониманія словъ Писанія ⁴⁾. И даже это не только ложь и ошибка, но обманъ людей не вѣрующихъ, сложившійся вѣками и имѣющій опредѣленную и неизменную цѣль ⁵⁾. Понятно, что по смерти Христа глубоко проникнутые его ученіемъ ученики, говоря и пиша о Немъ, о томъ человѣкѣ, который училъ, что всѣ — сыны Божіи и должны слиться съ Богомъ въ жизни, и который въ своей жизни до смерти исполнилъ это подчиненіе себя волѣ Бога и слияніе съ нимъ, —

1) Ib., с. с. 220—221.

2) Ib., с. 222.

3) Ib., с. 116.

4) Ib., с. 124.

5) Ib., с. 7.

понятно, что ученики называли Его божественнымъ, сыномъ Бога возлюбленнымъ, по высотѣ Его ученія и по жизни, исполнѣ осуществившей ученіе. И понятно, какъ грубые люди, слушая ученіе апостоловъ, не понимали его, понимали одни слова и на словахъ этихъ, грубо понятыхъ, строили свое ученіе и, со свойственнымъ грубости упорствомъ, стояли за свое пониманіе, отрицая всякое другое именно потому, что не въ силахъ были понять его, и какъ потомъ эти грубые люди на Вселенскомъ 1-мъ и 2-мъ соборахъ закрѣпили это ужасное заблужденіе. Какъ, напримѣръ, въ отношеніи догмата о прародительскомъ грѣхѣ можно допустить пониманіе тѣхъ людей, которые не могутъ видѣть въ повѣсти о паденіи человѣка ничего иного, какъ то, что былъ Адамъ, и онъ не выполнилъ приказанія Бога — не ѣсть запрещеннаго плода, — точно такъ же можно допустить пониманіе людей, которые говорятъ, что Иисусъ былъ Богъ и смертию и страданіями своими спасъ людей. Это пониманіе не вѣрно: оно только грубо и неполно. Пониманіе того, что человѣкъ палъ, потому что не повиновался Богу, вѣрно тѣмъ, что оно выражаетъ мысль о томъ, что зависимость, слабость, смерть человѣка — все это слѣдствіе его плотскихъ страстей. Точно такъ же вѣрно и то, что Христосъ былъ Богъ, тѣмъ, что дѣйствительно, какъ и сказалъ Іоаннъ, Онъ явилъ намъ Бога. Но какъ только люди начинаютъ утверждать, что это единая истина и что столько-то именно лѣтъ тому назадъ въ такомъ-то именно мѣстѣ жилъ Адамъ, сотворенный Богомъ, и Богъ насадилъ ему садъ, и т. д., и что въ этомъ все значеніе этого ихъ утвержденія, или что Иисусъ, 2-е лицо Бога, вочеловѣчился въ дѣвѣ Маріи отъ Духа Святаго, — какъ только начинаютъ утверждать, что самая та форма, въ которой они выражаютъ эту мысль, есть единая истина, — такъ уже невозможно допускать того, что они говорятъ, ибо ихъ разъясненія и утвержденія разъясняютъ самое значеніе той мысли, которую они высказываютъ, а она исключаетъ возможность всякаго единенія вѣры и явно обличаетъ ихъ въ томъ, что источникъ ихъ упорства въ утвержденіи есть грубость и непониманіе. И это самое дѣлала и продолжаетъ дѣлать церковь, во имя своей святости и непогрѣшимости ¹⁾.

Проповѣдуется только внѣшній культъ идолопоклонства. Внѣшній культъ и служеніе милости и правдѣ трудно совмѣстимы; большею частью одно исключаетъ другое. Такъ было это у фарисеевъ, такъ это и теперь у церковныхъ христіанъ. Нагорная проповѣдь или символъ вѣры: нельзя вѣрить тому и другому. Церковники выбрали

¹⁾ Ib., с. с. 113—114.

послѣднее. И ученіе церковное — всякое, съ своими искупленіями и таинствами, а тѣмъ болѣе ученіе православное съ своимъ идолопоклонствомъ, исключаетъ Христово ученіе ¹⁾).

Истинная вѣра никогда не бываетъ неразумна, несогласна съ существующими достовѣрными знаніями, и свойствомъ ея не можетъ быть сверхъестественность и безсмысленность, какъ это думаютъ, и какъ это и выразилъ отецъ церкви, сказавъ: *scedo quia absurdum* ²⁾). Напротивъ, утвержденія настоящей вѣры, хотя и не могутъ быть доказаны, никогда не только не содержатъ въ себѣ ничего противнаго разуму и несогласнаго съ знаніями людей, а всегда разъясняютъ то, что въ жизни безъ положеній вѣры представляется неразумнымъ и противорѣчивымъ ³⁾).

4.

Если у человѣка колеблющагося, послѣ того, какъ онъ вникнулъ въ церковное ученіе и понялъ всю его грубость, все его неразуміе и суевѣріе, и остается еще какое-либо сомнѣніе въ неправотѣ церкви и надежда на возможность дальнѣйшаго общенія съ нею, то они совершенно исчезаютъ, какъ только онъ обратится къ церкви за разрѣшеніемъ волнующихъ его жизненныхъ вопросовъ и узнаетъ ея отношеніе къ нимъ. Такимъ вопросомъ является прежде всего отношеніе каждаго изъ церковныхъ вѣроисповѣданій ко всѣмъ остальнымъ. Человѣкъ встрѣчаетъ среди людей чуждаго ему вѣроисповѣданія лицъ нравственно высокихъ и истинно вѣрующихъ. Онъ желалъ бы быть братомъ этихъ людей. И что же? То ученіе, которое обѣщало ему соединить всѣхъ единою вѣрою и любовью, это самое ученіе, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, говоритъ ему, что это все люди, находящіеся во лжи, что то, что даетъ имъ силу жизни, есть искушеніе дьявола и что мы одни въ обладаніи единой возможной истины. И ко всѣмъ, не исповѣдующимъ его взглядовъ, это ученіе относится враждебно, какъ оно и должно быть: во-первыхъ, потому, что утвержденіе о томъ, что ты во лжи, а я въ истинѣ, есть самое жестокое слово, которое можетъ сказать одинъ человѣкъ другому, и, во-вторыхъ, потому, что человѣкъ, любящій дѣтей и братьевъ своихъ, не можетъ не относиться враждебно къ людямъ, желающимъ обратить его и дѣтей и братьевъ въ вѣру ложную. И враждебность эта усиливается по мѣрѣ большаго знанія вѣроученія.

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. 55.

²⁾ Вѣру, потому что нелѣпо.

³⁾ „Что такое религія“ с. 22.

Такимъ образомъ самое вѣроученіе разрушаетъ то, что оно должно произвести, — единеніе всѣхъ людей. Соблазнъ этотъ до такой степени очевиденъ, до такой степени намъ, образованнымъ людямъ, живавшимъ въ странахъ, гдѣ исповѣдуются разныя вѣры, и выдавшимъ то презрительное, самоувѣренное, непоколебимое отрицаніе, съ которымъ относится католикъ къ православному и протестанту, и протестантъ къ обоимъ, и такое же отношеніе старообрядца, пашковца, шекера и всѣхъ вѣръ, — что самая очевидность соблазна озадачиваетъ. Говоришь себѣ: да не можетъ быть, чтобъ это было такъ просто, и все-таки люди не видали бы того, что если два утвержденія другъ друга отрицаютъ, то ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ той единой истины, какою должна быть вѣра¹⁾. Для католиковъ божественная церковь совпадаетъ съ римской іерархіей и папой. Для православнаго божественная церковь совпадаетъ съ учрежденіемъ восточной и русской іерархіи. Для лютеранъ божественная церковь совпадаетъ съ собраніемъ людей, признающихъ библию и катехизисъ Лютера²⁾. И всѣ отрицаютъ другъ друга, а не себя³⁾. «Человѣкъ будетъ искать объясненій этого явленія, но онъ не найдетъ ихъ. И тогда онъ пойметъ, что онъ ищетъ вѣры, силы жизни, а они ищутъ наилучшаго средства исполненія передъ людьми извѣстныхъ человѣческихъ обязанностей. И, исполняя эти человѣческія дѣла, они исполняютъ ихъ по-человѣчески. Сколько бы ни говорили они о своемъ сожалѣніи о заблудшихъ братьяхъ, о молитвахъ за нихъ, возносимыхъ у престола всевышняго, — для исполненія человѣческихъ дѣлъ нужно насиліе, и оно всегда прилагалось, прилагается и будетъ прилагаться церковью. Если ложное ученіе проповѣдуются неопытнымъ сынамъ церкви, находящейся въ истинѣ, то церковь эта не можетъ не сжечь книги, не удалить человѣка, соблазняющаго сыновъ ся. Что же дѣлать съ тѣмъ сектантомъ, горящимъ огнемъ ложной, по мнѣнію православія, вѣры, который въ самомъ важномъ дѣлѣ жизни, въ вѣрѣ, соблазняетъ сыновъ церкви? Что же съ нимъ дѣлать, какъ не отрубить ему голову или не запереть? При Алексѣѣ Михайловичѣ сжигали на кострѣ, т.-е. по времени прилагали высшую мѣру наказанія, въ наше время прилагаютъ тоже высшую мѣру — запираютъ въ одиночное заключеніе⁴⁾).

Христіанская церковь признала и осватила все то, что было въ языческомъ мірѣ. Она признала и осватила и разводъ, и раб-

1) „Исповѣдь“, с. 48.

2) „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 43—44.

3) „Критика догматическаго богословія“, с. 227

4) „Исповѣдь“, с. с. 49—50.

ство, и суды, и всѣ тѣ власти, которыя были, и войны, и казни, и требовала при крещеніи только словеснаго, и то только сначала, отреченія отъ зла; но потомъ, при крещеніи младенцевъ, перестали требовать даже и этого. Церковь, на словахъ признавая ученіе Христа, въ жизни прямо отрицаетъ его¹⁾.

Во всякое время религіозныя вѣрованія соотвѣтствуютъ общественному устройству, т.-е. общественное устройство слагается по религіознымъ вѣрованіямъ. И потому, каковы религіозныя вѣрованія народа, таково и его общественное устройство. Это знаютъ правительства и правящіе классы и потому всегда поддерживаютъ то религіозное ученіе, которое соотвѣтствуетъ ихъ выгодному положенію. Правительства и правящіе классы знаютъ, что истинная христіанская религія отрицаетъ власть, основанную на насиліи, отрицаетъ различіе сословій, накопленіе богатствъ, казни, войны, — все то, вслѣдствіе чего правительство и правящіе классы занимаютъ свое выгодное положеніе, и потому считаютъ необходимымъ поддерживать ту вѣру, которая оправдываетъ ихъ положеніе. И извращенное церквами христіанство дѣлаетъ это, представляя ту выгоду, что, извративъ истинное христіанство, скрываетъ отъ людей доступъ къ нему²⁾. Въмѣсто того, чтобы руководить міромъ въ его жизни, церковь въ угоду міру перетолковала метафизическое ученіе Христа такъ, что изъ него не вытекаетъ никакихъ требованій для жизни, такъ что оно не мѣшаетъ людямъ жить такъ, какъ они жили. Церковь разъ уступила міру, а разъ уступивъ міру, она пошла за нимъ. Міръ дѣлалъ все, что хотѣлъ, предоставляя церкви, какъ она умѣетъ, поспѣвать за нимъ въ своихъ объясненіяхъ смысла жизни. Міръ учреждалъ свою во всемъ противную ученію Христа жизнь, а церковь придумывала иносказанія, по которымъ бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живутъ согласно съ нимъ. И кончилось тѣмъ, что міръ сталъ жить жизнью, худшей, чѣмъ была языческая жизнь, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что въ этомъ-то и состоитъ ученіе Христа. Но пришло время, и свѣтъ истиннаго ученія Христа, которое было въ Евангеліяхъ, несмотря на то, что церковь, чувствуя свою неправду, старалась скрывать его (запрещая переводы Библии), — пришло время, и свѣтъ этотъ черезъ такъ называемыхъ сектантовъ, даже черезъ вольнодумцевъ міра, проникъ въ народъ, и невѣрность ученія церкви стала очевидна людямъ, и они стали измѣнять свою прежнюю, оправданную церковью жизнь на основаніи этого помимо

¹⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. 169.

²⁾ „О вѣротерпимости“, с. 10.

церкви дошедшаго до нихъ ученія Христа. Такъ, сами люди, помимо церкви, уничтожили рабство, оправдываемое церковью, религиозныя казни, уничтожили освященную церковью власть императоровъ, папъ и теперь начали стоящее на очереди уничтоженіе собственности и государства. И церковь ничего не отстаивала и теперь не можетъ отстаивать, потому что уничтоженіе этихъ неправдъ жизни происходило и происходитъ на основаніи того самаго христіанскаго ученія, которое проповѣдывала и проповѣдуетъ церковь, хотя и стараясь извратить его.

Ученіе о жизни людей эмансипировалось отъ церкви и установилось независимо отъ нея. У церкви остались объясненія, но объясненія чего? Метафизическое объясненіе ученія имѣетъ значеніе, когда есть то ученіе жизни, которое оно объясняетъ. Но у церкви не осталось никакого ученія о жизни. У ней есть только объясненіе той жизни, которую она когда-то учреждала и которой уже нѣтъ. Если остались еще у церкви объясненія той жизни, которая была когда-то прежде, какъ объясненія катихизиса о томъ, что по должности должно убивать, то никто уже не вѣритъ въ это. И у церкви ничего не осталось, кромѣ храмовъ, иконъ, парчи и словъ ¹⁾. Все живое—независимо отъ церкви ²⁾.

5.

Церковь утверждаетъ, что ея ученіе зиждется на ученіи Божественномъ.

Доводы изъ Дѣяній и Посланій неправильно приводятся въ этомъ случаѣ, ибо апостолы были первые люди, выставившіе начало церкви, той самой, истинность которой требуется доказать, и потому ихъ ученіе такъ же мало, какъ и ученіе позднѣйшее, можетъ подтвердить то, что оно основано на ученіи Христа. Какъ бы близки они ни были, по времени, къ Христу, по ученію церкви: они—люди, Онъ—Богъ. Все, что Онъ сказалъ, истинно; все, что они сказали, подлежитъ доказательству и опроверженію. Церкви чувствовали это и потому поспѣшили на апостольское ученіе наложить печать непогрѣшимости Святаго Духа. Но, отстраняя эту ловку и приступая къ самому ученію Христа, нельзя не быть пораженнымъ той смѣлой дерзостью, съ которой учителя церкви хотятъ основать свое ученіе на ученіи Иисуса Христа, отрицающемъ то, что они хотятъ утвердить ³⁾. Нигдѣ, ни по чему, кромѣ

¹⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. с. 169—170.

²⁾ *Ив.*, с. 171.

³⁾ „Критика догматическаго богословія“, с. с. 224—225.

какъ по утверждёнїю церкви, не видно, чтобы Богъ или Христось основывали что-либо подобное тому, что церковники разумѣютъ подъ церковью ¹⁾. Слово «эклесія» (греч.: *ἐκκλησία*), не имѣющее никакого другого значенія, какъ «собраніе», только два раза употреблено въ Евангеліяхъ, у Матѳея: «на тебѣ, на вѣрномъ ученикѣ, какъ на камнѣ, Я утвержу Мое соединеніе людей» — разъ, и въ другой разъ — въ томъ смыслѣ, что если братъ твой тебя не послушаетъ, то скажи при собраніи людей, потому что, что вы развяжете здѣсь (разумѣя свою злобу, досаду), то развяжется на небѣ, т.-е. въ Богѣ.

Что же дѣлаютъ изъ этого попы?

Явившійся на землѣ, — говоритъ церковь, — чтобы совершить великое дѣло нашего искупленія, Спаситель сначала только одному Себѣ усвоилъ право учить людей истинной вѣрѣ, полученное Имъ отъ Отца. «Духъ Господень на Миѣ, говоритъ Онъ, Его же ради помаза Мя благовѣстити нищимъ, посла Мя исцѣлѣти сокрушенныя сердцемъ: проповѣдати плѣннымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе: отпустить сокрушенныя въ отраду: проповѣдати лѣто Господнепріятно», и, проходя грады и веси съ проповѣдію Евангелія, присовокуплялъ: «Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ въ міръ... Азъ на сіе посланъ есмь», заповѣдая въ то же время народамъ и ученикамъ: «вы же не нарицайтесь учителя: единъ бо есть вамъ учитель Христось... ниже нарицайтесь наставницы: единъ бо есть вамъ наставникъ Христось». Потомъ Онъ передалъ Свое божественное право учительства Своимъ ученикамъ, двѣнадцати и семидесяти, которыхъ Самъ нарочито избралъ къ этому великому служенію изъ среды всѣхъ Своихъ слушателей, передалъ сперва на время, еще во дни Своей земной жизни, когда посылалъ ихъ проповѣдывать Евангеліе царствія только овцамъ погибшимъ дому Израилева, а затѣмъ и навсегда, по воскресеніи Своемъ, когда, совершивъ Самъ все дѣло Свое на землѣ и отходя на небо, сказалъ имъ: «якоже посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы; шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; и, съ другой стороны, весьма ясно и съ страшными угрозами, обязалъ всѣхъ людей и будущихъ христіанъ принимать ученіе апостоловъ и имъ повиноваться: «слушай васъ, Мене слушаешь, и отменяяся васъ, Мене отменяется; отменяяся же Мене, отменяется Пославшаго Мя». Наконецъ, передавая право учительства апостоламъ, Господь выразилъ желаніе, чтобы отъ нихъ оно непосредственно перешло къ ихъ преемникамъ и, переходя изъ рода

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. 42.

въ родѣ; сохранилось въ мірѣ до самаго его окончанія. Ибо Онъ сказалъ ученикамъ своимъ: «шедше въ мірѣ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари, — шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се Азь съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка». Но эти ученики, безъ сомнѣнія, не могли жить до скончанія вѣка, и если могли проповѣдывать Евангеліе всѣмъ языкамъ, какіе только были имъ современны, то не могли же проповѣдывать народамъ послѣдующихъ вѣковъ. Слѣдовательно, въ лицѣ Своихъ апостоловъ Спаситель послалъ на дѣло всемірной проповѣди, равно какъ обнадѣжилъ Своимъ присутствіемъ, и всѣхъ ихъ будущихъ преемниковъ: это не простое гаданіе ума, а положительное ученіе одного изъ самихъ апостоловъ, который говорилъ, что: «самъ Христосъ далъ церкви своей не только апостолы, пророки, благовѣстники, но и пастыри и учителя» (Ефес. 4, 11).

Таково ученіе церкви.

Даже принимая то непонятное, очевидно добавленное мѣсто о крещеніи во имя Отца, Сына и Святаго Духа, нѣтъ ни слова на указаніе о церкви. Напротивъ, прямое указаніе на то, чтобы не называться учителями. Что можно сказать яснѣе противъ церкви, по понятіямъ церкви? И это-то самое мѣсто, какъ бы въ насмѣшку надъ его точнымъ смысломъ, они приводятъ! А противъ учительства? Не два, три мѣста, — противъ учителей говоритъ весь смыслъ Евангелія («мы Твоимъ именемъ учили. — Идите въ геенну, творящіе беззаконіе»): всѣ рѣчи къ фарисеямъ и о внѣшнемъ богопочитаніи, о томъ, чтобы слѣпому не водить слѣпого, потому что оба упадутъ вмѣстѣ, но, главное, весь смыслъ ученія Иисуса у Іоанна и въ другихъ евангеліяхъ. Онъ пришелъ благовѣствовать нищимъ духомъ и называетъ ихъ блаженными. Нѣсколько разъ повторяетъ, что ученіе Его доступно и понятно младенцамъ и несмысленнымъ, преимущественно передъ мудрыми и учеными. Избралъ глухихъ, неумныхъ и забытыхъ, и они поняли; говоритъ, что пришелъ не учить, но исполнять, и исполнилъ Своею жизнью. Повторяетъ и повторяетъ, что кто будетъ исполнять, тотъ узнаетъ, отъ Бога-ли оно, что блаженъ исполняющій, а не учащій; что кто исполнитъ, тотъ великъ, а не тотъ, кто будетъ учить. Гнѣвается на однихъ только: на однихъ учащихъ. Говоритъ: не судите о другихъ. Говоритъ, что Онъ одинъ открылъ дверь овцамъ, что овцы знаютъ Его, и Онъ знаетъ ихъ. И вотъ непрошенныя пастыри-волки, въ одеждѣ овчей, пришли въ одеждѣ блудницъ, стали передъ Нимъ и говорятъ — они, творящіе беззаконіе: не Онъ, а мы — дверь овцамъ¹⁾.

1) „Критика догматическаго богословія“, с. с. 225—227.

Короче сказать: церковь, какъ учрежденіе, какъ хранительница и извѣстительница истинъ, догматовъ, есть сама себя учредившая іерархія и считающая — въ противность всѣмъ другимъ іерархіямъ — одну себя святою и непогрѣшимою и одну себя имѣющею власть проповѣдывать божеское откровеніе. Такъ что все ученіе о церкви основано на томъ, чтобы, установивъ ея понятіе, какъ единой истинной хранительницы божеской истины, подмѣнить подъ это понятіе — понятіе одной извѣстной, опредѣленной іерархій, т.-е.: человѣческое, возникшее изъ гордости, злобы и ненависти, учрежденіе, изрекающее догматы и преподающее паствѣ только то ученіе, которое оно само считаетъ истиннымъ, соединить въ одно съ понятіемъ собранія всѣхъ вѣрующихъ, имѣющихъ невидимо во главѣ своего самого Христа — мистическое тѣло Христово. И на это сводится все ученіе богословія о церкви ¹⁾.

Новые богословы (таковы: Vinet, Хомяковъ и ихъ послѣдователи) говорятъ, что божеская истина хранится не въ непогрѣшимости іерархій, а въ совокупности всѣхъ вѣрующихъ людей, соединенныхъ любовью, и только людямъ, соединеннымъ любовью, дается божеская истина, и что таковая церковь опредѣляется только вѣрою и единеніемъ въ любви и согласіи. Разсужденіе это очень хорошо само по себѣ, но, къ сожалѣнію, изъ него никакъ нельзя вывести ни одного изъ тѣхъ догматовъ, которые исповѣдуютъ эти богословы. Богословы эти забываютъ, что для того, чтобы признать какой-нибудь догматъ, необходимо было признать преданіе священнымъ и опредѣленно выраженнымъ въ постановленіяхъ непогрѣшимою іерархій. Отказавшись же отъ непогрѣшимости іерархій, нельзя уже ничего утверждать, и нѣтъ ни одного положенія церкви, которое соединяло бы всѣхъ вѣрующихъ. Утвержденіе этихъ богослововъ о томъ, что они признаютъ тѣ постановленія, которыя выражали вѣру всѣхъ нераздѣленныхъ христіанъ, — совершенно несправедливо, потому что такого полного единенія всѣхъ христіанъ никогда не было. Рядомъ съ Никейскимъ символомъ былъ Аріанскій символъ; и принять Никейскій символъ не всѣми, а одной частью іерархій, и другіе христіане признали этотъ символъ только потому, что признали непогрѣшимость той іерархій, которая его выразила, сказавъ: «изволися намъ и Св. Духу». Такого же времени, въ которое бы всѣ христіане сошлись въ одномъ, никогда не было, и Соборы только затѣмъ и собирались, чтобы выйти какъ-нибудь изъ споровъ о догматахъ, раздѣлявшихъ христіанъ. Такъ что единенія въ любви, во-первыхъ, никогда не было, а, во вто-

1) П., с. 153.

рыхъ, это единеніе въ лѣтви, по самому существу своему, выразить и опредѣлить ничего не можетъ ¹⁾. Люди, вѣрующіе въ ученіе церкви, ни на чемъ иномъ не могутъ основать свою вѣру, какъ только на законности, правильности преемственности іерархіи. Правильность же и законность преемственности іерархіи ничѣмъ не можетъ быть доказана. Никакія историческія изслѣдованія не могутъ подтвердить ее. Историческія изслѣдованія, напротивъ, не только не подтверждаютъ правильности какой-бы то ни было іерархіи, но прямо показываютъ, что Христосъ никогда не устанавливалъ непогрѣшимой іерархіи, что въ первыя времена ея не было, и что этотъ пріемъ возникъ во время упадка христіанскаго ученія, во времена ненависти и злобы изъ-за толкованій догматовъ. Такъ что все ничѣмъ не оправданное ученіе богословія о церкви сводится на желаніе нѣкоторыхъ людей выставить въ противоположность другимъ ученіямъ, имѣющимъ такія же притязанія и съ такимъ же правомъ утверждающимъ, что они въ истинѣ,—свое ученіе, какъ единое истинное и святое ²⁾.

Но пришло время, когда надо отдѣлить овецъ отъ козловъ; они сами уже раздѣлились теперь такъ, что истинное ученіе уже не можетъ встрѣтиться въ церквахъ. И теперь ясно, что учительство церкви, хотя и возникло изъ малаго отступленія, есть теперь злѣйшій врагъ христіанства; что пастыри ея служатъ чему хотятъ, только не ученію Иисуса, потому что отрицаютъ его ³⁾. Ученіе Его въ томъ, чтобы возвысить сына человѣческаго, т. е. сущность жизни человѣка—признать себя сыномъ Бога. Въ Самомъ Себѣ Христосъ олицетворяетъ человѣка, признаваго свою сыновность Богу ⁴⁾. Оно въ томъ состоитъ, что мнѣ—моему свѣту—дано идти къ свѣту, мнѣ дана моя жизнь. И кромѣ нея и больше ея ничего нѣтъ,—кромѣ источника всякой жизни—Бога ⁵⁾. Мнѣ дана во власть моя душа, такъ же точно и всякому. Чужими душами я не только не могу владѣть, я не могу постигнуть ихъ; какъ же мнѣ исправлять ихъ, учить? И какъ мнѣ терять силы на то, что не во власти моей, а упускать то, что въ моей власти? И вотъ, не понимая этого, ложная вѣра завлекла людей въ оплошное желаніе учить другихъ и породила церковь со всѣми ея ужасами и безобразіями.

Что же будетъ, если не будетъ церкви? Будетъ то, что есть и теперь, то, что сказалъ Иисусъ. Онъ сказалъ не потому, что

1) Ib., с. 156.

2) Ib., с. 157.

3) Ib., с. 227.

4) «Въ чемъ моя вѣра», с. 113.

5) «Критика догматическаго богословія», с. 228.

Ему хотѣлось, а потому, что это такъ есть. Онъ сказалъ: сотворите добрыя дѣла, чтобы люди, видя ихъ, прославляли Бога. И только это одно ученіе было и будетъ съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ и будетъ стоять міръ. Въ дѣлахъ нѣтъ разногласія, а въ исповѣданіи, въ пониманіи, во внѣшнемъ богопочитаніи—если есть и будетъ разногласіе, то оно не касается вѣры и на дѣлѣ никому не мѣшаетъ. Церковь хотѣла соединить эти исповѣданія и внѣшнія богопочитанія, а сама распалась на безчисленное количество толковъ, и одно отвергло другое и тѣмъ показало, что ни исповѣданіе, ни богопочитаніе не есть дѣло вѣры. Дѣло вѣры есть только жизнь по вѣрѣ. И жизнь одна выше всего и не можетъ быть подчинена ничему, кромѣ Бога, познаваемаго только жизнью ¹⁾.

6.

Всякая церковь выводитъ свое исповѣданіе черезъ непрерывное преданіе отъ Христа и апостоловъ. И дѣйствительно, всякое христіанское исповѣданіе, происходя отъ Христа, неизбежно должно было дойти до настоящаго поколѣнія черезъ извѣстное преданіе. Но это не доказываетъ того, чтобы одно изъ этихъ преданій, исключая всѣ другія, было несомнѣнно истинно. Про церковь можно сказать только одно, что это есть такое собраніе людей, которые утверждаютъ про себя, что они находятся въ полномъ и единственномъ обладаніи истины. Вотъ эти-то собранія, перешедшія въ послѣдствіи при помощи поддержки власти въ могущественныя учрежденія, и были главными препятствіями для распространенія истиннаго пониманія ученія Христа. Оно и не могло быть иначе: главная особенность ученія Христа отъ всѣхъ прежнихъ ученій состояла въ томъ, что люди, принявшіе его, все больше и больше стремились понимать и исполнять ученіе; церковное же ученіе утверждало свое полное и окончательное пониманіе и исполненіе его. Какъ ни странно это кажется для насъ, воспитанныхъ въ ложномъ ученіи о церкви, какъ о христіанскомъ учрежденіи, и въ презрѣніи къ ереси,—но только въ томъ, что называлось ересью, и было истинное движеніе, т. е. истинное христіанство, и только тогда переставало быть имъ, когда оно въ этихъ ересяхъ останавливалось въ своемъ движеніи и такъ же закрѣплялось въ неподвижныя формы церкви ²⁾:

Въ самомъ дѣлѣ, что такое ересь?

Единственное опредѣленіе ереси (слово *αἵρεσις* значитъ часть) есть названіе, которое даетъ собраніе людей всякому сужденію,

¹⁾ Ib., с. 229.

²⁾ «Царство Божіе внутри васъ», с. 46.

опровергающему часть учения, исповѣдуемаго собраніемъ. Болѣе же частное значеніе, чаще всего приписываемое ереси, есть значеніе мнѣнія, опровергающаго установленное и поддерживаемое свѣтской властью церковное ученіе ¹⁾). Ересь есть обратная сторона церкви. Тамъ, гдѣ есть церковь, должно быть и понятіе ереси. Церковь есть собраніе людей, утверждающихъ про себя, что они обладают несомнѣнной истиной. Ересь есть мнѣніе людей, не признающихъ несомнѣнность истины церкви. Ересь есть проявленіе движенія въ церкви, есть попытка разрушенія закончѣншаго утвержденія церкви, попытка живого пониманія ученія. Всякій шагъ движенія впередъ и исполненія ученія совершался сретиками: еретики были и Тертуліанъ, и Оригенъ, и Августинъ, и Лютеръ, и Гусъ, и Саванорола, и Хельчицкій и др. Оно и не могло быть иначе. Ученикъ Христа, ученіе котораго состоитъ въ вѣчномъ большемъ и большемъ постигновеніи ученія и большемъ и большемъ исполненіи его, въ движеніи къ совершенству, не можетъ именно потому, что онъ ученикъ Христа, утверждать про себя или про другого, что онъ понимаетъ вполне ученіе Христа и исполняетъ его; еще менѣе можетъ утверждать это про какое-либо собраніе. Утвержденіе про себя или про какое-либо собраніе, что я или мы находимся въ обладаніи совершеннаго пониманія и исполненія ученія Христа, есть отреченіе отъ духа ученія Христа ²⁾).

Христіанская религія есть то высшее сознаніе человѣкомъ своего отношенія къ Богу, до котораго, восходя отъ низшей къ высшей ступени религіознаго сознанія, достигло человѣчество. И потому христіанская религія и всѣ люди, исповѣдующіе истинную христіанскую религію, зная, что они дошли до извѣстной степени ясности и высоты религіознаго сознанія, только благодаря непрестанному движенію человѣчества отъ мрака къ свѣту, не могутъ не быть вѣротерпимы. Признавая себя въ обладаніи только извѣстной степени истины, которая все болѣе и болѣе уясняется и возвышается общими усиліями человѣчества, они, встрѣчая новыя для нихъ, несогласныя со своими вѣрованія, не только не осуждаютъ и не отбрасываютъ ихъ, но радостно привѣтствуютъ, изучаютъ, вновь провѣряютъ по нимъ свои вѣрованія, откидываютъ то, что несогласно съ разумомъ, принимаютъ то, что уясняетъ и возвышаетъ исповѣдуемую ими истину, и еще болѣе утверждаютъ въ томъ, что одинаково во всѣхъ вѣрованіяхъ. Таково свойство христіанской религіи вообще, и такъ поступаютъ люди, исповѣдующіе христіанство. Но не то съ церковью. Церковь, признавая себя

¹⁾ Ib., с. 48.

²⁾ Ib., с. 50.

единственной хранительницей полной, божеской, вѣчной, неизмѣнной на всѣ времена, открытой людямъ самимъ Богомъ истины, не можетъ не смотрѣть на всякое, иначе, чѣмъ какъ въ ея догматахъ выраженное, религіозное ученіе—какъ на живое, зловерное или даже злонамѣренное (когда оно исходитъ отъ знающихъ положеніе церкви) ученіе, влекущее людей въ вѣчную погибель. И потому, по самому опредѣленію своему, церковь не можетъ быть вѣротерпима и не употребляетъ противъ всѣхъ исповѣданій, какъ и противъ проповѣдниковъ, несогласныхъ съ собою вѣроученій всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя она считаетъ согласными съ своимъ ученіемъ ¹⁾.

Служители церквей всѣхъ вѣроисповѣданій, въ особенности въ последнее время, стараются выставить себя сторонниками движенія въ христіанствѣ: они дѣлаютъ уступки, желаютъ исправлять вкравшіяся въ церковь злоупотребленія и говорятъ, что изъ-за злоупотребленій нельзя отрицать самаго принципа христіанской церкви, которая одна только можетъ соединить всѣхъ во-едино и быть посредницей между людьми и Богомъ. Но это все несправедливо. Церкви не только никогда не соединяли, но были всегда одной изъ главныхъ причинъ разъединенія людей, ненависти другъ къ другу, войнъ, побоищъ, инквизицій, Варолюмеевскихъ ночей и т. п. Онѣ ставятъ мертвыя формы вмѣсто Бога и не только не открываютъ, но заслоняютъ отъ людей Бога. Церкви, возникшія изъ непониманія и поддерживающія это непониманіе своей неподвижностью, не могутъ не преслѣдовать и не гнать всякое пониманіе ученія ²⁾. Но народъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя въ этомъ ставило ему государство и церковь, давно уже пережилъ въ лучшихъ представителяхъ своихъ эту грубую степень пониманія, что онъ и показываетъ самозарождающимися вездѣ рационалистическими сектами, которыми кишитъ теперь Россія и съ которыми такъ безуспѣшно борются теперь церковники. Народъ идетъ впередъ въ сознаниі нравственной, жизненной стороны христіанства ³⁾.

7.

Обыкновенно передовые, образованные люди нашего міра утверждаютъ, что тѣ ложныя религіозныя вѣрованія, которыя исповѣдуются массами, не представляютъ особенной важности, и что не стоитъ того и нѣтъ надобности прямо бороться съ ними, какъ

¹⁾ «О вѣротерпимости», с. с. 5—6.

²⁾ «Царство Божіе внутри васъ», с. 51.

³⁾ *Ib.*, с. 56.

это дѣлали прежде Юмъ, Вольтеръ, Руссо и другіе. Наука, по ихъ мнѣнію, т. е. тѣ разрозненныя, случайныя знанія, которыя они распространяютъ, сама собой достигнетъ этой цѣли, т. е. что человѣкъ, узнавъ о томъ, сколько милліоновъ миль отъ земли до солнца и какіе металлы находятся въ солнцѣ и звѣздахъ, перестанетъ вѣрить въ церковныя положенія. Въ этомъ искреннемъ или неискреннемъ утвержденіи или предположеніи—великое заблужденіе или ужасное коварство. Съ самаго перваго дѣтскаго возраста—возраста наиболѣе воспримчиваго къ внушенію—именно тогда, когда воспитателю нельзя быть достаточно осторожнымъ въ томъ, что онъ передаетъ ребенку, ему внушаются несовмѣстимые съ разумомъ и знаніями, нелѣпыя и безнравственные догматы такъ называемой христіанской религіи ¹⁾. Въ живой организмъ нельзя вложить чуждое ему вещество безъ того; чтобы организмъ этотъ не пострадалъ отъ усилій освободиться отъ вложеннаго въ него чуждаго вещества и иногда не погибалъ бы въ этихъ усиліяхъ. Какой же страшный вредъ должны производить въ умѣ человѣка тѣ чуждыя и современному знанію, и здравому смыслу и нравственному чувству изложенія ученія по ветхому и новому завѣту, внушаемыя ему въ то время, когда онъ не можетъ обсудить, а между тѣмъ воспринимаетъ то, что ему передается. Для человѣка, въ умѣ котораго вложено, какъ священная истина, вѣрованіе въ сотвореніе изъ ничего міра 6000 лѣтъ тому назадъ, въ потопъ и ковчегъ Ноя, вмѣстившій всѣхъ звѣрей, въ Троицу, въ грѣхонаденіе Адама, въ непорочное зачатіе, въ чудеса Христа и въ искупительную для людей жертву его смерти,—для такого человѣка требованія разума уже не обязательны. Такой человѣкъ, если онъ дорожитъ своими вѣрованіями, неизбежно будетъ всю жизнь или остерегаться, какъ чего-то зловреднаго, всего того, что могло бы просвѣтить его и разрушить его вѣрованія; или, уже разъ навсегда признавъ (въ чемъ всегда поощряютъ проповѣдники церковнаго ученія), что разумъ его есть источникъ заблужденія,—откажется отъ единственнаго свѣта, который данъ человѣку для нахождения пути жизни; или, самое ужасное, будетъ хитрыми рассужденіями стараться доказать разумность неразумнаго и, что хуже всего, отброситъ не только тѣ вѣрованія, которыя внушены ему, но и сознаніе необходимости какой-либо вѣры. Во всѣхъ трехъ случаяхъ человѣкъ, которому въ дѣтствѣ внушены бессмысленныя и противорѣчивыя положенія, какъ религіозныя истины, если онъ съ большими усиліями и страданіями не освободится отъ

¹⁾ «Что такое религія», с. с. 43—44.

нихъ, есть человѣкъ умственно больной. Такой человѣкъ, видя вокругъ себя явленія постоянно движущейся жизни, не можетъ уже не смотрѣть съ отчаяніемъ на это движеніе, разрушающее его міросозерцаніе, не можетъ не испытывать явнаго или скрытаго недоброжелательства къ людямъ, содѣйствующимъ этому разумному движенію, не можетъ не быть сознательнымъ поборникомъ мрака и лжи противъ свѣта и истины. Таково и есть въ дѣйствительности большинство людей христіанскаго человѣчества, съ дѣтства лишенное посредствомъ внушенія безсмысленныхъ вѣрованій способности яснаго и твердаго мышленія ¹⁾.

Только освободившись отъ обмановъ вѣры, человѣкъ можетъ освободиться отъ лжи соблазновъ; и, только познавъ ложь соблазновъ, можетъ человѣкъ освободиться отъ грѣховъ. Для того, чтобы освободиться отъ обмановъ вѣры вообще, человѣку надо понимать и помнить, что единственное орудіе познанія, которымъ онъ владѣетъ, есть его разумъ, и потому всякая проповѣдь, утверждающая что-либо противное разуму, есть обманъ, попытка устраненія единственнаго даннаго Богомъ человѣку орудія познанія ²⁾.

Разумъ данъ человѣку непосредственно отъ Бога и онъ одинъ только можетъ соединить воѣхъ людей, тогда какъ преданія человѣческія не соединяютъ, а раздѣляютъ людей, и потому человѣкъ долженъ не только не бояться сомнѣній и вопросовъ, вызываемыхъ разумомъ при провѣркѣ внушенныхъ съ дѣтства вѣрованій, а, напротивъ, старательно подвергать разсмотрѣнію и сличенію съ другими всѣ тѣ вѣрованія, которыя переданы ему съ дѣтства, признавая справедливымъ только то, что не противорѣчитъ разуму, какъ бы ни было торжественно обставлено и старо передаваемое преданіе. Освободившись же самъ отъ обмана вѣры, внушеннаго съ дѣтства, человѣкъ, желающій жить по ученію Христа, долженъ не только самъ словомъ, примѣромъ или умолчаніемъ не содѣйствовать обману дѣтей, но всѣми средствами разоблачать этотъ обманъ, по словамъ Христа, жалѣвшаго дѣтей за тѣ обманы, которымъ они подвергаются.

Человѣкъ долженъ понимать и помнить, что истина для своего распространенія и усвоенія людьми не нуждается ни въ какихъ приспособленіяхъ и украшеніяхъ, что только ложь и обманъ для того, чтобы быть воспринятыми людьми, нуждаются въ особенныхъ условіяхъ передачи ихъ, и что поэтому всякія торжественныя службы, шествія, украшенія, благовонія, пѣніе и т. п.—не только не служатъ признакомъ того, что при этихъ условіяхъ передается

¹⁾ «Обращеніе къ духовенству», с. с. 8—10.

²⁾ «Христіанское ученіе», с. 46.

истина, но, какъ разъ наоборотъ, служить вѣрнымъ признакомъ того, что тамъ, гдѣ употребляются эти средства, передается не истина, а ложь. Человѣкъ долженъ понимать слова Христа, что Богу нужно служить не въ какомъ-либо извѣстномъ мѣстѣ, а духомъ и истиной, и что тотъ, кто хочетъ молиться, долженъ идти не въ храмъ, а запереться въ уединеніи своей комнаты, зная, что всякое великолѣпіе въ богослуженіи имѣеть цѣлью обманъ, тѣмъ болѣе жестокой, чѣмъ великолѣпіе служеніе, и потому не только самому не участвовать въ одуряющихъ богослуженіяхъ, но и, гдѣ возможно, обличать обманъ ихъ.

Богъ открывается только непосредственно сердцу человѣка, и всякое посредничество, будетъ-ли то одно лицо, собраніе лицъ, книга или преданіе, не только скрываетъ Бога отъ человѣка, но дѣлаетъ самое страшное зло, которое можетъ постигнуть человѣка, а именно: онъ считаетъ Богомъ то, что не есть Богъ. Истина никогда не можетъ быть открыта вся, она постепенно открывается людямъ и открывается только тѣмъ, которые ищутъ ее, а не тѣмъ, которые, вѣруя въ то, что имъ передаютъ непогрѣшимые посредники, думаютъ, что обладаютъ ею, и потому, чтобы не подвергать себя опасности впасть въ самыя страшныя заблужденія, человѣкъ не долженъ признавать никого непогрѣшимымъ учителемъ, а искать истины вездѣ, во всѣхъ преданіяхъ человѣческихъ, провѣряя ихъ своимъ разумомъ.

Чтобы быть свободнымъ отъ обмана вѣры въ чудесное человѣкъ долженъ признавать истиннымъ только то, что естественно, т. е. согласно съ его разумомъ, и признавать за ложь все то, что неестественно, т. е. противорѣчитъ разуму, зная, что все, что выдается за таковое, есть обманъ людской, какъ обманы всякихъ современныхъ чудесъ, исцѣленій, воскрешеній и т. д., такъ же, какъ и чудесъ, про которыя разсказывается въ библіи, въ евангеліяхъ, въ буддійскихъ, магомстанскихъ, таосійскихъ и другихъ книгахъ.

Человѣкъ долженъ освободиться также и отъ обмана ложнаго перетолкованія. Онъ не долженъ смущаться тѣмъ, что истины, признаваемые разумомъ и не признаваемые имъ, выдаются за одинаково достовѣрныя по своему одинаковому происхожденію и какъ будто неразрывно связаны между собой, а долженъ понимать и помнить, что всякое откровеніе людямъ истины, т. е. всякое пониманіе новой истины однимъ изъ передовыхъ людей, всегда такъ поражало людей, что облекалось въ форму сверхъестественную, что къ каждому проявленію истины неизбѣжно примѣшивались суевѣрія и что поэтому для познанія истины не только не обя-

зательно принимать все, что передается о появленіи ея, а, напротивъ, обязательно отдѣлять въ передаваемомъ ложь и вымыселъ отъ истины и дѣйствительности. Пусть человѣкъ понимаетъ и помнитъ, что суевѣрія, примѣшиваемыя къ истинѣ, не только не такъ же священны, какъ сама истина, какъ это проповѣдывается людьми, находящими свою выгоду въ этихъ суевѣріяхъ, а, напротивъ, составляютъ самое пагубное и вредное явленіе, скрывающее истину ¹⁾.

---

¹⁾ *Ib.*, с. с. 49—52.

ГЛАВА II.

Государство.

Право и значеніе его, какъ основы государства. Что такое правительства? Насиліе власти. Средства порабощенія людей правительствами. Государство и милитаризмъ. О внѣшнихъ государственныхъ переворотахъ. Истинные двигатели человеческого прогресса. Общественное устройство въ будущемъ.

1.

Человѣку свойственно устанавливать согласіе между своей тѣлесной—физической и разумной—духовной дѣятельностью. Согласіе это устанавливается двумя способами. Одинъ—когда человѣкъ разумомъ рѣшаетъ необходимость или желательность извѣстнаго поступка или поступковъ и потомъ уже поступаетъ сообразно съ рѣшеніемъ разума, и другой способъ—когда человѣкъ совершаетъ поступки подъ вліяніемъ чувства и потомъ уже придумываетъ имъ умственное объясненіе или оправданіе. Первый способъ согласованія поступковъ съ разумомъ свойственъ людямъ, исповѣдующимъ какую-либо религію и на основаніи ея положеній знающимъ, какіе имъ слѣдуетъ и какіе не слѣдуетъ совершать поступки. Второй же способъ свойственъ преимущественно людямъ нерелигіознымъ, не имѣющимъ общей основы для опредѣленія достоинства своихъ поступковъ¹⁾. Люди нашего міра, вслѣдствіе отсутствія религій, устроивъ себѣ самую жестокую, животную, безнравственную жизнь, довели и сложную, утонченную, праздную дѣятельность ума, скрывающую зло этой жизни, до той степени ненужнаго усложненія и запутанности, что большинство людей совершенно потеряло способность видѣть различіе между добромъ и зломъ, ложью и истиной. Во всѣхъ областяхъ такъ называемой науки нашего времени—одна

¹⁾ „Что такое религія“, с. 31.

и та же черта, дѣлающая праздными все усилія ума людей, направленные на изслѣдованіе различныхъ областей знанія. Черта эта состоитъ въ томъ, что все изслѣдованія науки нашего времени обходятъ существенный вопросъ, на который требуется отвѣтъ, и изслѣдуютъ побочныя обстоятельства, изслѣдованія которыхъ ни къ чему не приводятъ и тѣмъ больше запутываются, чѣмъ дальше они продолжаютъ. То же происходитъ въ области юридической. Казалось бы, передъ нами стоитъ одинъ существенный вопросъ—въ томъ, почему есть люди, которые позволяютъ себѣ производить насилія надъ другими людьми, обирать ихъ, запирать, казнить, посылать на войну и многое другое. Разрѣшеніе вопроса очень просто, если разсматривать его съ единственной приличествующей вопросу точки зрѣнія—религіозной. Съ религіозной точки зрѣнія человекъ не можетъ и не долженъ совершать насилія надъ своимъ ближнимъ, и потому для разрѣшенія вопроса нужно одно: разрушить все суевѣрія и софизмы, разрѣшающіе насиліе, и ясно внушить людямъ религіозныя начала, исключаяющія возможность насилія. Но передовые люди не только не дѣлаютъ этого, но все хитрости своего ума употребляютъ на то, чтобы скрыть отъ людей возможность и необходимость этого разрѣшенія. Они пишутъ горы книгъ о разныхъ правахъ—гражданскомъ, уголовномъ, полицейскомъ, церковномъ, финансовомъ и др., и излагаютъ ихъ, и спорятъ на эти темы, совершенно увѣренные, что они дѣлаютъ не только полезное, но очень важное дѣло. На вопросъ же о томъ, почему люди, будучи по существу равными, могутъ одни судить, принуждать, обирать, казнить другихъ, не только не отвѣчаютъ, но не признаютъ его существованія ¹⁾.

Люди эти и наука права имѣютъ очень опредѣленную цѣль и достигаютъ ея. Цѣль эта—поддерживать суевѣріе и обманъ въ людяхъ и тѣмъ препятствовать человечеству въ его движеніи къ истинѣ и благу. Цѣль науки права—поддержаніе давно уже существовавшего и теперь еще существующаго страшнаго суевѣрія, сдѣлавшаго людямъ едва-ли не больше вреда, чѣмъ самыя ужасныя религіозныя суевѣрія,—именно, суевѣрія политическаго. Оно состоитъ въ томъ, что, кромѣ обязанностей человека къ человеку, существуютъ болѣе важныя обязанности къ воображаемому существу—государству, и жертвы (весьма часто человеческихъ жизней), приносимыя воображаемому существу,—необходимы, и люди могутъ и должны быть приводимы къ нимъ всевозможными средствами, не исключая и насилія ²⁾. Все люди прежде всего воспитываются въ

¹⁾ Иб., с. с. 33—35.

²⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“; с. 147.

привычкахъ повиновенія государственнымъ законамъ. Вся жизнь людей нашего времени опредѣлена государственнымъ закономъ. Человѣкъ женится и разводится, воспитываетъ дѣтей, даже (во многихъ государствахъ) исповѣдуетъ вѣру—сообразно закону.

Что же такое этотъ законъ, опредѣляющій всю жизнь людей? Вѣрятъ-ли люди въ этотъ законъ? Считаютъ-ли его истиннымъ? Нисколько. Въ большинствѣ случаевъ люди нашего времени не вѣрятъ въ справедливость этого закона, презираютъ его, а все-таки повинуются ему. Хорошо было людямъ древности исполнять свои законы. Они вѣрили, точно вѣрили въ то, что законъ ихъ (онъ же большею частью былъ религіозный) былъ единственный истинный законъ, которому должны подчиняться все люди. Но мы? Вѣдь мы знаемъ и не можемъ не знать, что законъ нашего государства не только не есть одинъ вѣчный законъ, но что это только одинъ изъ многихъ законовъ разныхъ государствъ, одинаково несовершенныхъ, а часто и явно ложныхъ и несправедливыхъ. Хорошо было еврею подчиняться своимъ законамъ, когда онъ не сомнѣвался въ томъ, что ихъ писалъ пальцемъ Богъ; или римлянину, когда онъ думалъ, что ихъ писала нимфа Егерія; или даже—когда вѣрили, что цари, дающіе законы, помазанники Божіи, или хоть тому, что законодательныя собранія имѣютъ и желаніе, и возможность найти лучшіе законы. Но вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы, мы все были за кулисами, мы знаемъ, что законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій,—что въ нихъ и не можетъ быть истинной справедливости¹⁾. И сущность узаконеній вовсе не въ субъектѣ или объектѣ правъ, не въ идеѣ государства, совокупной воли народа и тому подобнымъ неопредѣленнымъ и запутаннымъ условіямъ, а въ томъ, что есть люди, которые, распоряжаясь организованнымъ насиліемъ, имѣютъ возможность заставлять людей исполнять свою волю. Поэтому точнымъ, всемъ понятнымъ и безспорнымъ опредѣленіемъ законовъ будетъ такое: *законы—это правила, устанавливаемыя людьми, распоряжающимися организованнымъ насиліемъ, за неисполненіе которыхъ не исполняющіе подвергаются побоямъ, лишенію свободы и даже убійству*²⁾. Такъ что гдѣ будетъ насиліе, возведенное въ законъ, тамъ будетъ и рабство³⁾.

Насиліе всегда, въ лучшемъ случаѣ, если оно не преслѣдуетъ однихъ личныхъ цѣлей людей, находящихся во власти, отрицаетъ и осуждаетъ въ одной неподвижной формѣ закона то, что большею

1) „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 86—87.

2) „Рабство нашего времени“, с. 75.

3) „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 152.

частью уже гораздо прежде отрицалось и осуждалось общественным мнѣніемъ, но съ тою разницею, что тогда какъ общественное мнѣніе отрицаетъ и осуждаетъ всѣ поступки, противные нравственному закону, законъ, поддерживаемый насиліемъ, осуждаетъ и преслѣдуетъ только извѣстный, очень узкій рядъ поступковъ, этимъ самымъ какъ бы оправдывая всѣ поступки такого же порядка, не вошедшіе въ его опредѣленіе. Общественное мнѣніе уже со времени Моисея считаетъ корыстолюбіе, распутство и жестокость зломъ и осуждаетъ ихъ. И оно отрицаетъ и осуждаетъ всякаго рода проявленія корыстолюбія,—не только приобрѣтеніе чужой собственности насиліемъ, обманомъ, хитростью, но и жестокое пользованіе ею; осуждаетъ всякаго рода распутство, будь то блудъ съ наложницей, невольницей, разведенной женой и даже своей; осуждаетъ всякую жестокость, выражающуюся въ побояхъ, въ дурномъ содержаніи, въ убиствѣ не только людей, но и животныхъ. Законъ же, основанный на насиліи, преслѣдуетъ только извѣстные виды корыстолюбія, какъ то: воровство, мошенничество и извѣстные виды распутства и жестокости, какъ то: нарушеніе супружеской вѣрности, убійства, увѣчья,—вълѣдствіе этого какъ бы разрѣшая всѣ тѣ проявленія корыстолюбія, распутства и жестокости, которыя не подходятъ подъ его узкое подверженное лжетолкованіямъ опредѣленіе¹⁾. Ученіе «око за око, зубъ за зубъ, жизнь за жизнь» оттого и отвергнуто христіанствомъ, что это ученіе есть только оправданіе безнравственности, есть только подобіе справедливости и не имѣетъ никакого смысла²⁾.

Напрасно говорятъ, что ученіе христіанское касается личнаго спасенія, а не касается вопросовъ общихъ, государственныхъ. Личная моя жизнь переплетена съ общей государственной, а государственная требуетъ отъ меня нехристіанской дѣятельности, прямо противной заповѣди Христа. Теперь съ общей воинской повинностью и участіемъ всѣхъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ дилемма эта съ поразительной рѣзкостью поставлена предъ всѣми³⁾. Всякій гражданинъ долженъ прийти въ судъ и быть участникомъ суда и наказанія, т. е. каждый долженъ отречься отъ заповѣди Христа непротивленія злomu не словомъ только, но и дѣломъ⁴⁾. Христосъ говоритъ: *не противься злomu*. Цѣль судовъ противиться злomu. Христосъ предписываетъ: *дѣлатъ добро за зло*. Суды воздають зломъ за зло. Христосъ говоритъ: *не разбирать добрыхъ и*

1) „Царство Божіе внутри васъ“, с. 181.

2) *ib.*, с. 221.

3) „Въ чемъ моя вѣра“, с. 23.

4) *ib.*, с. 24.

злыхъ. Суды только то и дѣлають, что этотъ разборъ. Христось говоритъ: *прощати всѣмъ, прощати не разъ, не семь разъ, а безъ конца, любить враговъ, дѣлать добро ненавидящимъ.* Суды не прощаютъ, а наказываютъ, дѣлають не добро, а зло тѣмъ, которыхъ они называютъ врагами общества¹⁾. Такимъ образомъ, въ положеніи о непротивленіи злему Христось говоритъ не только, что выйдетъ непосредственно для каждаго отъ непротивленія злему, но Онъ,—въ противоположеніе той основѣ, которую жило при немъ по Моисею, по римскому праву и теперь по разнымъ кодексамъ живетъ человѣчество,—ставитъ положеніе непротивленія злему, которое, по Его ученію, должно быть основой совѣстной жизни людей, должно избавить человѣчество отъ зла, наносимаго имъ самому себѣ. Онъ говоритъ: вы думаете, что ваши законы исправляютъ зло,—они только увеличиваютъ его. Одинъ есть путь пресѣченія зла—дѣланіе добра за зло всѣмъ безъ всякаго различія²⁾.

Разрѣшеніе не одного вопроса общественнаго устройства, а *всѣхъ, всѣхъ* вопросовъ, волнующихъ человѣчество,—въ одномъ: въ перенесеніи вопроса изъ области кажущейся широкой и значительной, но въ сущности самой узкой, ничтожной и всегда сомнительной: изъ области внѣшней дѣятельности (имѣющей будто бы въ виду благо всего человѣчества,—дѣятельности научно - общественной) въ область, кажущуюся узкой, но въ сущности самую широкую и глубокую и, главное, несомнѣнную: въ область своей личной, не тѣлесной, но духовной жизни, въ область религіозную. Только сдѣлай это для себя каждый человѣкъ, спроси себя, настоящего себя, свою душу, что тебѣ передъ Богомъ или передъ твоей совѣстью (если не хочешь признавать Бога) нужно, и тотчасъ же получатся самые простые, ясные, несомнѣнные отвѣты на самые, казавшіеся сложными и неразрѣшимыми вопросы, уничтожатся болѣею частью и самые вопросы, и все, что было сложно, запутанно, неразрѣσιμο, мучительно,—все тотчасъ же станетъ просто, ясно, радостно и несомнѣнно. Кто бы ты ни былъ: миллиардеръ, король, палачъ, тюремщикъ, нищій, министръ, воръ, писатель, монахъ, остановись на минуту въ своей дѣятельности и загляни въ свою святая-святыхъ, въ свое сердце и спроси себя, что тебѣ, настоящему тебѣ, нужно для того, чтобы прожить наилучшимъ образомъ тѣ часы или десятилѣтія, которые еще могутъ предстоять тебѣ. И кто бы ни былъ, если ты искренно и серьезно спросишь себя объ этомъ, ты не можешь не отвѣтить себѣ то же, что отвѣчали и отвѣчаютъ себѣ всѣ люди, серьезно

¹⁾ Ib., с. 26.

²⁾ Ib., с. с. 35—36.

и искренно ставившіе* и ставящіе себѣ вопросъ этотъ: нужно тебѣ, навѣрное, одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всѣхъ: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче можетъ быть благомъ, а завтра можетъ стать зломъ, и не такое, какое было бы благомъ для одного тебя, а зломъ для другихъ, а одно истинное, несомнѣнное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всѣхъ людей, и сегодня, и завтра, и во всякомъ мѣстѣ. А такое истинное благо дается только тому, кто исполняетъ законъ своей жизни. Законъ же этотъ ты знаешь и по разуму, и по ученіямъ всѣхъ мудрецовъ міра, и по влеченію своего сердца. Законъ этотъ—любовь, любовь къ высшему совершенству, къ Богу и къ всему живому и въ особенности къ подобнымъ тебѣ существамъ—людямъ. Только пойми это каждый изъ насъ, и онъ тотчасъ же пойметъ и то, что причина страданій и его, и всего міра—не въ какихъ-либо злыхъ людяхъ, виновныхъ въ томъ злѣ, которое совершается, а только въ одномъ: въ томъ, что живутъ люди въ условіяхъ жизни, сложившихся на насиліи,—условіяхъ, противныхъ любви, несомнѣстимыхъ съ нею, и что потому причина того зла, отъ котораго мы всѣ страдаемъ, не въ людяхъ, а въ томъ ложномъ устройствѣ жизни на насиліи, которое люди считаютъ необходимымъ ¹⁾).

2.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ наше время правительства, безъ которыхъ людямъ кажется невозможнымъ существовать?

Если было время, когда правительства являлись необходимымъ и меньшимъ зломъ, чѣмъ то, которое происходило отъ беззащитности противъ организованныхъ сосѣдей, то теперь правительства стали ненужнымъ и гораздо большимъ зломъ, чѣмъ все то, чѣмъ они пугаютъ свои народы. Правительства, не только военныя, но правительства вообще, могли бы быть, если не полезны, то хоть безвредны только въ томъ случаѣ, если бы они состояли изъ непогрѣшимыхъ, святыхъ людей, какъ это и предполагается у китайцевъ. Но вѣдь правительства, по самой дѣятельности своей, состоящей въ совершеніи насилій, всегда состоятъ изъ самыхъ противоположныхъ святости элементовъ, изъ самыхъ дерзкихъ, грубыхъ и развращенныхъ людей ²⁾). Захватывать и удерживать власть никакъ не могутъ болѣе добрые. Властолюбіе соединяется не съ добротой, а съ противоположными добротѣ качествами: гор-

¹⁾ „Неизбѣжный переворотъ“, с. 12.

²⁾ „Патріотизмъ и правительство“, с. с. 15—16.

достою, хитрою, жестокою. Люди, находящиеся во власти, утверждают, что ихъ власть нужна для того, чтобы злые не насидевами добрыхъ; подразумѣвая подъ этимъ то, что они-то и суть тѣ самые добрые, которые ограждаютъ другихъ добрыхъ отъ злыхъ. Но, если египтяне покорили: евреевъ, персы покорили египтянъ, македоняне покорили персовъ, римляне покорили грековъ, варвары покорили римлянъ, то неужели всѣ тѣ, которые покоряли, были болѣе добры, чѣмъ тѣ, кого они покоряли? И точно такъ же въ переходахъ власти въ одномъ государствѣ отъ однихъ лицъ къ другимъ, развѣ всегда власть переходила къ болѣе добрымъ? Когда свергнуть былъ Людовикъ ХМ-й и во власть вступилъ Робеспьеръ, и потомъ Наполеонъ; кто властвовалъ? Болѣе добрые или болѣе злые? И когда властвовали болѣе добрые: когда версальцы или коммунары были во власти? Или когда во главѣ правительства былъ Карлъ I или Кромвель? И когда царемъ былъ Петръ III или когда его убили и царицей стала въ одной части Россіи Екатерина, а въ другой — Пугачевъ? Кто тогда былъ злой, кто добрый? Властвовали всегда и теперь властвуютъ не болѣе добрые, а, напротивъ, болѣе злые, чѣмъ тѣ, надъ которыми они властвуютъ. По ученію Христа, добрые — это тѣ, которые смиряются, терпятъ, не противятся злу насиліемъ, прощаютъ обиды, любятъ враговъ; злые — это тѣ, которые величаются, властвуютъ, борются и насилуютъ людей, и потому, по ученію Христа, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, гдѣ добрые — среди властвующихъ или покоряющихся, и гдѣ злые — среди покоряющихся или властвующихъ. Даже какъ-то смѣшно говорить о властвующихъ христіанахъ¹⁾.

Напротивъ, среди современныхъ христіанскихъ народовъ положеніе участника въ правительствѣ и богача уже не представляется, какъ оно было прежде, и каково оно теперь среди нехристіанскихъ народовъ; несомнѣнно почтеннымъ и достойнымъ уваженія положеніемъ и благословеніемъ Божиимъ²⁾. Не говоря уже о явно презираемыхъ теперь должностяхъ и положеніяхъ, вродѣ шпионовъ, агентовъ тайной полиціи, ростовщиковъ, кабатчиковъ, — большое количество положеній насильниковъ, считавшихся прежде почетными вродѣ помѣйскихъ, административныхъ, духовныхъ, придворныхъ, судейскихъ, военныхъ, откупщицкихъ, банкирскихъ, не только не считается всѣми желательнымъ; но даже осуждается известнымъ, наиболѣе уважаемымъ кругомъ людей³⁾. Люди наиболѣе чуткіе, нравственные (большею частью; они же

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 170—172

²⁾ *Ib.*, с. 189.

³⁾ *Ib.*, с. 188.

и наиболее образованные) избѣгаютъ этихъ положеній и предпочитаютъ имъ болѣе скромныя, но независимыя отъ насилія положенія. Кругъ, изъ котораго отбираются люди правительственные и богатые, становится все меньше и низменнѣе, такъ что по уму, образованію и въ особенности по нравственнымъ качествамъ уже теперь люди, стоящіе во главѣ управленія, и богачи не составляютъ, какъ это было въ старину, цвѣта общества, а, напротивъ, стоятъ ниже средняго уровня. Какъ въ Россіи и Турціи, такъ въ Америкѣ и Франціи, сколько правительства ни перемѣняютъ своихъ чиновниковъ, большинство ихъ — люди корыстные и продажныя, стоящіе на такой низкой степени нравственности, что они не удовлетворяютъ даже и тѣмъ низкимъ требованіямъ простой неподкупности, которыя предъявляются къ нимъ правительствами ¹⁾. Нравственный, добродѣтельный государственный человѣкъ есть, впрочемъ, вообще, такое же внутренно противорѣчащее себѣ самому понятіе, какъ нравственная проститутка, или воздержанный пьяница, или кроткій разбойникъ ²⁾.

Всѣ употребляемые приемы — и божескаго благословенія, и выбора, и наследственности, и голосованій, и выборовъ, и собраній, и парламентовъ, и сенатовъ, — всѣ эти мѣры оказывались и оказываются недействительными. Всѣ знаютъ, что ни одинъ изъ этихъ приемовъ не достигаетъ ни цѣли врученія власти только непорочнымъ людямъ, ни препятствованія злоупотребленіямъ ея.

Всѣ знаютъ, что, напротивъ, люди, находящіеся у власти — будь они императоры, министры, полиціймейстеры, городовые — всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности, т. е. къ подчиненію общихъ интересовъ личнымъ, чѣмъ люди не имѣющіе власти ³⁾. Обладаніе властью развращаетъ людей ⁴⁾.

И такимъ-то правительствамъ предоставляется полная власть не только надъ имуществомъ, жизнью, но и надъ духовнымъ и нравственнымъ развитіемъ, надъ воспитаніемъ, религіознымъ руководствомъ всѣхъ людей ⁵⁾.

3.

По общественному жизнепониманію предполагается, что, такъ какъ смыслъ жизни заключается въ совокупности личностей, то

¹⁾ *Иб.*, с. 189.

²⁾ „Единое на потребу“, с. 17.

³⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. 119.

⁴⁾ *Иб.*, с. 121.

⁵⁾ „Патріотизмъ и правительство“, с. с. 16—17.

личности сами добровольно жертвуютъ своими интересами для интересовъ совокупности. Такъ это и было и есть въ дѣйствительности при извѣстныхъ формахъ совокупностей, въ семьѣ или племени, безразлично отъ того, что чему предшествовало, или въ родѣ и даже въ патріархальномъ государствѣ. Но чѣмъ сложнѣе становились общества, чѣмъ больше они становились, въ особенности, чѣмъ чаще завоеваніе было причиной соединенія людей въ общества, тѣмъ чаще личности стремились къ достиженію своихъ цѣлей въ ущербъ общему и тѣмъ чаще для ограниченія этихъ не покоряющихся личностей понадобилось употребленіе власти, т.-е. насилія. Человѣкъ, подчиняющійся власти, дѣйствуетъ не такъ, какъ онъ хочетъ, а такъ, какъ его заставляетъ дѣйствовать власть. Заставить же человѣка дѣлать не то, что онъ хочетъ, можетъ только физическое насиліе или угроза имъ, т.-е. лишеніе свободы, побой, увѣчья, или легко исполнимыя угрозы совершенія этихъ дѣйствій. Въ этомъ состоитъ и всегда состояла власть. Несмотря на непрерывающія усилія находящихся во власти людей скрыть это и придать власти другое значеніе, власть есть приложеніе къ человѣку веревки, цѣпи, которой его свяжутъ и потащатъ, или кнута, которымъ его будутъ сѣчь, или пожа, топора, которымъ ему отрубятъ руки, ноги, носъ, уши, голову, — приложеніе этихъ средствъ или угроза ими. Всѣ правительственныя требованія уплаты податей, исполненія общественныхъ дѣлъ, подчиненія себя накладываемымъ наказаніямъ, изгнанія, штрафы и т. п., которымъ люди какъ будто подчиняются добровольно, въ основѣ всегда имѣютъ тѣлесное наказаніе или угрозу его. Основа власти есть тѣлесное насиліе. Возможность же совершать надъ людьми тѣлесное насиліе, прежде всего, даетъ такая организація вооруженныхъ людей, при которой всѣ вооруженные люди дѣйствуютъ согласно, подчиняясь одной волѣ. Такія собранія вооруженныхъ людей, подчиняющихся одной волѣ, составляютъ войско. Войско всегда и стояло и теперь стоитъ въ основѣ власти.

Если было время, когда, при извѣстномъ низкомъ уровнѣ нравственности и при всеобщемъ расположеніи людей къ насилію другъ надъ другомъ, существованіе власти, ограничивающей эти насилія, было выгодно, т.-е. что насиліе государственное было меньше насилія личностей другъ надъ другомъ, то нельзя не видѣть того, что такое преимущество государственности надъ отсутствіемъ ея не могло быть постоянно. Чѣмъ болѣе уменьшалось стремленіе къ насилію личностей, чѣмъ болѣе смягчались нравы и чѣмъ болѣе развращалась власть вслѣдствіе своей нестѣсненности, тѣмъ преимущество это станови-

лось все меньше и меньше. Въ этомъ измѣненіи отношенія между нравственнымъ развитіемъ массъ и развращенностью правительствъ и состоитъ вся исторія послѣднихъ двухъ тысячелѣтій¹⁾. Теперь уже нѣтъ тѣхъ особенныхъ насильниковъ, отъ которыхъ государство могло защищать насъ. Если же подъ тѣми, отъ нападенія которыхъ спасаетъ насъ государство, разумѣть людей, совершающихъ преступленія, то мы знаемъ, что это не суть особенныя существа, вродѣ хищныхъ звѣрей между овецъ, а такіе же люди, какъ и всѣ мы, точно такъ же не любящіе совершать преступленій, какъ и тѣ, противъ которыхъ они ихъ совершаютъ. Мы знаемъ теперь, что угрозы и наказанія не могутъ уменьшить количества такихъ людей, а уменьшаетъ его только измѣненіе среды и нравственное воздѣйствіе на людей²⁾.

Дѣятельность всякаго современнаго правительства нельзя разсматривать иначе, какъ рядъ преступленій.

Огромное большинство людей, рождающихся на планетѣ землѣ, тотчасъ же со дня своего рожденія оказываются лишенными права пользоваться той землей, на которой они родились, — не только пользоваться тѣмъ, что есть на поверхности и внутри земли, но даже и права находиться на ней, не платя за это своимъ трудомъ тѣмъ, которымъ государственная власть передаетъ право владѣть землей какъ собственностью, защищая такой грабелжъ, какъ священное право. Лишенный такимъ образомъ самаго естественнаго и законнаго права на пользованіе землей, на которой онъ родился, такой человѣкъ отыскиваетъ какое-либо другое средство существованія и, чтобы насколько возможно улучшить положеніе свое и своей семьи, имѣть досугъ учиться, думать, отдыхать, общаться съ людьми, — онъ работаетъ, отдавая узаконенную дань грабителю за право жить на землѣ и пользоваться ею; но его не оставляютъ въ покоѣ. Съ него прямыми или косвенными путями берутъ еще подати для оплаты чиновниковъ, духовенства, въ которыхъ онъ можетъ не нуждаться, или для учрежденія дворцовъ, памятниковъ и содержанія двора и сановниковъ, въ которыхъ онъ уже навѣрное совсѣмъ не нуждается, на содержаніе таможенъ, въ которыхъ онъ не только не нуждается, но которыя вредны ему, на уплату процентовъ по государственнымъ займамъ, совершеннымъ за сотни лѣтъ до его рожденія для войнъ, въ которыхъ не нуждались его предки, и на приготовленія къ войнамъ и на самыя войны, которыя не только не нужны, но губительны для него и для его близкихъ. Онъ покоряется, потому что всѣ эти требованія поддерживаются

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 118—120.

²⁾ *ib.*, с. 128.

насиліемъ, т. е. угрозой убійства, и платитъ всѣ эти подати, но правительственная машина и тутъ не оставляетъ его. Въ большинствѣ государствъ онъ долженъ, достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, итти на военную службу, т. е. въ самое жестокое рабство; въ государствахъ же, гдѣ нѣтъ военной повинности, долженъ платитъ для этого усиленные подати и во всякомъ случаѣ быть готовымъ на всѣ тѣ бѣдствія, которыя несутъ съ собою войны.

Таковы тѣ матеріальныя бѣдствія, которыя совершенно невинно претерпѣваетъ всякій человѣкъ отъ правительственной власти. Но это далеко не все. Самое ужасное зло, совершаемое правительствами, это—умственное и нравственное развращеніе, которому они подвергаютъ свои народы. Родится ребенокъ, и его тотчасъ же причисляютъ къ вѣрѣ, установленной государственной властью. Какъ только онъ возрастетъ, его обязательно посылаютъ въ школу, учрежденную правительствомъ. И въ школѣ этой его неизмѣнно учатъ тому, что правительство съ своей властью вообще есть необходимое условіе его жизни и что то самое правительство, въ странѣ котораго онъ родился, есть наилучшее въ мірѣ, будетъ-ли это правительство русскаго царя, или турецкаго султана, или правительство англійское съ своимъ Чемберленомъ и колониальной политикой, или правительство С.-А.-Штатовъ съ своимъ покровительствомъ трестамъ и имперіализмомъ. Но не только въ школѣ,—въ литературѣ, въ собраніяхъ, въ памятникахъ, на улицахъ, въ прессѣ, или подкупленной правительствами, или угождающей правительству, или принадлежащей богачамъ, опирающимся на правительство,—ездѣ гражданинъ какаго-бы то ни было государства будетъ подвергаться развращающему внушенію правительствъ о томъ, что власть вообще и его государство въ особенности со своими цѣнями, тюрьмами, висѣлицами, войсками есть необходимое условіе жизни его и его близкихъ, есть почтенная, прекрасная, достойная всякаго уваженія и почестей дѣятельность.

Человѣкъ лишентъ всѣхъ своихъ самыхъ естественныхъ правъ, большая часть его труда отнята отъ него въ пользу дѣла зла, онъ незамѣтно для себя такъ запутанъ въ разставленныхъ со всѣхъ сторонъ сѣтяхъ, что онъ — такой же рабъ правительства, каковы были рабы рабовладѣльцевъ, съ той только разницей, что послѣдніе могли быть рабами добрыхъ и правдивыхъ хозяевъ, правительственные же рабы—всегда рабы самыхъ развращенныхъ, жестокихъ и лживыхъ людей ¹⁾. Правительство, т. е. люди вооруженные и насилующіе, рѣшаютъ, что имъ нужно отъ тѣхъ, кото-

¹⁾ „Единое на потребу“, с. с. 17—19.

рыхъ они насилуютъ: сколько имъ нужно работы съ своихъ рабовъ, сколько помощниковъ для собиранія этой работы, организуютъ своихъ помощниковъ въ видѣ солдатъ, въ видѣ поземельныхъ собственниковъ и въ видѣ сборщиковъ податей. И рабы отдають свой трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрятъ, что они отдають его не потому, что этого хотятъ ихъ хозяева, а потому, что для ихъ свободы и для ихъ блага необходимы служеніе и кровавыя жертвы божеству, называемому «государство», а что, кромѣ этого служенія божеству, они свободны.

Они вѣрятъ въ это потому, что такъ говорили прежде—религія, жрецы, а теперь говорятъ—наука, люди ученые. Но стоитъ только перестать слѣпо вѣрить тому, что говорятъ другіе люди, называя себя жрецами или людьми учеными, чтобы нелѣпость такого утвержденія стала очевидна. Люди, насилующіе другихъ, увѣряютъ ихъ, что насиліе это необходимо для государства, государство же необходимо для свободы и блага людей: выходитъ, что насилующіе насилуютъ людей для ихъ свободы и дѣлаютъ имъ зло для ихъ блага. Но люди на то и разумныя существа, чтобы понимать, въ чемъ ихъ благо, и свободно стремиться къ нему ¹⁾).

4.

Правительства въ наше время — всѣ правительства, самыя деспотическія такъ же, какъ и либеральныя—сдѣлались тѣмъ, что такъ мѣтко называлъ Герценъ «Чингисъ-Ханомъ съ телеграфами», т. е. организаціями насилія, не имѣющими въ своей основѣ ничего, кромѣ самаго грубаго произвола и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующимися всѣми тѣми средствами, которыя выработала наука для совокупной общественной мирной дѣятельности свободныхъ и равноправныхъ людей и которыя они употребляютъ для поработенія и угнетенія людей. Они образовали съ помощью усовершенствованій науки искусную организацію, при которой всѣ люди захвачены въ кругъ насилія, изъ котораго нѣтъ никакой возможности вырваться. Кругъ этотъ составляется теперь изъ четырехъ средствъ воздѣйствія на людей.

Первое, самое старое средство, есть средство устрашенія. Оно состоитъ въ томъ, чтобы выставлать существующее государственное устройство чѣмъ-то священнымъ и неизмѣннымъ и потому казнить самыми жестокими казнями всѣ попытки измѣненія его. Железныя дороги, телеграфы, телефоны, фотографіи и усовершен-

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. с. 148—149.

ствованный способъ безъ убійства удаленія людей на-вѣки въ одиночныя заключенія, гдѣ они, скрытые отъ людей, гибнутъ и забываются, и многія другія новѣйшія изобрѣтенія, которыми преимущественно передъ другими пользуются правительства, даютъ имъ такую силу, что если только разъ власть попала въ извѣстныя руки, и полиція явная и тайная, и администрація и всякаго рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работаютъ, нѣтъ никакой возможности силой свергнуть правительство.

Второе средство есть средство подкупа. Оно состоитъ въ томъ, чтобы, отобравъ отъ трудового рабочаго народа посредствомъ денежныхъ податей его богатства, распредѣлять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа. Эти чиновники всегда и вездѣ, не останавливаясь ни передъ какими средствами, во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности отстаиваютъ словомъ и дѣломъ правительственное насилие, на которомъ и основано ихъ благосостояніе¹⁾. При томъ, при совершеніи правительственными людьми каждаго изъ ихъ безнравственныхъ и неразумныхъ дѣлъ, въ немъ бываетъ столько подстрекателей, пособниковъ, попустителей, что ни одинъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ не чувствуетъ себя въ немъ нравственно отвѣтственнымъ. Всѣ переносятъ другъ на друга отвѣтственность за совершаемыя ими дѣла. Одни потребовали, другіе рѣшили, третьи подтвердили, четвертые предложили, пятые доложили, шестые предписали, седьмые исполнили. Убьютъ, повѣсятъ, засѣкутъ женщинъ, стариковъ, невинныхъ, какъ у насъ въ Россіи, и какъ это дѣлается вездѣ въ Европѣ и Америкѣ—въ борьбѣ съ анархистами и всякими нарушителями существующаго порядка; разстрѣляютъ, убьютъ, повѣсятъ сотни, тысячи людей, или, какъ это дѣлаютъ на войнахъ—побьютъ, погубятъ миллионы людей; какъ это дѣлается постоянно—губятъ души людей въ одиночныхъ заключеніяхъ, въ развращенномъ состояніи солдатства, — и никто не виноватъ. Но мало того, что люди, благодаря такому распредѣленію обязанностей, избавляются отъ сознанія отвѣтственности за совершаемыя ими дѣла, они теряютъ нравственное сознаніе своей отвѣтственности еще и отъ того, что, складываясь въ государственное устройство, они такъ продолжительно, постоянно и напряженно увѣряютъ себя и другихъ въ томъ, что всѣ они не одинаковые люди, а люди различающіеся между собою «какъ звѣзда отъ звѣзды», что начинаютъ искренно вѣрить въ это. Такъ, однихъ людей они увѣряютъ въ томъ, что они не простые, одинаковые съ другими люди, а

1) „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 137—138.

люди особенные, которые должны быть особенно возвеличиваемы; другимъ же внушаютъ всѣми средствами, что они ниже всѣхъ другихъ людей и потому должны безропотно подчиняться тому, что имъ предписываютъ высшіе ¹⁾).

Таково средство подкупа, въ соединеніи съ приѣмомъ распределенія ответственности и съ утвержденіемъ сословнаго предразсудка.

Третье средство можно назвать средствомъ гипнотизации людей. Оно состоитъ въ томъ, чтобы задерживать духовное развитіе народа и различными внушеніями поддерживать его въ отжитомъ уже человѣчествомъ пониманіи жизни, на которомъ и зиждется власть правительствъ. Начинается эта гипнотизация съ перваго возраста, когда, въ нарочью для того устроенныхъ и обязательныхъ школахъ, дѣтямъ усиленно внушаются отжившія, бессмысленныя и кощунственныя религіозныя, а также общественныя преданія. Всѣми силами внушается и поощряется патріотическое суевѣріе, состоящее въ признаніи исключительной значительности одного своего народа и величія одного своего государства и правителей его, — суевѣріе, располагающее къ недоброжелательству и даже ненависти къ другимъ народамъ. Кромѣ того, всѣми правительствами безъ исключенія скрывается отъ народа все, могущее освободить его, скрывается различными средствами, какъ то: писательство, поддерживающее народъ въ его дикости религіозныхъ и патріотическихъ суевѣрій, всякаго рода чувственныя увеселенія, зрѣлища, цирки, театры и всякія даже физическія средства одуренія, какъ то: табакъ, водка, составляющіе главный доходъ государствъ; поощряется даже проституція, которая не только признается, но организуется большинствомъ правительствъ. Таково третье средство.

Четвертое состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ трехъ предшествующихъ средствъ выдѣлять изъ всѣхъ, такимъ образомъ закованныхъ и одуренныхъ людей еще нѣкоторую часть для того, чтобы, подвергнувъ этихъ людей особеннымъ усиленнымъ способамъ одуренія и озвѣренія, сдѣлать изъ нихъ безвольныя орудія всѣхъ тѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству. Достигается это одуреніе и озвѣреніе тѣмъ, что людей этихъ берутъ въ томъ юношескомъ возрастѣ, когда въ людяхъ не успѣли еще твердо сложиться какія-либо ясныя понятія о нравственности, и, удаливъ ихъ отъ всѣхъ естественныхъ человѣческихъ условій жизни: дома, семьи, родины, разумнаго труда, запираютъ вмѣстѣ въ казармы, наряжаютъ въ особенное платье и заставляютъ ихъ, при воздѣйствіи криковъ, барабановъ, музыки, блестящихъ пред-

¹⁾ Ib., с. с. 225—227.

метовъ, ежедневно дѣлать извѣстныя, придуманныя для этого движенія и этими способами приводятъ ихъ въ такое состоянiя гипноза, при которомъ они уже перестаютъ быть людьми, а становятся бессмысленными, покорными гипнотизатору машинами: эти-то загипнотизированные, физически сильные молодые люди, снабженные орудиями убiйства, всегда покорные власти правительствъ и готовые по его приказанiю на всякое насилiе, и составляютъ четвертое и главное средство порабощенiя людей. Этимъ средствомъ замыкается кругъ насилiя.

Устрашенiе, подкупъ, гипнотизацiя приводятъ людей къ тому, что они идутъ въ солдаты; солдаты же даютъ власть и возможность и казнить людей, и обирать ихъ (подкупая на эти деньги чиновниковъ), и гипнотизировать, и вербовать ихъ въ тѣ самые солдаты, которые даютъ власть дѣлать все это. Кругъ замкнутъ и вырваться изъ него силой нѣтъ никакой возможности ¹⁾.

5.

Образованные люди высшихъ классовъ стараются заглушить все болѣе и болѣе выясняющееся сознание необходимости измененiя настоящаго строя жизни, но жизнь, продолжая развиваться и усложняться въ прежнемъ направленiи, усиливая противорѣчiя и страданiя людей, приводитъ ихъ къ тому послѣднему предѣлу, дальше котораго идти нельзя. Такой послѣднiй предѣлъ противорѣчiя есть общая воинская повинность ²⁾. Общая воинская повинность была неизбѣжная логическая необходимость, къ которой нельзя было не притти, но вмѣстѣ съ тѣмъ она же есть послѣднее выраженiе внутренняго противорѣчiя общественнаго жизнепониманiя, возникшаго тогда, когда для поддержанiя его понадобилось насилiе.

Люди, принесши всѣ требуемыя отъ нихъ жертвы для того, чтобы избавиться отъ жестокости борьбы и отъ непрочности жизни, призываются опять ко всѣмъ тѣмъ опасностямъ, отъ которыхъ они думали избавиться. Правительства должны были избавиться людей отъ жестокости борьбы личностей и дать имъ увѣренность въ ненарушимости порядка жизни государственной, а вмѣсто этого они накладываютъ на личности необходимость той же борьбы ³⁾.

Войска нужны всякому правительству прежде всего для содержанiя въ покорности своихъ подданныхъ и для пользованiя ихъ трудами. Но правительство не одно: рядомъ съ нимъ другое пра-

¹⁾ *Иб.*, с. с. 138—139.

²⁾ *Иб.*, с. 117.

³⁾ *Иб.*, с. 125.

вительство, точно такъ же насиліемъ пользующееся своимъ подданными и всегда готовое отнять у другого правительства труды его уже приведенныхъ въ рабство подданныхъ. Каждое государство вслѣдствіе этого невольно приведено къ необходимости другъ передъ другомъ увеличивать войска ¹⁾). Германія первая додумалась до всеобщей воинской повинности. И какъ скоро это сдѣлало одно государство, другія должны были сдѣлать то же. А какъ скоро это сдѣлалось, сдѣлалось то, что всѣ граждане стали подъ ружье для того, чтобы поддерживать всѣ тѣ несправедливости, которыя противъ нихъ производились; сдѣлалось то, что всѣ граждане стали угнетателями самихъ себя ²⁾). Мало того, передъ всеми нами встаетъ ужасное противорѣчіе христіанскаго сознанія и международной войны.

Патріотизмъ, какъ чувство исключительной любви къ своему народу и какъ ученіе о доблести жертвы своимъ спокойствіемъ, имуществомъ и даже жизнью для защиты слабыхъ отъ избиенія и насилія враговъ,—былъ высшей идеей того времени, когда всякій народъ считалъ возможнымъ и справедливымъ, для своего блага и могущества, подвергать избиенію и грабежу людей другого народа; но уже около 2000 лѣтъ тому назадъ высшими представителями мудрости человѣчества начала сознаться высшая идея братства людей, и идея эта, все болѣе и болѣе входя въ сознаніе, получила въ наше время самое разнообразное осуществленіе. Благодаря облегченію средствъ сообщенія, единству промышленности, торговли, искусствъ и знаній, люди нашего времени до такой стѣпени связаны между собою, что опасность завоеваній, убійствъ, насилій со стороны сосѣднихъ народовъ уже совершенно исчезла, и всѣ народы (народы, а не правительства) живутъ между собой въ мирныхъ, взаимно другъ другу выгодныхъ, дружескихъ—торговыхъ, промышленныхъ, умственныхъ сношеніяхъ, нарушать которыя имъ нѣтъ никакого ни смѣсла, ни надобности ³⁾). И вотъ правительства вызываютъ эти враждебныя отношенія подъ видомъ патріотизма и потомъ дѣлаютъ видъ, что умиротворяютъ народы между собой. Въ родѣ того, какъ цыганъ который, посылавъ своей лошади перца подъ хвостъ, нахлеставъ ее въ стойлѣ, выводитъ ее, повиснувъ на поводу, и притворяется, что онъ насилу можетъ удержать разгорячившуюся лошадь ⁴⁾). Мы же, всѣ христіанскіе народы, живущіе одной духовной жизнью, такъ что всякая добрая, плодо-

¹⁾ Ib.; с. 124.

²⁾ Ib., с. 125.

³⁾ „Патріотизмъ и правительство“, с. с. 8—9.

⁴⁾ „Христіанство и патріотизмъ“, с. 50.

творная мысль, возникающая на одномъ концѣ міра, тотчасъ же сообщаясь всему христіанскому человѣчеству, вызываетъ одинаковыя чувства радости и гордости независимо отъ національности; мы, любящіе не только мыслителей, благодѣтелей, поэтовъ, ученыхъ чужихъ народовъ, мы, гордящіеся подвигомъ Даміана ¹⁾, какъ своимъ собственнымъ, мы, просто любящіе людей чужихъ національностей: французовъ, нѣмцевъ, американцевъ, англичанъ, мы, не только уважающіе ихъ качества, но радующіеся когда встрѣчаемся съ ними, радостно улыбающіеся имъ, не могущіе не только считать подвигомъ войну съ этими людьми, но не могущіе безъ ужаса подумать о томъ, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть такое разногласіе, которое должно бы было быть разрѣшено взаимнымъ убійствомъ, — мы всѣ призваны къ участию въ убійствѣ, которое неизбежно, не нынче, такъ завтра должно совершиться. Противорѣчіе это для людей нашего времени такъ ужасно, что жить, не разрѣшивъ его, стало невозможно ²⁾.

6.

«Только бы правительство дѣйствовало правильно или установлено было вмѣсто дурного хорошее, — думаетъ большинство людей нашего времени, — и все исправится и будетъ хорошо, люди будутъ уравнины, будутъ свободны и будутъ жить согласно». Одни думаютъ, что для этого нужно только не нарушать спокойное теченіе жизни существующихъ правительствъ, нужно поддерживать безъ измѣненій существующій, разъ установленный порядокъ, и правительства сами все устроить, только бы не мѣшали имъ. Это тѣ, которые называются консерваторами. Другіе думаютъ и говорятъ, что настоящее дурное положеніе вещей должно и можетъ быть измѣнено и исправлено введеніемъ новыхъ законовъ и учреждений, обеспечивающихъ равенство и свободу людей. Это тѣ, которыхъ называютъ либералами. Третьи полагаютъ, что теперешнее устройство все не годится, должно быть все разрушено и замѣнено другимъ, болѣе усовершенствованнымъ, такимъ, которое устанавливало бы полное равенство, въ особенности экономическое, обеспечивало бы свободу и утверждало братство всѣхъ людей, безъ различія государствъ. Это тѣ, которые называются революціонерами различныхъ оттѣнковъ. Всѣ эти люди, хотя и не согласны между

¹⁾ Даміанъ де-Весторъ, молодой католическій священникъ, въ 1873 г. поселившійся на одномъ изъ Гавайскихъ острововъ, куда свозились прокаженные, для служенія и помощи послѣднимъ, и умершій тамъ же отъ проказы въ 1889 г. В. Б.

²⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. 88.

собою, всё согласны въ одномъ главномъ, что только правительственной, т. е. принудительной властью можно улучшить положение людей ¹⁾).

Устройство жизни, основанное на насиліи, до такой степени стало привычно людямъ, что люди не могутъ себѣ представить общей жизни безъ правительственной власти и даже идеалы разумной, свободной, братской жизни стараются осуществить посредствомъ правительственной власти, т. е. насилія. Въдъ принудительная власть, какъ ни переставляй и не оставляй ее, есть всегда присвоенное одними людьми право распоряженія другими и, въ случаѣ неповиновенія, — принужденія посредствомъ крайняго средства — убійства. Посредствомъ убійства осуществлять идеалы чело-вѣческаго блага! Французская большая революція была тѣмъ enfant terrible, который въ своемъ охватившемъ весь народъ восторгѣ, при сознаніи великихъ истинъ, открытыхъ имъ, и при инерціи насилія, въ самой наивной формѣ высказалъ всю нелѣпость того противорѣчія, въ которомъ билось тогда, бьется и теперь чело-вѣчество: *liberté, égalité, fraternité ou la mort!* ²⁾). Дѣятели революціи ясно выставили тѣ идеалы равенства, свободы, братства, во имя которыхъ они намѣревались перестроить общество. Изъ принциповъ этихъ вытекали практическія мѣры: уничтоженіе сословій, уравниеніе имуществъ, упраздненіе чиновъ, титуловъ, уничтоженіе земельной собственности, распушеніе постоянной арміи, подоходный налогъ, пенсія рабочимъ, отдѣленіе церкви отъ государства, даже установленіе общаго всѣмъ разумнаго религіознаго ученія. Все это были разумныя и благодѣтельныя мѣры, вытекавшія изъ выставленныхъ революціей несомнѣнныхъ, истинныхъ принциповъ равенства, свободы и братства. Но достигнуты эти идеалы никогда не могли быть насиліемъ.

То противорѣчіе, которое такъ ярко и грубо выразилось въ большой французской революціи и вмѣсто блага привело къ величайшему бѣдствію, такимъ же осталось и теперь. И теперь это противорѣчіе проникаетъ всё современныя попытки улучшенія общественнаго строя ³⁾). Въ Испаніи, въ южно-американскихъ республикахъ, въ Россіи устраивали и устраиваются революціи; но удаются или не удаются революціи, послѣ революцій, какъ отогнанная волна, возвращается то же и то же положеніе, иногда даже и хуже прежняго. Оставляютъ ли люди прежнюю правительственную власть или измѣняютъ ее, стѣсненіе свободы и вражда между людьми остаются тѣ же.

1) „Единое на потребу“, с. с. 36—37.

2) „Свобода, равенство, братство или смерть!“

3) *Ib.*, с. с. 34—35.

Тѣ же казни, тюрьмы, изгнанія, та же несвобода покупать безъ податей то, что производится за извѣстной чертой, или пользоваться орудіями труда; такое же, какъ при Іосифѣ Прекрасномъ, повсюду лишеніе права рабочихъ людей пользоваться землей, на которой они родились; такая же вражда народовъ съ народами, также же, какъ и при Чингисъ-Ханѣ, набѣги на незащитные народы Африки, Азии и другъ на друга; тѣ же жестокости, такія же пытки одиночнаго заключенія и дисциплинарныхъ батальоновъ, какъ и при инквизиціи; тѣ же постоянныя арміи и военное рабство; то же неравенство, какое было между фараономъ и его рабами, и теперь между Рокфеллерами, Ротшильдами и ихъ рабами ¹⁾).

Мѣняются формы, но сущность отношеній людей не измѣняется.

Внѣшняя общественная дѣятельность вообще, и въ особенности общественная борьба, всегда отвлекаетъ вниманіе людей отъ внутренней жизни и потому всегда, неизбѣжно развращая людей, понижаетъ уровень общественной нравственности, какъ это происходило вездѣ и какъ мы это въ поразительной степени видимъ теперь въ Россіи. Пониженіе же уровня общественной нравственности дѣлаетъ то, что самыя безнравственныя части общества все больше и больше выступаютъ на верхъ и устанавливается безнравственное общественное мнѣніе, разрѣшающее и даже одобряющее грабежи, развратъ и даже убійства. И устанавливается ложный кругъ: вызванная общественной борьбой худшія части общества съ жаромъ отдаются соотвѣтствующей ихъ низкому уровню нравственности общественной дѣятельности, дѣятельность же эта привлекаетъ къ себѣ еще худшіе элементы общества. И нравственность все больше и больше понижается, и героями времени становятся самыя безнравственные люди: Дантоны, Мараты, Наполеоны, Такейраны, Бисмарки. Такъ что участіе въ общественной дѣятельности и борьбѣ есть не только не возвышенное, полезное, хорошее дѣло, какъ это принято думать и говорить тѣми, кто занимается этой борьбой, а, напротивъ, самое безсмысленное, вредное и безнравственное дѣло ²⁾).

7.

Переворотъ, предстоящій теперь человѣчеству, состоитъ въ освобожденіи себя отъ обмана повиновенія человѣческой власти. И такъ какъ сущность этого переворота совсѣмъ иная, чѣмъ сущность всѣхъ прежде бывшихъ въ христіанскомъ мірѣ революцій, то и дѣятельность людей, участвующихъ въ этомъ переворотѣ, не

¹⁾ П., с. 38.

²⁾ „Обращеніе къ русскимъ людям“, с. с. 15—16.

можетъ не быть совѣтъ иною, чѣмъ дѣятельность участниковъ презвѣихъ революцій. Она должна и можетъ состоять только въ прекращеніи потерявшаго смыслъ повиновенія какой бы то ни было насильнической власти и въ устроеніи своей жизни независимо отъ правительства ¹⁾.

Исповѣданіе христіанства освобождаетъ людей отъ всякой внѣшней власти. Но оно не только освобождаетъ ихъ отъ внѣшней власти, оно вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ имъ возможность достиженія того улучшенія жизни, котораго они тщетно ищутъ черезъ измѣненіе внѣшнихъ формъ жизни. Измѣненіе внѣшнихъ формъ есть всегда только послѣдствіе измѣненія сознанія, и только въ той мѣрѣ улучшается жизнь, въ которой это измѣненіе основано на измѣненіи сознанія, т.-е. въ той мѣрѣ, въ которой въ сознаніи людей законъ насилія замѣнился закономъ любви. Всѣ усилія людей, желающихъ улучшить жизнь, должны бы быть направлены на измѣненіе сознанія своего и другихъ людей. Но этого-то и не хотятъ дѣлать люди, а, напротивъ, всѣ свои силы направляютъ на измѣненіе формъ жизни, надѣясь, что посредствомъ измѣненія формъ измѣнится и сознаніе ²⁾. Каждому человѣку надо сдѣлать нравственное усиліе надъ самимъ собой. Люди сознаютъ это въ глубинѣ души, но имъ хочется какъ-нибудь помимо усилія достигнуть того, что достигается только усиліемъ ³⁾.

Христіанство и только христіанство освобождаетъ людей отъ того рабства, въ которомъ они находятся въ наше время ⁴⁾. Стоитъ человѣку понять свою жизнь такъ, какъ учить понимать ее христіанство, т.-е. понять то, что жизнь его принадлежитъ не ему, его личности, не семьѣ или государству, а Тому, Кто послалъ его въ жизнь, понять то, что исполнять онъ долженъ поэтому не законъ своей личности, семьи или государства, а ничѣмъ не ограниченный законъ Того, отъ Кого онъ исшелъ, — чтобы не только почувствовать себя совершенно свободнымъ отъ всякой человѣческой власти, но даже перестать видѣть эту власть, какъ нѣчто могущее стѣснять кого-либо. Стоитъ человѣку понять, что цѣль его жизни есть исполненіе закона Бога, для того, чтобы этотъ законъ, замѣнивъ для него всѣ другіе законы и подчинивъ его себѣ, этимъ самымъ подчиненіемъ лишилъ бы въ его глазахъ всѣ человѣческіе законы ихъ обязательности и стѣснительности. Лишенія и страданія, отнимающія у людей общественнаго жизнепо-

1) „Конецъ вѣка“, с. 36.

2) „О христіанствѣ и о воинской повинности“, с. с. 8—9.

3) „Объ общественномъ движеніи въ Россіи“, с. 7.

4) „О христіанствѣ и о воинской повинности“, с. 9.

ниманія то благо; для котораго они живутъ, не только не могутъ нарушить блага христіанина, состоящаго въ сознаніи исполненія воли Бога, но только могутъ усилить его, когда они постигаютъ его за исполненіе этой воли ¹⁾).

Люди расходятся во взглядахъ на необходимость государственнаго устройства. Одни признаютъ эту необходимость, другіе—не признаютъ. Можно написать томы въ защиту того и другого мнѣнія. Но нельзя доказать отвлеченными разсужденіями ни того, ни другого. Еще меньше можно доказать это опытомъ, такъ какъ вопросъ состоитъ въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ дѣлать опытъ. Вопросъ былъ бы неразрѣшимъ, если бы для этого не существовало другого жизненнаго способа. Дѣло въ томъ, что если человѣкъ, вслѣдствіе вырешаго въ немъ высшаго сознанія, не можетъ уже болѣе исполнять требованій государства, не умѣщается уже болѣе въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не нуждается болѣе въ огражденіи государственной формой, то вопросъ о томъ, созрѣли-ли люди до отбѣны государственной формы или не созрѣли, рѣшается совѣсьмъ съ другой стороны и такъ же неоспоримо, какъ и для птенца, вылупившагося изъ яйца, въ которое уже никакія силы міра не могутъ вернуть его,—самими людьми, выросшими уже изъ государства и никакими силами не могущими быть возвращенными въ него ²⁾). Революціонеры говорятъ: „государственное устройство дурно тѣмъ-то и тѣмъ-то, нужно разрушить его и замѣнить такимъ-то и такимъ-то“. Христіанинъ же говоритъ: „Я ничего не знаю про государственное устройство, про то, насколько оно хорошо или дурно, и не желаю разрушать его именно потому, что не знаю, хорошо-ли оно или дурно, но по этой-то самой причинѣ и не желаю поддерживать его. И не только не желаю, но не могу, потому что то, что требуется отъ меня, противно моей совѣсти. Противны же совѣсти христіанина всѣ обязанности государственныя: и присяга; и подати, и суды, и войско. А на этихъ самыхъ обязанностяхъ зиждется вся власть государства.

Среди русскаго народа, въ которомъ; особенно со времени Петра 1-го, никогда не прекращался протестъ христіанства противъ государства, среди русскаго народа, въ которомъ устройство жизни таково, что люди общинами уходятъ въ Турцію, въ Китай, въ необитаемыя земли и не только не нуждаются въ правительствѣ, но смотрятъ на него всегда какъ на ненужную тяжесть и только переносятъ его, какъ бѣдствіе, будь оно турецкое, русское или китайское,—среди русскаго народа въ послѣднее время стали

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. 150.

²⁾ *ib.*, с. 168.

все чаще и чаще появляться случаи христіанскаго сознательнаго освобожденія отдѣльныхъ лицъ отъ подчиненія себя правительству. Такъ, отказываются отъ добровольной уплаты податей, потому что подати употребляются на дѣла насилія: жалованье насильникамъ, военнымъ, на устройство тюремъ, крѣпостей, пушекъ. Отказывающіеся отъ общей присяги отказываются потому, что обѣщаются въ повиновеніи властямъ, т. е. людямъ, предающимся насиліямъ, противно смыслу христіанскаго ученія; отказываются отъ присяги въ судахъ потому, что клятва прямо запрещена Евангеліемъ. Отказываются отъ должностей полицейскихъ, потому что при этихъ должностяхъ приходится употреблять насиліе противъ свѣихъ братьевъ и мучить ихъ, а христіанинъ не можетъ дѣлать этого. Отказываются отъ участія въ судѣ, потому что считаютъ всякій судъ исполненіемъ закона мести, несомнѣнимаго съ христіанскимъ закономъ прощенія и любви. Отказываются отъ всякаго участія въ военныхъ приготовленіяхъ и въ войскѣ потому, что не хотятъ и не могутъ быть палачами и не хотятъ готовиться къ палачеству¹⁾. Стали прямо отказываться отъ солдатства. И хотя такихъ отказовъ было немного (сдва-ли одинъ на тысячу призываемыхъ), значеніе ихъ было велико тѣмъ, что отказы эти, вызывавшіе жестокія казни и гоненія правительства, открывали глаза уже не однимъ сектантамъ, а всемъ русскимъ людямъ на не христіанскія требованія правительства, и огромное большинство людей, прежде не думавшихъ о противорѣчии закона божескаго и человѣческаго, увидали это противорѣчіе²⁾.

Что дѣлать правительствамъ противъ этихъ людей?

Если бы это были революціонеры, проповѣдующіе насиліе, убійство и совершающіе эти дѣла, то противодѣйствіе имъ было бы легко: часть ихъ подкупили бы, часть обманули, часть запугали бы; тѣхъ же, которыхъ нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни запугать, выставили бы злодѣями, врагами общества, казнили бы или заперли бы, и толпа одобрила бы дѣйствія правительства. Если бы это были какіе-нибудь изувѣры, проповѣдующіе какую-нибудь особенную вѣру, можно бы было, благодаря тѣмъ суевѣріямъ лжи, которыя примѣшиваются ими къ ихъ ученію, опровергнуть и то истинное, что они исповѣдуютъ. Но что дѣлать съ людьми, которые не проповѣдуютъ ни революціи, ни какихъ-либо особенныхъ религіозныхъ догматовъ, а только потому, что они не желаютъ дѣлать никому зла, отказываются отъ присяги, уплаты

¹⁾ Ib., с.с. 163—165.

²⁾ „Конецъ вѣка“, с. 25.

податей, участія въ судѣ, отъ военной службы, отъ такихъ обязанностей, на которыхъ зиждется все устройство государства?

Что дѣлать съ такими людьми?

Подкупить ихъ нельзя: уже самый тотъ рискъ, на который они добровольно идутъ, показываетъ ихъ безкорыстіе. Обмануть тѣмъ, что этого требуетъ Богъ, тоже нельзя, потому что ихъ отказъ основанъ на ясномъ, несомнѣнномъ законѣ Бога, исповѣдуемомъ и тѣми, которые хотятъ заставитьъ людей дѣйствовать противно ему. Запугать угрозами еще менѣе можно, потому что лишенія и страданія, которымъ они будутъ подвергнуты за ихъ исповѣданіе, только усиливаютъ ихъ желаніе исповѣданія, а въ ихъ законѣ прямо сказано, что надо повиноваться Богу болѣе, чѣмъ людямъ, и не надо бояться тѣхъ, которые могутъ погубить тѣло, а того, что можетъ погубить и тѣло, и душу. Казнить и навѣчно запереть ихъ тоже нельзя. У людей этихъ есть прошедшее, друзья, образъ мыслей и дѣйствій ихъ извѣстенъ, всё ихъ знаютъ за протѣихъ, добрыхъ, смиренныхъ людей и невозможно выставить ихъ злодѣями, которые должны быть устранены для спасенія общества. А казнь людей, признаваемыхъ всѣми добрыми, вызоветъ защитниковъ, разъяснителей отказа. А стоитъ только разъясниться причинамъ отказа — для того, чтобы всѣмъ стало ясно, что тѣ причины, по которымъ эти христіане отказываются отъ исполненія государственныхъ требованій, таковы же для всѣхъ другихъ людей, и что всѣмъ давно уже надо бы дѣлать то же. Правительства передъ отказами христіанъ находятся въ отчаянномъ положеніи. Они видятъ, что пророчество христіанства сбывается, — оно разрываетъ узы скованныхъ и освобождаетъ людей, находящихся въ неволѣ¹⁾. Правительства чувствуютъ уже свою беззащитность и слабость, и пробуждающіеся отъ усыпленія люди христіанскаго сознанія уже начинаютъ чувствовать свою силу²⁾.

Но люди думаютъ, что освобожденіе всѣхъ людей этимъ способомъ слишкомъ медленно, что нужно найти и употребить другое такое средство, которымъ можно бы было освободить всѣхъ сразу. Въ родѣ того, какъ если бы пчелы, желающія подняться и улетѣть, находили бы, что слишкомъ долго дожидаться, пока поднимется весь рой по одной пчелѣ, а надо найти такое средство, при которомъ не нужно бы было каждой отдѣльной пчелѣ раскрыть крылья и полетѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рой полетѣть бы, куда ему надо. Но это невозможно: до тѣхъ поръ, пока первая, вторая,

¹⁾ „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 165—166.

²⁾ Ib., с. 167.

третья, сотая пчела свободно не раскроетъ свои крылья и не полетитъ, не полетитъ и рой и не найдетъ новой жизни. Пока не усвѣтитъ каждый отдѣльный человѣкъ христіанскаго жизнепониманія и не станетъ жить сообразно съ нимъ, не разрѣшится противорѣчіе жизни людской и не установится новой формы жизни ¹⁾).

Общественное сознание уже отрицаетъ прежнюю форму жизни и давно готово на усвоение новой. Всѣ одинаково и знаютъ, и чувствуютъ это. Но инерція прошедшаго, робость передъ будущимъ дѣлаютъ то, что то, что уже давно готово въ сознаниі, иногда еще долго не переходитъ въ дѣйствительность. Въ такіе моменты достаточно иногда одного слова для того, чтобы сознание получило выраженіе, и та главная въ совокупной жизни человѣчества сила—общественное мнѣніе—мгновенно перевернула бы безъ борьбы и насилія весь существующій строй.

И такое переходное время переживаетъ теперь европейское человѣчество ²⁾).

8.

«Но какъ же будутъ жить люди безъ государства?»—обыкновенно спрашиваютъ люди, такъ привыкшіе къ тому, что каждый человѣкъ, кромѣ того, что онъ сынъ своихъ родителей, внукъ своихъ дѣдовъ и предковъ, живущій избраннымъ имъ трудомъ, и, главное, кромѣ того, что онъ человѣкъ, еще и французъ или британецъ, германецъ, янки, русскій, т. е. принадлежитъ къ тому или иному насильническому учрежденію, которое называется Франціей съ своими Алжиромъ, Аннамой, Ниццей и т. п., или Британіей съ ея чуждыми ей населеніями Индіи, Египта, Австраліи и Канады, или Австріей съ ея ничѣмъ внутренне не связанными народами, или къ такому разноплеменному и огромному государству, какъ Соединенные Штаты или Россія ³⁾). Людямъ, живущимъ въ государствахъ, основанныхъ на насиліи, кажется, что уничтоженіе власти правительствъ неизбѣжно повлечетъ за собой величайшія бѣдствія. Но вѣдь утвержденіе о томъ, что та степень безопасности и блага, которыми пользуются люди, обеспечивается государственной властью, — совершенно произвольно. Мы знаемъ тѣ бѣдствія и тѣ блага, если они есть, которыми пользуются люди, живущіе въ государственномъ устройствѣ, но не знаемъ того проложенія, въ которомъ бы были люди, упразднившіе государство. Если же принять въ соображеніе жизнь тѣхъ небольшихъ обществъ, которыя случайно жили и живутъ внѣ большихъ государствъ, то такія

¹⁾ *ib.*, с. 153.

²⁾ «О христіанствѣ и о воинской повинности», с. 12.

³⁾ «Конецъ вѣка», с. 55.

общины, пользуясь всѣми благами общественнаго устройства, свободныя отъ государственнаго насилія, не испытываютъ одной сотой тѣхъ бѣдствій, которыя испытываютъ люди, повинующіеся государственной власти.

О невозможности жить безъ государственнаго устройства вѣдь говорятъ преимущественно тѣ самые люди правящихъ классовъ, для которыхъ выгодно государственное устройство. Но спросите у тѣхъ людей, которые несутъ только тяжести государственной власти, у землевладѣльцевъ, у 100 милліоновъ крестьянъ въ Россіи, — они чувствуютъ только тяжесть ея и не только не считаютъ себя обезпеченными государственной властью, но совершенно не нуждаются въ ней ¹⁾.

«Но если не будетъ правительствъ, — люди будутъ насиловать и убивать другъ друга», говорятъ обыкновенно. Однако, и это совершенно несправедливо. Въ самомъ дѣлѣ, почему уничтоженіе той организаціи, которая возникла вслѣдствіе насилія и по преданію передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію, сдѣлаетъ то, что люди будутъ насиловать и убивать другъ друга? Уничтоженіе органа насилія должно повести къ совершенно противоположному. Теперь есть люди, спеціально воспитываемые, приготовляемые для того, чтобы убивать и насиловать; въ будущемъ же организація насилія уничтожится ²⁾. Говорятъ о дикихъ народахъ, но развѣ можно намъ, людямъ, стоящимъ на порогѣ ужасающей по бѣдственности и истребительности войны внутреннихъ революцій, передъ которой, какъ говорятъ приготовители ея, ужасы 93 года будутъ игрушкой, говорить объ опасности, которая угрожаетъ намъ отъ дагомейцевъ, зулусовъ и т. п., которые живутъ за тридевять земель и не думаютъ нападать на насъ, и отъ тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ одуренныхъ нами же и развращенныхъ мошенниковъ, воровъ и убійцъ, число которыхъ не уменьшается отъ всѣхъ нашихъ судовъ, тюремъ и казней? Кроме того, страхъ этотъ передъ упраздненіемъ видимаго огражденія полицейскаго городского есть страхъ преимущественно городскихъ людей, т. е. людей, живущихъ въ ненормальныхъ и искусственныхъ условіяхъ. Люди, живущіе въ естественныхъ условіяхъ жизни, не по городамъ, но среди природы, боясь съ нею, живутъ безъ этого огражденія и знаютъ, какъ мало можетъ оградить ихъ насиліе отъ окружающихъ ихъ дѣйствительныхъ опасностей ³⁾.

«Не будетъ ни законовъ, ни собственности, ни судовъ, ни полиціи, ни народнаго образованія», — говорятъ также обыкновенно, умышленно смѣшивая насилія власти съ различными дѣятельностями

¹⁾ Тамъ же, с. с. 30—31.

²⁾ „Патріотизмъ и правительствѣ“.

общества. Уничтоженіе организациі правительствъ, учрежденныхъ для произведенія насилія надъ людьми, никакъ не влечетъ за собой уничтоженія того, что есть разумнаго и хорошаго, а потому: ненасильственнаго—въ законахъ, судѣ, собственности, полицейскихъ огражденіяхъ, финансовыхъ устройствахъ, народномъ образованіи. Напротивъ, отсутствіе грубой власти правительствъ, имѣющихъ цѣль поддержать только себя, будетъ содѣйствовать болѣе разумной и справедливой общественной организациі, не нуждающейся въ насиліи ¹⁾. Самое понятіе анархіи обозначаетъ не отсутствіе учреждений, а только отсутствіе такихъ учреждений, которымъ людей заставляютъ подчиняться насильно; но установятся такія учреждения, которымъ люди будутъ подчиняться свободно, по разуму ²⁾. Въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни въ наше время люди устраиваютъ сами свою жизнь безъ сравненія лучше, чѣмъ ее устраиваютъ для нихъ правящіе ими люди. Люди, безъ всякаго вмѣшательства правительства и часто—несмотря на него, составляютъ всякаго рода общественныя предпріятія—союзы рабочихъ, кооперативныя общества, компаніи желѣзныхъ дорогъ, артели, синдикаты. Если для общественнаго дѣла нужны сборы, то почему же думать, что безъ насилія свободные люди не сумѣютъ добровольно собрать нужныя средства и учредить все то, что учреждается посредствомъ податей, если только эти учреждения для всѣхъ полезны? Почему думать, что не могутъ быть суды безъ насилія? Судъ людей, которымъ довѣряютъ судящіеся, всегда былъ и будетъ и не нуждается въ насиліи. Мы такъ извращены долгимъ рабствомъ, что не можемъ себѣ представить управленія безъ насилія. Но это—ошибка. Русскія общины, переселяясь въ отдаленные края, гдѣ наше правительство не вмѣшивается въ ихъ жизнь, устраиваютъ сами свои сборы, свое управленіе, свой судъ, свою полицію и всегда благоденствуютъ до тѣхъ поръ, пока правительственное насиліе не вмѣшивается въ ихъ управленіе ³⁾.

Но какъ, въ какихъ формахъ могутъ жить люди христіанскаго міра, если они не будутъ жить въ формѣ государства, повинаясь правительственной власти?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дають тѣ свойства русскаго народа, вслѣдствіе которыхъ можно думать, что предстоящій переворотъ долженъ начаться и долженъ совершиться не гдѣ-нибудь, а именно въ Россіи.

Русскій народъ, какъ и большинство земледѣльческихъ народовъ, естественно складывается, какъ пчелы въ ульи, въ опредѣ-

¹⁾ „Патріотизмъ и правительство“, с. 24.

²⁾ „Дѣла“ 1906 г. № 176.

ленные общественные отношения, вполне удовлетворяющие требованиям совместной жизни людей. Вездѣ, гдѣ только русскіе люди осаживались безъ вмѣшательства правительства, они устанавливали между собой не насильническое, а основанное на взаимномъ согласіи, мирское, съ общиннымъ владѣніемъ земель, управление, которое вполне удовлетворяло требованіямъ мирнаго общежитія. Отсутствіе правительства,—того самаго правительства, которое удерживаетъ силою право на пользование землей за не работающими землевладѣльцами, — только будетъ содѣйствовать той общинной земледѣльческой жизни, которую русскій народъ считаетъ необходимымъ условіемъ хорошей жизни, содѣйствовать тѣмъ, что, уничтоживъ власть, поддерживающую земельную собственность, освободить землю и дать на нее одинаковыя, равныя права всѣмъ людямъ. Переворотъ, который предстоитъ христіанскому міру и который начинается теперь въ русскомъ народѣ, тѣмъ и отличается отъ прежнихъ революцій, что прежнія разрушали, не ставя ничего на мѣстѣ разрушеннаго ими, или ставя вмѣсто одной формы насилія другую. Въ предстоящемъ же переворотѣ ничего не нужно разрушать, нужно только перестать участвовать въ насиліи, не вырывать растенія, ставя на его мѣсто нѣчто искусственное и неживое, а только устранять все то, что мѣшало его росту. Прекращеніе повиновенія правительствамъ должно привести людей къ земледѣльческой жизни. Земледѣльческая же жизнь приведетъ къ самому естественному при такой жизни общинному устройству небольшихъ, находящихся въ одинаковыхъ земледѣльческихъ условіяхъ, обществъ. Весьма вѣроятно, что общины эти не будутъ жить обособленно и войдутъ между собою, вслѣдствіе единства экономическихъ, племенныхъ или религіозныхъ условій,—въ новыя, свободныя соединенія, но совершенно иныя, чѣмъ прежнія—государственные, основанныя на насиліи. Отрицаніе насилія не лишаетъ людей возможности соединеній, но соединенія, основанныя на взаимномъ согласіи, могутъ образоваться только тогда, когда будутъ разрушены соединенія, основанныя на насиліи. Для того, чтобы построить новый и прочный домъ на мѣстѣ разрушающагося, надо разобрать старыя стѣны камень по камню и вновь строить ¹⁾).

Какъ произойдетъ этотъ переворотъ, какія перейдетъ ступени, — намъ не дано знать, но мы знаемъ, что онъ неизбеженъ. Жизнь людей только въ томъ и состоитъ, что время дальше и дальше открываетъ скрытое и показываетъ вѣрность или невѣрность пути, по которому они шли въ прошедшемъ ²⁾).

¹⁾ „Конецъ вѣка“, с. с. 41—44.

²⁾ *Ibid.*, с. 59.

ГЛАВА III.

Трудъ и собственность.

Противорѣчіе современныхъ экономическихъ отношеній и корень его—собственность. Городъ и деревня. О благотворительности. Деньги, какъ средство порабощенія. Раздѣленіе труда. Физическій трудъ. Единственное возможное рѣшеніе земельного вопроса.

1.

Не только въ государственныхъ и международныхъ, но и въ экономическихъ отношеніяхъ современное человѣчество руководится тѣми основами, которыя были годны людямъ три и пять тысячъ лѣтъ тому назадъ и которыя прямо противорѣчатъ и теперешнему нашему сознанію, и тѣмъ условіямъ жизни, въ которыхъ мы находимся.

Люди все имѣютъ одинаковыя права на жизнь и на блага міра. Всякій знаетъ это несомнѣнно твердо всеѣмъ существомъ своимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не только видитъ вокругъ себя дѣленіе всеѣхъ людей на двѣ касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся, страдающую, а другую—праздную, угнетающую, роскошествующую и веселящуюся,—не только видитъ, но волей-неволей съ той или другой стороны принимаетъ участіе въ этомъ отвергаемомъ его сознаніемъ раздѣленіи людей и не можетъ не страдать отъ сознанія такого противорѣчія и участія въ немъ. Рабочая масса, большое большинство людей, страдая отъ постоянного, поглощающаго всю ихъ жизнь безсмысленнаго, безразсвѣтнаго труда и лишеній, страдаетъ больше всего отъ сознанія вопіющаго противорѣчія того, что есть, съ тѣмъ, что должно бы быть. Это большинство знаетъ, что все это происходитъ въ мірѣ, въ которомъ признается не только научное положеніе о томъ, что только работа есть богатство, что пользованіе чужими трудами

есть несправедливость, незаконность, казнимая законами, но—въ мірѣ, въ которомъ исповѣдуются ученіе Христа, по которому мы все братья, и достоинство и заслуга человѣка только въ служеніи ближнему, а не въ пользованіи имъ. Еще въ большемъ противорѣчій и страданій живетъ человѣкъ такъ называемаго образованнаго класса. Всякій такой человѣкъ, если вѣритъ во что нибудь, то вѣритъ если и не въ братство людей, то въ гуманность, если не въ гуманность, то въ справедливость, если не въ справедливость, то въ науку; и вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ, что вся его жизнь построена на условіяхъ прямо противоположныхъ всему этому, всеѣмъ положеніямъ и христіанства, и гуманности, и справедливости, и науки. Мы все братья, а мнѣ утѣромъ необходимы сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работѣ которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои, равные мнѣ, братья и сестры. Мы все братья, а я живу тѣмъ, что работаю въ банкѣ или въ торговомъ домѣ и лавкѣ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать все нужные моимъ братьямъ товары дорожке. Мы все братья, а я живу тѣмъ, что получаю жалованье за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существованіе которыхъ обусловлено всеѣмъ складомъ моей жизни и которыхъ—я самъ знаю, что надо не казнить, а исправлять. Мы все братья, но я живу тѣмъ, что получаю жалованье за собираніе податей съ бѣдныхъ рабочихъ для употребленія на роскошь праздныхъ и богатыхъ. Мы все братья, а я получаю жалованье за то, чтобы проповѣдывать людямъ мнимо-христіанскую вѣру, въ которую я самъ не вѣрю, лишаящую ихъ возможности узнать истинную. Мы все братья, но я отдаю бѣднымъ свои педагогическіе, врачебные, литературные труды только за деньги. Мы все братья, а я получаю жалованье за то, что готовлюсь къ убійству—учусь убивать или дѣлаю оружіе, порохъ, крѣпости... Вся жизнь нашихъ высшихъ классовъ есть сѣмное противорѣчіе, тѣмъ болѣе мучительное, чѣмъ чутче нравственное сознаніе человѣка. Нечуткіе и заглушившіе совѣсть люди высшихъ угнетающихъ классовъ если не страдаютъ совѣстью, страдаютъ страхомъ и ненавистью. И имъ нельзя не страдать. Они знаютъ про ту ненависть противъ нихъ, которая живетъ и не можетъ не жить въ рабочихъ классахъ.* Высшіе классы видятъ союзы, стачки, 1-е мая и чуютъ ту бѣду, которая угрожаетъ имъ, и страхъ этотъ отравляетъ имъ жизнь. Они знаютъ, что сами погибнутъ, какъ скоро не только перестанутъ, но ослабѣютъ въ угнетеніи. Они и дѣлаютъ это, несмотря на мнимыя заботы о благоденствіи рабочаго, о 8-ми часовомъ днѣ, о запрещеніи работъ малолѣтнимъ и женщинамъ, о пенсіяхъ и вознагражденіяхъ. Все

это обманъ или забота о томъ, чтобы рабъ былъ въ силахъ работать¹⁾. Поддержаніе этого суетвѣрія и этого обмана составляетъ цѣль политическихъ наукъ вообще и въ частности такъ называемой политической экономіи. Цѣль ея—скрыть отъ людей то положеніе угнетенія и рабства, въ которомъ они находятся. Средство, употребляемое ею для этой цѣли,—въ томъ, чтобы, разсматриваніемъ насилія, обусловливающаго всю экономическую жизнь порабощенныхъ, какъ чего-то естественнаго и неизбѣжнаго, обмануть людей и отвести ихъ глаза отъ настоящей причины ихъ бѣдствія²⁾.

Но кажущійся неразрѣшимымъ вопросъ экономическій, социальный есть вопросъ крыловскаго ларчика³⁾. Это—старый вопросъ пользованія одними людьми трудомъ другихъ. Пржежде пользовались трудомъ другихъ прямо насиліемъ, рабствомъ; въ наше время это дѣлается посредствомъ собственности. Собственность въ наше время есть корень всего зла: и страданія людей, имѣющихъ ее или лишенныхъ ея, и укоровъ совѣсти людей, злоупотребляющихъ ею, и опасности за столкновеніе между имѣющими избытокъ ея и лишенными ея. Дѣленіемъ, обезпеченіемъ собственности занять весь міръ. Государства-правительства интригуютъ и воюютъ изъ-за собственности; чиновники, ремесленники бьются, обманываютъ, угнетаютъ, страдаютъ изъ-за собственности; суды, полиція охраняютъ собственность; каторги, тюрьмы, всѣ ужасы такъ называемыхъ наказаній—все изъ-за собственности⁴⁾.

Что же такое собственность?

По смыслу слова, это—то, что дано, принадлежитъ мнѣ одному исключительно, то, съ чѣмъ я могу сдѣлать всегда все, что хочу, то, чего никто не можетъ отнять у меня, что остается моимъ до конца моей жизни, и то, что я именно долженъ употреблять, увеличивать, улучшать. Такая собственность для каждаго человѣка вѣдь есть только онъ самъ. А между тѣмъ въ этомъ самомъ смыслѣ и разумѣтся обыкновенно воображаемая собственность людей⁵⁾. Мы говоримъ про домъ и про свою руку одинаково: моя собственная рука и мой собственный домъ. Человѣкъ называетъ своей собственностью свою жену, своихъ дѣтей, своихъ рабовъ, свои вещи, но дѣйствительность всегда показываетъ ему его ошибку, и онъ долженъ отказываться отъ этого суетвѣрія или страдать и заставлять страдать другихъ⁶⁾.

1) „Царство Божіе внутри васъ“, с. с. 82—86.

2) „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 151.

3) *Ив.*, с. 254.

4) *Ив.*, с. 255.

5) *Ив.*, с. 257.

6) *Ив.*, с. 255.

Собственность есть только средство пользованія трудомъ другихъ. Пользованіе это распредѣляется такъ, что чѣмъ хитрѣе и сложнѣе уловка, которую употребляетъ самъ человѣкъ или употребляетъ тотъ, отъ кого онъ получилъ наслѣдство, тѣмъ больше онъ пользуется трудами другихъ людей и тѣмъ меньше самъ прилагаетъ труда. Сначала идуть Штиглицы, Девизы, Морозовы, Демидовы, Юсуповы, потомъ крупные банкиры, купцы, землевладѣльцы, чиновники. Потомъ—средніе банкиры, купцы, чиновники, землевладѣльцы. Потомъ—низшіе, вовсе мелкіе торговцы, кабатчики, ростовщики, становые, урядники, учителя, дьячки, приказчики; потомъ—дворники, лакеи, кучера, водовозы, извозчики, разносчики; и подъ конецъ уже рабочій народъ—фабричные и крестьяне, число которыхъ относится къ первымъ, какъ 10: 1 ¹⁾).

2.

Въ Россіи, какъ и во всемъ мірѣ, происходитъ одно и то же. Богатства сельскихъ производителей переходятъ въ руки торговцевъ, землевладѣльцевъ, чиновниковъ, фабрикантовъ, и люди, получившіе эти богатства, хотягь пользоваться ими. Пользоваться же вполне этими богатствами они могутъ только въ городѣ. Въ деревнѣ, во-первыхъ, трудно найти, по раскинутости жителей, удовлетвореніе всѣхъ потребностей богатыхъ людей, нѣтъ всякаго рода мастерскихъ, лавокъ, банковъ, трактировъ, театровъ и всякаго рода общественныхъ увеселеній. Во-вторыхъ, одно изъ главныхъ удовольствій, доставляемыхъ богатствомъ—тщеславія, желанія удивить и перецеголять другихъ, опять по раскинутости населенія, съ трудомъ можетъ быть удовлетворяемо въ деревнѣ. Въ деревнѣ нѣтъ цѣнителя роскоши, некого удивить. Какія бы деревенскій житель ни завелъ себѣ украшенія жилища, картины, бронзы, какіе бы ни завелъ экипажи, туалеты, некому смотрѣть и завидовать, мужики не знаютъ во всемъ этомъ толку. И, въ-третьихъ, роскошь даже непріятна и опасна въ деревнѣ для человѣка, имѣющаго совѣсть и страхъ. Неловко и жутко въ деревнѣ дѣлать ванны изъ молока или выкармливать имъ щенятъ, тогда какъ рядомъ у дѣтей молока нѣтъ; неловко и жутко строить павильоны и сады среди людей, живущихъ въ обваленныхъ навозомъ избахъ, которыя топить нечѣмъ. Въ деревнѣ некому держать въ порядкѣ глупыхъ мужиковъ, которые по своему необразованію могутъ разстроить все это. И потому богатые люди скопляются вмѣстѣ и пристраиваются

¹⁾ Тамъ, с. 112.

къ такимъ же богатымъ людямъ, съ одинаковыми потребностями, въ города, гдѣ удовлетвореніе всякихъ роскошныхъ вкусовъ заботливо охраняется многолюдной полиціей. Коренные такіе жители въ городахъ—это государственные чиновники; около нихъ уже пристроились всякаго рода мастера и промышленники, къ нимъ присоединяются и богачи ¹⁾).

Всѣ стремленія богатой жизни, начиная съ пищи, одежды, жилья, нашей чистоты и до нашего образованія, — все имѣетъ главною цѣлью отліченіе себя отъ бѣдныхъ. И на это-то отліченіе, отдѣленіе себя непроходимыми стѣнами отъ бѣдныхъ тратится, мало сказать, $\frac{9}{10}$ нашего богатства. Первое, что дѣлаетъ разбогатѣвшій человѣкъ,—онъ перестаетъ ѣсть изъ одной чашки, онъ устраиваетъ приборы и отдѣляетъ себя отъ кухни и прислуги. Онъ сыто кормить и прислугу, чтобы у нея не текли слюни на его сладкую ѣду ²⁾). Самый способъ принятія пищи (обѣды) дѣлается ужъ у него дѣломъ тщеславія, гордости. Богатому уже немислимо пригласить за столъ бѣднаго человѣка. Надо умѣть вести даму къ столу, кланяться, сидѣть, ѣсть, полоскать ротъ, и только богатые умѣютъ все это. То же происходитъ и съ одеждой. Если бы богатый человѣкъ носилъ обыкновенное платье, только прикрывающее тѣло отъ холода—полушубки, шубы, валеные и кожаные сапоги, поддевки, штаны, рубахи, — ему бы очень мало было нужно, и онъ не могъ бы, заведя двѣ шубы, не отдать одну тому, у кого нѣтъ ни одной; но богатый человѣкъ начинаетъ съ того, что шьетъ себѣ такую одежду, которая вся состоитъ изъ отдѣльныхъ частей и годится только для отдѣльныхъ случаевъ, и потому не годится для бѣднаго. У него фраки, жилеты, пиджаки, лаковые сапоги, ротонды, башмаки съ французскими каблуками, платья, ради моды изрѣзанныя на мелкіе куски, охотничьи, дорожныя куртки и т. п., которыя могутъ имѣть употребленіе только въ отдаленномъ отъ бѣдности быту. То же, и еще яснѣе, въ жильѣ. Чтобъ жить одному въ 10 комнатахъ, надо, чтобъ этого не видали тѣ, которые живутъ десятеро въ одной. Чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ труднѣе добраться до него, тѣмъ больше швейцаровъ между нимъ и небогатыми людьми, тѣмъ невозможнѣе провести по коврамъ и посадить на атласныя кресла бѣднаго человѣка. То же съ способомъ передвиженія. Мужикъ, ѣдущему въ телѣгѣ или на розвальняхъ; надо быть очень жестокимъ, чтобы не подвезти пѣшехода, и мѣсто, и возможность на это есть. Но, чѣмъ богаче экипажъ, тѣмъ становится менѣе возможнымъ посадить въ него кого бы то

¹⁾ Ib., с. 99.

²⁾ Ib., с. с. 104—105.

ни было. То же со всѣмъ образомъ жизни, который выражается словомъ: чистота. Чистота! Кто не знаетъ людей, въ особенности женщинъ, которыя ставятъ себѣ эту чистоту въ высшую добродѣтель, и кто не знаетъ выдумокъ этой чистоты, не имѣющихъ никакихъ предѣловъ, когда она добывается чужимъ трудомъ? Нынче чистота въ томъ, чтобы мѣнять рубашку каждый день, завтра—мѣнять два раза въ день. Нынче мыть каждый день шею и руки, завтра—ноги, еще завтра—каждый день все тѣло, да еще особенными притираніями. Нынче скатерть на два дня, завтра—на день и двѣ въ день. Нынче—чтобы руки у лакея были чисты, завтра чтобы онъ былъ въ перчаткахъ и въ чистыхъ перчаткахъ подавалъ бы письмо на чистомъ подносѣ. И нѣтъ предѣловъ этой никому и ни для чего не нужной чистоты, какъ только для того, чтобы отдѣлится себя отъ другихъ и сдѣлать невозможнымъ общеніе съ ними. То, что называется вообще образованіемъ, есть то же самое. Образованіемъ называетъ народъ: модное платье, политичный разговоръ, чистыя руки, извѣстнаго рода чистоту. Въ кругу немного повыше образованіемъ называютъ то же, что и народъ, но къ условіямъ образованія прибавляютъ еще игру на фортепьяно, знаніе по-французски, письмо по-русски безъ орфографическихъ ошибокъ и еще большую вѣшнюю чистоту. Въ кругу еще повыше образованіемъ называютъ все это, съ прибавленіемъ еще англійскаго языка и диплома изъ высшаго учебнаго заведенія и еще большую чистоту. Но образованіе и то, и другое, и третье по существу своему—одно и то же. Образованіе—это тѣ формы и знанія, которыя должны отличать челоуѣка отъ другихъ. И цѣль его та же, какъ и чистоты: отдѣлится себя отъ толпы бѣдныхъ для того, чтобы они, голодные и холодные, не видали, какъ мы празднуемъ. Но спрятаться нельзя, и они видятъ ¹⁾).

Богатые люди собираются въ городѣ и тамъ, подъ охраной власти, спокойно, потребляютъ все то, что привезено туда изъ деревни. Здѣсь собираются около богатыхъ всѣ тѣ люди, которымъ нечѣмъ кормиться въ деревнѣ, и особенность ихъ въ томъ, что это все люди, пришедшіе изъ деревни кормиться въ городъ; если есть городскіе бѣдные, такіе, которые родились здѣсь, и такіе, которыхъ отцы и дѣти родились здѣсь, то эти отцы и дѣти пришли сюда тоже, чтобы кормиться. Но что значить: кормиться въ городѣ? Въ этихъ словахъ есть что-то странное, похожее на шутку, если вдуматься въ смыслъ ихъ. Какъ, изъ деревни, т. е. изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ и лѣса, и луга, и хлѣбъ, и скотъ—гдѣ все бо-

¹⁾ Тамъ же, с. с. 105—106.

гатство земель,—изъ этихъ мѣстъ люди приходятъ кормиться въ то мѣсто, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни травы, ни земли даже; а только одинъ камень и пыль! И, однако, какъ ни странно это кажется, это такъ. Причина этого — одна: переходъ богатства производителей въ руки непроизводителей и скопленіе ихъ въ городахъ. И дѣйствительно: пришла осень—все богатства собраны въ деревнѣ. И тотчасъ же являются требованія податей, создатчины, оброковъ; тотчасъ же выставляются соблазны водки, свадебъ, праздниковъ, мелкихъ торговцевъ, разъѣзжающихъ по деревнямъ, и всякіе другіе, и не тѣмъ, такъ другимъ путемъ, богатства эти въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: овецъ, телятъ, коровъ, лошадей, свиней, куръ, яицъ, масла, пеньки, льна, ржи, овса, гречихи, гороха, сѣмени коноплянаго и льнянаго—переходятъ въ руки чужихъ людей и перевозятся въ города, а изъ городовъ въ столицы. Деревенскій житель вынужденъ отдать все это для удовлетворенія заявленныхъ къ нему требованій и соблазновъ и, отдавъ свои богатства, остается съ нехваткой, и ему надо идти туда, куда свезены его богатства ¹⁾. И вотъ, онъ и тянется въ городъ и пристраивается около богачей, всякими средствами стараясь выманить у нихъ назадъ то, что ему необходимо, и подчиняясь всеѣмъ тѣмъ условіямъ, въ которыя поставятъ его богачи. Онъ содѣйствуетъ удовлетворенію всеѣхъ ихъ прихотей; онъ служитъ богачу и въ банѣ, и въ трактирѣ, и извозчикомъ, и проституткой, и дѣлаетъ ему экипажи, и игрушки, и моды, и понемногу научается у богатаго жить такъ же, какъ и онъ,—не трудомъ, а разными уловками, выманивая у другихъ собранныя ими богатства—и развращается, и погибаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, надо только вдуматься въ положеніе этихъ деревенскихъ жителей, приходящихъ въ городъ для того, чтобы заработать на хлѣбъ или на подати, когда они видятъ повсюду вокругъ себя безумно швыряемыя тысячи и самымъ легкимъ способомъ добываемыя сотни, тогда какъ они самымъ тяжелымъ трудомъ должны вырабатывать копейки, чтобы удивляться, какъ еще остаются изъ этихъ людей рабочіе люди, а не все они берутся за болѣе легкую добычу денегъ: торговлю, прасольничество, нищенство, развратъ, мошенничество, грабежъ даже. Есть такіе наивные люди, которые серьезно говорятъ, что бѣдные очень благодарны намъ за то, что мы кормимъ ихъ своею роскошью. Но бѣдные люди не лишаются человѣческаго разсудка оттого, что они бѣдные. Никогда они не признавали и не признаютъ того, чтобы было справедливо однимъ людямъ постоянно праздничать, а дру-

1) Ib., с. с. 97—98.

гимъ постоянно постыничать и работать, они сначала удивляются и оскорбляются этимъ, потомъ приглядываются къ этому и, видя, что эти порядки признаются законными, стараются сами освободиться отъ работы и принять участіе въ праздниѣхъ. Однимъ удается, и они становятся такими же вѣчно пирующими, другіе понемногу подбираются къ этому положенію, третьи обрываются, не достигнувъ цѣли, и, потерявъ привычку работать, наполняютъ непотребныя и ночлежныя дома ¹⁾).

3.

Существованіе городской нищеты не можетъ быть не извѣстно богатымъ классамъ и не можетъ не колоть имъ глаза. И вотъ они задаются цѣлью облегчить ея положеніе. Въмѣсто того, чтобы сознать, что жизнь ихъ дурна, и исправить ее, они дѣлаютъ тотъ странный выводъ, что для того, чтобы имъ было жить хорошо, нужно исправить жизнь другихъ людей; и они начинаютъ исправлять жизнь другихъ. Возникаетъ благотворительность.

Но между нами, богатыми, и бѣдными стоитъ воздвигнутая нами же стѣна чистоты и образованія, сложившаяся изъ нашего же богатства, и чтобы быть въ состояніи помогать бѣднымъ, намъ надо прежде всего разрушить эту стѣну и сблизиться съ бѣдными ²⁾. Съ другой стороны, каждый искренній человѣкъ не можетъ не испытывать стыда отъ того ложнаго положенія, въ которое ставитъ его благотворительная дѣятельность, такъ какъ онъ не можетъ не увидать въ концѣ концовъ, что онъ даетъ неимущимъ такъ мало, что это не составляетъ и не можетъ составлять для него никакого лишенія; скорѣе вся его благотворительность есть только потѣха, которой онъ забавляется, какъ и когда ему вздумается. Въ самомъ дѣлѣ я прійду въ дорогой шубѣ или прійду на своей лошади, или увидитъ мою 2000-ную квартиру тотъ, которому нужны сапоги; увидитъ хотя только то, что я сейчасъ; не жалѣя ихъ, дамъ 5 рублей только потому, что мнѣ такъ вздумалось; вѣдь онъ знаетъ, что если я дамъ такъ рубль, то это только потому, что я набралъ ихъ такъ много, что у меня ихъ много лишнихъ, которые я не только никому не давалъ, но которые я легко отбиралъ отъ другихъ. Что же онъ можетъ видѣть во мнѣ другого, какъ не одного изъ тѣхъ людей, которые завладѣли тѣмъ; что должно бы принадлежать ему? И какое другое чувство онъ можетъ имѣть ко мнѣ, какъ не желаніе выворотить у меня какъ

¹⁾ Тамъ, с. с. 100—101.

²⁾ Тамъ, с. 106.

можно больше этих отобранных у него и у другихъ рублей? 1); И вотъ такое-то отбирание у бѣдныхъ одной рукой тысячей; а другой швыряніе копеекъ тѣмъ, кому вздумается, богатый человекъ называетъ добромъ.

Я хочу помогать людямъ, и потому ясно, что прежде всего я долженъ, съ одной стороны, не обирать ихъ, какъ я это дѣлаю; съ другой стороны—не соблазнять ихъ. А то я самыми сложными; и хитрыми, и злыми, вѣками накопившимися уловками, устроилъ себѣ положеніе владѣльца неразмѣннаго рубля, т. е. такое, при которомъ я могу, никогда ничего не работая, заставлять работать на себя сотни и тысячи людей, что я и дѣлаю; и я воображаю себѣ, что я жалѣю людей и хочу помогать имъ. Я сижу на шеѣ у человека, задавилъ его и требую, чтобы онъ везъ меня, и, не слѣзая съ него, увѣряю себя и другихъ, что я очень жалѣю и хочу облегчить его положеніе всѣми возможными средствами, но только не тѣмъ, чтобы слѣзть съ него. Видь это такъ просто. Если я хочу помогать бѣднымъ, т. е. сдѣлать бѣдныхъ не бѣдными, я не долженъ производить этихъ самыхъ бѣдныхъ. А то я даю по своему выбору бѣднымъ, сбившимся съ пути жизни, рубли, десятки, сотни, а на эти самые рубли я отбираю тысячи у людей, не сбившихся еще съ пути, и этимъ дѣлаю ихъ бѣдными, и ихъ же еще развращаю 2).

Стоитъ понять это человеку, пытавшемуся помогать бѣднымъ раздачей имъ денегъ, которыя вовсе не представляютъ его труда, чтобы устыдиться своего заблужденія. Въ то же время такой человекъ не можетъ не почувствовать, что уже въ самыхъ деньгахъ, въ обладаніи ими, есть что-то гадкое, безнравственное; что самыя деньги и являются одной изъ главныхъ причинъ тѣхъ золъ, которыя онъ видитъ,—и у него возникаетъ вопросъ: что же такое деньги? 3).

4.

Наука говоритъ: деньги есть такой же товаръ, какъ и всякій другой; имѣющій стоимость своего производства, только съ той разницей, что этотъ товаръ избранъ, какъ самое удобное для установленія цѣнъ, для сбереженія и для платежей средство обмена: одинъ надѣлалъ сапогъ, другой напахалъ хлѣба, третій выкормилъ овецъ, и вотъ, чтобы имъ удобнѣе мѣняться, они заводятъ деньги,

1) Ib., с. 104.

2) Ib., с. 113.

3) Ib., с. 115.

представляющія соотвѣтствующую долю труда, и посредствомъ ихъ промѣниваютъ подметки на баранью грудинку и десять фунтовъ муки.

Но такого положенія дѣлъ никогда въ мірѣ не было. Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ были деньги, какъ деньги, всегда было насиліе сильнаго и вооруженнаго надъ слабымъ и безоружнымъ; а тамъ, гдѣ было насиліе, знаки цѣнностей — деньги, какія бы то ни были: скотина, мѣха, шкуры, металлы, — всегда неизбѣжно должны были терять это значеніе и получать значеніе откупа отъ насилія. Деньги несомнѣнно имѣютъ тѣ безобидныя свойства, которыя перечисляетъ наука, но свойства эти они имѣли бы въ дѣйствительности только въ томъ обществѣ, въ которомъ не появилось бы насилія одного человѣка надъ другимъ: въ идеальномъ обществѣ; но въ такомъ обществѣ и денегъ, какъ денегъ, общей мѣры цѣнности, и вовсе бы не было, какъ не было и не могло ихъ быть во всѣхъ обществахъ, не подвергшихся общему государственному насилію. Во всѣхъ же извѣстныхъ намъ обществахъ, гдѣ есть деньги, онѣ получаютъ значеніе обмѣна только потому, что служатъ средствомъ насилія. И главное значеніе ихъ не въ томъ, чтобы служить средствомъ обмѣна, а въ томъ, чтобы служить насилію. Мѣрою цѣнностей онѣ не могутъ быть потому, что какъ только въ обществѣ одинъ человѣкъ можетъ отнять у другого произведенія его труда, такъ тотчасъ же нарушена эта мѣра. Если на конную вмѣстѣ выведутъ лошадей и коровъ, выкормленныхъ хозяевами и отнятыхъ силою у другихъ хозяевъ, то очевидно, что цѣнность на этомъ базарѣ лошадей и коровъ уже не будетъ соотвѣтствовать труду выкармливанія этихъ животныхъ, и цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ измѣнятся сообразно этому измѣненію. Если же и самыя деньги пріобрѣтаются насиліемъ и употребляются на покупку предметовъ, то деньги теряютъ уже совершенно всякое подобіе средства обмѣна. Насильникъ, отобравшій деньги и отдающій ихъ за произведенія труда, не обмѣниваетъ, а только беретъ посредствомъ денегъ все то, что ему нужно. Тотъ предметъ, который будетъ болѣе нуженъ насильнику и за который онъ будетъ давать больше денегъ, получить большую цѣнность, и — наоборотъ. Такъ что въ обществѣ, подвергшемся насилію, деньги тотчасъ получаютъ одно преобладающее значеніе средства насилія для насильника и удержатъ значеніе средства обмѣна для насилуемыхъ только настолько и въ такомъ отношеніи, которое выгодно для насильника ¹⁾.

Если бы это было не такъ, то отчего же выпускъ этого

---

¹⁾ Ib., с. с. 131—133.

средства обмена всегда составлялъ и составляет прерогативу власти? Положимъ, люди установили свое средство обмена, ну и оставьте ихъ обмѣниваться, какъ и чѣмъ они хотятъ; и вы, люди, имѣющіе власть, т. е. средства насилія, и не вмѣшивайтесь въ этотъ обменъ. А то вы начеканите эти монеты, никому не позволяя чеканить такія же, а то, какъ у насъ, только напечатаете бумажки, изобразите на нихъ лики царей, подпишете особенной подписью, обставите поддѣлку этихъ денегъ казнями, раздадите эти деньги своимъ помощникамъ и требуете себѣ, въ формѣ государственныхъ и поземельныхъ податей, такихъ монетокъ или бумажекъ, съ такими точно подписями, столько, что рабочій долженъ отдавать весь свой трудъ, чтобы приобрести эти самыя бумажки или эти самыя монетки, и увѣряете насъ, что эти деньги намъ необходимы какъ средство обмена. Наука подтверждаетъ это, говоря, что люди всѣ свободны, и одни люди не угнетаютъ другихъ, не держатъ ихъ въ рабствѣ, а только есть деньги въ обществѣ и желѣзный законъ, по которому рента увеличивается, а рабочая плата уменьшается до минимума! Но если бы эта воображаемая наука—политическая экономія—не занималась тѣмъ же, чѣмъ занимаются всѣ юридическія науки—апологіей насилія, она не могла бы не видать того страннаго явленія, что распределение богатствъ и лишеніе однихъ людей земли и капитала, и порабощеніе однихъ людей другими—все это въ зависимости отъ денегъ, и что только посредствомъ денегъ теперь одни люди пользуются трудомъ другихъ, т. е. порабощаютъ другихъ¹⁾.

Вообще, всякое порабощеніе одного человѣка другимъ основано на томъ, что одинъ человѣкъ можетъ лишить другого жизни и, не оставляя этого угрожающаго положенія, заставить другого исполнять свою волю. Если человѣкъ отдаетъ весь свой трудъ другимъ, питается недостаточно, отдаетъ малыхъ дѣтей въ тяжелую работу, уходитъ отъ земли и посвящаетъ всю свою жизнь ненавистному и ненужному для себя труду, какъ это происходитъ на нашихъ глазахъ, въ нашемъ мірѣ (называемомъ нами образованнымъ, потому что мы въ немъ живемъ), то навѣрно можно сказать, что онъ дѣлаетъ это только вслѣдствіе того, что за неисполненіе всего этого ему угрожаютъ лишеніемъ жизни. Въ древнія времена способъ порабощенія и угроза лишенія жизни были очевидны: употреблялся первобытный способъ порабощенія людей, состоящій въ прямой угрозѣ убійства мечемъ. Способъ этотъ при усложненіи жизни представилъ большія неудобства для насильника. Чтобы пользоваться

1) Ib. с. с. 130—131

трудоу слабыхъ, ему необходимо было ихъ кормить и одѣвать, т. е. содержать такъ, чтобы они были способны къ работѣ,—и этимъ самымъ ограничивалось число порабощенныхъ; кромѣ того, этотъ способъ принуждалъ насильника безпрестанно съ угрозой убійства стоять надъ порабощеннымъ. И вотъ вырабатывается другой способъ порабощенія.

Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, какъ это записано въ Библии, былъ изобрѣтенъ Иосифомъ Прекраснымъ этотъ новый, болѣе удобный и широкій способъ порабощенія людей—посредствомъ голода. Иосифъ, пользуясь правомъ первобытнаго способа порабощенія людей угрозою меча, собрать хлѣбъ въ хорошие годы, ожидая дурныхъ, которые обыкновенно слѣдуютъ за хорошими, что знаютъ всѣ люди и безъ сновидѣній фараона, и этимъ средствомъ—голодомъ—сильнѣе и удобнѣе для фараона поработилъ и египтянъ, и всѣхъ другихъ жителей окрестныхъ странъ, поставивъ дѣло такъ, чтобы навсегда держать народъ въ своей власти ¹⁾. Но и этотъ способъ порабощенія не удовлетворялъ вполне желаніямъ сильнаго,—какъ можно больше отобрать произведеній труда отъ наибольшаго числа работниковъ и поработить какъ можно большее число людей,—и не соответствовалъ болѣе усложнявшимся условіямъ жизни, и вырабатывается еще новый способъ порабощенія. Новый и третій способъ этотъ есть способъ дани. Способъ этотъ основывается, такъ же какъ и второй, на голодѣ, но къ средству порабощенія людей лишеніемъ хлѣба присоединяется еще лишеніе ихъ и другихъ необходимыхъ потребностей. Сильный назначаетъ съ рабовъ такое количество денежныхъ знаковъ, находящихся у него же, для пріобрѣтенія которыхъ рабы обязаны продать не только запасы хлѣба, но и предметы первой необходимости: мясо, кожу, шерсть, одежды, топливо, постройки даже, и потому насильникъ держитъ всегда въ своей зависимости рабовъ не только голодомъ, но и холодомъ, и всякими другими лишеніями. И устраивается третья форма рабства—денежнаго ²⁾.

Выгоды этого способа порабощенія, сравнительно съ прежними, для насильника состоятъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, посредствомъ него можетъ быть отобрано большее количество труда и болѣе удобнымъ способомъ, такъ какъ денежная подать подобна винту: можетъ быть легко и удобно завинчиваема до того послѣдняго предѣла, при которомъ только не убивается золотая курица, такъ что не нужно дожидаться голоднаго года, какъ при Иосифѣ, а голодный годъ устроенъ навсегда ³⁾. Во-вторыхъ, при этомъ спо-

¹⁾ Ib., с. с. 136—137.

²⁾ Ib., с. с. 139—140.

³⁾ Ib., с. 141.

собѣ насиліе распространяется на всѣхъ ускользавшихъ прежде людей, отдававшихъ только часть своего труда за хлѣбъ, теперь же обязанныхъ отдавать насильнику еще другую часть этого труда, за подати. Невыгода же для насильника въ томъ, что онъ при этомъ способѣ дѣлится съ большимъ количествомъ людей, не только своихъ непосредственныхъ помощниковъ, но, во-первыхъ, всѣхъ тѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ, которые обыкновенно появляются при этомъ третьемъ способѣ; во-вторыхъ, со всѣми тѣми людьми своего и даже чужого народа, которые имѣютъ денежные знаки, требующіеся съ рабовъ. Выгода для насилуемаго сравнительно со вторымъ способомъ одна: въ томъ, что онъ получаетъ еще большую личную независимость отъ насильника; онъ можетъ жить, гдѣ хочетъ, дѣлать—что хочетъ, сѣять и не сѣять хлѣбъ и, имѣя деньги, можетъ считать себя совершенно свободнымъ и постоянно надѣяться достигнуть и временами достигать, когда у него есть лишнія деньги или купленная на нихъ земля, положенія не только независимаго, но и насилующаго человѣка. Въ общей же сложности при этомъ третьемъ способѣ положеніе насилуемыхъ становится гораздо тяжелѣе, такъ какъ количество людей, пользующихся трудами другихъ, становится еще больше, и потому тяжесть содержанія ихъ ложится на меньшее число людей. Этотъ третій способъ порабощенія людей тоже очень старый и входитъ въ употребленіе вмѣстѣ съ двумя прежними, не исключая ихъ совершенно.

Въ наше время личное рабство, характеризующее первый способъ порабощенія, выражается въ тѣхъ сотняхъ милліоновъ постоянного войска, безъ котораго нѣтъ ни одного государства и при уничтоженіи котораго неизбежно рушится весь экономическій строй каждаго государства. Земельное рабство, соответствующее второму способу, также существуетъ. Третій способъ порабощенія—данью, податью—въ наше время, съ распространеніемъ однообразныхъ въ разныхъ государствахъ денежныхъ знаковъ и усиленіемъ государственной власти, получилъ особенную силу, такъ что стремится уже замѣнить второй способъ порабощенія, поземельнаго. Это съ очевидностью доказывается экономическимъ положеніемъ всей Европы. Девять десятыхъ хотя бы русскаго рабочаго народа работаютъ у помѣщиковъ и фабрикантовъ только потому, что ихъ принуждаютъ къ тому требованіе податей, государственныхъ и поземельныхъ. Это до такой степени очевидно, что попробуй правительство годъ не взыскивать податей прямыхъ, косвенныхъ и поземельныхъ, и станутъ всѣ работы на чужихъ поляхъ и фабрикахъ.

Всѣ три способа порабощенія людей не переставали существовать и существуютъ и теперь; но люди склонны не замѣчать ихъ,

какъ скоро этимъ способамъ даются новыя оправданія. И что странно, именно этотъ самый способъ, на которомъ въ данное время все зиждется, — тотъ винтъ, который держитъ все, — онъ-то и не замѣчается. Когда въ древнемъ мѣрѣ весь экономическій строй держался на личномъ рабствѣ, величайшіе умы не могли видѣть его. И Ксенофону, и Платону, и Аристотелю, и римлянамъ казалось, что это не можетъ быть иначе, и что рабство есть неизбѣжное и естественное послѣдствіе войнъ, безъ которыхъ немислимо чело-вѣчество. Точно такъ же въ средніе вѣка и даже до послѣдняго времени люди не видали значенія земельной собственности и вытекающаго изъ него рабства, на которомъ держался весь экономическій строй среднихъ вѣковъ. И точно такъ же теперь никто не видитъ и даже не хочетъ видѣть того, что въ наше время порабощеніе большинства людей держится на денежныхъ податяхъ, собираемыхъ посредствомъ управленія и войска, того самаго управленія и войска, которые содержатся податями ¹⁾.

5.

Раздѣленіе труда! Одни заняты умственной, духовной, другіе — мускульной, физической работой. Съ какою увѣренностью говорятъ это люди! Имъ хочется это думать и имъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно правильный обмѣнъ услугъ тамъ, гдѣ происходитъ самое простое, старинное насиліе ²⁾. Раздѣленіе труда есть законъ всего существующаго, и потому оно должно быть въ человѣческихъ обществахъ. Очень можетъ быть, что это такъ, но остается все-таки вопросъ о томъ: то раздѣленіе труда, которое теперь есть въ человѣческихъ обществахъ, есть-ли оно то самое раздѣленіе труда, которое должно быть? И если люди считаютъ извѣстное раздѣленіе труда неразумнымъ и несправедливымъ, то никакая наука не можетъ доказать людямъ, что должно быть то, что они считаютъ неразумнымъ и несправедливымъ ³⁾.

Раздѣленіе труда несомнѣнно очень выгодно и свойственно людямъ, но если люди свободны, то оно возможно только до извѣстнаго, очень недалекаго предѣла, который давно уже перейденъ въ нашемъ обществѣ. Раздѣленіе труда, при которомъ мастеръ дѣлаетъ всю жизнь одну сотую предмета или кочегаръ на заводѣ работаетъ въ 50-ти градусной температурѣ, или задыхаясь отъ вредныхъ газовъ, — такое раздѣленіе труда невыгодно людямъ, по-

¹⁾ Иб., с. с. 142—145.

²⁾ Иб., с. 210.

³⁾ Иб., с. с. 205—206.

тому что оно, производя ничтожные предметы, губить самый драгоценный предмет—жизнь человеческую. И потому такое раздѣленіе труда, какъ то, которое существуетъ теперь, можетъ существовать только при принужденіи¹⁾).

Въ самомъ дѣлѣ, положимъ—живутъ люди, кормятся земледѣліемъ, какъ свойственно всѣмъ людямъ; одинъ человѣкъ устроилъ кузнечное горно и починилъ свой плугъ, приходитъ къ нему сосѣдь и проситъ тоже починить и общаетъ ему за это работу или деньги. Приходитъ третій, четвертый, и въ обществѣ этихъ людей происходитъ раздѣленіе труда: дѣлается кузнецъ. Другой человѣкъ хорошо выучилъ своихъ дѣтей, къ нему приводитъ дѣтей сосѣдь и проситъ учить ихъ, и дѣлается учитель, но и кузнецъ, и учитель сдѣлались и продолжаютъ быть такими только потому, что ихъ просили, и остаются таковыми до тѣхъ поръ, пока ихъ просятъ быть кузнецомъ или учителемъ. Если бы случилось, что заведется много кузнецовъ и учителей, или ихъ работа не нужна, они тотчасъ, какъ этого требуетъ здравый смыслъ и и какъ это бываетъ всегда тамъ, гдѣ нѣтъ причинъ нарушенія правильности раздѣленія труда,—они тотчасъ бросаютъ свое мастерство и опять берутся за земледѣліе. Люди, поступающіе такъ, руководятся своимъ разумомъ, своею совѣстью, и потому мы, люди одаренные разумомъ и совѣстью, всѣ утверждаемъ, что такое раздѣленіе труда правильно. Но если бы случилось, что кузнецы имѣютъ возможность принудить другихъ людей работать на нихъ и продолжали бы дѣлать подковы, когда ихъ не нужно, а учителя учили бы, когда некого учить, то всякому свѣжему человѣку какъ человѣку, т. е. существу, одаренному разумомъ и совѣстью, очевидно, что это не было бы раздѣленіемъ, а захватомъ чужого труда, потому что такая дѣятельность отступала бы отъ того единственнаго мѣрила, по которому можно узнать правильность раздѣленія труда: требованіе этого труда другими людьми и свободно предлагаемое за него вознагражденіе. А между тѣмъ такая-то именно дѣятельность и есть то, что называется по научной наукѣ раздѣленіемъ труда. Люди дѣлаютъ то, на что другіе и не думаютъ заявлять требованія, а требуютъ, чтобы ихъ кормили за это, и говорятъ, что это справедливо потому, что есть раздѣленіе труда. Главное общественное бѣдствіе—управленіе, безчисленное количество чиновниковъ, и причина экономическаго бѣдствія нашего времени—перепроизводство,—происходитъ только изъ этого страннаго пониманія раздѣленія труда.

¹⁾ „Рабство нашего времени“, с. с. 42—43.

Странно было бы видѣть сапожника, который считалъ бы, что люди обязаны кормить его за то, что онъ шьетъ, не переставая, сапоги, которые давно ужъ никому не нужны; но что же сказать про тѣхъ людей правительства, церкви, науки и искусства, которые ужъ ничего не шьютъ, ничего не только видимаго, но полезнаго для народа не производятъ, на товаръ которыхъ нѣтъ охотниковъ и которые такъ же смѣло, на основаніи раздѣленія труда, требуютъ, чтобы ихъ и кормили, и поили сладко, и одѣвали хорошо ¹⁾? Вы меня кормите, одѣвайте, дѣлайте для меня всю ту грубую работу, которую я потребую, и къ которой вы привыкли съ дѣтства, а я буду дѣлать для васъ ту умственную работу, которую я умѣю и къ которой уже я привыкъ. Вы давайте мнѣ тѣлесную, а я буду давать вамъ духовную пищу. Расчетъ, кажется, совершенно вѣренъ и онъ былъ бы совершенно вѣренъ, если бы обмѣнъ этихъ услугъ былъ свободный; если бы тѣ, которые доставляютъ тѣлесную пищу, не обязаны были доставлять ее прежде, чѣмъ они получаютъ духовную пищу. Ученый, художникъ говорятъ: прежде, чѣмъ мы можемъ начать служить духовной пищей, намъ нужно, чтобы люди продовольствовались насъ тѣлесной пищей. Но отчего же производителю тѣлесной пищи не сказать, что прежде, чѣмъ мнѣ служить вамъ тѣлесной пищей, мнѣ нужна духовная, и, не получивъ ее, я не могу работать? Вы говорите: мнѣ нужна работа сахаря, кузнеца, сапожника, плотника, каменщика, золотаря и др. для того, чтобы приготовить мою духовную пищу. Производитель же тѣлесной пищи долженъ все это дѣлать, не заявляя никакихъ требованій, и давать тѣлесную пищу, хотя бы онъ и не получалъ пищи духовной. Но онъ также можетъ сказать: прежде, чѣмъ мнѣ итти работать, приготовляя для васъ тѣлесную пищу, мнѣ нужно имѣть уже плоды духовной пищи. Для того, чтобы мнѣ имѣть силы для работы, мнѣ необходимы: религіозное ученіе, порядокъ въ общей жизни, приложеніе знаній къ труду, радости и утѣшенія, которые даютъ искусства. Вѣдь если рабочій только скажетъ это, то правоты гораздо болѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ чело- вѣка умственнаго труда. Правоты на его сторонѣ больше потому, что трудъ, доставляемый рабочимъ чело- вѣкомъ, первѣе, необходимѣе, чѣмъ трудъ производителя умственнаго труда, и потому, что чело- вѣку умственнаго труда ничто не мѣшаетъ давать ту духовную пищу, которую онъ обѣщалъ ему; рабочему же мѣшаетъ давать тѣлесную пищу то, что ему самому не доста- етъ этой тѣлесной пищи.

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. с. 206—207.

Что же отвѣтимъ мы, люди умственнаго труда, если намъ представлятъ такія простыя и законныя требованія? Чѣмъ удовлетворимъ мы ихъ? Катехизисомъ, Филарета, священными исторіями Соколовыхъ и листами разныхъ лавръ и Исаакиевскаго собора, для удовлетворенія его религіозныхъ требованій; сводомъ законовъ, кассационными рѣшеніями разныхъ департаментовъ и разными уставами комитетовъ и комиссій—для удовлетворенія требованій порядка; спектральнымъ анализомъ, измѣреніями млечныхъ путей, воображаемой геометріей, микроскопическими изслѣдованіями, спорами спиритизма и медіумизма, дѣятельностью академіи наукъ—для удовлетворенія требованій знанія? Чѣмъ удовлетворимъ его художественнымъ требованіямъ? Пушкинымъ, Достоевскимъ, Тургеневымъ, Л. Толстымъ, картинами французскаго салона и нашихъ художниковъ, изображающими голыхъ бабъ, атласъ, бархатъ, и пейзажи, и жанры; музыкой Вагнера и нашими музыкантами? Ничто это не годится и не можетъ годиться, потому что мы, съ своимъ правомъ на пользованіе трудомъ народа и отсутствіе всякихъ обязанностей въ нашемъ приготовленіи духовной пищи, потеряли совсѣмъ изъ виду то единственное назначеніе, которое должна имѣть наша дѣятельность. Мы даже не знаемъ, что нужно рабочему народу, мы даже забыли его образъ жизни, его взглядъ на вещи, языкъ; даже самый народъ рабочій забыли и изучаемъ его, какъ какую-то этнографическую рѣдкость или новооткрытую Америку. Мы до такой степени упустили эту взятую на себя обязанность, что не замѣтили даже, какъ то, что мы взялись дѣлать въ области наукъ и искусствъ, сдѣлали не мы, а другіе, а мѣсто наше оказалось занятымъ. Оказалось, что покуда мы спорили подобно тому, какъ богословы о безсѣменномъ зачатіи — то о самородномъ зарожденіи организмовъ, то о спиритизмѣ, то о формѣ атомовъ, то о пангенезисѣ (о происхожденіи организмовъ) и о томъ, что есть въ протоплазмѣ и т. п., народу все-таки понадобилась духовная пища, и неудачники и отверженцы наукъ и искусствъ, по заказу аферистовъ, имѣющихъ въ виду одну цѣль наживы, начали поставлять народу эту духовную пищу и поставляютъ ее. Въ Европѣ и у насъ въ Россіи расходятся милліонами книги и картины и пѣсенники, и открываются балаганы, и народъ и смотритъ, и поетъ, и получаетъ духовную пищу не отъ насъ, взявшихся поставлять ее, а мы, оправдывающіе свою праздность той духовной пицей, которую мы будто бы поставляемъ, мы сидимъ и хлопаемъ глазами. А нельзя намъ хлопать глазами, вѣдь выскальзываетъ изъ-подъ ногъ послѣднее оправданіе.

Мы специализировались. У насъ есть наша особенная функ-

циональная дѣятельность. Мы мозгъ народа. Онъ кормить насъ, а мы взялись его учить. Только во имя этого мы освободили себя отъ труда. Чему же мы научили и чему мы учимъ его? Онъ ждалъ года, десятки, сотни лѣтъ. И все мы разговариваемъ и другъ друга учимъ и потѣшаемъ, а его мы даже совсѣмъ забыли. Другіе взялись учить и потѣшать его, и мы даже не замѣтили этого, такъ несерьезно мы говорили о раздѣленіи труда, такъ очевидно, что то, что мы говоримъ о пользѣ, приносимой нами народу, была одна безстыдная отговорка ¹⁾.

6.

Самое простое и короткое правило нравственности состоитъ въ томъ, чтобы заставляя служить себя другихъ какъ можно меньше и служить другимъ какъ можно больше. Слѣдуя этому правилу, я счастливъ и доволенъ только тогда, когда несомнѣнно увѣренъ, что моя дѣятельность полезна другимъ. И это-то именно и заставляетъ нравственнаго и искренняго человѣка невольно предпочитать научной и артистической работѣ — ручной трудъ ²⁾. Обязанность борьбы съ природою для пріобрѣтенія средствъ жизни всегда будетъ самой первой и несомнѣнной изъ всѣхъ другихъ обязанностей, потому что обязанность эта есть законъ жизни, отступленіе отъ котораго ведетъ за собой неизбѣжное наказаніе — уничтоженіе или тѣлесной или разумной жизни человѣка. Если человѣкъ, живя одинъ, уволить себя отъ обязанности борьбы съ природою, онъ тотчасъ же казнится тѣмъ, что тѣло его погибаетъ. Если же человѣкъ уволить себя отъ этой обязанности, заставляя другихъ людей, губя ихъ жизнь, исполнять ее, то онъ тотчасъ же казнится уничтоженіемъ разумной жизни, т. е. жизни, имѣющей разумный смыслъ ³⁾. Только тотъ, кто хочетъ обмануть себя и другихъ, можетъ во время опасности и борьбы людей съ нуждою отстраняться отъ помощи, увеличивать нужду людей и увѣрять себя и тѣхъ, которые гибнутъ на его глазахъ, что онъ занялъ или придумываетъ для нихъ средства спасенія. Ни одинъ искренній человѣкъ, полагающій свою жизнь въ служеніи другимъ, не скажетъ этого. И если онъ скажетъ это, то никогда въ своей совѣсти онъ не найдетъ подтвержденія своему обману; онъ найдетъ его только въ коварномъ ученіи о раздѣленіи труда. Во всѣхъ же выраженіяхъ истинной мудрости людской онъ найдетъ одно, най-

¹⁾ *Иб.*, с. 210—213.

²⁾ „Ручной трудъ и умственная дѣятельность“, с. 22.

³⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 240.

деть это съ особенною силою въ Евангеліи, найдетъ требованіе служенія людямъ не по теоріи раздѣленія труда, а самымъ простымъ, естественнымъ и единственно нужнымъ способомъ, найдетъ требованіе служенія бѣднымъ, заключеннымъ, голоднымъ и холоднымъ. А оказать имъ помощь нельзя иначе, какъ непосредственнымъ, сейчаснымъ трудомъ, потому что больные, голодные и холодные не ждутъ, а умирають отъ голода и холода. Человѣку, исповѣдующему истину, самая его жизнь, состоящая въ служеніи другимъ, укажетъ на тотъ самый первородный законъ, который выраженъ въ первой книгѣ Бытія: «Въ потѣ лица снѣси хлѣбъ твой» ¹⁾.

Нельзя, конечно, полагать, что ручной трудъ есть основной принципъ нравственности, — это лишь самое простое и естественное приложеніе нравственныхъ основъ ²⁾. Достоинство человѣка, его священный долгъ и обязанность — употреблять данныя ему руки и ноги на то, для чего онѣ даны, и поглощаемую пищу употреблять на трудъ, производящій эту пищу, а не на то, чтобы онѣ атрофировались, не на то, чтобы ихъ мыть и чистить и употреблять только на то, чтобы посредствомъ ихъ совать себѣ въ ротъ пищу, питье и папиросы.

Такое значеніе имѣетъ занятіе физическимъ трудомъ для всякаго человѣка во всякомъ обществѣ; но въ нашемъ обществѣ, гдѣ уклоненіе отъ этого закона природы сдѣлалось несчастіемъ цѣлаго круга людей, занятіе физическимъ трудомъ получаетъ еще другое значеніе — значеніе проповѣди и дѣятельности, устраняющей страшныя бѣдствія, угрожающія человѣчеству ³⁾. При занятіи физическимъ трудомъ отпадаетъ большинство ложныхъ, дорогихъ привычекъ и требованій, возникающихъ при физической праздности. При физической работѣ нѣтъ мѣста тщеславію и нуждѣ въ разсѣяніи, порождающимъ эти привычки. Эта работа самымъ благотѣльнымъ образомъ дѣйствуетъ на состояніе организма и здоровья человѣка, несравненно благотѣльнѣе, чѣмъ шведская гимнастика, массажъ и т. п. приспособленія, которыми хотятъ замѣнить естественныя условія жизни человѣка. Чѣмъ напряженнѣе трудъ, тѣмъ человѣкъ чувствуетъ себя сильнѣе, бодрѣе, веселѣе и добрѣе. При физическомъ трудѣ энергія умственной дѣятельности равномерно усиливается; такъ что физическій трудъ не только не исключаетъ возможности умственной дѣятельности, — какъ это думаютъ нѣкоторые, —

¹⁾ „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“, с. с. 44—45.

²⁾ „Ручной трудъ и умственная дѣятельность“, с. 21.

³⁾ „Такъ ли же намъ дѣлать“, с. с. 253—254.

но, улучшаетъ и поощряетъ ее ¹⁾). Свойство труда таково, что удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка требуетъ того самаго чередованія разныхъ родовъ труда, которое дѣлаетъ трудъ не тягостью, а радостью. Только ложная вѣра въ то, что трудъ есть проклятіе, могла привести людей къ тому освобожденію себя отъ извѣстныхъ родовъ труда, т. е. къ захвату чужого труда, требующему насильственнаго занятія спеціальнымъ трудомъ другихъ людей, которое они называютъ раздѣленіемъ труда ²⁾). Надо возстановить свойственное всѣмъ неиспорченнымъ людямъ представленіе о томъ, что необходимое условіе счастья человѣка есть не праздность, а трудъ,—что человѣкъ не можетъ не работать, что ему скучно, тяжело, трудно не работать, какъ скучно, трудно не работать муравью, лошади и всякому животному ³⁾).

—Но что же именно нужно дѣлать?—спрашиваютъ люди, главнымъ образомъ потому, что они ничего не хотятъ дѣлать. Не говоря уже о необходимости самому удовлетворять свои первыя потребности—мести полъ, топить печь, готовить пищу, очищать обувь отъ грязи, носить воду и др.—не пользуясь наемнымъ трудомъ, можно было бы, какъ кажется, установить извѣстный порядокъ ежедневныхъ работъ. Вообще, день всякаго человѣка самой пищей раздѣляется на 4 части, или 4 упряжки: 1) до завтрака, 2) отъ завтрака до обѣда, 3) отъ обѣда до полдника и 4) отъ полдника до вечера. Дѣятельность человѣка, которая влечетъ его къ себѣ, раздѣляется на 4 рода: 1) дѣятельность мускульной силы, работа рукъ, ногъ, плечъ, спины, тяжелый трудъ, отъ котораго вспотѣешь; 2) дѣятельность пальцевъ и кости рукъ, ловкости мастерства; 3) дѣятельность ума и воображенія; 4) дѣятельность общенія съ другими людьми. И тѣ блага, которыми пользуется человѣкъ, тоже можно раздѣлить на 4 рода. Всякій человѣкъ пользуется: 1) произведеніями тяжелаго труда: хлѣбомъ, скотиной, постройкой, колотцами, прудами и т. п.; 2) дѣятельностью ремесленнаго труда: одеждою, обувью, утварью и т. п.; 3) произведеніями умственной дѣятельности: наукъ, искусствъ и 4) установленіемъ общенія между людьми: знакомствами и т. п. Поэтому представляется, что лучше всего было бы такъ чередовать занятія дня, чтобы упражнять всѣ 4 способности человѣка и возвращать всѣ 4 рода произведеній, которыми пользуешься, такъ, чтобы четыре упряжки были посвящены: первая—тяжелому труду, другая—умственному, третья—ремесленному и четвертая—общенію съ людьми. Хорошо, если можно

1) *Ib.*, с. с. 241—243.

2) *Ib.*, с. 248.

3) „Кругъ чтенія“, т. 1, с. 327.

устроить такъ свою работу, но, если нельзя, одно важно, чтобы было сознание обязанности на трудъ ¹⁾. Трудъ, если онъ имѣетъ своею цѣлью не приобретение возможности празднованія и пользования чужимъ трудомъ, каковъ трудъ людей, наживающихъ деньги, а имѣетъ цѣлью удовлетворение потребностей, — самъ собою влечетъ изъ города въ деревню, къ землѣ, туда, гдѣ трудъ этотъ самый плодотворный и радостный ²⁾. Вся бѣдственность положенія фабричнаго и, вообще, городского рабочаго состоитъ не въ томъ, что онъ долго работаетъ и мало получаетъ, а въ томъ, что онъ лишень естественныхъ условий жизни среди природы, лишень свободы и принужденъ къ подневольному, чужому и однообразному труду ³⁾.

Но что выйдетъ изъ того, что я и другой-третій десятокъ людей будемъ не брезгать работой физической и будемъ считать ее необходимой для нашего счастья, спокойствія совѣсти и безопасности?

Выйдетъ то, что будетъ одинъ, другой, третій десятокъ людей, которые, не входя въ столкновение ни съ кѣмъ, безъ насилія правительственнаго или революціоннаго разрѣшатъ для себя казавшійся неразрѣшимымъ вопросъ, стоящій передъ всѣмъ міромъ, и разрѣшатъ его такъ, что имъ станетъ лучше жить, что ихъ совѣсть станетъ спокойнѣе и что зло угнетенія перестанетъ быть для нихъ страшнымъ; выйдетъ то, что и другіе люди увидятъ, что благо, котораго они ищутъ вездѣ, — тутъ, около нихъ самихъ, что казавшійся неразрѣшимыми противорѣчія совѣсти и устройства міра разрѣшаются самымъ легкимъ и радостнымъ способомъ и что вмѣсто того, чтобы бояться людей, окружающихъ насъ, надо сблизаться съ ними и любить ихъ ⁴⁾.

Культура, полезная культура и не уничтожится. Людямъ ни въ какомъ случаѣ не придется вернуться къ копанію земли копьями и освѣщенію себя лучинами. Не даромъ человѣчество при своемъ рабскомъ устройствѣ сдѣлало такіе большіе успѣхи въ техникѣ. Если только люди поймутъ, что нельзя пользоваться для своихъ удовольствій жизнью своихъ братьевъ, они сумѣютъ примѣнить всѣ успѣхи техники такъ, чтобы воспользоваться всѣми тѣми выработанными орудіями власти надъ природой, которыми можно пользоваться, не удерживая въ рабствѣ своихъ братьевъ ⁵⁾.

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. с. 246—247.

²⁾ *Ib.*, с. 241.

³⁾ „Рабство нашего времени“, с. 31.

⁴⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 254.

⁵⁾ „Рабство нашего времени“, с. 49.

7.

Близость и неизбежность надвигающегося переворота особенно живо, какъ это и всегда бываетъ, чувствуется тѣми сословіями общества, которыя своимъ положеніемъ избавлены отъ необходимости поглощающаго все ихъ время и силы физическаго труда и потому имѣютъ возможность заниматься политическими вопросами. Люди эти, дворяне, купцы, чиновники, врачи, техники, профессора, учителя, художники, студенты, адвокаты, преимущественно горожане, такъ называемая интеллигенція, теперь въ Россіи руководятъ происходящимъ движеніемъ и всѣ свои силы направляютъ на измѣненіе существующаго политическаго строя и на замѣну его инымъ, считаемымъ той или иной партіей наиболѣе цѣлесообразнымъ и обеспечивающимъ свободу и благо русскаго народа. Люди эти, постоянно страдая отъ всякаго рода стѣсненій и насилій правительства, административныхъ ссылокъ, заточеній, запрещеній собраний, запрещеній книгъ, газетъ, стачекъ, союзовъ, ограниченія правъ разныхъ національностей и вмѣстѣ съ тѣмъ живя совершенно чуждой большинству русскаго земледѣльческаго народа жизнью, естественно видятъ въ этихъ стѣсненіяхъ главное зло и въ освобожденіи отъ него главное благо русскаго народа. А между тѣмъ стоитъ только на время отрѣшиться отъ укоренившейся въ нашей интеллигенціи мысли о томъ, что предстоящее Россіи дѣло есть введеніе у себя тѣхъ самыхъ формъ политической жизни, которыя введены въ Европѣ и Америкѣ, будто бы обеспечивающихъ свободу и благо всѣхъ гражданъ, а просто подумать о томъ, что нравственно дурно въ нашей жизни, — чтобы совершенно ясно увидать, что то главное зло, отъ котораго не переставая жестоко страдаетъ весь русскій народъ, зло, которое онъ живо сознаетъ и о которомъ не переставая заявляетъ, не можетъ быть устранено никакими политическими реформами, какъ оно не устранено до сихъ поръ никакими политическими реформами въ Европѣ и Америкѣ. Зло это, основное зло, отъ котораго страдаетъ русскій народъ точно такъ же, какъ народы Европы и Америки, есть лишеніе большинства народа несомнѣннаго, естественнаго права каждаго человѣка пользоваться частью той земли, на которой онъ родился. Стоитъ только понять всю преступность, грѣховность этого дѣла для того, чтобы понять, что пока не будетъ прекращено это постоянное, совершаемое земельными собственниками злодѣяніе, никакія политическія реформы не дадутъ свободы и блага народу, а что, напротивъ, только освобожденіе большинства людей отъ того зе-

мѣльнаго рабства, въ которомъ оно находится; можетъ сдѣлать политическія реформы не игрушкой, а дѣйствительнымъ выраженіемъ воли народа ¹⁾.

Обыкновенно говорятъ: попробуйте уничтожить право собственности земли и предметовъ труда—и никто, не будучи увѣренъ въ томъ, что у него не отнимутъ то, что онъ сработалъ, не станутъ трудиться. Надо сказать совершенно обратное: огражденіе насиліемъ права незаконной собственности, практикующееся теперь, если не уничтожило вполне, то значительно ослабило въ людяхъ естественное сознаніе справедливости по отношенію пользованія предметами, т. е. естественнаго и прирожденнаго права собственности, безъ котораго не могло бы жить человѣчество и которое всегда существовало и существуетъ въ обществѣ ²⁾. Всѣ люди имѣютъ равное право на землю и каждый человѣкъ имѣетъ неотъемлемое право на свой трудъ. Оба права эти были нарушены признаніемъ за людьми права собственности на землю и взиманіемъ податей и налоговъ съ произведеній труда людей. Для возстановленія ихъ есть только одно средство: установленіе на землю такого налога, который равнялся бы выгодамъ, представляемымъ землей ея владѣльцу, и замѣна всѣхъ другихъ взимаемыхъ съ труда людей податей и налоговъ единымъ земельнымъ налогомъ. Такое установленіе единаго налога на всю землю предлагалось въ различное время и въ различныхъ странахъ и въ послѣднее время было особенно подробно выяснено американцемъ Генри Джорджемъ.

Основанія единаго налога слѣдующія.

1) Такъ какъ всѣ люди имѣютъ одинаковое право на землю и такъ какъ каждый человѣкъ имѣетъ неотъемлемое право на всѣ произведенія своего труда, то никто не долженъ имѣть преимуществъ передъ другими на пользованіе землей и никто не долженъ отбирать отъ трудящагося произведеній его труда въ видѣ платы за пользованіе землей или въ видѣ податей и налоговъ.

2) Для того, чтобы ни то, ни другое право не было нарушено, нужно, чтобы люди, пользующіеся землями, платили обществу налогъ соответственно той выгодѣ, которую въ сравненіи съ другими землями представляетъ земля, находящаяся въ ихъ пользованіи, и чтобы люди, не владѣющіе никакими землями, а занятые промышленностью или другими дѣлами, были свободны отъ всякихъ налоговъ и податей.

Послѣдствіемъ такого устройства было бы, во-первыхъ, то, что землевладѣльцы, въ особенности крупныя, не обрабатывающіе сами

¹⁾ „Великій грѣхъ“, с. с. 3—4.

²⁾ „Единое на потребу“, с. 25.

своихъ земель, при обложеніи ихъ налогомъ большею частью отка-
зались бы отъ владѣнія ими и передали бы ихъ тѣмъ земледѣль-
цамъ, которые нуждаются въ землѣ. Во-вторыхъ, было бы то, что
единый налогъ, уничтоживъ всѣ налоги, уплачиваемые теперь людьми
за предметы, которыми они пользуются: за сахаръ, керосинъ, спички,
вино и пр., уменьшилъ бы расходы рабочихъ людей и увеличилъ
бы тѣмъ ихъ благосостояніе. Въ-третьихъ, единственный налогъ, уничто-
живъ ввозныя и вывозныя пошлины на товары, возстановилъ бы
для того народа, у котораго онъ введенъ, свободную торговлю со
всѣмъ міромъ и далъ бы людямъ того общества или государства
возможность безпрепятственно пользоваться всѣми произведеніями
природы, трудовъ и искусства людей другихъ странъ или государствъ.
Въ-четвертыхъ, единственный налогъ, давъ доступъ къ землѣ всѣмъ
рабочимъ людямъ, поставилъ бы наемныхъ рабочихъ въ такое
положеніе, при которомъ они не были бы, какъ теперь, вынуждены
принимать тѣ условія, которыя имъ ставятъ хозяева, а сами бы
для себя устанавливали условія работы. При такомъ независимомъ
положеніи рабочихъ, всѣ тѣ облегчающія работу изобрѣтенія, ко-
торыя теперь служатъ средствомъ порабощенія рабочихъ, стали бы
не бѣдствіемъ, какъ теперь, а тѣмъ, чѣмъ они и должны быть,—
благомъ для всѣхъ. Въ-пятыхъ, введеніе единого налога, поднимъ
благосостояніе рабочихъ, сдѣлало бы невозможнымъ обычное теперь
перепроизводство предметовъ, такъ какъ рабочіе не были бы, какъ
теперь, лишены возможности приобретать изготовляемые ими пред-
меты, и производилось бы преимущественно и въ соответствующихъ
требованію размѣрахъ то, что нужно для большинства рабочихъ.
Въ-шестыхъ, и самое главное, введеніе единого налога вездѣ, и
въ особенности теперь въ Россіи, сдѣлало бы то, что всѣ законныя
требованія народа были бы удовлетворены даже въ большей сте-
пени, чѣмъ того ожидаетъ народъ, такъ какъ была бы не только
дана возможность каждому человѣку пользоваться въ равной сте-
пени всѣми выгодами, даваемыми землей, но люди были бы избав-
лены и отъ необходимости платежа податей и налоговъ съ произ-
веденій своего труда ¹⁾).

Ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются теперь для
упорядоченія землевладѣнія, не можетъ быть введена съ меньшими
тревогами, волненіями и раздраженіемъ и народа, и землевладѣль-
цевъ, какъ эта мѣра единого налога. Вводится она постепенно.
Земля провозглашается общимъ достояніемъ всѣхъ людей государ-
ства и произведенія труда каждаго человѣка—неотъемлемой соб-
ственностью произведшаго. Для возстановленія этихъ нарушенныхъ

¹⁾ „Единств. возм. рѣшеніе земельного вопроса“, с. с. 7—10.”

основныхъ человѣческихъ правъ и вводится затѣмъ единый налогъ съ цѣнности земель, замѣняющій всѣ другіе подати и налоги. Но такъ какъ наложеніе сразу во весь его объемъ налога на землю, съ уничтоженіемъ всѣхъ другихъ налоговъ и податей, было бы разорительно для многихъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, да и введеніе его требуетъ правильной оцѣнки земель, которую нельзя сдѣлать тотчасъ же, то налогъ этотъ вводится постепенно. Сначала, въ первый годъ, вводится одна какая-либо часть его (15, 20, 30 — или болѣе или менѣе процентовъ всей ренты), на слѣдующій годъ другая такая же часть, и такъ — до полного перевода всѣхъ податей и налоговъ на землю, который можетъ быть совершенъ въ болѣе долгій или короткій срокъ. Только такое разрѣшеніе вопроса, не частное для одного сословія (хотя бы и самаго многочисленнаго), не мѣстное, временное, каковы всѣ прирѣзки, покупки, переселенія, фонды, а рѣшеніе общее, основное, нравственное, состоящее въ прекращеніи старой вопіющей несправедливости и устанавливающее равное право какъ милліонера, такъ и бѣднѣйшаго крестьянина, и на весь свой трудъ, — только такое рѣшеніе можетъ успокоить народъ. И потому введеніе единаго налога на землю при какой бы то ни было формѣ общежитія: при теперешнихъ дѣйствующихъ насиліемъ правительствахъ такъ же, какъ и при идеальномъ общежитіи, основанномъ на взаимномъ соглашеніи, представляло бы самый вѣрный и практическій способъ какъ пріобрѣтенія независимыхъ отъ труда людей средствъ для покрытия нужныхъ для всего общества расходовъ, такъ и для справедливаго упорядоченія земельныхъ отношеній ¹⁾).

Думается, что разрѣшеніе грѣха земельной собственности близко, что движеніе, вызванное Генри Джорджемъ, было послѣдней потугой и что роды вотъ — вотъ должны наступить: должно совершиться освобожденіе людей отъ тѣхъ страданій, которыя они несли такъ долго. Кромѣ того, есть основанія полагать, что разрѣшеніе этого великаго всемірнаго грѣха, — разрѣшеніе, которое будетъ эрой въ исторіи человѣчества, предстоить именно русскому, славянскому народу, по своему духовному и экономическому складу предназначенному для этого великаго, всемірнаго дѣла, — что русскій народъ не опролетариться долженъ, подражая народамъ Европы и Америки, а, напротивъ, разрѣшить у себя земельный вопросъ упраздненіемъ земельной собственности и укажетъ другимъ народамъ путь разумной, свободной и счастливой жизни, внѣ промышленнаго, фабричнаго, капиталистическаго насилія и рабства, что въ этомъ — его великое историческое призваніе ²⁾).

¹⁾ Ib., с. с. 10—11.

²⁾ „Великій грѣхъ“, с. 32.

ГЛАВА IV

Семья.

Объ отношеніяхъ между полами. Бракъ. Семья. Нравственное воспитаніе дѣтей. Вопросъ женской эмансипаціи и его ошибка.

1.

Никакой родъ преступленій людскихъ противъ нравственнаго закона не скрывается съ такою тщательностью людьми другъ передъ другомъ, какъ преступленія, вызываемыя половой похотью; и нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, которое было бы такъ обще веѣмъ людямъ, захватывая ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ видахъ; нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, на которое смотрѣли бы такъ несогласно люди: одни—считая извѣстный поступокъ страшнымъ грѣхомъ, другіе—тотъ же поступокъ самымъ обычнымъ удобствомъ или удовольствіемъ; нѣтъ преступленія, насчетъ котораго было бы высказываемо столько фарисейства; нѣтъ преступленія, отношеніе къ которому показывало бы такъ вѣрно нравственный уровень человѣка, и нѣтъ преступленія болѣе губительнаго для отдѣльныхъ людей и для всего чело-вѣчества ¹⁾.

Всѣ молодые люди находятся въ очень опасномъ положеніи. Опасность эта состоитъ въ томъ, что въ томъ возрастѣ, когда складываются привычки, которыя останутся навсегда, какъ складки на бумагѣ, люди живутъ безъ всякой нравственной, религіозной узды, не видя ничего, кромѣ тѣхъ непріятностей ученія, къ которому ихъ принуждаютъ и отъ котораго они стараются такъ или иначе избавиться, и тѣхъ самыхъ разнообразныхъ удовлетвореній

---

¹⁾ „О половомъ вопросѣ“, с. 76.

похоти, которыя привлекаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и которыя есть возможность удовлетворить. Такое положеніе кажется имъ совершенно естественнымъ и не можетъ казаться инымъ: они въ немъ выросли. Но положеніе это совершенно исключительно и ужасно опасно потому, что если поставить всю цѣль жизни въ такомъ удовлетвореніи, какъ она у нихъ, у молодыхъ людей, когда похоти эти вновь и особенно сильны, то непременно, по очень извѣстному и несомнѣнному закону, выйдетъ то, что для того, чтобы получить то удовольствіе, которое привыкъ получать отъ удовлетворенія похоти сладкой ѣды, катанья, игры, нарядовъ, музыки, надо будетъ все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, разъ удовлетворенная, въ другой и третій разъ не доставляетъ уже прежняго наслажденія, и надо удовлетворять новыя и болѣе сильныя. И такъ какъ изъ всѣхъ похотей самая сильная полова, выражающаяся въ влюбленіи, ласкахъ, онанизмѣ и совокупленіи, то всегда очень скоро доходитъ до этого, всегда одного и того же. Когда эти наслажденія уже нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь новымъ, болѣе сильнымъ, то начинается искусственное увеличеніе этого самаго наслажденія посредствомъ одурманенія себя—виномъ, табакомъ, чувственной музыкой. Это путь такой обычнй, что по нему, за рѣдкими исключеніями, идутъ всѣ молодые люди — и богатые, и бѣдные, и, если во-время останавливаются, то отправляются къ настоящей жизни болѣе или менѣе искалѣченные или — погибаютъ совершенно ¹⁾. Половая похоть тѣмъ и ужасна, что она въ сосудѣ души нашей, какъ ржавчина, выѣдаетъ отверстие, и влага жизни неизбежно уходитъ. Посмотрите людей, наблюдайте жизнь, и вы увидите, что бывають многіе, достигшіе въ работѣ надъ собой высокихъ результатовъ и уже жившіе, и дѣлавшіе много для другихъ, но стоитъ имъ чуть-чуть ослабить надзоръ за собой и дать поселиться въ душѣ похотливымъ вожделѣніямъ, и начать сближаться съ женщинами для утоленія похоти, какъ черезъ самое короткое время все, что было накоплено и собрано съ такимъ трудомъ и стараніями, все, что было цѣннаго и высокаго, жизненнаго и дорогаго, все это таетъ и растеривается ²⁾.

Говорять, что въ сближеніи съ женщинами есть что-то особенно хорошее, смягчающее. Все это обманъ похоти. Въ сближеніи съ женщиной, какъ и со всякимъ человѣкомъ, много радостнаго, но особенно радостнаго ничего нѣтъ; а что есть, то обманъ чувственности, очень скрытый, но все-таки чувственности ³⁾. Когда

¹⁾ Тамъ, с. с. 39—40.

²⁾ „О порнографіи“, с. 22.

³⁾ „О половомъ вопросѣ“, с. 34.

люди не знают другого блага, кромѣ личнаго наслажденія для одного себя, любовь—влюбленье представляется подъемомъ на высоту; но, извѣдавъ чувства любви къ Богу и къ ближнему, ставши христіаниномъ хоть въ самой слабой степени, если только это чувство искренне, нельзя не смотрѣть на влюбленность сверху внизъ, какъ на чувство, отъ котораго желательно быть свободнымъ ¹⁾. Всѣ бѣдствія, порождаемыя половыми отношеніями—влюбленностями, происходятъ только оттого, что мы смѣшиваемъ плотскую похоть съ духовной жизнью, съ—страшно сказать, съ любовью; употребляемъ разумъ не на то, чтобы осудить и опредѣлить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить ее павлиньими перьями духовности ²⁾.

Въ нашемъ обществѣ сложилось твердое, общее всѣмъ сословіямъ и поддерживаемое ложной наукой убѣжденіе въ томъ, что половое общеніе есть дѣло, необходимое для здоровья, и что такъ какъ женитьба—дѣло не всегда возможное, то и половое общеніе внѣ брака, не обязывающее мужчинъ ни къ чему, кромѣ денежной платы, есть дѣло совершенно естественное и потому долженствующее быть—поощряемымъ. Убѣжденіе это до такой степени стало общимъ и твердымъ, что родители, по совѣту врачей, устраиваютъ развратъ для своихъ дѣтей, правительства, единственный смыслъ которыхъ состоитъ въ заботѣ о нравственномъ благосостояніи своихъ гражданъ, учреждаютъ развратъ, т. е. регулируютъ цѣлое сословіе женщинъ, долженствующихъ погибать тѣлесно и душевно для удовлетворенія мнимыхъ потребностей мужчинъ; а холостые люди съ совершенно спокойной совѣстью предаются разврату. Но не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было губить тѣла и души другихъ людей, такъ же, какъ не можетъ быть того, чтобы для здоровья однихъ людей нужно было пить кровь другихъ ³⁾. Какъ человекъ вмѣстѣ со всѣми животными подчиняется закону борьбы за существованіе, такъ онъ подчиняется, какъ животное, и закону полового размноженія; но человекъ, какъ человекъ, находитъ въ себѣ другой законъ, противный борьбѣ, законъ любви, и—противный половому общенію для размноженія—законъ цѣломудрія ⁴⁾.

Цѣломудреннымъ живой человекъ, строго говоря, не можетъ быть. Живой человекъ можетъ только стремиться къ цѣломудрію, именно потому, что онъ не цѣломудрентъ, а похотливъ. Если бы

¹⁾ *Ib.*, с. с. 30—31.

²⁾ *Ib.*, с. с. 25—26.

³⁾ *Ib.*, с. 7.

⁴⁾ *Ib.*, с. 38.

человѣкъ не былъ похотливъ, то для него не было бы никакого цѣломудрія и понятія о немъ. Человѣкъ долженъ всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ—женатъ-ли онъ или холостъ—быть, по возможности, цѣломудреннымъ, какъ это Христосъ, а послѣ него Павелъ высказалъ. Если онъ можетъ быть настолько сдержаннымъ, что не знаетъ женщины вообще, то это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать. Если же онъ не можетъ удержать себя, то онъ долженъ по возможности рѣдко поддаваться этой слабости, а никакъ не смотрѣть на половое общеніе, какъ на наслажденіе ¹⁾. Говорятъ: если люди достигнутъ идеала полнаго цѣломудрія, то они уничтожатся, и потому идеаль этотъ не вѣренъ. Прекратится животное-человѣкъ. Но, право, объ этомъ двуногомъ животномъ такъ же мало можно жалѣть, какъ и объ ихтиозаврахъ и т. п., только бы не прекратилась жизнь истинная, любовь существъ, могущихъ любить. А это не только не прекратится, если родъ человѣчскій прекратится отъ того, что люди изъ любви отрекутся отъ наслажденій похоти, но увеличится въ безчисленное количество разъ,—такъ увеличится эта любовь,—и существа, испытывающія ее, сдѣлаются такими, что продолженіе рода человѣческаго для нихъ не нужно будетъ ²⁾. Но, не говоря уже о томъ, что уничтоженіе рода человѣческаго не есть понятіе новое для людей нашего міра, а есть для религіозныхъ людей догматъ вѣры, для научныхъ же людей неизбѣжный выводъ наблюденій объ охлажденіи солнца, — въ возраженіи этомъ есть большое, распространенное и старое недоразумѣніе. Тѣ, которые говорятъ объ исчезновеніи людей, умышленно или неумышленно смѣшиваютъ двѣ разнородныя вещи — правило-предписаніе и идеаль. Цѣломудріе не есть правило или предписаніе, а идеаль или, скорѣе, одно изъ условій его. А идеаль только тогда идеаль, когда осуществленіе его возможно только въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности, и когда поэтому возможность приближенія къ нему безконечна ³⁾. Родъ человѣчскій прекратиться не можетъ. Если справедливо положеніе, что количество людей на землѣ возрастаетъ и должно дойти до такой степени, что людямъ негдѣ будетъ жить, то изъ такого положенія можетъ быть только одинъ выводъ: не нужно допускать и желать моровъ, войнъ, а нужно, по возможности, стремиться къ половой чистотѣ. И это стремленіе къ цѣломудрію должно уравнивать численность населенія.

Ослабляетъ насъ въ борьбѣ съ искушеніемъ то, что мы за-

¹⁾ Ib., с. 25.

²⁾ Ib., с. 50.

³⁾ Ib., с. с. 11—12.

даемъ впередъ мыслью о побѣдѣ, задаемъ себѣ задачу сверхъ-силъ, задачу, которую исполнить или не исполнить—не въ нашей власти. Мы, какъ монахъ, говоримъ себѣ впередъ: и обѣщаюся быть цѣломудреннымъ, подразумѣвая подъ этимъ вѣншее цѣломудріе. И это, во-первыхъ, невозможно, потому что мы не можемъ себѣ представить тѣхъ условій, въ которыя мы можемъ быть поставлены и въ которыхъ мы не выдержимъ соблазна. И кромѣ того, дурно; дурно потому, что не помогаетъ достиженію цѣли—приближенія къ наибольшему цѣломудрію, а — напротивъ. Рѣшивъ, что задача въ томъ, чтобы сблизиться вѣншее цѣломудріе, или уходятъ изъ міра, бѣгутъ женщины, какъ афонскіе монахи, или скопляются, и пренебрегаютъ тѣмъ, что важнѣе всего: внутренней борьбой съ помыслами въ міру, среди соблазновъ. Кромѣ того, это постановленіе себѣ задачей вѣшняго цѣломудрія и надежда, иногда увѣренность, осуществить его невыгодны еще оттого, что при стремленіи къ этому, всякое искушеніе, которому подпадаетъ человѣкъ, и тѣмъ болѣе паденіе, сразу уничтожаетъ все, заставляетъ усомниться въ возможности, даже законности борьбы.—Такъ, стало быть, нельзя быть цѣломудреннымъ, и я поставилъ себѣ ложную задачу. И, конечно, человѣкъ отдается весь похоти и погрязаетъ въ ней. Задачей можетъ быть одно: достиженіе наибольшаго по моему характеру, темпераменту, условіямъ прошедшаго и настоящаго цѣломудрія—не передъ людьми, которые не знаютъ того, съ чѣмъ мнѣ надо бороться, а передъ собой и Богомъ. Тогда ничто не нарушаетъ, не останавливаетъ движенія, тогда искушеніе, паденіе даже, все ведетъ къ одной вѣчной цѣли—удаленія отъ животнаго и приближенія къ Богу ¹⁾).

2.

Христіанское ученіе не опредѣляетъ формъ жизни, а только во всѣхъ человѣческихъ отношеніяхъ указываетъ идеалъ, направленіе; то же и въ половомъ вопросѣ. Люди же не христіанскаго духа хотятъ опредѣленія формъ. Для нихъ выдумаютъ церковный бракъ, не имѣющій въ себѣ ничего христіанскаго. Въ половыхъ сношеніяхъ, какъ и въ другихъ: насилія, гнѣва, нельзя и не должно спускаться идеала, кривить его. А это сдѣлали церковники по отношенію къ браку ²⁾). Въ Евангеліи нѣтъ указанія на бракъ, есть отрицаніе его, есть противодѣйствіе разврату, воздержанію и разводу для тѣхъ.

¹⁾ *Ib.*, с. с. 26—27.

²⁾ *Ib.*, с. 27.

которые уже находятся въ бракѣ; но объ учрежденіи брака, какъ говорить это церковь, нѣтъ и помина. Ничего, кромѣ негѣпаго чуда Каны, которое утверждаетъ бракъ столько же, сколько посѣщеніе Закхея утверждаетъ собраніе податей ¹⁾).

Борьба съ половой похотью—самая трудная борьба, и нѣтъ положенія и возраста, кромѣ перваго дѣтства и самой глубокой старости, когда человѣкъ былъ бы свободенъ отъ этой борьбы, и потому не надо тяготиться этой борьбой, надѣяться на то, что можно прійти въ такое положеніе, въ которомъ ея не будетъ, и ни на минуту не ослабѣвать, а помнить и употреблять всѣ тѣ мѣры, которыя ослабляютъ врага: избѣгать возбуждающаго и тѣло, и душу, и стараться быть занятымъ. Это одно. Другое: если видишь, что не осилишь борьбы,—жениться, т. е. избрать женщину, а женщину—мужчину, наиболѣе близкую и близкаго по духу, и сказать себѣ, что если не можешь не падать, то падать только вмѣстѣ и вмѣстѣ воспитывать дѣтей, если будутъ, и вмѣстѣ прійти къ цѣломудрію—чѣмъ раньше, тѣмъ лучше ²⁾). И одно можно сказать для тѣхъ, которые хотятъ отнѣта: что же, жениться или нѣтъ?—это то, что если вы не видите идеала цѣломудрія, не чувствуете потребности отдаться ему, то идите къ цѣломудрію, сами не зная того, нецѣломудреннымъ путемъ брака. Какъ не могу я, будучи высокъ ростомъ и видя передъ собой колокольню, указать ее идущему подлѣ меня невысокому человѣку, не видящему ее,—какъ направление пути, а я долженъ указать ему какую-либо другую вѣху на томъ же пути: такая вѣха есть бракъ честный для тѣхъ, кто не видитъ идеала цѣломудрія. Но это могу указывать я, вы; но Христось ничего иного не указывалъ и не могъ указывать, какъ цѣломудріе ³⁾). Идеалъ христіанина есть любовь къ Богу и ближнему; есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему; плотская же любовь, бракъ, есть служеніе себѣ, и потому есть во всякомъ случаѣ препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому, съ христіанской точки зрѣнія—паденіе, грѣхъ. Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ случаѣ, если бы вступающіе въ бракъ имѣли цѣлью продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ для произведенія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ миллионы дѣтскихъ жизней, которыя гибнутъ вокругъ насъ отъ недостатка не только духовной, но и матеріальной пищи.

¹⁾ Ib., с. 44.

²⁾ Ib., с. 29 (Исправлено по новой рукописи Л. Н.).

³⁾ Ib., с. 28.

Жизнь есть мѣсто служенія, при которомъ приходится переносить иногда и много тяжелаго, но чаще испытывать очень много радостей. Только радости-то настоящія могутъ быть лишь тогда, когда люди сами понимаютъ свою жизнь какъ служеніе: имѣютъ опредѣленную внѣ себя, своего личнаго счастья, цѣль жизни. Обыкновенно женящіеся люди совершенно забываютъ это. Такъ много предстоитъ радостныхъ событій женитьбы, рожденія дѣтей, что, кажется, эти событія и составляютъ самую жизнь, но это опасный обманъ. Если родители проживутъ и нарожаютъ дѣтей, не имѣя цѣли въ жизни, то они отложатъ только вопросъ о цѣли жизни и то наказаніе, которому подвергаются люди, живущіе, не зная зачѣмъ,—они только отложатъ это, а не избѣгутъ, потому что придется воспитывать, руководить дѣтей, а руководить нечѣмъ. И тогда родители теряютъ свои человѣческія свойства и счастье, сопряженное съ ними, и дѣлаются племенной скотиной. Людямъ же, собирающимся жениться, именно потому, что ихъ жизнь кажется имъ полною, надо больше, чѣмъ когда-нибудь, думать и уяснять себѣ, во имя чего живетъ каждый изъ нихъ. А чтобы уяснить себѣ это, надо думать, обдумать условія, въ которыхъ живешь, свое прошедшее, расцѣнить въ жизни все, что считаешь важнымъ, что неважнымъ, во что вѣришь, т. е. что считаешь всегдашней несомнѣнной истиной и чѣмъ будешь руководствоваться въ жизни ¹⁾). Жениться надо никакъ не по любви, а непременно съ расчетомъ, только понимая эти слова какъ разъ наоборотъ тому, какъ они обыкновенно понимаются, т. е. жениться не по чувственной любви, а по расчету, не тому, гдѣ и чѣмъ жить (всѣ живутъ), а по тому расчету, насколько вѣроятно, что будущая жена будетъ помогать, а не мѣшать жить человѣческой жизнью. Главное, подумай 20, 100 разъ о женитьбѣ. Связать свою жизнь съ жизнью другого человѣка пологою связью для нравственнаго, чуткаго человѣка есть самый значительный и чреватый послѣдствіями поступокъ, который только можетъ совершить человѣкъ. Жениться надо всегда такъ же, какъ мы умираемъ, т. е. только тогда, когда невозможно иначе ²⁾).

Разница такого взгляда на бракъ отъ того, который существуетъ, очень большая. Точно такъ же будутъ жениться и выходить замужъ, точно такъ же родители будутъ заботиться о томъ, чтобы женить и выдавать замужъ дѣтей, но разница большая въ томъ, когда удовлетвореніе похоти считается дозволеннымъ, законнымъ и самымъ большимъ счастьемъ на свѣтѣ, или — когда оно

¹⁾ Ib., с. с. 40—41.

²⁾ Ib., с. с. 42—43.

считается грѣхомъ. Человѣкъ, слѣдуя христіанскому ученію, можетъ только тогда, когда онъ будетъ чувствовать, что не можетъ поступить иначе, и, женившись, будетъ не предаваться похоти, а стремиться къ укрощенію ея, — мужчина такъ же, какъ и женщина; родители, заботясь о духовномъ благѣ своихъ дѣтей, не будутъ считать необходимымъ женить каждаго и выдавать замужъ, а женятъ и выдадутъ замужъ, т. е. посоветуютъ или облегчатъ имъ паденіе, только тѣхъ, которые не въ силахъ удержать чистоту, и только тогда, когда будетъ ясно, что дѣти не могутъ жить иначе. Супруги не будутъ желать, какъ это бываетъ теперь, большаго количества дѣтей и, напротивъ, стремясь къ чистотѣ жизни, будутъ радоваться тому, что у нихъ мало дѣтей и они могутъ посвятить всѣ свои силы на воспитаніе тѣхъ своихъ дѣтей, которыя уже есть, и тѣхъ чужихъ дѣтей, которымъ они могутъ служить, если они хотятъ служить Богу воспитаніемъ будущихъ служителей ему ¹⁾:

3.

Въ Библии и Евангеліи сказано, что мужъ и жена не два существа, а одно, и это справедливо, — не потому, что это будто бы сказано Богомъ, а потому, что есть утвержденіе несомнѣнной истины о томъ, что половое общеніе двухъ существъ, имѣющее послѣдствіемъ дѣторожденіе, соединяетъ эти существа какимъ-то особеннымъ отъ всѣхъ другихъ соединеній, таинственнымъ образомъ, такъ что эти двое въ извѣстномъ отношеніи перестаютъ быть двое, а становятся однимъ существомъ. И потому стремиться къ цѣломудрію, къ прекращенію таковыхъ отношеній можетъ и должно это совокупное существо, т. е. оба супруга вмѣстѣ, и тотъ, кто впереди въ этомъ отношеніи, долженъ стараться воздѣйствовать на другого всѣми находящимися въ его рукахъ средствами: простотою жизни, примѣромъ, убѣжденіемъ. До тѣхъ же поръ, пока оба не сошлись въ одномъ желаніи, они должны нести вмѣстѣ тяжесть грѣховъ своего совокупнаго существа ²⁾. Представляется, что бракъ долженъ быть такимъ: двое людей сходятся плотски подъ непреодолимымъ давленіемъ влюбленія, зачинается ребенокъ, и супруги, избѣгая всего того, что можетъ нарушить для будущей матери ростъ или кормленіе ребенка, избѣгая всякаго плотскаго соблазна, а не такъ какъ теперь, вызывая его, живутъ какъ братъ съ сестрой. А то мужъ, развращенный прежде, свои приемы разврата переноситъ на жену, заражаетъ ее той же чув-

¹⁾ Ib., с. 46.

²⁾ Ib., с. с. 53—54.

ственностью и налагаетъ на нее невыносимую тягость быть въ одно и то же время любовницей, измученной матерью и больнымъ, раздраженнымъ, истеричнымъ человѣкомъ. И мужъ любить ее какъ любовницу, игнорируетъ какъ мать и ненавидитъ ее за ея раздражительность, истеричность, которая онъ самъ производилъ. Въ этомъ ключъ ко всѣмъ страданіямъ, скрытымъ во всѣхъ семьяхъ въ огромномъ большинствѣ ¹⁾).

Семейная связь только тогда тверда и даетъ благо людямъ, когда она не только семейная, но и религіозная, когда всѣ члены семьи вѣруютъ одному Богу и закону Его. Безъ этого семья источникъ не радости, но страданія ²⁾).

Призваніе всякаго человѣка—и мужчины—въ томъ, чтобы служить людямъ. Это-то служеніе нужно соединить съ служеніемъ семьѣ, не механически распредѣляя время на то и другое, а химически, придавъ заботѣ о семьѣ, воспитанію дѣтей идеальное, служебное людямъ значеніе. Бракъ, настоящій бракъ, проявляющійся въ рожденіи дѣтей, есть въ своемъ истинномъ значеніи только посредственное служеніе Богу, служеніе Богу черезъ дѣтей. Отъ этого-то бракъ, супружеская любовь, испытывается нами какъ нѣкоторое облегченіе, успокоеніе. Это есть моментъ передачи своего дѣла другому. Если я, молъ, не сдѣлалъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, такъ вотъ на мою смѣну—мои дѣти, они будутъ дѣлать. Но въ томъ-то и дѣло—чтобы они дѣлали, чтобы ихъ воспитать такъ, чтобы они были не помѣхой дѣла Божія, а работниками его; чтобы, если я не могъ, или не могла, служить тому идеалу, который стоялъ передо мною, то сдѣлать все возможное для того, чтобы дѣти служили ему. И это даетъ цѣлую программу и весь характеръ воспитанія, даетъ воспитанію религіозный смыслъ; и это-то химически и соединяетъ въ одно лучшія, самоотверженныя стремленія юности и заботу о семьѣ ³⁾).

4.

Въ основу всякаго воспитанія должно стать прежде всего то, что заброшено въ нашихъ школахъ: религіозное пониманіе жизни, и не столько въ формѣ преподаванія, сколько въ формѣ руководящаго начала всей воспитательной дѣятельности. Жизненное проявленіе религіознаго пониманія—единеніе всего, достигаемое любовью, есть прежде всего братство людей: оно—практической, цен-

¹⁾ Иб., с. 48.

²⁾ „Кругъ Чтенія“, 28 іюня.

³⁾ „О половомъ вопросѣ“, с. 59.

тральный законъ жизни, и оно-то и должно быть поставлено въ основу воспитанія, и потому хорошо и должно быть развиваемо въ дѣтяхъ все то, что ведетъ къ единенію, и подавляемо все, что ведетъ къ обратному.

Дѣти находятся всегда—и тѣмъ болѣе, чѣмъ моложе—въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первой степенью гипноза. И учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому ихъ состоянію. (Эта ихъ способность къ внушенію отдаётъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, что и какъ мы внушаемъ имъ). Такъ что учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершающееся двояко: сознательно и бессознательно. Сознательное внушеніе—это обученіе, образованіе; бессознательное—это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ, или—просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія; второе же невольно, вслѣдствіе того, что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Если гдѣ оно и есть, то только въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ. А между тѣмъ изъ двухъ сторонъ воздѣйствія на дѣтей, бессознательнаго и сознательнаго, безъ всякаго сравненія важнѣе и для отдѣльных личностей, и для общества людей—первое, т. е. бессознательное нравственное просвѣщеніе ¹⁾.

Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упрядняется вопросъ о воспитаніи и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить ²⁾. У насъ же люди, воспитатели или—самое обыкновенное—скрываютъ свою жизнь и вообще жизнь взрослыхъ отъ дѣтей, ставя ихъ въ исключительныя условія (корпуса, институты, пансіоны и т. п.), или переводятъ то, что должно происходить бессознательно, въ область сознательнаго: предписываютъ нравственныя жизненныя правила, при которыхъ необходимо прибавлять: *fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais* ³⁾. Между тѣмъ дѣти нравственно гораздо проникательнѣе взрослыхъ, и они, часто не выказывая и даже не сознавая этого, видятъ не только недостатки родителей, но и худшіи изъ всѣхъ недостатковъ—лицемѣріе родителей, и теряютъ къ нимъ уваженіе и интересъ ко всѣмъ ихъ поученіямъ. Правда есть первое, главное условіе

¹⁾ „Изъ письма къ П. И. Б.“, „Кругъ Чтенія“, т. 1, с. с. 351—352.

²⁾ „Избран. мысли о воспитаніи и образованіи“, с. 65.

³⁾ Дѣлай то, что я говорю, но не дѣлай того, что я дѣлаю. „Изъ письма къ П. И. Б.“, „К. Ч.“, т. 1, с. 352.

дѣйствительности духовнаго вліянія, и потому она есть первое условіе воспитанія. А чтобы не страшно было показать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо дѣлать свою жизнь хорошей или, по крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя ¹⁾. Все воспитаніе состоитъ въ большемъ и большемъ сознаніи своихъ ошибокъ и исправленіи себя отъ нихъ. А это можетъ сдѣлать всякій и во всѣхъ возможныхъ условіяхъ жизни. И это же есть и самое могущественное орудіе, данное человѣку для воздѣйствія на другихъ людей, въ томъ числѣ и на своихъ дѣтей, которыя всегда невольно ближе всего къ намъ ²⁾.

5.

Служеніе человѣчеству само собою раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самаго человѣчества. Къ первому призваны преимущественно мужчины, такъ какъ они лишены возможности служить второму. Къ второму призваны преимущественно женщины, такъ какъ онѣ исключительно способны къ нему. Этого различія нельзя, не должно и грѣшно (т. е. ошибочно) не помнить и стирать. Изъ этого различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ—обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Изъ этого же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существовавшая во всѣ вѣка и теперь существующая, и никогда не перестающая существовать, пока въ людяхъ есть и будетъ разумъ. Всегда было и будетъ то, что мужчина, проводящій большую часть своей жизни въ свойственномъ ему многообразномъ физическомъ и умственномъ, общественномъ трудѣ, и женщина, проводящая большую часть своей жизни въ свойственномъ исключительно ей трудѣ рожденія, кормленія и возвращенія дѣтей, будутъ одинаково чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и, дѣлая эти дѣла, будутъ одинаково возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, потому что оба исполняютъ все то, что предназначено имъ по ихъ природѣ. Прізаніе мужчины многообразнѣе и шире, прізаніе женщины однообразнѣе и уже, но за то глубже, и потому всегда было и будетъ то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается недурнымъ, неврѣднымъ человѣкомъ, исполнившимъ все-таки часть своего прізанія. Женщина же, имѣющая малое число обязанностей, измѣнивъ одной изъ нихъ, тотчасъ же нравственно

¹⁾ „Избран. мысли о воспитаніи и образованіи“, с. 66.

²⁾ Тамъ же, с. 68.

надаеть ниже мужчины, измѣнившего десяти изъ сотни своихъ обязанностей. Таково всегда было общее мнѣніе и таково оно всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла ¹⁾.

Говорять обыкновенно, что женщина (парижская женщина, преимущественно бездѣтная) такъ стала обворожительна, пользуясь всѣми средствами цивилизаціи, что она этимъ обаяніемъ овладѣла мужчиной. Это не только не справедливо, но какъ разъ наоборотъ. Овладѣла мужчиной не бездѣтная женщина, а та мать, которая исполняла свой законъ, тогда какъ мужчина не исполнялъ своего. Та же женщина, которая искусственно дѣлается бездѣтною и плѣняетъ мужчину своими плечами и локонами, это не властвующая надъ мужчиной женщина, а развращенная мужчиной, спустившаяся до него, до развращеннаго мужчины,—женщина, такъ же, какъ и онъ, сама отступающая отъ закона и теряющая, какъ и онъ, всякій разумный смыслъ жизни. Изъ этой ошибки вытекаетъ и та удивительная глупость, которая называется правами женщины. Формула этихъ правъ женщины такая: А! ты, мужчина,—говоришь женщина, — отступилъ отъ своего закона настоящаго труда, а хочешь, чтобы мы несли тяжесть нашего настоящаго труда. Нѣтъ, если такъ, то мы такъ же, какъ и ты, сумѣемъ дѣлать то подобіе труда, которое ты дѣлаешь въ банкахъ, министерствахъ, университетахъ, академіяхъ, студіяхъ, и мы хотимъ такъ же, какъ и ты, подъ видомъ раздѣленія труда, пользоваться трудами другихъ и жить, удовлетворяя одной похоти. Онъ говорятъ это и на дѣлѣ показывалось, что онъ никакъ не хуже, а еще лучше мужчины умѣютъ дѣлать это подобіе труда ²⁾.

Такъ называемый женскій вопросъ возникъ и могъ возникнуть только среди мужчинъ, отступившихъ отъ закона настоящаго труда. Если вопросъ въ устраненіи себя мужчиной отъ тѣхъ заботъ и трудовъ, которые вытекаютъ изъ воспитанія или, скорѣе, ухода за маленькими дѣтьми: отъ укладыванія ихъ спать, мытья ихъ и вообще всякаго бѣлья, отъ приготовленія имъ да и всѣмъ пищи, отъ шитья имъ одежды и т. д.,—то это въ высшей степени не только не христіански, не добро, но несправедливо. Женщина и такъ неизбежно несетъ самую большую долю труда ношенія и вскормленія грудью дѣтей, а потому, казалось бы, естественно, что всѣ остальные заботы мужчина долженъ брать на себя въ той мѣрѣ, въ которой это возможно безъ помѣхи его дѣлу, тоже нужному для семьи. И такъ бы это непременно было, если бы варварскій обычай взваливать всю тяжесть работы на болѣе сла-

¹⁾ „Женщины“, „Кругъ чтенія“, т. 2, в. 2, с. с. 507—508.

²⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. с. 263—264.

быхъ, и потому покоренныхъ, такъ прочно не установился въ нашемъ обществѣ. Вотъ гдѣ настоящая эмансипація женщины: не считать никакого дѣла бабьимъ дѣломъ, такимъ, къ которому совѣстно притронуться, и всѣми силами, именно потому, что онѣ физически слабѣе, помогать имъ¹⁾. Но началось отступленіе женщинъ отъ своего закона и ихъ паденіе, которое и идетъ все дальше и дальше. Женщина повѣрила, что ея сила въ обаяніи прелести или въ ловкости фарисейскаго подобія умственного труда. А тому и другому мѣшаютъ дѣти. И вотъ, съ помощью науки, сдѣлалось то, что среди богатыхъ классовъ явились десятки способовъ уничтоженія плода и обычной принадлежностью туалета сдѣлались орудія для уничтоженія дѣторожденія. Это уже далеко распространилось и съ каждымъ днемъ распространяется дальше и дальше, и скоро оно охватитъ всѣхъ женщинъ богатыхъ классовъ, и тогда онѣ сравняются съ мужчинами и вмѣстѣ съ ними потеряютъ разумный смыслъ жизни.

Но еще есть время. Все-таки еще больше женщинъ исполняютъ свой законъ, чѣмъ мужчинъ, и потому есть еще въ числѣ ихъ разумныя существа, и потому еще въ рукахъ нѣкоторыхъ женщинъ нашего круга есть возможность его спасенія. Ахъ, если бы эти женщины поняли свое значеніе, свою силу и употребили бы ее на дѣло спасенія своихъ мужей, братьевъ и дѣтей—на спасеніе всѣхъ людей!

Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющіяся закону Бога, вы однѣ знаете въ нашемъ несчастномъ, изуродованномъ, потерявшемъ образъ человѣческой кругу, вы однѣ знаете весь настоящій смыслъ жизни по закону Бога. И вы однѣ своимъ примѣромъ можете показать людямъ то счастье жизни въ подчиненіи волѣ Бога, котораго они лишаютъ себя. Вы знаете условія истиннаго труда, когда вы съ радостью ждете приближенія и усиленія самыхъ страшныхъ мученій, послѣ которыхъ наступаетъ вамъ однѣмъ извѣстное блаженство. Вы знаете это тогда, когда тотчасъ же послѣ этихъ мукъ, безъ отдыха, безъ перерыва, вы беретесь за другой рядъ трудовъ и страданій—кормленія, при которомъ вы сразу отбрасываете и покоряете своему долгу, своему чувству сильную человѣческую потребность сна и мѣсяцы, годы не спите подрядъ ни одной ночи, а иногда и часто не спите напролетъ цѣлыя ночи и съ затекшими руками долго ходите, качаете разрывающаго ваше сердце больного ребенка. И когда вы дѣлаете все это, никѣмъ не одобряемая, никѣмъ не видимая, ни отъ кого не

¹⁾ „О половомъ вопросѣ“, с. 65.

ожидающія за это похвалы или награды, когда вы дѣлаете это не какъ подвигъ, а, какъ работникъ евангельской притчи, пришедшій съ поля, считая, что вы сдѣлали только то, что должно,—тогда вы знаете, что—фальшивый, парадный трудъ, для людей, и что—настоящій, для исполненія воли Бога, указанія котораго вы чувствуете въ своемъ сердцѣ. Если вы такія, то вы не скажете ни послѣ двухъ, ни послѣ 20 дѣтей, что довольно рожать, какъ не скажетъ 50-ти лѣтній работникъ, когда онъ еще ѣсть и спать и мускулы его просятъ дѣла, что довольно работать; если вы такія, вы не свалите съ себя заботы кормленія и ухода за дѣтьми на чужую мать, какъ не дастъ работникъ чужому человѣку кончить его начатую и почти конченную работу, потому что въ эту работу вы кладете свою жизнь, и потому тѣмъ полнѣе и счастливѣе ваша жизнь, чѣмъ больше этой работы. Такая мать будетъ учить не тому, что дастъ сыну или дочери возможность соблазна освободиться отъ труда, а тому, что поможетъ ему нести трудъ жизни. Ей не нужно будетъ спрашивать, чему учить, къ чему готовить дѣтей: она знаетъ, въ чемъ призваніе людей, и потому знаетъ, чему надо учить и къ чему готовить дѣтей. Такая женщина не будетъ не только поощрять мужа къ обманному, фальшивому труду, имѣющему только цѣлью пользованіе трудомъ другихъ, но съ отвращеніемъ и ужасомъ будетъ относиться къ такой дѣятельности, служащей двойнымъ соблазномъ для дѣтей. Такая женщина не будетъ выбирать мужа дочери по бѣлизнѣ его рукъ и утонченности манеръ, а твердо зная, что трудъ и что обманъ, будетъ всегда и вездѣ, начиная съ своего мужа, уважать и цѣнить въ мужчинѣ и требовать отъ него настоящаго труда, съ тратою силъ и опасностью.

И пусть не говорятъ тѣ женщины, которыя, отрекаясь отъ призванія женщины, хотятъ пользоваться правами его, что такой взглядъ на жизнь невозможенъ для матери, что мать слишкомъ тѣсно связана любовью къ дѣтямъ, чтобъ отказать дѣтямъ въ ихъ лакомствахъ, утѣхахъ, нарядахъ, чтобъ не бояться за необезпеченныхъ дѣтей, если мужъ не будетъ имѣть состоянія или обезпеченнаго положенія, и чтобы не бояться за судьбу выходящихъ замужъ дочерей и за сыновей, не получившихъ образованія. Все это неправда, самая яркая неправда! Вы не можете удержаться отъ желанія дать конфетъ, игрушекъ и свести въ циркъ? Но вѣдь вы не даёте волчьихъ ягодъ, не пускаете одного въ лодкѣ, не водите въ кафешантанъ? Отчего же вы тамъ можете удержаться, а здѣсь нѣтъ? Оттого, что вы говорите неправду. Настоящая мать, та, которая въ рожденіи и воспитаніи дѣтей видитъ свое самоотверженное призваніе жизни и исполненіе воли Бога,—не скажетъ этого.

Если могут быть сомнѣнія для мужчины и для бездѣтной женщины о томъ пути, на которомъ находится исполненіе воли Бога, для женщины—матери путь этотъ твердо и ясно опредѣленъ, и, если она покорно, въ простотѣ душевной исполнила его, она становится на ту высшую точку совершенства, до которой можетъ достигнуть человѣческое существо, и становится для всѣхъ людей тѣмъ образцомъ полноты исполненія воли Бога, къ которому всегда стремятся всѣ люди ¹⁾).

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА V.

Наука.

Роль науки въ современномъ мірѣ. Успѣхи техники и другихъ прикладныхъ знаній и ложно приписываемое имъ значеніе. О признакахъ и задачахъ истинной науки. Необходимыя условія истинной научной дѣятельности. Религіозная основа образованія. Свободная школа.

1.

Всѣ люди призваны къ исполненію закона труда. Но не всѣ подчиняются этому призванію. Въ прежнія времена люди, пользовавшіеся трудами другихъ, утверждали, что, во-первыхъ, они люди особенной породы и, во-вторыхъ, имѣютъ особенное назначеніе отъ Бога заботиться о благѣ отдѣльныхъ людей, т. е. управлять ими и учить ихъ; и потому они увѣряли другихъ и часто вѣрили сами, что то дѣло, которое они исполняютъ, нужнѣе и важнѣе для народа, чѣмъ тѣ труды, которыми они пользовались. Съ появленіемъ христіанства, провозгласившаго равенство и единство всѣхъ людей, оправданіе особенности породъ людскихъ уничтожилось. Но самый фактъ освобожденія себя отъ труда одними людьми и пользованія трудами другихъ остался тотъ же, и для существующаго факта постоянно были придумываемы новыя оправданія. И, какъ ни странно это можетъ показаться, — главная дѣятельность всего того, что называлось въ извѣстное время наукой, того, что составляло царствующее направленіе науки, было и теперь продолжаетъ состоять въ отысканіи, такихъ оправданій.

Всѣ богословскія тонкости, стремящіяся доказать, что данная церковь есть единая истинная преемница Христа, а потому она одна имѣетъ полную и безконечную власть надъ душами, да и надъ тѣлами людей, — главнымъ мотивомъ своей дѣятельности имѣ-

ють эту цѣль. Всѣ науки юридическія: государственное, уголовное, гражданское, международное право имѣютъ одно это назначеніе.

Большинство философскихъ теорій, какъ, наиримѣръ, столь долго царствовавшая теорія Гегеля съ его положеніемъ разумности существующаго и того, что государство есть необходимая форма совершенствованія личности, имѣютъ одну эту цѣль ¹⁾. Позитивная философія Копта и вытекающее изъ нея ученіе о томъ, что человѣчество есть организмъ,—ученіе Дарвина о законѣ борьбы за существованіе, руководящемъ будто бы жизнью, и вытекающемъ изъ него различіи породъ людскихъ,—столь любимыя теперь антропология, біологія и соціологія имѣютъ одну эту цѣль ²⁾. Такова же теперь столь распространенная теорія Маркса о неизбѣжности экономическаго прогресса, состоящаго въ поглощеніи всѣхъ частныхъ производствъ капитализмомъ ³⁾.

Мальчишеское оригинальничанье полубезумнаго Ницше, внивоющего съ христіанствомъ, не представляющее даже ничего цѣльнаго и связнаго, какіе-то наброски безнравственныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ мыслей, признается передовыми людьми послѣднимъ словомъ философской науки. Въ отвѣтъ на вопросъ: что дѣлать? уже прямо говорится: жить въ свое удовольствіе, не обращая вниманія на жизнь другихъ людей ⁴⁾.

Всѣ эти науки и теоріи стали любимыми, потому что онѣ всѣ служатъ оправданію существующаго освобожденія себя одними людьми отъ человѣческой обязанности труда и поглощенія ими труда другихъ ⁵⁾. Наука признала именно это случайное, уродливое положеніе нашего общества за законъ всего человѣчества ⁶⁾. Все значеніе царствующей науки только въ этомъ. Она теперь стала раздавательницей дипломовъ на праздность, потому что она одна въ своихъ капищахъ разбираетъ и опредѣляетъ, какая паразитическая, какая органическая дѣятельность человѣка въ общественномъ организмѣ. Какъ будто каждый человѣкъ не можетъ этого самъ узнать гораздо вѣрнѣе и короче, справившись съ разумомъ и совѣстью. И какъ прежде для духовенства, потомъ для государственныхъ людей не могло быть сомнѣнія, кто самые нужные для другихъ люди, такъ теперь научной наукой кажется, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ея-то дѣятельность и есть несомнѣнно органическая: они, научные и художественные дѣятели, суть моз-

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с.с. 180—181.

²⁾ *ib.*, с. 182.

³⁾ „Что такое искусство“, с. 158.

⁴⁾ *ib.*, с. 38.

⁵⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 182.

⁶⁾ „Въ чемъ моя вѣра“, с. 176.

говья, самыя драгоценныя клѣточки организма ¹⁾). Всѣ эти теоріи, какъ и всегда это бываетъ, вырабатываются въ таинственныхъ капищахъ жрецовъ и въ неопредѣленныхъ, неясныхъ выраженіяхъ распространяются въ массахъ и усваиваются ими ²⁾). И это происходитъ отъ того, что для большинства мнимо просвѣщенныхъ людей нашего времени противно напоминаніе о добродѣтели, о главной основѣ ся — самоотреченіи, любви, стѣсняющихъ и осуждающихъ ихъ животную жизнь, и радостно встрѣтить хоть кое-какъ, хоть безтолково, несвязно выраженное то ученіе эгоизма, жестокости, утвержденія своего счастья и величія на жизни другихъ людей, которымъ они живутъ ³⁾).

2.

Но только раздѣленіе труда, освобожденіе людей науки и искусства отъ необходимости вырабатывать свою пищу и дало возможность того необычайнаго успѣха наукъ, который мы видимъ въ наше время,—говорятъ на это. Если бы всѣ должны были пахать, не были бы достигнуты тѣ громадныя результаты, которые достигнуты въ наше время и которые такъ увеличили власть человѣка надъ природою: не было бы тѣхъ астрономическихъ, такъ поражающихъ человѣческій умъ открытій, упрочившихъ мореплаваніе, не было бы паровозовъ, желѣзныхъ дорогъ, удивительныхъ мостовъ, туннелей, паровыхъ двигателей, телеграфовъ, фотографій, телефоновъ, швейныхъ машинъ, фонографовъ, электричества, телескоповъ, спектроскоповъ, микроскоповъ, хлороформа, листеровой повязки, карболовой кислоты.

Всѣ эти успѣхи очень удивительны, но по какой-то несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, до сихъ поръ успѣхи эти не улучшили, а скорѣй ухудшили положеніе рабочаго. Если рабочій можетъ, вмѣсто ходьбы, проѣхаться по желѣзной дорогѣ, то за то желѣзная дорога сожгла его лѣсъ, увезла у него изъ-подъ носа хлѣбъ и привела его въ состояніе, близкое къ рабству, къ желѣзнодорожнику. Если, благодаря паровымъ двигателямъ и машинамъ, рабочій можетъ купить сквернаго ситцу, то за то эти двигатели и машины лишили его заработка дома и привели въ состояніе совершеннаго рабства—къ фабриканту. Если есть телеграфы, которыми ему не запрещается пользоваться, но которыми онъ по своимъ

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 208.

²⁾ *Ib.*, с. 182.

³⁾ „Что такое религія“, с. с. 39—40.

средствамъ не можетъ пользоваться, то за то всякое произведение его, которое входитъ въ цѣну, скупается у него модъ носомъ капиталистами по дешевой цѣнѣ, благодаря телеграфу, прежде чѣмъ рабочій узнаетъ о требованіи на этотъ предметъ. Если есть телефоны и телескопы, стихи, романы, театры, балеты, симфоніи, оперы, картинныя галлерей и т. п., то жизнь рабочаго отъ этого всего не улучшилась, потому что все это, по той же несчастной случайности, недоступно ему. Такъ что если къ вопросу о дѣйствительности успѣховъ, достигнутыхъ науками и искусствами, мы приложимъ не наше восхищеніе передъ самими собой, а то самое мѣрило, на основаніи котораго защищается раздѣленіе труда—пользу рабочему народу, то увидимъ, что у насъ еще нѣтъ твердыхъ основаній для того самодовольства, которому мы такъ охотно предаемся.

Вѣдь мы всѣ знаемъ, что о рабочемъ человѣкѣ если и думали тѣ техники и капиталисты, которые строили дорогу и фабрику, то только въ томъ смыслѣ, какъ бы вытянуть изъ него послѣднія жилы. И, какъ мы видимъ, и у насъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ вполнѣ достигли этого. Техникъ строить дорогу для правительства, для военныхъ цѣлей или для капиталиста, для финансовыхъ цѣлей. Онъ дѣлаетъ машины для фабриканта, для наживы своей и капиталиста. Все, что онъ дѣлаетъ и выдумываетъ, онъ дѣлаетъ и выдумываетъ для цѣлей правительства, для цѣлей капиталиста и богатыхъ людей. Самыя хитрыя его техническія изобрѣтенія направлены прямо или на вредъ народа: какъ пушки, торпеды, аэропланы, одиночныя тюрьмы, приборы для акциза, телеграфы и т. п.; или на предметы, которые не могутъ быть не только полезны, но и приложимы для народа: электрическій свѣтъ, телефоны и всѣ безчисленныя усовершенствованія комфорта; или, наконецъ, на тѣ предметы, которыми можно развращать народъ и выманить у него послѣднія деньги, т. е. послѣдній трудъ: таковы прежде всего — водка, вино, ниво, опиумъ, табакъ, потомъ ситцы, платки и всякія бездѣлушки. Если же случается, что выдумки людей науки и работы техниковъ иногда пригодятся и народу, какъ желѣзная дорога, ситецъ, чугуны, косы, то это доказываетъ только то, что на свѣтѣ все связано и изъ каждой вредной дѣятельности можетъ выходить и случайная польза для тѣхъ, кому дѣятельность эта была вредна.

Паразительнѣе и очевиднѣе всего ложность направленія нашей науки и искусствъ именно въ тѣхъ самыхъ отрасляхъ, которыя, казалось бы, по самымъ задачамъ своимъ должны бы быть полезными народу и которыя, вслѣдствіе ложнаго направленія, представляются скорѣе пагубными, чѣмъ полезными. Техникъ, врачъ, учитель, художникъ, сочинитель по самому назначенію своему должны

бы, кажется, служить народу;—и что же? При теперешнемъ на-
правленіи они ничего, кромѣ вреда, не могутъ приносить народу.

Технику, механику надо работать съ капиталомъ. Безъ капи-
тала онъ никуда не годится. Всѣ его знанія таковы, что для про-
явленія ихъ ему нужны капиталы и въ большихъ размѣрахъ экспло-
атація рабочаго, и, не говоря уже о томъ, что онъ самъ приученъ
къ тому, чтобы проживать по меньшей мѣрѣ 1¹/₂, 2 тысячи въ
годъ, и потому не можетъ идти въ деревню, гдѣ никто не можетъ
дать ему такого вознагражденія, онъ по самымъ занятіямъ своимъ
не годится для служенія народу. Какъ улучшить соху, телѣгу; какъ
сдѣлать проѣзднымъ ручей—все это въ тѣхъ условіяхъ жизни, въ
которыхъ находится рабочій,—онъ ничего этого не знаетъ и пони-
маетъ меньше, чѣмъ самый послѣдній мужикъ.

Въ болѣе худшемъ положеніи находится врачъ. Его вообра-
жаемая наука вся такъ поставлена, что онъ умѣетъ лѣчить только
тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ и могутъ пользоваться
трусами другихъ. Ему нужно безчисленное количество дорогихъ
приспособленій, инструментовъ, лѣкарствъ, гигиеническихъ приспо-
собленій квартиры, пищи, нужника, чтобы ему научно дѣйствовать;
ему, кромѣ своего жалованія, нужны такіе расходы, что для того,
чтобы вылѣчить одного больного, ему нужно заморить голодомъ
сотню тѣхъ, которые понесутъ эти расходы. Онъ учился у знаме-
нитостей въ столицахъ, которые держатся пациентовъ только такихъ,
которыхъ можно лѣчить въ клиникахъ или которые, лѣчась, могутъ
купить необходимыя для лѣкарства машины и даже переѣхать
сейчасъ съ сѣвера на югъ и на такія или на другія воды. Вы-
ходитъ то, что главное бѣдствіе народа, отъ котораго происходятъ
и распространяются и не излѣчиваются болѣзни,—это недостаточ-
ность средствъ для жизни. Средствъ нѣтъ и потому надо
ихъ брать съ народа, который болѣетъ и заражается, а не
вылѣчивается отъ недостатка средствъ. Вотъ и говорятъ за-
щитники медицины для народа, что теперь еще это дѣло мало
развилося. Очевидно, что мало развилося, потому что, если
бы, избави Богъ, оно развилося, и на шею народа— вмѣсто
двухъ докторовъ, акушерокъ и фельдшеровъ въ уѣздѣ поса-
дили бы 20, какъ они хотятъ этого,—скоро бы и лѣчить некого было.

То же и съ дѣятельностью учителей научныхъ—педагогиче-
скихъ. Точно такъ же наука поставила это дѣло такъ, что учить
по наукѣ можно только богатыхъ людей, и учителя, какъ техники
и врачи, невольно льнутъ къ деньгамъ, у насъ особенно къ пра-
вительству. И это не можетъ быть иначе, потому что образцово-
устроенная школа (какъ общее правило, чѣмъ научнѣе устроена

школа; тѣмъ она дороже) со скамейками на винтахъ, глобусами и картинами, и библіотеками, и методиками для учителей и учениковъ—такая; на которую надо удвоить подати съ каждой деревни. Народу нужны дѣти для работы и тѣмъ болѣе нужны, чѣмъ онъ бѣднѣе. Научные защитники говорятъ: педагогія и теперь приноситъ пользу народу, а дайте, она разовьется, тогда будетъ еще лучше. Правительство устроитъ школы и сдѣлаетъ обязательнымъ обученіе, какъ въ Европѣ. Но деньги-то возмутся вѣдь опять-таки съ народа, и онъ еще тяжелѣе будетъ работать, и у него будетъ еще меньше досуга отъ труда, и образованія насильственнаго не будетъ ¹⁾).

Таково ложное направленіе науки, лишшающее ее возможности исполнять свою обязанность—служить народу. Теперь, при капиталистическомъ устройствѣ жизни, успѣхи всѣхъ прикладныхъ наукъ: физики, химіи, механики, медицины и другихъ неизбѣжно только увеличиваютъ власть богатыхъ надъ поработченными рабочими и усиливаютъ ужасы и злодѣяства войнъ ²⁾).

3.

Наука, какъ разумная дѣятельность человѣческая, и искусство—выраженіе этой разумной дѣятельности такъ же необходимы для людей, какъ пища, и питье, и одежда, даже необходимѣе; но они дѣлаются таковыми не потому, что мы рѣшимъ, что то, что мы называемъ наукой и искусствомъ, необходимо, а только потому, что оно дѣйствительно необходимо людямъ ³⁾). Наука, въ смыслѣ всѣхъ знаній человѣчества, всегда была и есть, и безъ нея немислима жизнь: ни нападать на нее, ни защищать нѣтъ никакой надобности. Но дѣло въ томъ, что область этихъ знаній такъ разнообразна, такъ много входитъ въ нее знаній всякаго рода,—отъ знаній, какъ добывать желѣзо, до знаній движенія свѣтила, — что человѣкъ теряется въ этихъ разныхъ знаніяхъ, если у него нѣтъ руководящей нити, по которой бы онъ могъ рѣшать, какое изъ всѣхъ знаній самое важное для него и какое менѣе важно. И потому высшая мудрость людей всегда состояла въ томъ, чтобы найти ту руководящую нить, по которой должны быть расположены знанія людей: какое изъ нихъ первой, какое меньшей важности ⁴⁾).

Наука, какъ это понималось всегда и понимается и теперь

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. с. 215—221.

²⁾ „О ложной наукѣ“, рукопись, гл. V.

³⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 224.

⁴⁾ *ib.*, с. 225

большинствомъ людей, есть знаніе необходимѣйшихъ и важнѣйшихъ для жизни человѣческой предметовъ знанія. Такимъ знаніемъ, какъ это и не можетъ быть иначе, было всегда, есть и теперь только одно: *знаніе того, что нужно всякому человѣку дѣлать для того, чтобы какъ можно лучше прожить въ этомъ мірѣ тотъ короткій срокъ жизни, который опредѣленъ ему Богомъ, судьбой, законами природы,* — какъ хотите. Для того же, чтобы знать то, какъ наилучшимъ образомъ прожить свою жизнь въ этомъ мірѣ, надо прежде всего знать, что точно хорошо всегда и вездѣ и всѣмъ людямъ, и что точно дурно всегда и вездѣ и всѣмъ людямъ, т. е. знать, что должно и чего не должно дѣлать. Въ этомъ и только въ этомъ и была и продолжается быть истинная, настоящая наука.

Наука эта есть дѣйствительная наука, т. е. собраніе знаній, которыя не могутъ сами собой открыться человѣку и о которыхъ надо учиться и которымъ учился и весь родъ человѣческій. Наука эта во всемъ ея объемѣ состоитъ въ томъ, чтобы знать все то, что за многія тысячи лѣтъ до насъ думали и высказывали самые хорошіе, мудрые люди, изъ тѣхъ многихъ милліоновъ людей, жившихъ прежде насъ, о томъ, что надо и чего не надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы жизнь не для одного себя, но для всѣхъ людей была хорошая. И такъ какъ вопросъ этотъ такъ же, какъ онъ стоитъ теперь передъ нами, стоялъ всегда передъ всѣми людьми міра, то и во всѣхъ народахъ и съ самыхъ давнихъ временъ были люди, высказывавшіе свои мысли о томъ, въ чемъ должна состоять эта хорошая жизнь, т. е. что должны и чего не должны дѣлать люди для своего блага. Такіе люди были вездѣ: въ Индіи были Кришна и Будда, въ Китаѣ Конфуцій и Лаотсе, въ Греціи и Римѣ Сократъ, Эпиктетъ, Маркъ Аврелій, въ Палестинѣ Христосъ, въ Аравіи Магометъ. Такіе люди были и въ средніе вѣка и въ новое время, какъ въ христіанскомъ, такъ и въ магометанскомъ, браминскомъ, буддійскомъ, конфуціанскомъ мірѣ. Такъ что знать то, что говорили, въ сущности почти всегда одно и то же, всѣ мудрые люди всѣхъ народовъ о томъ, какъ должны для ихъ истиннаго блага жить люди по отношенію ко всѣмъ главнымъ условіямъ жизни человѣческой, въ этомъ и только въ этомъ истинная настоящая наука. И науку эту необходимо знать каждому человѣку для того, чтобы, пользуясь тѣмъ опытомъ, какой приобрѣли прежде жившіе люди, не дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя они дѣлали.

Наука эта въ ея отношеніи къ разнымъ сторонамъ жизни человѣческой, можетъ казаться и длинной, и многосложной, но

главная основа науки, та, изъ которой каждый человекъ можетъ вывести отвѣты на всѣ вопросы жизни, и коротка, и проста, и доступна всякому, какъ самому ученому, такъ и самому неученому человеку. Оно и не могло быть иначе. Все равно, есть ли Богъ или нѣтъ Его, не могло быть того, чтобы могъ узнать самую, нужную для блага всякаго человека науку только тотъ, кому не нужно самому кормиться, а кто можетъ на чужіе труды и дѣтъ учиться въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Не могло быть этого и нѣтъ этого. Настоящая наука, та, которую необходимо знать каждому, доступна и понятна каждому, потому что вся эта наука, въ главной основѣ своей, изъ которой каждый можетъ вывести ея приложение къ частнымъ случаямъ, вся она сводится къ тому, чтобы любить Бога и ближняго, какъ говорилъ Христосъ. Любить Бога, т. е. любить выше всего совершенство добра, и любить ближняго, т. е. любить всякаго человека, какъ любишь себя. Такъ же высказывали истинную науку въ этомъ самомъ ея простомъ видѣ еще прежде Христа и браминскіе, и буддійскіе, и китайскіе мудрецы.

Такова истинная наука, но не такова та наука, которая въ наше время въ христіанскомъ мірѣ считается и называется наукой. Наукой въ наше время считается и называется, какъ ни странно это сказать, знаніе всего, *всего на свѣтъ, кромѣ того одного, что нужно знать каждому человеку для того, чтобы жить хорошей жизнью.* Люди, занимающіеся теперь наукой и считающіеся учеными, изучаютъ все на свѣтъ. И такихъ изученій, называемыхъ наукой, такое огромное количество, что едва ли есть на свѣтъ такой человекъ, который не то чтобы зналъ, всѣ эти такъ называемыя науки, но могъ бы хотя перечислить ихъ. И всѣ эти науки считаются одинаково важными и нужными, такъ что нѣтъ никакого указанія на то, какія изъ этихъ наукъ должны считаться болѣе, какія менѣе важными, и какія поэтому должны изучаться прежде и какія послѣ. Не только нѣтъ такого указанія, но люди, вѣрующіе въ науку, до такой степени вѣрятъ въ нее, что не только не смущаются тѣмъ, что наука ихъ ее нужна, но, напротивъ, говорятъ, что самыя важныя и полезныя науки это тѣ, которыя не имѣютъ никакого applicatіона къ жизни, т. е. совершенно бесполезны. Въ этомъ, по ихъ понятіямъ, вѣрнѣйшій признакъ значительности науки.

Понятно, что людямъ, такъ понимающимъ науку, все одинаково нужно. Они съ одинаковымъ стараніемъ и важностью изслѣдуютъ вопросъ о томъ, сколько вѣситъ солнце и не сойдется ли оно съ такой или такой звѣздой, и какія козявки гдѣ живутъ и какъ разводятся, и что отъ нихъ можетъ сдѣлаться, и какъ зем-

мы сдѣлалась землею, и какъ стали расти на ней травы, и какіе на землѣ есть звѣри, птицы, и рыбы; и какіе были прежде; и какой царь съ какимъ воевалъ и на комъ былъ женатъ, и кто когда складываетъ стихи и пѣсни и сказки, и какіе законы нужны, и почему нужны тюрьмы и висѣлицы; и какъ и чѣмъ замѣнить ихъ, и изъ какого состава какіе камни и какіе металлы, и какъ и какіе пары бываютъ и какъ остываютъ, и почему одна христіанская церковная религія истинная, и какъ дѣлать электрическіе двигатели и аэропланы и подводныя лодки, и пр. и пр. и пр. И все это науки съ самыми странными, вычурными названіями, и всѣмъ этимъ съ величайшею важною передаваемымъ другъ другу изслѣдованіямъ конца нѣтъ и не можетъ быть, потому что дѣлу бываетъ начало и конецъ: а пустякамъ не можетъ быть и нѣтъ конца. Не можетъ быть конца особенно тогда, когда занимаются этими такъ называемыми науками люди, которые не сами кормятся, а которыхъ кормятъ другіе и которыхъ поэтому отъ скуки и больше дѣлать нечего, какъ заниматься какими бы то ни было забавами. Выдумываютъ эти люди всякія игры, гулянья, зрѣлища, театры, борьбы, ристалища, въ томъ числѣ и то, что они называютъ наукой¹⁾.

„Но если и согласиться, что наука одного класса людей не можетъ быть вся полезна для всѣхъ, все-таки такія знанія, какъ физика, химія, астрономія, исторія, въ особенности математика (кромѣ того, и искусство), сами по себѣ не могутъ не быть полезны людямъ и расширеніемъ ихъ міросозерцанія, и своими практическими приложеніями,—скажутъ люди науки.—Если само по себѣ и нехорошо то, что были и есть люди, которымъ не надо самимъ кормиться, то все-таки все то, что сдѣлали эти люди, благодаря тѣмъ условіямъ, въ которыхъ они находились, не теряетъ отъ этого своей цѣнности“. Нѣтъ, не годится и эта отговорка для оправданія того, что у насъ называется наукой. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что тѣ знанія и тѣ различныя степени ихъ развитія среди людей, живущихъ внѣ кастъ, одной общей для всѣхъ жизнью; будутъ тѣ же самыя, какъ и тѣ, которыя развились теперь среди людей, живущихъ исключительной жизнью, не своими, а трудами другихъ людей. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы люди, живущіе всѣ одинаковой, внѣ кастовой жизнью, занялись когда-нибудь вопросами о происхожденіи организмовъ, о величинѣ и составѣ звѣздъ, о радіи, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ основахъ церковнаго, уголовнаго и другихъ подобныхъ правъ; объ излѣченіи болѣзней, происходящихъ отъ излишествъ, и многими

1) „О ложной наукѣ“, рукопись, главы III и IV

другими знаніями, которыя теперь считаются науками. Людямъ, занятымъ вопросами истинной науки, всегда будетъ слишкомъ много своего, нужнаго дѣла. Дѣло это будетъ въ томъ, чтобы уяснить каждому человѣку, что ему надо дѣлать для того, чтобы не могло быть людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, чтобы не было женщинъ, отдающихъ на поруганіе свое тѣло, чтобы не было соблазновъ пьянства, алкоголя, опиума, табака, чтобы не было дѣленія на враждебные народы, не было бы убійствъ на войнахъ людей чужихъ народовъ, и своего народа на гильотинахъ и висѣлицахъ, не было бы религіозныхъ обмановъ и многое другое. Мало того, людямъ, занятымъ истинной наукой, надо будетъ уяснить, что надо дѣлать каждому человѣку для того, чтобы хорошо воспитывать дѣтей, чтобы хорошо жить вмѣстѣ, чтобы хорошо питаться, чтобы хорошо воздѣлывать землю. Такъ много такихъ и много, много другихъ важныхъ вопросовъ будетъ стоять передъ людьми, занятыми истинной наукой, что едва-ли когда-нибудь будутъ они въ состояніи и захотятъ заняться граммофонами, аэропланами, взрывчатыми веществами и подводными лодками ¹⁾).

Тогда наука будетъ стройнымъ органическимъ цѣлымъ, имѣющимъ опредѣленное, понятное всѣмъ людямъ и разумное назначеніе, а именно: вводить въ сознаніе людей тѣ истины, которыя вытекаютъ изъ религіознаго сознанія нашего времени ²⁾).

4.

Теперь есть цехъ ученыхъ и художниковъ, и они заготавливаютъ усовершенствованнымъ способомъ всю ту духовную пищу, которая нужна человѣчеству. И заготовили ея такъ много, что старыхъ, прежнихъ геніальныхъ людей, не только древнихъ, но и болѣе близкихъ, уже не нужно и поминать,—это все была дѣятельность теологическаго и метафизическаго періода; то все надо стереть. А настоящая разумная дѣятельность началась такъ—лѣтъ 50 тому назадъ. И въ эти 50 лѣтъ мы надѣлали столько великихъ людей, что ихъ въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ больше, чѣмъ было во всемъ мірѣ; а наукъ надѣлали столько, — благо ихъ легко дѣлать (стоитъ приложить къ греческому названію слово „логія“ и расположить по готовымъ рубрикамъ, и готова наука). — что не только одинъ человѣкъ не можетъ знать ихъ, но ни одинъ не запомнить всѣхъ названій существующихъ наукъ,—названія одни составляютъ

¹⁾ Ib., гл. VII.

²⁾ „Что такое искусство“, с. 490.

толстый лексиконъ, и каждый день все дѣлаютъ еще новыя науки. Одно только горе, что никто, кромѣ насъ, ничего этого не понимаетъ и считаетъ все это ни на что не нужной чепухой ¹⁾).

Положеніе людей науки (и искусства) привилегированное, потому что наука и искусство въ нашемъ мірѣ не есть вся та разумная дѣятельность всего безъ исключенія челоуѣчества, выделяющаго свои лучшія силы на служеніе наукѣ и искусству, а дѣятельность маленькаго кружка людей, имѣющаго монополию этихъ занятій и называющаго себя людьми науки и искусства, и потому извратившихъ самыя понятія науки и искусства, потерявшихъ смыслъ своего призванія и занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей скуки свой маленькій кружокъ дармовцовъ ²⁾). И понятно, почему дѣятели нынѣшней науки и искусствъ не исполнили и не могутъ исполнить своего призванія. Они не исполняютъ его потому, что они изъ обязанностей своихъ сдѣлали права. Дѣятельность научная и художественная, въ ея настоящемъ смыслѣ, только тогда плодотворна, когда она не знаетъ правъ, а знаетъ одни обязанности. Только потому, что она всегда такова,— что ея свойство быть самоотверженною, — и цѣнить челоуѣчество такъ высоко эту дѣятельность. Если люди дѣйствительно призваны къ служенію другимъ духовной работой, то они всегда будутъ страдать, исполняя это служеніе, потому что только страданіями, какъ муками, рождается духовный міръ. Самоотверженіе и страданіе будутъ удѣломъ мыслителя и художника потому, что цѣль его есть благо людей. Люди несчастны: страдаютъ, гибнутъ. Ждать и прохладяться некогда. Мыслитель и художникъ никогда не будетъ сидѣть на олимпійскихъ высотахъ, какъ мы привыкли воображать; онъ будетъ всегда, вѣчно въ тревогѣ и волненіи: онъ могъ рѣшить и сказать то, что дало бы благо людямъ, избавило бы ихъ отъ страданія, а онъ и не рѣшилъ и не сказалъ, а завтра, можетъ, будетъ поздно—онъ умретъ. Не тотъ будетъ мыслителемъ и художникомъ, кто воспитается въ заведеніи, гдѣ будто бы дѣлаютъ ученаго и художника (собственно же дѣлаютъ губителя науки и искусства), и получить дипломъ и обезпеченіе, а тотъ, кто и радъ бы не мыслить и не выражать того, что заложено ему въ душу, но не можетъ не дѣлать того, къ чему влекутъ его двѣ непреодолимыя силы: внутренняя потребность и требованія людей.

Гладкихъ, жуирующихъ и самодовольныхъ мыслителей и художниковъ не бываетъ. Духовная дѣятельность и выраженіе ея, дѣйствительно нужныя для другихъ, есть самое тяжелое призваніе

¹⁾ „Такъ что же намъ дѣлать“, с. 230.

²⁾ *Ib.*, с. 225.

человѣка: крестъ, какъ выражено въ Евангеліи. И единственный, несомнѣнный признакъ присутствія призванія есть жертва собой для проявленія вложенной въ человѣка, на пользу другимъ людямъ, силы: Учить тому, сколько козявокъ на свѣтѣ, и разсматривать пятна на солнцѣ, писать романы и оперу можно не страдая; но учить людей ихъ благу, которое все только въ отверженіи отъ себя и служеніи другимъ, и выразить сильно это ученіе нельзя безъ отреченія.

Не даромъ умеръ Христосъ на крестѣ, не даромъ жертва страданія побѣждаетъ все ¹⁾.

5.

При такомъ взглядѣ на науку естественно опредѣляются цѣль и границы образованія.

Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе. Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы безконечнаго количества могущими до безконечности быть удлинненными радіусами. И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избранной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія о самыхъ важныхъ и нужныхъ предметахъ, а, во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ, чтобы передаваемые знанія, подобно одинаковой длины и одинаково равномерно расположеннымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли бы гармоническое цѣлое ²⁾.

Здоровый ребенокъ рождается на свѣтѣ, вполне удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ; онъ близокъ къ неодушевленнымъ существамъ—къ растенію, къ животному, къ природѣ, которая постоянно представляетъ для насъ ту правду, красоту и добро, которыхъ мы ищемъ и желаемъ. Человѣкъ рождается совершеннымъ—есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, какъ камень, остается твердымъ и истиннымъ. Но каждый часъ въ жизни, каждая минута времени увеличиваютъ пространства, количества и время тѣхъ отношеній, которыя во время его рожденія находились въ совершенной гармоніи, и каждый шагъ, и каждый часъ грозитъ нарушеніемъ этой

¹⁾ *ib.*, с. с. 232—233.

²⁾ „Объ образованіи“, письмо къ автору „Христіанской этики“, рукопись.

гармоніи, и каждый послѣдующій шагъ, и каждый послѣдующій часъ грозитъ новымъ нарушеніемъ и не даетъ надежды возстановленія нарушенной гармоніи ¹⁾). Воспитывая, образовывая, развивая или, какъ хотите, дѣйствуя на ребенка, мы должны имѣть и имѣемъ безсознательно одну цѣль—достигнуть наибольшей гармоніи въ смыслѣ правды, красоты и добра. Если бы время не шло, если бы ребенокъ не жилъ всѣми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармоніи, добавляя тамъ, гдѣ намъ кажется недостаточнымъ, и убавляя тамъ, гдѣ намъ кажется лишнимъ. Но ребенокъ живетъ, каждая сторона его существа стремится къ развитію, перегоня одна другую, и большею частью самое движеніе впередъ этихъ сторонъ его существа мы принимаемъ за цѣль и содѣйствуемъ только развитію, а не гармоніи развитія. Въ этомъ заключается вѣчная ошибка всѣхъ педагогическихъ теорій. Мы видимъ свой идеалъ впереди, когда онъ стоитъ сзади насъ ²⁾).

Для того же, чтобы образованіе не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же, какъ у обучающихся, было общее и тѣмъ, и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для преподаванія и изученія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и преподавались бы въ соответственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими, пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т. е. религіи. Между тѣмъ, религіозное ученіе, общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ, предметы, долженствующіе быть главной основой всякаго образованія, воспитанія и обученія, отсутствуютъ совершенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣняются въ нашемъ обществѣ собраніемъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ, называемыхъ закономъ Божиимъ, предметомъ, самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію ³⁾). Намъ кажется, что это неважно, а между тѣмъ то преподаваніе такъ называемаго закона Божія дѣтямъ, которое совершается среди насъ, есть самое ужасное преступленіе, которое можно только представить себѣ. Истязаніе, убійство, изнасилованіе дѣтей—ничто въ сравненіи съ этимъ преступле-

¹⁾ „Кому у кого учиться писать“; Собраніе сочиненій, т. 4., с. с. 231—232.

²⁾ *ib.*, с. с. 230—231.

³⁾ „Объ образованіи“, письмo къ автору „Христіанской этики“, рукопись.

ніемъ 1). Чистый, невинный, не обманутый еще и еще не обманывающій ребенокъ приходитъ къ вамъ, къ человѣку пожившему и обладающему или могущему обладать всѣмъ знаніемъ, доступнымъ въ наше время человѣчеству, и спрашиваетъ о тѣхъ основахъ, которыми долженъ руководиться человѣкъ въ этой жизни. И что же мы отвѣчаемъ ему? Часто даже не отвѣчаемъ, а предваряемъ его вопросы—такъ, чтобы у него былъ готовъ внушенный отвѣтъ, когда возникнетъ его вопросъ. Мы отвѣчаемъ ему на эти вопросы грубой, несвязной, часто просто глупой и, главное, жестокой еврейской легендой, которую мы передаемъ или въ подлинникѣ или, еще хуже, своими словами. Мы рассказываемъ ему,—внушая, что это—святая истина,—то, что, мы знаемъ, не могло быть и что не имѣетъ для насъ никакого смысла.—что 6000 лѣтъ тому назадъ какое то странное, дикое существо, которое мы называемъ богомъ, вздумало сотворить міръ, сотворило его и человѣка, и что человѣкъ согрѣшилъ, злой богъ наказалъ его и всѣхъ насъ за это, потомъ выкупилъ у самого себя смертью своего сына; и что наше главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы умилостивить этого бога и избавиться отъ тѣхъ страданій, на которыя онъ обрекъ насъ и т. д. 2). И когда всѣ эти, не согласныя ни съ разумомъ, ни съ современными знаніями, ни съ человѣческой совѣстью положенія неизгладимо запечатлѣются въ воспримчивомъ умѣ ребенка, его оставляютъ одного, предоставляя ему разбираться, какъ онъ умѣетъ въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя вытекаютъ изъ принятыхъ и усвоенныхъ имъ, какъ несомнѣнная истина, догматовъ. И понемногу человѣкъ привыкаетъ (въ чемъ усиленно поддерживаютъ его богословы) къ тому, что разуму нельзя вѣрить, и что поэтому на свѣтѣ все возможно, и что въ человѣкѣ нѣтъ ничего такого, посредствомъ чего онъ самъ могъ бы отличать добро отъ зла и ложь отъ истины, что въ самомъ важномъ для него—въ своихъ поступкахъ—онъ долженъ руководиться не своимъ разумомъ, а тѣмъ, что скажутъ ему другіе люди. Понятно, какое страшное извращеніе въ духовномъ мірѣ человѣка должно произвести такое воспитаніе, поддерживаемое и въ зрѣломъ возрастѣ всѣми средствами внушенія, которое постоянно, съ помощью духовенства, производится надъ народомъ 3).

И потому главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы выработать соотвѣтственное нашему времени рели-

1) „О религіозномъ воспитаніи“, с. 29.

2) *Ib.*, с. с. 27-28.

3) „Что такое религія“, с. 44.

гіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставитъ его во главѣ образованія. Въ этомъ въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени ¹⁾. Истины же общей всѣмъ людямъ религіи нашего времени такъ просты, понятны и близки сердцу каждаго человѣка, что, казалось бы, стоило бы только родителямъ, правителямъ и наставникамъ— вмѣсто отжившихъ и нелѣпныхъ ученій о троицахъ, богородицахъ, искупленіяхъ, Индрахъ, тримуртіяхъ и улетающихъ на небо буддахъ и магометахъ, въ которыя они сами часто не вѣрятъ,—внушать дѣтямъ и взрослымъ тѣ простыя, ясныя истины общей всѣмъ людямъ религіи, метафизическая сущность которой въ томъ, что въ человѣкѣ живетъ духъ Божій, и практическое правило которой въ томъ, что человѣкъ долженъ поступать съ другими такъ, какъ онъ хочетъ, чтобы поступали съ нимъ,—и сама собою измѣнилась бы вся жизнь человѣческая ²⁾.

Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то можно думать, что порядокъ ихъ преподаванія выяснится самъ собой при призваніи основной всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметомъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа, при правильной постановкѣ дѣла образованія, столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ, болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ. Оба эти предмета, точно такъ же, какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ и замѣняются географіей—изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ, горъ, городовъ, и исторіей, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ. Думается, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т. е. людей, то, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто, и что точно такъ же соотвѣтственно ея важности для разумной жизни займутъ соотвѣтствующія мѣста: зоологія, математика, физика, химія и другія знанія ³⁾. И, право, если отрѣшиться отъ стараго суетвѣрія, совсѣмъ не страшно

¹⁾ „Объ образованіи“, письмо къ автору „Христіанской этики“, рукопись.

²⁾ „Что такое религія“, с. 50.

³⁾ „Объ образованіи“.

подумать, что вырастутъ люди, совѣмъ не уча въ дѣтствѣ того, что былъ Ярославъ, былъ Оттонъ и что есть Эстрамадура и т. п. Вѣдь перестали учить астрологію, перестали учить риторику, пѣнію; перестаютъ учить по-латыни, и родъ человѣческій не глупѣетъ. Рождаются новыя науки, надо отпадать, отживать прежнимъ наукамъ, не наукамъ, а гранямъ наукъ, которыя съ нарожденіемъ новыхъ наукъ становятся несостоятельными⁽¹⁾).

6.

Образованіе и обученіе разсматриваются обыкновенно отвлеченно, т. е. разсматривается вопросъ о томъ, какъ наилучшимъ и наименѣе вреднымъ способомъ произвести надъ извѣстнымъ субъектомъ (одинъ-ли это ребенокъ или масса дѣтей) извѣстное дѣйствіе обученія. Взглядъ этотъ совершенно ложенъ. Всякое образованіе и ученіе не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ извѣстное отношеніе двухъ лицъ, имѣющихъ цѣлью образованіе или обученіе²⁾. Какъ учить? Какой наилучшій методъ?—есть вопросъ о томъ, какое отношеніе между учащимъ и учащимся будетъ наилучшее. Никто, вѣроятно, не станетъ спорить, что наилучшее отношеніе между учителемъ и учениками есть отношеніе естественности, что противоположное естественному отношеніе есть отношеніе принудительности. Если это такъ, то мѣрило всѣхъ методовъ состоитъ въ большей или меньшей естественности отношеній и потому въ меньшемъ или большемъ принужденіи при ученіи. Чѣмъ съ меньшимъ принужденіемъ учатся дѣти, тѣмъ методъ лучше; чѣмъ съ большимъ, тѣмъ хуже³⁾.

Всѣ согласны, что школы несовершенны (онѣ даже и вредны). Всѣ согласны, что нужно много и много улучшеній. Всѣ согласны, что улучшенія эти должны основываться на большемъ удобствѣ для учениковъ. Всѣ согласны, что узнать эти удобства можно, только изучивъ потребности школьнаго возраста. Что же дѣлается для этого изученія? Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ каждая школа учреждается на образецъ другой, учрежденной на образецъ прежде бывшей, и въ каждой изъ этихъ школъ непремѣннымъ условіемъ поставлена дисциплина, воспреещающая дѣтямъ говорить, спрашивать, выбирать тотъ или другой предметъ ученія; однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры для лишенія учителя возможности дѣлать выводы о потребностяхъ учениковъ. Принудительное устрой-

1) „Избран. мысли о воспитаніи и образованіи“, с. 56.

2) Ib., с. 53.

3) Ib., с. 34.

ство школы исключаетъ возможность всякаго прогресса. А между тѣмъ, какъ подумаешь о томъ, сколько вѣковъ прошло въ отвѣчаніи дѣтямъ на тѣ вопросы, которыхъ они не думали задавать, о томъ, какъ далеко ушли нынѣшнія поколѣнія отъ той древней формы образованія, которая прививается имъ, то непонятно становится, какъ еще держатся школы ¹⁾). И это относится ко всѣмъ типамъ современной школы. Пансіоны нисколько не уродливіе гимназій, университетовъ. Въ послѣднихъ ученики связаны опредѣленнымъ курсомъ, программю, сводомъ избранныхъ наукъ, связаны требованіемъ экзаменовъ и преимущественно основаннымъ на нихъ, т. е. на экзаменахъ, предоставленіемъ правъ, или, что будетъ вѣрнѣе, лишеніемъ правъ въ случаѣ несоблюденія предписанныхъ условій. Въ основаніи всѣхъ подобныхъ учебныхъ заведеній лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человекомъ или небольшимъ собраніемъ людей право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется ²⁾). Развѣ не очевидно, что курсы ученія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній будутъ въ XXI столѣтіи казаться нашимъ потомкамъ столь же странными, какими намъ кажутся теперь средне-вѣковыя школы? Такъ легко притти къ тому простому заключенію, что если въ исторіи человѣческихъ знаній не было абсолютныхъ истинъ, а однѣ ошибки постоянно смѣнялись другими, то на какомъ основаніи *принуждать* молодое поколѣніе усваивать тѣ знанія, которыя навѣрное окажутся ошибочными? Понятенъ университетъ, соотвѣтствующій своему названію и своей основной идеѣ—сборанію людей съ цѣлью взаимнаго образованія. Такіе университеты, неизвѣстные намъ, возникаютъ и существуютъ въ разныхъ уголкахъ Россіи; въ самыхъ университетахъ, въ кружкахъ студентовъ собираются люди, читаютъ, толкуютъ между собой, и, наконецъ, постановляется правило, какъ собираться и толковать между собой. Вотъ настоящій университетъ. Наши же университеты, несмотря на всѣ пустые толки о мнимой либеральности ихъ устройства, суть заведенія, ничѣмъ не отличающіяся по своей организаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ. Какъ кадетскіе корпуса приготавливаютъ офицеровъ, какъ училище правовѣднія—чиновниковъ, такъ университеты приготавливаютъ чиновниковъ и людей университетскаго образованія (это, какъ всѣмъ извѣстно, особый чинъ, званіе, каста почти). Публичныя лекціи, число которыхъ постоянно возрастаетъ въ Европѣ и Америкѣ, наоборотъ, не только не обяызаютъ къ извѣстному кругу знаній, не только не требуютъ

1) *Ib.*, с. с. 23—24.

2) *Ib.*, с. 36.

вниманія къ себѣ подѣ угрозой наказанія, но требують отъ учащихся еще извѣстныхъ пожертвованій, чѣмъ самымъ доказываютъ, въ противоположность первымъ, совершенную свободу выбора и основаній, на которыхъ онѣ строятся ¹⁾. Угрозы наказаній и обѣщанія наградъ (правъ и т. п.), обусловливающія приобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію ²⁾.

Школа, казалось бы, должна быть и орудіемъ образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ опытомъ надѣ молодымъ поколѣніемъ, дающимъ постоянно новые выводы. Только когда опытъ будетъ основаніемъ школы, только тогда, когда каждая школа будетъ, такъ сказать, педагогической лабораторіей, только тогда школа не отстанетъ отъ всеобщаго прогресса, и опытъ будетъ въ состояніи положить твердыя основанія для науки образованія. Школы, устроенныя свѣше и насильственно, не пастырѣ для стада, а стадо для пастыря. Школа учреждается не такъ, чтобы дѣтямъ было удобно учиться, но такъ, чтобы учителямъ было удобно учить. Учителю неудобны говоръ, движеніе, веселость дѣтей, составляющіе для нихъ необходимое условіе ученія, и въ школахъ, строящихся, какъ тюремныя заведенія, запрещены вопросы, разговоры и движенія. Вмѣсто того, чтобы убѣдиться, что для успѣшнаго дѣйствія на предметъ нужно изучить его (а въ воспитаніи этотъ предметъ есть свободный ребенокъ), они хотятъ учить такъ, какъ умѣютъ, какъ вздумалось, и при неуспѣхѣ хотятъ перемѣнить не образъ ученія, а самую природу ребенка ³⁾. Но слѣдуетъ помнить, что въ педагогикѣ въ неуспѣхахъ виноватъ не можетъ быть ученикъ, а всегда учитель ⁴⁾.

Дѣло обученія представляется такъ: преподаватели для себя распредѣляютъ часы, по ученики вольны приходить или нѣтъ. Какъ ни странно это кажется намъ, такъ уродливо поставившимъ образованіе, полная свобода обученія, т. е. чтобы ученикъ, ученица сами бы приходили учиться, когда хотятъ, есть *conditio sine qua non* ⁵⁾ всякаго плодотворнаго обученія, такъ же, какъ *conditio sine qua non* питанія есть то, чтобы питающемуся хотѣлось ѣсть ⁶⁾. Школа не будетъ, можетъ быть, школа, какъ мы ее понимаемъ, — съ досками, лавками, кафедрами учительскими или профессорскими, — она, можетъ быть, будетъ раекъ, театръ, бібліотека, музей, бесѣда. Сводъ наукъ, программы вездѣ сложатся совсѣмъ другіе ⁷⁾. Но только при такой полной свободѣ можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать

¹⁾ П., с. с. 31—32. ²⁾ „Объ образованіи“, письмо къ автору „Христіанской этики“, рукопись. ³⁾ „Избр. мысли о воспитаніи и образованіи“, с. с. 24—25 ⁴⁾ П., с. 54. ⁵⁾ Необходимое условіе. ⁶⁾ „Изъ письма къ П. И. Б.“, „Кругъ чт. т. 1., с. 354. ⁷⁾ „Избр. мысли о воспитаніи и образованіи“, с. 35.

ихъ ради слабыхъ, а они, лучшіе ученики,—самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызывающаго отвращенія къ предметамъ, которые, если бы преподавать въ свое время и свободно, были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой специальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія ¹⁾).

Весьма обыкновенно слышать и читать мнѣнія, что домашнія условія, грубость родителей, полевая работа, деревенскія игры и т. п. суть главныя помѣхи школьному образованію. Можетъ быть, они точно мѣшаютъ тому школьному образованію, которое разумѣютъ педагоги, но пора убѣдиться, что всѣ эти условія суть главныя основанія всякаго образованія, что не только они не враги и не помѣхи школѣ, но первые и главные дѣятели ея. Ребенокъ никогда не могъ бы выучиться ни различію линій, составляющихъ различіе буквъ, ни числамъ, ни способности выражать свои мысли, если бы не эти домашнія условія. Интересъ знать что бы то ни было и вопросы, на которые имѣетъ задачей отвѣчать школа, порождаются только этими домашними условіями. А всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнью. Но наша школа не только не возбуждаетъ вопросовъ, она даже не отвѣчаетъ на тѣ, которые возбуждены жизнью. Она постоянно отвѣчаетъ на одни и тѣ же же вопросы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ поставленные человечествомъ, а не дѣтскимъ возрастомъ, до которыхъ еще нѣтъ дѣла ребенку. На вопросы же, представляющіеся ему изъ жизни, онъ не получаетъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что, по полицейскому устройству школы, онъ не имѣетъ права открыть рта даже для того, чтобы попроситься „на дворъ“, а долженъ это дѣлать знакомъ, чтобы не нарушать тишины и не помѣшать учителю.

Стоитъ взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улицѣ или въ школѣ: то вы видите жизнерадостное, любознательное существо съ улыбкой въ глазахъ и на устахъ, во всемъ ищущее поученія, какъ радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своимъ языкомъ,—то вы видите измученное, сжавшееся существо, съ выраженіемъ усталости, страха и скуки повторяющее одними губами чужія слова на чужомъ языкѣ,—существо, котораго душа, какъ улитка, спряталась въ свой домикъ. Стоитъ взглянуть на эти два состоянія, чтобы рѣшить, которое изъ двухъ болѣе выгодно для развитія ребенка. То странное психологическое состояніе, которое можно назвать школьнымъ состояніемъ души, которое мы всѣ, къ несчастію, такъ хорошо знаемъ, состоитъ въ томъ, что всѣ высшія способности: воображеніе, творчество, сообра-

¹⁾ „Изъ письма къ П. И. Б.“, с. 355.

женіе — уступають мѣсто какимъ-то другимъ полуживотнымъ способностямъ произносить звуки независимо отъ воображенія, считать числа сряду 1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, не допуская воображенію подставлять подъ нихъ какіе-нибудь образы; однимъ словомъ, способность подавлять въ себѣ всѣ высшія способности для развитія только тѣхъ, которыя совпадаютъ со школьнымъ состояніемъ,—страха, напряженія; памяти и вниманія. Всякій школьникъ до тѣхъ поръ составляетъ диспаратъ въ школѣ, пока онъ не попалъ въ колею этого полуживотнаго состоянія.

Какъ скоро ребенокъ дошелъ до этого положенія, утратилъ всю независимость и самостоятельность, какъ только проявляются въ немъ различные симптомы болѣзни—лицемѣріе, безцѣльная ложь, туникъ и т. п.,—такъ онъ уже не составляетъ диспаратъ въ школѣ, онъ попалъ въ колею, и учитель начинаетъ быть имъ доволенъ. Тогда тоже появляются тѣ не случайныя, но постоянно новтворяющіяся явленія, что самый глухой ребенокъ дѣлается лучшимъ ученикомъ и самый умный—худшимъ ученикомъ. Кажется, этотъ фактъ довольно знаменателенъ для того, чтобы подумать о немъ и постараться объяснить его. Кажется, что одинъ такой фактъ служить явнымъ доказательствомъ ложности основанія принудительной школы¹⁾.

Каждый шагъ философіи педагогики впередъ состоитъ только въ томъ, чтобъ освободить школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукою, къ мысли обученія тому, что лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Одна эта общая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противорѣчащая сама себѣ мысль чувствуется во всей исторіи педагогики,—общая, потому что всѣ требуютъ большой мѣры свободы школъ; противорѣчащая, потому что каждый предписываетъ законы, основанные на своей теоріи, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ свободу.

Почти cadaго изъ насъ заставляли маленькаго ѣсть за столомъ непременно съ хлѣбомъ; почему-то тогда не хотѣлось, а теперь хочется ѣсть съ хлѣбомъ. Почти cadaго изъ насъ заставляли держать перо вытянутыми пальцами, и мы всѣ держали перо сжучивши пальцы, потому что они были коротки, а теперь вытягиваемъ пальцы. Спрашивается: за что насъ такъ мучили, тогда какъ это пришло само собой, когда понадобилось? Не придетъ-ли эта охота и потребность знанія во всемъ точно такъ же?²⁾

Итакъ, единственный критеріумъ педагогики есть свобода, единственный методъ есть опытъ³⁾

¹⁾ „Избр. мысли о воспитаніи и образованіи“, с. с. 25-27.

²⁾ Іб., с. с. 33-34. ³⁾ Іб., с. 23.

ГЛАВА VI.

Искусство.

Несостоятельность понятія объ искусствѣ, какъ проявленіи красоты. Опредѣленіе искусства. Причины, обусловившія установленіе ложнаго взгляда на искусство. Современное искусство. Вредныя послѣдствія ложнаго искусства. Искусство будущаго.

1.

Для всякаго балета, цирка, оперы, оперетки, выставки, картины, концерта, печатанія книги, — нужна напряженная работа тысячъ и тысячъ людей, подневольно работающихъ часто губительную и унижительную работу. Всѣмъ художникамъ, кромѣ того, нужна помощь рабочихъ не только для производства искусства, но и для ихъ, большею частью, роскошнаго существованія, и такъ или иначе они получаютъ ее: или въ видѣ платы отъ богатыхъ людей, или въ видѣ субсидій отъ правительства, которыя милліонами даются имъ на театры, консерваторіи, академіи. Деньги же эти собираются съ народа, который никогда не пользуется тѣми эстетическими наслажденіями, которыя даетъ искусство. Вѣдь хорошо было греческому или римскому художнику, даже художнику перерой половины нашего столѣтія, когда были рабы и считалось, что такъ надо, со спокойнымъ духомъ заставлять людей служить себѣ и своему удовольствію; но въ наше время, когда во всѣхъ людяхъ есть хотя бы смутное сознаніе о равноправности всѣхъ людей, — нельзя заставить людей подневольно трудиться для искусства, не рѣшивъ прежде вопроса: правда-ли, что искусство есть такое хорошее и важное дѣло, что оно выкупаетъ это насидіе? ¹⁾ Что такое это искусство, которое считается столь важнымъ и необхо-

---

¹⁾ „Что такое искусство“, с. с. 22—24.

димымъ для человѣчества, что для него можно приносить тѣ жертвы не только трудовъ и жизней человѣческихъ, но и добра, которыя ему приносятся? ¹⁾).

Искусство—это архитектура, ваяніе, живопись, музыка, поэзія во всѣхъ ея видахъ, — отвѣтитъ обыкновенно средній человѣкъ, любитель искусства или даже самъ художникъ ²⁾). Искусство есть такая дѣятельность, которая проявляетъ красоту, — отвѣтитъ такой средній человѣкъ ³⁾).

Предполагается, что то, что разумѣется подъ словомъ «красота», всѣмъ извѣстно и понятно. А между тѣмъ это не только не извѣстно, но послѣ того, какъ объ этомъ предметѣ въ теченіе 150 лѣтъ съ 1750 года—времени основанія эстетики Баумгартеномъ—написаны горы книгъ самыми учеными и глубококомысленными людьми, — вопросъ о томъ, что такое красота, до сихъ поръ остается совершенно открытымъ и съ каждымъ новымъ сочиненіемъ по эстетикѣ рѣшается новымъ способомъ ⁴⁾). Но если не считать совершенно неточныхъ и не покрывающихъ понятія искусства опредѣленій красоты, полагающихъ ее то въ полезности, то въ цѣлесообразности, то въ симметріи, то въ порядкѣ, то въ пропорціональности, то въ гладкости, то въ гармоніи частей, то въ единствѣ въ разнообразіи, то въ различныхъ соединеніяхъ этихъ началъ, если не считать этихъ неудовлетворительныхъ попытокъ объективныхъ опредѣленій, — всѣ эстетическія опредѣленія красоты сводятся къ двумъ основнымъ возрѣніямъ: первое—то, что красота есть нѣчто существующее само по себѣ, одно изъ проявленій абсолютно совершеннаго—Идеи, Духа, Воли, Бога, и другое—то, что красота есть извѣстнаго рода получаемое нами удовольствіе, не имѣющее цѣли личной выгоды ⁵⁾). Съ одной стороны, красота понимается какъ нѣчто мистическое и очень возвышенное, но, къ сожалѣнію, очень неопредѣленное и потому включающее въ себя и философію, и религію, и самую жизнь, какъ это происходитъ у Шеллинга и Гегеля, и у нѣмецкихъ и французскихъ ихъ послѣдователей; или, съ другой стороны, какъ оно и должно быть признано, по опредѣленію Канта и его послѣдователей, красота есть только получаемое нами особаго рода безкорыстное наслажденіе. И тогда понятіе красоты, хотя и кажется очень яснымъ, къ сожалѣнію, также неточно, потому что расширяется въ другую сторону, а именно

1) *Ib.*, с. 25.

2) *Ib.*, с. 26.

3) *Ib.*, с. 27.

4) *Ib.*, с. с. 34—35.

5) *Ib.*, с. с. 95—96.

включаетъ въ себя и наслажденія отъ питья, ѣды, ощущенія нѣжной кожи и т. п., какъ это признается у Гюйо, Кралика и др. ¹⁾).

Что же такое, въ сущности, это понятіе красоты, котораго такъ упорно для опредѣленія искусства держатся люди нашего круга и времени?

Красотой въ смыслѣ субъективномъ мы называемъ то, что доставляетъ намъ извѣстнаго рода наслажденіе. Въ объективномъ же смыслѣ красотой мы называемъ нѣчто абсолютно совершенное и признаемъ его таковымъ только потому, что получаемъ отъ проявленія этого абсолютно совершеннаго извѣстнаго рода наслажденіе, такъ что объективное опредѣленіе есть ничто иное, какъ только иначе выраженное субъективное. Въ сущности, и то и другое пониманіе красоты сводится къ получаемому нами извѣстнаго рода наслажденію, т. е. что мы признаемъ красотой то, что намъ нравится, не вызывая въ насъ вожелѣнія. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла естественно было бы наукѣ объ искусствѣ не довольствоваться опредѣленіемъ искусства, основаннымъ на красотѣ, т. е. на томъ, что нравится, и искать общаго, приложимаго ко всѣмъ произведеніямъ искусства, опредѣленія ²⁾). Но такого опредѣленія нѣтъ. Вся существующая эстетика состоитъ не въ томъ, чего можно бы ждать отъ умственной дѣятельности, называющей себя наукой,—именно въ томъ, чтобы опредѣлить свойства и законы искусства или прекраснаго, если оно есть содержаніе искусства, или свойства вкуса. если вкусъ рѣшаетъ вопросъ объ искусствѣ и о достоинствѣ его, и потомъ, на основаніи этихъ законовъ, признавать искусствомъ тѣ произведенія, которыя подходятъ подъ эти законы, и откидывать тѣ, которыя не подходятъ подъ нихъ,—а состоитъ въ томъ, чтобы, разъ признавъ извѣстный родъ произведеній хорошими, потому что они намъ нравятся,—составить такую теорію искусства, по которой всѣ произведенія, которыя нравятся извѣстному кругу людей, вошли бы въ эту теорію. Существуетъ художественный канонъ, по которому въ нашемъ кругѣ любимыя произведенія признаются искусствомъ (Фидіасъ, Софокль, Гомеръ, Тиціанъ, Рафаэль, Бахъ, Бетховень, Дантъ, Шекспиръ, Гете и др.), и эстетическія сужденія должны быть таковы, чтобы захватить всѣ эти произведенія ³⁾). Такъ, Фолькельтъ, разсуждая о требованіяхъ нравственнаго въ произведеніяхъ искусства, прямо говорить, что предъявленіе ихъ неправо, на томъ основаніи, что если бы допустить ихъ, то «Ромео

¹⁾ Ib., с. с. 98—99.

²⁾ Ib., с. с. 100—101.

³⁾ Ib., с. с. 103—104.

и Джульета» Шекспира и «Вильгельмъ Мейстеръ» Гете не подошли бы подъ опредѣленіе хорошаго искусства. А такъ какъ и то, и другое входятъ въ канонъ искусства, то требованіе это несправедливо. И потому надо найти такое опредѣленіе искусства, при которомъ эти произведенія подошли бы подъ него, и, вмѣсто требованія нравственнаго, Фолькельтъ ставитъ основой искусства требованіе значительнаго (Bedeutungsvolles) ¹⁾. Такъ что теорія искусства, основанная на красотѣ и изложенная въ эстетикахъ и въ смутныхъ чертахъ исповѣдуемая публикой, есть ничто иное, какъ признаніе хорошимъ того, что нравилось и нравится намъ, т. е. извѣстному кругу людей ²⁾. Если же мы признаемъ, что цѣль какой-либо дѣятельности есть наше наслажденіе, и только по этому наслажденію опредѣляемъ ее, то, очевидно, опредѣленіе это будетъ ложно ³⁾. Точно такъ же, какъ люди, считающіе, что цѣль и значеніе пищи есть наслажденіе, не могутъ узнать настоящаго смысла ѣды, такъ и люди, считающіе цѣлью искусства наслажденіе, не могутъ узнать его смысла и наслажденія, потому что они приписываютъ дѣятельности, имѣющей свой смыслъ въ связи съ другими явленіями жизни, ложную и исключительную цѣль наслажденія ⁴⁾.

2.

Для того, чтобы точно опредѣлить искусство, надо прежде всего перестать смотрѣть на него какъ на средство наслажденія, а разсматривать искусство какъ одно изъ условій человѣческой жизни. Разсматривая же такъ искусство, мы не можемъ не увидѣть, что оно есть одно изъ средствъ общенія людей между собой.

Всякое произведеніе искусства дѣлаетъ то, что воспринимающій вступаетъ въ извѣстнаго рода общеніе съ производившимъ или производящимъ искусство и со всѣми тѣми, которые одновременно съ нимъ, прежде или послѣ него восприняли или воспримутъ то же художественное впечатлѣніе. При помощи слова, рѣчи одинъ человѣкъ передаетъ другому свои мысли, при помощи же искусства люди передаютъ другъ другу свои чувства. Дѣятельность искусства основана на томъ, что человѣкъ, воспринимая слухомъ или зрѣніемъ выраженія чувства другого человѣка, способенъ испытывать то же самое чувство ⁵⁾. Искусство начинается тогда, когда человѣкъ, съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство,

¹⁾ *Ib.*, с. с. 105—106.

²⁾ *Ib.*, с. 108.

³⁾ *Ib.*, с. 109.

⁴⁾ *Ib.*, с. с. 110—111.

⁵⁾ *Ib.*, с. с. 119—120.

снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его ¹⁾. Чувства, самыя разнообразныя, очень сильныя и очень слабыя, очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошия, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя, составляютъ предметъ искусства. Чувство самоотреченія и покорности судьбѣ или Богу, передаваемое драмой; или восторга влюбленныхъ, описываемое въ романѣ; или чувство сладострастія, изображенное на картинѣ; или бодрости, передаваемой торжественнымъ маршемъ въ музыкѣ; или веселья, вызываемаго пляской; или комизма, вызываемаго смѣшнымъ анекдотомъ; или чувство тишины, передаваемое вечернимъ пейзажемъ или убаюкивающей пѣсней,—все это—искусство ²⁾.

Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линий, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ ³⁾. Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучше искусство, какъ искусство, не говоря объ его содержаніи, т. е. независимо отъ достоинства тѣхъ чувствъ, которыя оно передаетъ. Искусство же дѣлается болѣе или менѣе заразительно вслѣдствіе трехъ условій: 1) большей или меньшей особенности, оригинальности, новизны того чувства, которое передается; 2) вслѣдствіе большей или меньшей ясности передачи этого чувства и 3) вслѣдствіе искренности художника, т. е. большей или меньшей силы, съ которою художникъ самъ испытываетъ чувство, которое передаетъ ⁴⁾. Последнее условіе—самое важное, тѣмъ болѣе, что до извѣстной степени оно включаетъ въ себя и два первыя.

Дѣятельность искусства есть дѣятельность очень важная, столь же важная, какъ и дѣятельность рѣчи, и столь же важная, какъ и дѣятельность рѣчи, и столь же распространенная. Мы привыкли понимать подъ искусствомъ только то, что мы читаемъ, слышимъ и видимъ въ театрахъ, концертахъ и на выставкахъ,—

1) *Ib.*, с. с. 122—123.

2) *Ib.*, с. 125.

3) *Ib.*, с. 126.

4) *Ib.*, с. с. 360—361.

зданій, статуи, поэмы, романы... Но все это есть только самая малая доля того искусства, которымъ мы въ жизни общаемся между собой. Вся жизнь человѣческая наполнена произведениями искусства всякаго рода, отъ колыбельной пѣсни, шутки, передразниванія, украшеній жилищъ, одеждъ, утвари—до церковныхъ службъ, торжественныхъ шествій,—все это дѣятельность искусства. Такъ что называемъ мы искусствами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова не всю дѣятельность людскую, передающую чувства, а только такую, которую мы почему-нибудь выдѣляемъ изъ всей этой дѣятельности и которой придаемъ особенное значеніе. Такое особенное значеніе придавали всегда всѣ люди той части этой дѣятельности, которая передавала чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, и эту-то малую часть всего искусства называли искусствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова ¹⁾).

Какъ происходитъ эволюція знаній, т. е. болѣе истинныя, нужныя знанія вытѣсняють и замѣняютъ знанія ошибочныя и ненужныя, такъ точно происходитъ эволюція чувствъ посредствомъ искусства, вытѣсняя чувства низшія, менѣе добрыя и менѣе нужныя для блага людей, болѣе добрыми, болѣе нужными для этого блага. Оцѣнка же чувствъ, т. е. признаніе тѣхъ или другихъ чувствъ болѣе или менѣе добрыми, т. е. нужными для блага людей, совершается религіознымъ сознаніемъ извѣстнаго времени ²⁾). Только на основаніи этого религіознаго сознанія своего времени всегда выдѣлялось изъ всей безконечно разнообразной области искусства то, которое передаетъ чувства, осуществляющія въ жизни религіозное сознаніе даннаго времени. И такое искусство всегда высоко цѣнилось и поощрялось; искусство же, передающее чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія прежняго времени, отсталое, пережитое уже, всегда осуждалось и презиралось. Остальное же все искусство, передающее всѣ самыя разнообразныя чувства, посредствомъ которыхъ люди общаются между собой, не осуждалось и допускалось, если только оно не передавало чувствъ, противныхъ религіозному сознанію. Такъ, на примѣръ, у грековъ выдѣлялось, одобрялось и поощрялось искусство, передававшее чувства красоты, силы, мужества (Гезіодъ, Гомеръ, Фидіасъ), и осуждалось и презиралось искусство, передававшее чувства грубой чувственности, унынія, изнѣженности. У евреевъ выдѣлялось и поощрялось искусство, передававшее чувства преданности и покорности Богу, Его завѣтамъ (нѣкоторыя части книги Бытія, пророки, псалмы),

1) *Ib.*, с. с. 129--131.

2) *Ib.*, с. с. 368--369.

и осуждалось и презиралось искусство, передававшее чувства идо-лопоклонства (золотой телецъ); все же остальное искусство—разсказы, пѣсни, пляски, украшенія домовъ, утвари, одежды,—которое не было противно религіозному сознанию, не сознавалось и не осуждалось вовсе. Такъ расцѣнивалось искусство по своему содержанию всегда и вездѣ, такъ оно и должно расцѣниваться, потому что такое отношеніе къ искусству вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы, а свойства эти не измѣняются ¹⁾.

Христіанское искусство или вызываетъ въ людяхъ тѣ чувства, которыя черезъ любовь къ Богу и ближнему влекутъ ихъ ко все большему и большему единенію, дѣлаютъ ихъ готовыми и способными къ такому единенію; или же вызываетъ въ нихъ тѣ чувства, которыя показываютъ имъ то, что они уже соединены единствомъ радостей и горестей житейскихъ. И потому христіанское искусство нашего времени можетъ быть и есть двухъ родовъ: 1) искусство, передающее чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія, положенія человѣка въ мірѣ, по отношенію къ Богу и ближнему, искусство религіозное, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и 2) искусство, передающее чувства, но такія, которыя доступны всѣмъ людямъ всего міра—искусство житейское, всенародное ²⁾.

Нѣкоторые учителя челоѣчества, какъ Платонъ въ своей «Республикѣ», и первые христіане, и строгіе магометане, и буддисты часто даже отрицали всякое искусство. Они видѣли, до какой степени искусство опасно тѣмъ, что оно заражаетъ людей противъ ихъ воли, и боялись, какъ бы въ число предметовъ искусства не пошлѣли предметы, развращающіе людей, и запрещали его все. Такіе люди, отрицавшіе всякое искусство, очевидно, были неправы, потому что отрицали то, чего нельзя отрицать,—одно изъ необходимыхъ средствъ общенія, безъ котораго не могло бы жить челоѣчество. Но не менѣе неправы люди нашего европейскаго цивилизованнаго общества, круга и времени, допуская всякое искусство, лишь бы только оно служило красотѣ, т. е. доставляло людямъ удовольствіе. Последнее заблужденіе даже гораздо грубѣе и вреднѣе по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ первое ³⁾.

3.

Но какъ же могло случиться, что то самое искусство, которое въ древности или только допускалось, или вовсе отрицалось,

¹⁾ Ib., с. с. 371—373.

²⁾ Ib., с. с. 392—393.

³⁾ Ib., с. с. 131—133.

стало въ наше время считаться всегда хорошимъ, если только оно доставляетъ удовольствіе?

Какъ мы уже говорили, въ основѣ всѣми признаваемого, истиннаго искусства всегда стояла религія. Такъ, въ древности находили свое выраженіе въ искусствѣ еврейская, греческая, римская и другія религіи. Съ появленіемъ христіанства зарождается и распространяется искусство христіанское. Въ средніе вѣка церковное христіанство, удалившееся въ своемъ міросозерпаніи отъ основныхъ и существенныхъ положеній истиннаго христіанства, сущностью своего ученія поставило вѣру въ церковь и постановленія ея ¹⁾. Но художники среднихъ вѣковъ, живя тою же основою чувствъ, церковной религіей, какъ и массы народа, были истинными художниками ²⁾. И такъ это было до того времени, пока не явилось въ высшихъ, богатыхъ, болѣе образованныхъ сословіяхъ европейскаго общества сомнѣніе въ истинности того пониманія жизни, которое выражалось церковью ³⁾. Высшія сословія среднихъ вѣковъ по отношенію къ религіи очутились въ томъ же положеніи, въ которомъ находились образованные римляне передъ появленіемъ христіанства, т. е. не вѣрили болѣе въ то, во что вѣрилъ народъ; сами же не имѣли никакого вѣрованія, которое могли бы поставить на мѣсто отжившаго и потерявшаго для нихъ значеніе языческаго ученія. И вотъ среди этихъ-то людей стало вырастать искусство, расцѣпываемое уже не потому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, а только потому, насколько оно красиво; другими словами—насколько оно доставляетъ наслажденіе ⁴⁾. Люди эти, оставшись безъ всякаго религіознаго пониманія жизни, неволью вернулись къ тому языческому міровоззрѣнію, которое полагаетъ смыслъ жизни въ наслажденіи личности. И совершилось въ высшихъ классахъ то, что называется «возрожденіемъ наукъ и искусствъ» и что въ сущности есть ничто иное, какъ не только отрицаніе всякой религіи, но и признаніе пенужности ея ⁵⁾. Соответственно этому взгляду на искусство составила сама собою среди высшихъ классовъ и эстетическая теорія, оправдывающая такое пониманіе,—теорія, по которой цѣль искусства состоитъ въ проявленіи красоты ⁶⁾.

Но если искусство есть человѣческая дѣятельность, имѣющая

1) *Иб.*, с. 140.

2) *Иб.*, с. 141.

3) *Иб.*, с. 142.

4) *Иб.*, с. с. 143—144.

5) *Иб.*, с. 145.

6) *Иб.*, с. 148.

цѣлью передавать людямъ тѣ высшія и лучшія чувства, до которыхъ дожили люди, то какъ же могло случиться, чтобы человечество извѣстный, довольно длинный періодъ своей жизни—съ тѣхъ поръ, какъ люди перестали вѣрить въ церковное ученіе и до нашего времени—прожило безъ этой важной дѣятельности, а на мѣсто ея довольствовалось ничтожною дѣятельностью искусства, доставляющаго только наслажденіе?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего поправить обычную ошибку, которую дѣлаютъ люди, приписывая нашему искусству значеніе истиннаго, общечеловѣческаго искусства ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ высшія сословія христіанскихъ народовъ потеряли вѣру въ церковное христіанство, искусство высшихъ классовъ отдѣлилось отъ искусства всего народа, и стало два искусства: искусство народное и искусство господское. И потому отвѣтъ на нашъ вопросъ состоитъ въ томъ, что прожило безъ истиннаго искусства не все человечество и даже не значительная часть его, а только высшіе классы христіанскаго европейскаго общества ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, не только двѣ трети человѣческаго рода, всѣ народы Азіи, Африки, живутъ и умираютъ, не зная этого единственнаго высшаго искусства; но, мало этого, въ нашемъ христіанскомъ обществѣ едва-ли одна сотая всѣхъ людей пользуется тѣмъ искусствомъ, которое мы называемъ *искусствомъ* ³⁾.

Всѣ запутанныя, непонятныя теоріи искусства, всѣ ложныя и противорѣчивыя сужденія о немъ, — главное, то самоувѣренное коснѣніе нашего искусства на своемъ ложномъ пути, все это происходитъ отъ этого вошедшаго въ общее употребленіе и принимаемаго за несомнѣнную истину, но поразительнаго по своей очевидной неправдѣ утвержденія, что искусство нашихъ высшихъ классовъ есть все искусство, истинное, единственное всемірное искусство ⁴⁾.

4.

Современное утонченное искусство могло возникнуть только на рабствѣ народныхъ массъ и можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока будетъ это рабство, такъ какъ только при условіи напряженнаго труда рабочихъ, специалисты-писатели, музыканты, танцоры, актеры — могутъ доходить до той утонченной сте-

1) *Иб.*, с. с. 167—168.

2) *Иб.*, с. с. 169—170.

3) *Иб.*, с. 172.

4) *Иб.*, с. 171.

пени совершенства, до которой они доходятъ ¹⁾). Освободите рабовъ капитала, и нельзя будетъ производить такого утонченнаго искусства ²⁾). Огромному большинству всего рабочаго народа наше искусство, недоступное ему по своей дороговизнѣ, чуждо еще и по самому содержанію, передавая чувства людей, удаленныхъ отъ свойственныхъ всему большому человѣчеству условій трудовой жизни. То, что составляетъ наслажденіе для человѣка богатыхъ классовъ, непонятно, какъ наслажденіе, для рабочаго человѣка. Такъ, напримѣръ, чувства чести, патриотизма, влюбленія, составляющія главное содержаніе теперешняго искусства, вызываютъ въ человѣкѣ трудовомъ только недоразумѣніе и презрѣніе или негодованіе ³⁾. Сдѣлавшись исключительнымъ по своему содержанію, искусство становилось вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе сложнымъ, вычурнымъ и неяснымъ со стороны формы. Особенно это ясно въ искусствѣ такъ называемаго декадентства. Въ послѣднее время не только туманность, загадочность, темнота и недоступность для массъ поставлены въ достоинство и условіе поэтичности предметовъ искусства, но и неточность, и неопредѣленность, некрашорѣчивость ⁴⁾. Явилось убѣжденіе о томъ, что искусство можетъ быть искусствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть непонятно массамъ. Но искусство тѣмъ-то и отличается отъ разсудочной дѣятельности, требующей подготовленія и извѣстной послѣдовательности (такъ что нельзя изучать тригонометрію, не зная геометріи), что оно дѣйствуетъ на людей независимо отъ степени ихъ развитія и образованія; что прелесть картины, звуковъ, образовъ заражаетъ всякаго человѣка, на какой бы онъ ни находился степени развитія ⁵⁾.

Становясь все бѣднѣе и бѣднѣе содержаніемъ и все непонятнѣе и непонятнѣе по формѣ, современное искусство въ послѣднихъ своихъ проявленіяхъ утратило даже всѣ свойства искусства и замѣнилось его подобіями ⁶⁾. Художники, для того, чтобы удовлетворить людей высшихъ классовъ, ведущихъ жизнь въ праздности и роскоши и требующихъ неперестающихъ пріятныхъ развлеченій искусствомъ, должны были выработать такіе приемы, посредствомъ которыхъ они могли бы производить предметы, подобные искусству. Приемы эти слѣдующіе: 1) заимствованіе, 2) украшенія, 3) паразитичность и 4) занимательность.

Первый приемъ состоитъ въ томъ, чтобы заимствовать изъ

¹⁾ *Ib.*, с. 175.

²⁾ *Ib.*, с. 176.

³⁾ *Ib.*, с. с. 179—180.

⁴⁾ *Ib.*, с. 200.

⁵⁾ *Ib.*, с. 245.

⁶⁾ *Ib.*, с. 253.

прежнихъ произведеній искусства или цѣлыя сюжеты, или только отдѣльныя черты прежнихъ, всѣмъ извѣстныхъ поэтическихъ произведеній, и такъ передѣлывать ихъ, чтобы они съ нѣкоторыми добавленіями представляли нѣчто новое. Такія черты, называемыя «поэтическими», любимы публикой. 1) Сущность второго приѣма—украшеній — состоитъ въ томъ, чтобы доставить читателю, зрителю, слушателю — наиболѣе пріятныя для чувствъ зрѣнія и слуха впечатлѣнія, соединенныя съ предметомъ, выдаваемымъ за искусство 2). Третій приѣмъ — это воздѣйствіе на внѣшнія чувства, воздѣйствіе часто совершенно физическое,—то, что называется поразительностью, эффектносью. Эффекты эти во всѣхъ искусствахъ состоятъ преимущественно въ контрастахъ 3). Четвертый приѣмъ — занимательность, т. е. умственный интересъ, присоединяемый къ произведенію искусства. Занимательность можетъ заключаться въ запутанной завязкѣ, въ документальности, т. е. обстоятельномъ описаніи какого-либо или историческаго періода, или отдѣльной отрасли современной жизни; наконецъ въ самыхъ приѣмахъ выраженія: какъ стихи и прозу, такъ и картины, и драмы, и музыкальныя пьесы пишутъ такъ, что ихъ надо угадывать какъ ребусы, и этотъ процессъ угадыванія тоже доставляетъ удовольствіе 4)... И «поэтичность» (заимствованіе), и украшенія, и поразительность, и занимательность могутъ встрѣчаться въ произведеніи искусства, но не могутъ замѣнить главнаго свойства искусства—чувства, испытаннаго художникомъ 5). Для того, чтобы человекъ могъ произвести истинный предметъ искусства, нужно много условій, рѣдко соединяющихся въ одномъ лицѣ. Нужно, чтобы человекъ этотъ стоялъ на уровнѣ высшаго для своего времени міросозерцанія, чтобы онъ пережилъ чувство и имѣлъ желаніе и возможность передать его, и при этомъ еще имѣлъ талантливость къ какому-либо роду искусства 6). Для того же, чтобы производить, съ помощью заимствованія, украшеній, эффектносьи и занимательности, подобія искусства, достаточно обладать лишь талантомъ, способностью къ какому-либо роду искусства, что встрѣчается очень часто. А такъ какъ для производства такихъ поддѣлокъ существуютъ въ каждомъ родѣ искусства свои опредѣленныя правила или рецепты, то этихъ поддѣлокъ производится въ наше время огромное количество.

1) *Ib.*, с. с. 255—256.

2) *Ib.*, с. 260.

3) *Ib.*, с. 262.

4) *Ib.*, с. 266.

5) *Ib.*, с. 276.

6) *Ib.*, с. 77.

Производству въ нашемъ обществѣ предметовъ поддѣльнаго искусства содѣйствуютъ еще три условія: 1) значительное вознагражденіе художниковъ и установившаяся вслѣдствіе этого ихъ профессиональность, 2) художественная критика и 3) художественныя школы.

Когда безразличное, не религіозное искусство не поощрялось, не было и поддѣлокъ подъ дѣйствительное искусство. Когда же стало высоко цѣниться и вознаграждаться искусство, доставляющее наслажденіе, такъ тотчасъ же большое количество людей посвятило себя этой дѣятельности, и дѣятельность эта приняла совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ она имѣла прежде, и стала профессіей. вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилось главное и драгоцѣннѣйшее свойство искусства—искренность ¹⁾.

Второе условіе—это возникающая въ послѣднее время художественная критика, т. е. оцѣнка искусства не всѣми и, главное, не простыми людьми, а учеными, т. е. извращенными и вмѣстѣ съ тѣмъ самоувѣренными людьми ²⁾. Нельзя оправдывать необходимость критики тѣмъ, что она будто бы „толкуетъ“ художественныя произведенія. Толковать произведенія художника нельзя. Если бы можно было словами растолковать то, что хотѣлъ сказать художникъ, онъ и сказалъ бы словами ³⁾. Если же произведеніе не заражаетъ людей, то никакія толкованія не сдѣлаютъ того, чтобы оно стало заразительно ⁴⁾. Кромѣ того, мнѣнія авторитетовъ могутъ быть ошибочны или же со временемъ становятся таковыми, а между тѣмъ они принимаются за критерій искусства и обыкновенно не переставая повторяются всѣми другими людьми. Оттого всякое ложное произведеніе, восхваленное критиками, есть дверь, въ которую тотчасъ же врываются лицемеры искусства. Только благодаря критикамъ, восхваляющимъ въ наше время грубыя, дикія и часто бессмысленныя произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, въ особенности Аристофана, или новыхъ—Данта, Тасса, Мильтона, Шекспира; въ живописи—всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его нелѣпымъ „Страшнымъ судомъ“; въ музыкѣ—всего Баха и всего Бетховена съ его послѣднимъ періодомъ,—стали возможны въ наше время Метерлинки, Бодлеры, Верлены, Малларме, Пювисъ де-Шаванны, Клингеры, Бёклины, Штуки, Шнейдеры; въ музыкѣ—Вагнеры, Листы, Берліозы, Брамсы, Ри-

1) *Ib.*, с. 281.

2) *Ib.*, с. 283.

3) *Ib.*, с. с. 284—285.

4) *Ib.*, с. 284.

харды Штраусы и т. п. и вся огромная масса ни на что не нужных подражателей этих подражателей ¹⁾.

Но третье условіе извращенія искусства—школы, обучающія искусствамъ,—едва-ли не еще вреднѣе. Какъ только искусство стало профессіей, явились и профессиональныя школы, въ которыхъ люди избравшіе профессію искусства, стали обучаться его приѣмамъ. Но никакая школа не можетъ вызвать въ человѣкѣ чувство, и еще менѣе можетъ научить человѣка тому, въ чемъ состоитъ сущность искусства: проявлять чувство своимъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ способомъ. Одно, чему можетъ научить школа, это тому, чтобы передавать чувства, испытанныя другими художниками, такъ, какъ ихъ передавали другіе художники. Этому самому учатъ въ школахъ искусства, и обученіе это не только не содѣйствуетъ распространенію истиннаго искусства, но, напротивъ, распространяя поддѣлки подъ искусство, болѣе всего другого лишаетъ способности понимать истинное искусство ²⁾. Страшно становится, какъ подумаешь, что живыя, хорошія, на все доброе способныя дѣти съ раннихъ лѣтъ посвящаются тому, чтобы въ продолженіе 10, 15 лѣтъ, по 6, 8, 10 часовъ въ день, одни—играть гаммы, другія—вывертывать члены, ходить на носкахъ и поднимать ноги выше головы, третьи—пѣть сольфеджіи, четвертыя—всячески ломаясь, произносить стихи, пятые—рисовать съ бюстовъ, съ голой природы, писать этюды, шестыя—писать сочиненія по правиламъ какихъ-то періодовъ, и въ этихъ недостойныхъ человѣка занятіяхъ, продолжаемыхъ часто и долго послѣ полной возмужалости, утрачивать всякую физическую и умственную силу и всякое пониманіе жизни ³⁾.

5.

Распространившіяся въ нашемъ обществѣ въ огромныхъ размѣрахъ, съ одной стороны, поддѣлки подъ искусство, служащія только увеселенію и развращенію людей, а съ другой—произведенія ничтожнаго, исключительнаго искусства, цѣнимаго какъ высшее, извратили въ большинствѣ людей нашего общества способность заражаться истинными произведеніями искусства и тѣмъ лишили ихъ возможности познать тѣ высшія чувства, до которыхъ дожило человѣчество и которыя могутъ быть переданы людямъ только искусствомъ. Таково послѣдствіе отсутствія дѣятельности необходи-

¹⁾ Ib., с. с. 291—292.

²⁾ Ib., с. 296.

³⁾ Ib., с. с. 420—421.

маго органа искусства въ нашемъ обществѣ; послѣдствія же извращенной дѣятельности этого органа еще вреднѣе.

Первое послѣдствіе, бросающееся въ глаза, — это огромная трата трудовъ рабочихъ людей на дѣло не только бесполезное, но большею частью вредное, и кромѣ того невознаградимая трата на это не нужное и дурное дѣло жизней человѣческихъ ¹⁾. Второе послѣдствіе — то, что произведенія искусства-забавы дають возможность богатымъ людямъ нашего времени жить тою, не только неестественной, но противной профессорируемымъ этими самими людьми принципамъ гуманности жизнью ²⁾. Произведенія ложнаго искусства, доставляя празднымъ богатымъ людямъ развлеченіе и забаву, отводятъ имъ глаза отъ безсмысленности ихъ жизни, спасаютъ отъ томящей ихъ скуки ³⁾. Третье послѣдствіе извращенія искусства — это та путаница, которую оно производитъ въ понятіяхъ дѣтей и народа. Дѣти и трудовые люди, видя, какое огромное значеніе приписывается произведеніямъ искусства и какъ почитаются люди искусства, невольно принижаютъ въ своемъ сознаніи значеніе нравственнаго достоинства человѣка и признають ложное, неестественное значеніе за произведеніями искусства. Четвертое послѣдствіе состоитъ въ томъ, что люди высшихъ классовъ, все чаще и чаще встрѣчаясь съ противорѣчіями красоты и добра, ставятъ высшимъ идеаломъ идеаль красоты, освобождая себя этимъ отъ требованій нравственности ⁴⁾. Наконецъ, пятое и самое главное — то, что искусство, которое процвѣтаетъ въ средѣ высшихъ классовъ европейскаго общества, прямо развращаетъ людей посредствомъ зараженія ихъ самымъ дурнымъ и вреднымъ для человѣчества — чувствами суевѣрія, ложнаго патріотизма, а главное сладострастія, описанію и выраженію которыхъ посвящена большая часть всего современнаго искусства ⁵⁾.

Таковы, хотя не все, но самыя вѣрныя послѣдствія того извращенія искусства, которое совершилось въ нашемъ обществѣ ⁶⁾.

Такъ что современное искусство не только не содѣйствуетъ движенію впередъ человѣчества, но едва-ли не болѣе всего другого мѣшаетъ осуществленію добра въ нашей жизни. Поэтому на поставленный нами вначалѣ вопросъ о томъ, справедливо-ли, чтобы искусству приносились тѣ огромныя жертвы и трудами людскими, и жизнями человѣческими, и нравственностью, которыя ему при-

¹⁾ Тамъ же, с. с. 418—420.

²⁾ Тамъ же, с. 423.

³⁾ Тамъ же, с. 425.

⁴⁾ Тамъ же, с. 432.

⁵⁾ Тамъ же, с. с. 436—437.

⁶⁾ Тамъ же, с. 420.

посытятся; получается естественный отвѣтъ: нѣтъ, несправедливо и не должно быть ¹⁾).

6.

Говорятъ про искусство будущаго, подразумѣвая подъ нимъ особенное, утонченное, новое искусство, которое будто бы должно выработаться изъ искусства одного класса общества, которое теперь считается высшимъ. Но такого новаго искусства будущаго не можетъ быть и не будетъ. Наше исключительное искусство высшихъ классовъ христіанскаго міра пришло къ тупику. По тому пути, по которому оно шло, ему дальше идти некуда. Искусство будущаго — то, которое дѣйствительно будетъ, — явится не продолженіемъ теперешняго искусства, а возникнетъ на совершенно другихъ, новыхъ основахъ.

Искусство будущаго, т. е. та часть искусства, которая будетъ выдѣляема изъ всего искусства, распространеннаго между людьми, будетъ состоять не изъ передачи чувствъ, доступныхъ только нѣкоторымъ людямъ богатыхъ классовъ, какъ это происходитъ теперь, а будетъ только тѣмъ искусствомъ, которое осуществляетъ высшее религіозное сознаніе людей нашего времени. Искусствомъ будутъ считаться только тѣ произведенія, которыя будутъ передавать чувства, влекущія людей къ братскому единенію, или такія общечеловѣческія чувства, которыя будутъ способны соединять всѣхъ людей ²⁾. Чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія нашего времени, чувства христіанскія, безконечно новы и разнообразны; только не въ томъ одномъ смыслѣ, какъ это думаютъ нѣкоторые, чтобы изображать Христа и евангельскіе эпизоды или въ новой формѣ повторять христіанскія истины единенія, братства, равенства, любви, — а и въ томъ смыслѣ, что всѣ самыя старыя, обычныя и со всѣхъ сторонъ извѣданныя явленія жизни вызываютъ самыя новыя, неожиданныя и трогательныя чувства, какъ только человѣкъ съ христіанскою точкою зрѣнія относится къ этимъ явленіямъ. Точно такъ же не суживается, а расширяется область содержанія и того искусства будущаго, которое передаетъ чувства житейскія, самыя простыя, всѣмъ доступныя. Художникъ будущаго будетъ понимать, что сочинить сказочку, пѣсенку, которая тронетъ, — прибаутку, загадку, которая забавитъ, — шутку, которая насмѣшитъ, — нарисовать картинку, которая будетъ радовать десятки поколѣній или миллионы дѣтей и

¹⁾ Ib., с. 440.

²⁾ Ib., с. с. 451—453.

взрослыхъ,—несравненно важнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ сочинить романъ, симфонію, или нарисовать картину, которые развлекутъ на короткое время нѣсколько людей богатыхъ классовъ и навѣки будутъ забыты. Область же этого искусства простыхъ, доступныхъ всѣмъ чувствъ—огромна и почти еще не тронута ¹⁾).

И цѣнителемъ искусства, вообще, не будетъ, какъ это происходитъ теперь, отдѣльный классъ богатыхъ людей, а весь народъ. И художниками, производящими искусство, будутъ тоже не такъ, какъ теперь, только рѣдкіе, выбранные изъ малой части всего народа люди, а всѣ тѣ даровитые люди изъ всего народа, которые окажутся способными и склонными къ художественной дѣятельности. Дѣятельность художественная будетъ тогда доступна для всѣхъ людей. Доступна же сдѣлается эта дѣятельность людямъ изъ всего народа потому, что, во-первыхъ, въ искусствѣ будущаго не только не будетъ требоваться та сложная техника, которая обезображиваетъ произведенія искусства нашего времени и требуетъ большого напряженія и траты времени, но будетъ требоваться, напротивъ, ясность, простота и краткость,—тѣ условія, которыя пріобрѣтаются не механическими упражненіями, а воспитаніемъ вкуса. Во-вторыхъ, доступна сдѣлается художественная дѣятельность всѣмъ людямъ изъ народа потому, что вмѣсто теперешнихъ профессиональныхъ школъ, доступныхъ только нѣкоторымъ людямъ, всѣ будутъ въ первоначальныхъ народныхъ школахъ обучаться музыкѣ и живописи (пѣнію и рисованію) наравнѣ съ грамотой, такъ, чтобы всякій человѣкъ, получивъ первыя основанія живописи и музыкальной грамоты, чувствуя способность и призваніе къ какому-либо изъ искусствъ, могъ бы усовершенствоваться въ немъ. Всѣ гениальные художники, теперь скрытые въ народѣ, сдѣлаются участниками искусства и дадутъ образцы совершенства, которые будутъ, какъ всегда, лучшею школой техники для художниковъ.

Въ нашемъ обществѣ думаютъ, что художникъ лучше будетъ работать, больше сдѣлаетъ, если онъ матеріально будетъ обезпеченъ. Мнѣніе это доказало бы еще разъ съ полною очевидностью,—если это нужно было бы еще доказывать,—что то, что среди насъ считается искусствомъ, не есть искусство, а только подобіе его. Обезпеченіе художниковъ въ ихъ матеріальныхъ нуждахъ есть самое губительное для производительности художника условіе, такъ какъ освобождаетъ его отъ свойственныхъ всѣмъ людямъ условій борьбы съ природой для поддержанія своей и другихъ людей жизни и тѣмъ лишаетъ его случая и возможности испытывать самыя

¹⁾ *Ib.*, с. с. 463—466.

важныя и свойственныя людямъ чувства. Художникъ будущаго будетъ жить обычною жизнью людей, зарабатывая свое существованіе какимъ-либо трудомъ. Онъ не пойметъ даже, какъ можетъ художникъ, главная радость котораго состоитъ въ наибольшемъ распространеніи своего произведенія, отдавать свои произведенія только за извѣстную плату.

До тѣхъ поръ, пока не будутъ высланы торговцы изъ храма, храмъ искусства не будетъ храмомъ. Искусство будущаго изгонитъ ихъ ¹⁾.

Назначеніе искусства въ наше время—въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства истину о томъ, что благо людей въ ихъ единеніи между собою, и установить на мѣстѣ царствующаго теперь насилія то Царство Божіе, т. е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшею цѣлью жизни человечества. Можетъ быть, въ будущемъ наука откроетъ искусству еще новыя, высшія идеалы, и искусство будетъ осуществлять ихъ, но въ наше время назначеніе искусства ясно и опредѣленно. Задача христіанскаго искусства—осуществленіе братскаго единенія людей ²⁾.

---

¹⁾ *Ib.*, с. с. 453—461.

²⁾ *Ib.*, с. с. 495—496.

Сочиненія Л. Н. Толстого,

ИМѢВШІЯСЯ ВЪ ВИДУ АВТОРОМЪ ПРИ СОСТАВЛЕНІИ КНИГИ.

I. Рукописи.

- 1) „Объ образованіи“, письмо къ В. Ѳ. Булгакову, 1 мая 1909, 9 стр.
- 2) „О воспитаніи“, 25 мая 1909, 3 стр.
- 3) „О ложной наукѣ“, 1909, 23 стр.
- 4) „Какъ объяснять религію ребенку“, 1909, 5 стр.
- 5) „Письмо студенту о правѣ“, 1909, 9 стр.
- 6) „Докладъ для конгресса мира въ Стокгольмѣ“, 1909, 8 стр.
- 7) „Пора понять“ („Цингизъ — Ханъ“), 1909, 11 стр.
- 8) „Неизбѣжный переворотъ“, 1909, 26 стр.
- 9) „Истинная свобода“, 1909, 6 стр.
- 10) „Единая заповѣдь“, 1909, 24 стр.
- 11) „Номеръ газеты“, 1909, 7 стр.
- 12) „Христіанство и смертная казнь“, 1909, 12 стр.
- 13) „Письмо революціонеру“, 1909, 5 стр.
- 14) „Письмо о смертной казни“, 20 нояб. 1909, 4 стр.
- 15) „Статья въ газеты о ругательныхъ письмахъ“, 1909, 4 стр.
- 16) „Письмо Р-у объ отрицаніи суевѣрій въ религіи“, 1909, 8 стр.
- 17) „Отвѣтъ польской женщины“ (Одной изъ многихъ), 1909, 6 стр.
- 18) „Сонъ“ (О земельномъ рабствѣ), 1909, 12 стр.
- 19) „По поводу отзыва Струве о статьѣ „Неизбѣжный переворотъ“, 1909, 4 стр.
- 20) „Письмо М-у о непротивленіи злу зломъ“, 27 фев. 1909, 4 стр.
- 21) „Что такое государство?“ Письмо. май 1909, 4 стр.
- 22) „Не могу молчать“, 1908, 13 стр.
- 23) „О Молочниковѣ“, 1908, 9 стр.
- 24) „О присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи“ (Отвѣтъ сербѣ), 1908, 19 стр.
- 25) „Письмо къ индусу“, 1908, 13 стр.
- 26) Предисловіе къ альбому картинъ „Русскіе мужики“ Н. Орлова, 1908, 4 стр.
- 27) „Любите другъ друга“, 1907, 8 стр.
- 28) „Привѣтъ отказавшимся“, 2 стр.
- 29) „Наше жизненіеопытаніе“, 7 стр.
- 30) „О Вѣхахъ“, 1909, 6 стр.
- 31) „Письмо японцу о непротивленіи злему пасиліемъ“, 1910, 6 стр.
- 32) „Письмо С-у о религіи“, 1910, 3 стр.

33) Добавленіе къ ст. „О ложной наукѣ“ (По поводу возраженій Шмидта), 1910, 2 стр.

II. Изданія „Свободнаго Слова“, А. и В. Чертковыхъ.

34) „Что такое религія и въ чемъ сущность ея? Christchurch, Hants, England, 1902. 45 стр.

35) „Обращеніе къ русскимъ людямъ: къ правительству, революціонерамъ и народу“, СПб., 1906, 30 стр.

36) „Законъ насилія и законъ любви“, С., Н., Е., 1909, 122 стр.

37) „Церковь и государство“, 13 стр.

38) „Ученіе 12 ти апостоловъ“, 14—30 стр.

39) О противленіи злу зломъ“, 31—46 стр.

40) „Николай Палкинъ“, 75—86 стр.

41) Приложеніе къ „Николаю Палкину“ (Что можно и чего нельзя дѣлать христіанину), 97—104 стр.

42) „Чи мы? (Неоконченная статья), 105—112 стр.

43) „О вѣрахъ“ (Вступленіе къ предполагавшемуся изложенію главныхъ религіозныхъ ученій), 129—135 стр.

44) „Къ молодымъ людямъ“ (Неоконченная статья противъ пьянства), 136—138 стр.

45) „Обращеніе къ людямъ—братьямъ“ (Неоконч. статья), 143—147 стр.

46) „О любви къ Богу и ближнему“ (Письмо къ И. Г.), 148—150 стр.

Статьи 1882—1889 г. г.
С. Н., Е., 1904.

III. Изданіе Гуго Штейница (Hugo Steinitz) въ Берлинѣ.

47) „Рабство нашего времени“, 1901, 111 стр.

V. Изданія Герцика въ СПб. (Перепечатаны съ оригиналовъ „Свободнаго Слова“).

48) „Исповѣдь“ (Вступленіе къ критикѣ догматическаго богословія и изслѣдованію христіанскаго ученія), 53 стр.

49) „Такъ что же намъ дѣлать?“ (Соедин. статей „Какова моя жизнь“, „Деньги“ и „Такъ что же намъ дѣлать?“), 58—270 стр.

50) „Критика догматическаго богословія“, т. 4-й „П. с. с., в. за-гр.“, 1908, 229 стр.

51) „Царство Божіе внутри васъ или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе“, т. 5-й „П. с. с., в. за-гр.“, 1908, 263 стр.

V Изданія „Всемирнаго Вѣстника“ въ СПб. (Перепечатаны съ оригиналовъ „Свободнаго Слова“).

52) „Христіанское ученіе“, 1906, 84 стр.

53) „О половомъ вопросѣ“ (Мысли, собр. В. Г. Чертковымъ), 1906, 77 стр.

- 54) „О смыслѣ жизни“ (Мысли, собр. В. Г. Чертковымъ), 1906, 45 стр.
 55) „Мысли о воспитаніи и обученіи“, 1906, 30 стр.
 56) „О вѣротерпимости“, 1906, 11 стр.
 57) „О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ“ (три письма), 1906, 15 стр

VI. Изданія „Посредника“ въ Москвѣ.

- 58) „Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ евангелій“ Т. 1, 1907, 298 стр. Т. 2, 1908, 307 стр. Т. 3, 1908, 243 стр.
 59) „Кругъ чтенія“ (Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи). Т. 1, 1906, 535 стр. Т. 2, 1908, 604 стр.
 60) „Путь жизни“, 1911, 501 стр.
 61) „Въ чемъ моя вѣра?“ 1906, 200 стр.
 62) „О жизни“, 139 стр.
 63) „Мысли о новомъ жизнепониманіи“ (Извлеч. изъ „Царства Божія“), 144—156 стр. } 1906.
 64) „Для чего мы живемъ?“ (Мысли, собр. В. Г. Чертковымъ), 1906, 47 стр.
 65) „Ученіе Христа, изложенное для дѣтей“, 1909, 98 стр.
 66) „Мысли о Богѣ“, 1906, 31 стр.
 67) „Избранныя мысли о воспитаніи и образованіи“, 1909, 23—78 стр.
 68) „Религія и нравственность“, 1908, 30 стр.
 69) „О значеніи русской революціи“, 1906, 88 стр.
 70) „Единственное возможное рѣшеніе земельнаго вопроса“, 15 стр. } 1907.
 71) Предисловіе къ русскому переводу книги Г. Джорджа „Общественныя задачи“, 16—21 стр. }
 72) „Для чего люди одурманиваются?“ 1906, 32 стр.
 73) „О войнѣ“ (По поводу книги Ершова), 8 стр.
 74) „Первая ступень“ (О вегетаріанствѣ), 1906, 47 стр.
 75) „Письмо къ китайцу“, 1907, 21 стр.
 76) „Недѣланіе“, 1907, 32 стр.
 77) „О самосовершенствованіи“, 8 стр. } 1906.
 78) „О сознаніи духовнаго начала“, 9—11 стр. }
 79) „Противъ толстовства“, 3—4 стр. }
 80) „О Толстовскомъ обществѣ“, 5—7 стр. } 1906.
 81) „Мысли о магомѣтанствѣ, буддизмѣ и христіанствѣ“, 8—11 стр. }
 82) „О вѣрѣ и невѣріи“, 12—15 стр. }
 83) „О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая“, 3—16 стр. } 1906.
 84) „Помощь голоднымъ“, 17—41 стр. }
 85) „Голодь или не голодь“, 50—62 стр. }
 68) „Вѣрьте себѣ“, 1908, 4 стр.
 87) „Требованія любви“, 1909, 8 стр.
 88) „Богу или мамонѣ?“ 1909, 32 стр.

VII. Изданія „Посредника“ и „Обновленія“.

- 89) „Краткое изложение Евангелія“, СПб., 1906, 146 стр.
90) „Что же дѣлать?“ СПб., 1907, 12 стр.

VIII. Изданія „Обновленія“ въ СПб.

- 91) „Христіанство и патриотизмъ“, 71 стр. } 1906.
92) „Письмо о франко-русскомъ союзѣ“, 71—72 стр. }
93) „Конецъ вѣка“ (О предстоящемъ переворотѣ), 1906, 62 стр. }
94) „Единое на потребу“ (О государствѣ), 46 стр. } 1906.
95) „О религіи“ (Отвѣтъ позитивисту), 47—48 стр. }
96) „Приближеніе конца“, 13 стр. }
97) „Письмо къ шведамъ“, 46—53 стр. } 1906.
98) „Кароагенъ долженъ быть разрушенъ“, 54—64 стр. }
99) „Патриотизмъ и правительство“, 1906, 27 стр. }
100) „О христіанствѣ и о воинской повинности“, 1906, 14 стр. }
101) „Объ обществ. движеніи въ Россіи“, 1906, 14 стр. }
102) „Двѣ войны“, 1906, 16 стр. }
103) „Къ политическимъ дѣятелямъ“, 3—26 стр. } 1906.
104) „Письмо къ редактору англійской газеты“, 27—32 стр. }
105) „Гдѣ выходъ?“ (О положеніи рабочаго народа). 1906, 15 стр. }
106) „Обращеніе къ духовенству“, 3—26 стр. } 1906.
107) „О религіозномъ воспитаніи“, 27—31 стр. }
108) „Отвѣтъ Синоду“, 11 стр. }
109) „Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность“, } 1906
114—116 стр.
- 110) „Не убій“, 1906, 8 стр.
111) „Солдатская памятка“, 1906, 8 стр.
112) „Письмо къ фельдфебелю“, 1906, 8 стр.
113) „Офицерская памятка“, 1906, 8 стр.

IX. Изданія Т-ва И. Д. Сытина въ Москвѣ.

- 114) „Что такое искусство?“ 1899, 496 стр.
115) „О Шекспирѣ и о драмѣ“ (Критическій очеркъ), 1907,
116) „Великій грѣхъ“ (О землевладѣніи), 1906, 32 стр.
117) „Ручной трудъ и умственная дѣятельность“
118) „Трудолюбіе или торжество земледѣльца“ (О соч. }
Бондарева) } Изъ сборника
119) „Праздникъ просвѣщенія“ } „Въ чемъ ста-
120) Выдержка изъ письма по поводу возраженій на } тьяе?“ 1903.
статью „Женщинамъ“ }
121) „На каждый день“ (Ученіе о жизни, изложенное въ изрече-
ніяхъ), 1909. Июнь, 63 стр. Июль, 78 стр. Авг., 74 стр. Сѣн., 59 стр.

X. Изданія Максимова въ СПб.

- 122) „О безсмертіи души“ }
123) „Письма къ Л. Е. Оболенскому“ } 1909, 7 стр.

- 124) „Письмо свящ. Соловьеву“
125) „Письмо И. М. Трегубову“
126) „Предисловіе къ ром. Поленца „Крестьянинъ“
127) „О порнографіи“, изъ сборника, 1909, 3 стр.

1909, 10 стр.

XI. Изданіе Дубровскаго въ Москвѣ.

- 128) „Къ вопросу о несопротивленіи злу насиліемъ“,
7—16 стр.
129) „Письмо къ министрамъ внутр. дѣлъ и юстиціи“,
19—27 стр.
130) „Стыдно“, 31—42 стр.
131) „Изъ письма къ В. Г. Черткову о Герцень“

1907.

XII. Изъ „Собранія сочиненій“, изд. въ Москвѣ.

- 132) „О народномъ образованіи“ (1862), 1889, т. 4-й, 1—32 стр.
133) „О методахъ обученія грамотѣ“, *ibid.*, 33—61 стр.
134) „Прозектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“,
ibid., 62—108 стр.
135) „Воспитаніе и образованіе“, *ibid.*, 109—158 стр.
136) „Прогрессъ и опредѣленіе образованія“, *ibid.*, 159—200 стр.
137) „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у
насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ“, *ibid.*, 201—234 стр.
138) „Ясно-Полянская школа за ноябрь и декабрь мѣсяцы“, *ibid.*,
235—372 стр.
139) „О народномъ образованіи“ (1885), *ibid.*, 375—455 стр.
140) Предисловіе къ сборнику „О томъ, въ чемъ правда въ искус-
ствѣ“, т. 13-й, 1890, 211—254 стр.
141) Послѣсловіе къ „Крейцеровой Сонатѣ“, *ibid.*, 625—643 стр.
142) „Къ вопросу о свободѣ воли“ (Извлеченіе изъ „Царства
Божія“), т. 14-й, изд. 1-е, 1898, 415—420 стр.
143) „Письмо Мадзини о безсмертіи“, *ibid.*, 147—150 стр.
144) „Предисловіе къ дневнику Амеля“, *ibid.*, 451—455 стр.
145) соч. Гюи-де-Мопасана“, *ibid.*, 459—482 стр.
146) рассказамъ Семенова“, *ibid.*, 489—491 стр.
147) „ статью Карпентера „Современная наука“,
ibid., 495—504 стр.

XIII. Изъ периодическихъ изданій.

- 148) „Письмо къ православному священнику“, „Своб. Слово“,
Christchurch, Nants, England. 1902, № 2, 3 стр.
149) „Письмо къ французскому пастору“, *ibid.*, 2 стр.
150) „Отношеніе къ правительству и существующему строю“
(Изъ частнаго письма 1896 г. и изъ дневниковъ 1895 г.), *ibid.*, № 3,
4 стр.
151) „Письмо къ дѣятелю по народной школѣ“ (О преподаваніи
катехизиса), *ibid.*, 2 стр.

- 152) „Гаррисонъ и непротивленіе насиліемъ“, *ibid.*, 1904, № 9, 5 стр.
153) „Два письма о православіи“, *ibid.*, № 10, 4 стр.
154) „Письмо къ царю“ (1902), *ibid.*, № 14, 7 стр.
155) „Письмо о гурійскомъ движеніи“, *ibid.*, 1905, № 16.
156) „О Гоголѣ“, „Русское Слово“, Москва, 1909, № 68.
157) „Нѣтъ худа безъ добра“, „Жизнь“, Москва, 1909, № 7.
158) „Письмо къ Л. Андрееву“, „Русск. Вѣдом.“, Москва, 1909, № 69.
159) „Заявленіе объ арестѣ Гусева“, „Русск. Вѣд.“, 1909, 11 авг.
160) „Въ чемъ главная задача учителя?“, „Свободное Воспитаніе“, Москва, № 3 за 1909—10 г.
161) „Три фазиса моей жизни“, „Русское Слово“, 1910, 24 февр.
162) „О самоубійствѣ“, „Русское Слово“, 1910, 7 марта.
163) „Письмо о кооперативномъ движеніи“, „Жизнь для всѣхъ“, СПБ., 1910, № 2.
164) „О значеніи ознакомленія съ основами религіозныхъ ученій“ (Письмо къ В. А. Поссе), „Жизнь для всѣхъ“, 1910, № 3.

XIV. Письма и дневники.

- 165) „Письма“, собр. П. А. Сергѣенко. М., Кн-во „Книга“, 1910, 365 стр.
166) „Письма“, собр. П. А. Сергѣенко. Т. 2 й. М., Кн-во „Книга“, 1911, 311+XXX стр.
167) „Новый сборникъ писемъ“, собр. П. А. Сергѣенко, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. М., Кн-во „Окто“, 1912. 383 стр.
168) „Дневникъ“. Т. 1-й, 1895—1899. М., 1916, 292 стр.

Примѣчаніе. Въ этомъ списокѣ соединены скобкой названія сочиненій, изданныхъ вмѣстѣ, одной книгой. Для рукописей обозначенъ годъ написанія, для книгъ—годъ изданія. Изъ „Круга чтенія“ и „Пути жизни“ я бралъ только мысли, принадлежащія Л. Н. Толстому. Помимо печатнаго текста „Пути жизни“, я пользовался также, въ рукописяхъ, всѣми пропусками, сдѣланными въ книгѣ по цензурнымъ соображеніямъ. Цитаты, заимствованныя изъ книги, исправлены по этимъ пропускамъ. „Любовь“, „Земля и трудъ“ и др. извѣстныя брошюры не помѣчены здѣсь потому, что онѣ представляютъ выдержки изъ основныхъ сочиненій: „Царства Божія“, „О жизни“ и пр. Въ самое послѣднее время вышелъ рядъ новыхъ изданій сочиненій Толстого, особенно запрещавшихся прежде цензурой: таковы изданія Толстовскаго Общества, „Едипенія“ (Москва), „Посредника“ и „Свободной Жизни“ (Петроградъ), „Истинной Свободы“ (Воронежъ), „Съятеля“ (Харковъ) и др. Къ сожалѣнію, по техническимъ условіямъ печатанія книги, я уже лишень былъ возможности сдѣлать всѣ ссылки въ текстѣ именно на эти новые изданія, находящіяся подъ рукой у читателя. Но надо полагать, что эта работа не представитъ затрудненій для него самого. В. Б.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
2	11	спязу	органическаго
7	17	сверху	два полюса
15	1	снизу	не не какое—либо
17	4		выставляемые
25	9		проснушійся
34	12		не любить
40	1	„	внѣшнюю
48	18	сверху	слянія
52	4	снизу	Замледѣльческій
58	1	„	мясоѣденіе
68	4	сверху	<i>отреченіе</i>
96	13	снизу	изъ другихъ
114	17	сверху	катихизиса
172	14	снизу	кости рукъ
191	6	сверху	въ своемъ
216	17	„	смысла и наслажденія

— —

Того же автора:

Себѣ или Гоголю? Рѣчь, предполагавшаяся къ произнесенію на могилѣ Н. В. Гоголя въ день 100-лѣтія со дня его рожденія. Москва. 1909. (Распродано).

Жизнепониманіе Л. Н. Толстого. Въ письмахъ, писавшихся по его порученію. Москва. Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. 1911. (Распродано).

У Л. Н. Толстого въ послѣдній годъ его жизни. Дневникъ. Москва. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. 1911. (Распродано).

Университетъ и университетская наука. Москва. 1911. (Распродано).
